D 5A
190

9(44)
П51 Т72
38

Токвиль.

Барков Бухгалтер
Вернулся домой 24 декабря 1902
Государственная Советская Республика Центральная библиотека Отдел книгохранения Киев
801-15
2499

СТАРЫЙ ПОРЯДОКЪ

и

РЕВОЛЮЦІЯ.

А.1
432
1560 1707
1911 г.
С 58
192
Инв. 2002

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
П. Г. Виноградова.

Изданіе второе.

МОСКВА.
Типографія **А. Г. Кольчугина**, Волхонка, домъ Михалкова
1898.

Публ. Библ. им. В. И. Ленина СССР

58463-0

2014142978

Взамен утр. 23Г-38

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ.

Книга Токвиля о „Старомъ порядкѣ и революціи“ была дважды издана въ переводѣ на русскій языкъ, но эти переводы давно вышли изъ продажи. А между тѣмъ крайне желательно, чтобы названное сочиненіе не было позабыто русской образованной публикой. Оно занимаетъ видное мѣсто среди отборныхъ произведеній европейской мысли. Сорокъ лѣтъ прошло со времени его появленіе, и тѣмъ не менѣе ни одно изъ его основныхъ положеній не устарѣло, оно является попрежнему главной оцѣнкой переворота, совершившагося въ концѣ прошлаго вѣка. Ученые неустанно работали за эти сорокъ лѣтъ надъ обогащеніемъ нашихъ свѣдѣній по „Старому порядку и революціи“, матеріалъ получалъ иногда освѣщеніе съ иныхъ сторонъ, чѣмъ тѣ, которыхъ коснулся Токвиль, и все-таки его книга является лучшимъ введеніемъ къ предмету и лучшимъ сужденіемъ о причинахъ и направленіи революціи.

При бѣгломъ чтеніи „Старый порядокъ“ произведетъ, быть можетъ, не совсѣмъ вѣрное впечатлѣніе. Можетъ показаться, что авторъ болѣе литераторъ, чѣмъ ученый, что его сжатое, изящное, тщательно выработанное и нѣсколько высокопар-

ное изложеніе опирается скорѣе на общія соображенія, чѣмъ на близкое знакомство съ фактами: нѣтъ ссылокъ, не видно никакого ученаго аппарата, только въ прибавленіяхъ находимъ нѣсколько болѣе спеціальный разборъ нѣкоторыхъ вопросовъ, да и тамъ авторъ старается избѣжать подробностей, сообщаетъ лишь примѣры. Но при болѣе внимательномъ изученіи книги, читатель повѣритъ автору, что иная короткая глава стоила годовой работы, и что вся книга является результатомъ „очень большого труда“. Спеціалистамъ приходится сожалѣть, что Токвиль, изъ вниманія къ художественной формѣ, не захотѣлъ сообщить всѣ свои доказательства, но какъ разъ спеціальныя изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ лучше всего показываютъ, какъ глубоко продуманы и тщательно взвѣшены его заключенія. И если избранный авторомъ способъ изложенія лишаетъ насъ возможности провѣрить спеціальныя разысканія, за то законченный трудъ представляетъ, несмотря на свою историческую тему, образецъ политическаго разсужденія: въ немъ нѣтъ ничего лишняго и случайнаго, весь матеріалъ, предлагаемый читателю, использованъ для установленія выводовъ.

Переворотъ 1789-го года былъ для Токвиля не просто крупнымъ событіемъ, возбуждающимъ ученую любознательность, а какъ бы узломъ, въ которомъ сходятся нити прошедшаго и современности. Отъ него приходится начинать всякому, кто хочетъ уразумѣть настоящее положеніе Франціи— и не одной Франціи. Задачи, имѣющія такое значеніе для современнаго быта, представляютъ всегда особыя трудности,

потому что при разрѣшеніи ихъ почти невозможно наблюдать спокойно и разсуждать безпристрастно. По нѣмецкой пословицѣ—никому не дано перепрыгнуть черезъ свою тѣнь, и въ книгѣ Токвиля мы найдемъ не одинъ разъ слѣды его политическихъ взглядовъ. По происхожденію и воспитанію онъ былъ аристократъ, по характеру и убѣжденіямъ—либералъ-индивидуалистъ, и онъ выбралъ темы для своихъ работъ — о демократіи въ Америкѣ и о происхожденіи французской революціи—потому что былъ глубоко заинтересованъ не только теоріей, но и практикой демократическаго движенія и политической свободы. Но хотя бы намъ и показалось иной разъ, что какъ аристократъ и либералъ онъ не совсѣмъ вѣрно понялъ то или другое явленіе, хотя бы въ иныхъ случаяхъ его приговоръ показался слишкомъ строгимъ или объясненіе не вполнѣ достаточнымъ, нельзя не признать, что въ общемъ Токвиль сумѣлъ выдержать отвѣтственную роль ученаго, т. е. судьи. Онъ былъ слишкомъ крупный человѣкъ, чтобы гоняться за мелкими партійными прибылями, и слишкомъ идеалистъ, чтобы на минуту усомниться въ силѣ и пользѣ истины. И насколько можно говорить объ объективности въ историческихъ изслѣдованіяхъ, настолько Токвиль былъ объективенъ—не по холодности ума, а по чувству долга.

Трудно въ такой книгѣ отмѣтить наиболѣе существенные выводы: внимательный читатель найдетъ, что каждая страница вызываетъ на размышленія. Но, можетъ быть, не лишнее напомнить самые общіе вопросы — какъ бы отвлеченныя категоріи,—о которыхъ идетъ рѣчь.

Между „Демократіей въ Америкѣ“ и „Старымъ порядкомъ“, между работой молодости и работой зрѣлаго возраста существуетъ самая тѣсная связь. Въ первомъ сочиненіи авторъ разсматривалъ демократическое движеніе при наиболѣе выгодныхъ условіяхъ и пришелъ къ двумъ главнымъ выводамъ: политическая свобода—вноситъ необходимую примѣсь идеализма въ демократическую жизнь, которая иначе легко можетъ унизиться до грубаго и мелочнаго себялюбія; лучшей опорой политической свободы въ демократіяхъ служитъ децентрализація и мѣстное самоуправленіе.

Въ исторіи Франціи Токвиль изучалъ обратную сторону медали. Революція, написавшая на своемъ знамени — „свобода и равенство“, скоро отказалась отъ перваго девиза, а второй присвоила себѣ Наполеоновская имперія, т. е. демократическая диктатура. Объясненіе нашлось не въ ошибкахъ революціонеровъ и не въ случайныхъ обстоятельствахъ конца прошлаго вѣка, а въ томъ воспитаніи, которое получилъ французскій народъ при Старомъ Порядкѣ. Самыя характерныя условія современной французской жизни были медленно и прочно выработаны ранѣе 1789 года, и „переворотъ“ не измѣнилъ ихъ, а перенесъ въ новую обстановку. Несмотря на множество привилегій и сословныхъ раздѣленій, французское общество XVIII вѣка было уже по существу уравнено, и оставалось только устранить внѣшнія разгородки, чтобы раскрыть это равенство. Если и раздавались жалобы на королевскую власть, зато народъ вполнѣ усвоилъ взглядъ, что о всѣхъ общихъ дѣлахъ должно заботиться централизованное

правительство, и вопросъ о томъ, въ чьихъ рукахъ будетъ правительственная власть, оказался вопросомъ второстепеннымъ. Революція ломала историческую дѣйствительность въ угоду отвлеченнымъ теоріямъ, но могущество отвлеченныхъ теорій сложилось задолго до революціи, въ ту эпоху, когда общество отвыкало отъ всякаго участія въ политической дѣятельности.

Павелъ Виноградовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Предлагаемая книга—не исторія Революціи. Эта исторія была написана слишкомъ блестящимъ образомъ, чтобы ее передѣлывать; моя книга—только этюдъ объ этой революціи.

Въ 1789 году Французы совершили величайшее изъ всѣхъ, когда-либо сдѣланныхъ народами, усилій для того, чтобы отрѣзать себя отъ своего прошедшаго и отдѣлить бездной то, чѣмъ они были, отъ того, чѣмъ они желали быть впредь. Съ этой цѣлью они приняли всевозможныя предосторожности, чтобы не перенести чего-нибудь изъ прошлаго въ свое новое положеніе; они всячески насиловали себя, чтобы сдѣлать себя непохожими на своихъ отцовъ; словомъ, они сдѣлали все, чтобы стать неузнаваемыми.

Я всегда былъ того мнѣнія, что они гораздо менѣе успѣли въ этомъ своеобразномъ предпріятіи, чѣмъ могло казаться со стороны, и чѣмъ сами они думали первоначально. Я былъ убѣжденъ, что, сами того не зная, они удержали изъ стараго порядка бо́льшую часть чувствъ, привычекъ и даже идей, съ помощью которыхъ они вели революцію, разрушившую этотъ порядокъ, и что, сами того не желая, они воспользовались его обломками для постройки зданія новаго общества; такъ что, для того, чтобы хорошо понять и революцію, и ея твореніе, мнѣ было необходимо на мгновеніе забыть Францію, какою мы ее видимъ теперь, и вызвать изъ могилы другую Францію, — ту, которой уже нѣтъ. Это я и попытался сдѣлать въ предлагаемой книгѣ; но оказалось, что моя задача труднѣе, чѣмъ я предполагалъ.

Первые вѣка монархіи, средніе вѣка, возрожденіе были предметомъ громадныхъ трудовъ и очень глубокихъ изслѣдованій, познакомившихъ насъ не только съ фактами, совершившимися тогда, но и съ законами, обычаями, духомъ правительства и націи въ эти различныя эпохи. Никто до сихъ поръ не далъ себѣ труда разсмотрѣть подобнымъ же образомъ и такъ же близко восемнадцатый вѣкъ. Мы воображаемъ, будто намъ очень хорошо знакомо французское общество того времени, потому что ясно видимъ то, что блистало на его поверхности, потому что подробно знаемъ исторію наиболѣе знаменитыхъ личностей, жившихъ тогда, и потому что интересныя и краснорѣчивыя критическія работы довершили наше знакомство съ твореніями великихъ писателей, украшавшихъ то время. Но что касается способа, какимъ велись дѣла, дѣйствительной практики учрежденій, дѣйствительнаго взаимнаго положенія классовъ, что касается положенія и чувствъ тѣхъ классовъ, которыхъ въ то время еще не было ни видно, ни слышно, что касается самой сущности мнѣній и нравовъ,—обо всемъ этомъ мы имѣемъ лишь смутныя и часто ошибочныя представленія.

Я задался мыслью проникнуть въ сердце этого стараго порядка, столь близкаго къ намъ по числу лѣтъ, но заслоняемаго Революціей.

Съ этой цѣлью я не только перечиталъ знаменитыя сочиненія XVIII вѣка; мнѣ хотѣлось изучить тѣ многочисленныя книги, которыя менѣе извѣстны и менѣе заслуживаютъ извѣстности, но, будучи неискусно составлены, тѣмъ явственнѣе, можетъ быть, обнаруживаютъ дѣйствительные инстинкты времени. Я постарался какъ можно лучше ознакомиться со всѣми оффиціальными документами, въ которыхъ Французы могли, при приближеніи Революціи, высказать свои мнѣнія и вкусы. Протоколы Штатовъ и, впослѣдствіи, провинціальныхъ собраній многое выяснили мнѣ въ этомъ отношеніи. Особенно много я извлекъ изъ наказовъ, составленныхъ тремя сословіями въ 1789 г. Эти наказы, оригиналы которыхъ образуютъ длинный рядъ рукописныхъ томовъ, навсегда останутся завѣщаніемъ стараго французскаго общества, послѣднимъ выраженіемъ его желаній, подлиннымъ заявленіемъ его послѣдней роли. Этотъ документъ—единственный въ исторіи. Но я не удовольствовался имъ.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ государственная администрація пріобрѣла могущество, появляется мало такихъ идей, желаній и страданій, встрѣчается мало интересовъ и страстей, которые раньше или позже не обнажились бы предъ нею. Посѣщая архивы этой администраціи, мы не только пріобрѣтемъ очень точное знакомство съ ея дѣйствіями,—передъ нами откроется вся жизнь страны. Иностранецъ, которому бы выдали сегодня всѣ конфиденціальныя корреспонденціи, наполняющія картоны министерства внутреннихъ дѣлъ и префектуръ, скоро зналъ бы о насъ больше, чѣмъ знаемъ мы сами. Въ XVIII вѣкѣ государственная администрація была уже, какъ увидитъ читатель этой книги, очень централизована, очень могущественна, необычайно дѣятельна. Она безпрестанно помогала, препятствовала, дозволяла. Она многое могла обѣщать и многое дать. Она уже вліяла тысячами способовъ не только на общій ходъ дѣлъ, но и на судьбу семействъ и на частную жизнь каждаго отдѣльнаго лица. Вдобавокъ, она была чужда гласности, вслѣдствіе чего люди не боялись открывать ея глазамъ самыя тайныя свои затрудненія и бѣды. Я употребилъ очень много времени на изученіе того, что намъ осталось отъ нея частью въ Парижѣ, частью въ различныхъ провинціяхъ *).

При этомъ, какъ я и ожидалъ, Старый Порядокъ предсталъ предо мною, какъ живой, со всѣми своими идеями, страстями, предразсудками и обычаями. Здѣсь каждый высказывался, не стѣсняясь и открывая свои завѣтнѣйшія мысли. Такимъ образомъ я пріобрѣлъ о старомъ обществѣ много свѣдѣній, которыхъ не было у современниковъ, потому что у меня передъ глазами было то, что никогда не открывалось ихъ взорамъ.

---

*) Преимущественно я пользовался архивами нѣкоторыхъ большихъ интендантствъ, особенно—Турскимъ, который очень полонъ и относится къ очень обширному округу, расположенному въ центрѣ Франціи и населенному милліономъ жителей. — Здѣсь я считаю долгомъ выразить признательность молодому и свѣдущему архиваріусу, завѣдующему этими архивами, г. Гранмезону.—Другіе округа, и между прочимъ округъ Ильде-Франса, показали мнѣ, что подобнымъ-же образомъ дѣло происходило въ большей части королевства.

Подвигаясь впередъ въ этомъ изслѣдованіи, я удивлялся, встрѣчая на каждомъ шагу во Франціи того времени огромное количество чертъ, поражающихъ насъ въ современной Франціи. Я находилъ множество понятій, которыя раньше считалъ порожденіемъ Революціи, множество идей, исходившихъ, какъ мнѣ казалось, отъ нея одной, тысячу привычекъ, которыя, по общему мнѣнію, дала намъ только она; я повсюду находилъ корни современнаго общества глубоко вросшими въ эту старую почву. Чѣмъ больше я приближался къ 1789 году, тѣмъ явственнѣе различалъ тотъ духъ, подъ дѣйствіемъ котораго революція образовалась, родилась и росла. Мало по-малу передъ моими глазами открылась вся физіономія этой революціи. Она уже заявляла свой темпераментъ, свой геній; это была она сама. Я находилъ не только основные мотивы того, что ей предстояло сдѣлать при своемъ первомъ усиліи, но еще болѣе,—указанія на то, что̀ ей суждено было создать надолго; потому что Революція имѣла два фазиса, весьма отличныхъ другъ отъ друга: первый, въ теченіе котораго Французы, казалось, хотѣли все уничтожить въ своемъ прошломъ, и второй, когда они изъ прошлаго снова берутъ часть того, что̀ покинули. Есть большое количество законовъ и привычекъ стараго порядка, которые такимъ образомъ внезапно исчезаютъ въ 1789 г. и снова показываются нѣсколько лѣтъ спустя, какъ нѣкоторыя рѣки скрываются подъ землею, чтобы вновь появиться немного далѣе и показать тѣ-же воды новымъ берегамъ.

Непосредственная задача сочиненія, которое я предлагаю вниманію публики, состоитъ въ томъ, чтобы объяснить, почему эта великая революція, подготовлявшаяся одновременно почти на всемъ материкѣ Европы, вспыхнула у насъ раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; почему она какъ будто сама собой вышла изъ общества, которое ей предстояло разрушить, и, наконецъ,—какъ могла старая монархія пасть такъ окончательно и такъ внезапно.

Но этимъ я не думаю ограничить предпринятый мною трудъ. Я намѣренъ, если достанетъ времени и силъ, чрезъ всѣ превратности этой длинной революціи прослѣдить тѣхъ самыхъ Французовъ, съ которыми мы на такой короткой

ногѣ жили при Старомъ Порядкѣ, и которыхъ этотъ Старый Порядокъ вскормилъ, прослѣдить, какъ они видоизмѣняются и преобразуются сообразно событіямъ, но однакоже остаются вѣрными своей природѣ и постоянно вновь появляются предъ нами съ нѣсколько отличной, но всегда узнаваемой физіономіею.

Сначала я мысленно пробѣгу вмѣстѣ съ ними первоначальную эпоху 89 года, ту эпоху, когда равенство и свобода одинаково дороги ихъ сердцу; когда они хотятъ создать не только демократическія, но и свободныя учрежденія; не только разрушить привилегіи, но признать и санкціонировать права; время молодости, энтузіазма, гордости, великодушныхъ и искреннихъ страстей,—время, память о которыхъ, несмотря на всѣ его ошибки, люди сохраняютъ навсегда, и которое еще очень долго будетъ тревожить сонъ всѣхъ тѣхъ, кто захочетъ подкупить или поработить ихъ.

Быстро проходя по слѣдамъ этой революціи, я постараюсь показать, какими событіями, какими ошибками и разочарованіями тѣ-же Французы были приведены къ тому, что покинули свою первоначальную цѣль и, забывъ о свободѣ, пожелали сдѣлаться только равными рабами властителя міра; какимъ образомъ, затѣмъ, правительство, болѣе сильное и гораздо болѣе абсолютное, чѣмъ то, которое было низвергнуто Революціей, захватываетъ и сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ виды власти, подавляетъ всѣ вольности, купленныя такой дорогой цѣною, и ставитъ на ихъ мѣсто пустые призраки, называя верховенствомъ народа голосованія избирателей, не имѣющихъ возможности ни сноситься, ни вступать между собою въ соглашенія, ни выбирать, называя свободнымъ вотированіемъ налога — изъявленіе согласія со стороны безмолвныхъ или порабощенныхъ собраній; и какъ это правительство, лишая націю всѣхъ средствъ самоуправленія, отнимая у нея основныя гарантіи права, свободу мысли, слова и печати, т. е. все, что было самаго драгоцѣннаго и благороднаго въ побѣдахъ 89 г., всё-таки украшаетъ себя великимъ именемъ этой эры.

Я доведу свое изслѣдованіе до того момента, когда революція, по моему мнѣнію, приблизительно заканчиваетъ

свое дѣло и даетъ начало новому обществу. Тогда я приступлю къ разсмотрѣнію этого общества; я постараюсь различить, въ чемъ оно похоже на предшествующее и въ чемъ отлично отъ него, что мы потеряли въ этой громадной всеобщей смутѣ и что выиграли въ ней, и наконецъ, попытаюсь предсказать наше будущее.

Часть этого второго труда набросана вчернѣ, но еще не достойна быть представленной публикѣ. Суждено-ли мнѣ ее окончить? Кто можетъ это сказать? Судьба отдѣльныхъ лицъ еще гораздо темнѣе судьбы народовъ.

Я надѣюсь, что настоящая книга написана безъ предразсудковъ, но не буду утверждать, что она написана безстрастно. И едва-ли позволительно французу ничего не чувствовать, когда онъ говоритъ о своей странѣ и думаетъ о своемъ времени. Итакъ, я сознаюсь, что, изучая наше старое общество во всѣхъ его частяхъ, я никогда вполнѣ не терялъ изъ виду современнаго общества. Я желалъ уяснить себѣ не только недугъ, отъ котораго погибъ больной, но и тѣ условія, при которыхъ онъ могъ избѣгнуть смерти. Я поступалъ подобно тѣмъ медикамъ, которые въ каждомъ погибшемъ органѣ стараются уловить законы жизни. Моею цѣлью было нарисовать такую картину, которая была-бы строго точна и въ то-же время могла бы сдѣлаться поучительною. И вотъ, каждый разъ, когда я встрѣчалъ у нашихъ отцовъ какую-нибудь изъ тѣхъ чертъ доблести, которыя намъ всего необходимѣе, и которыхъ у насъ теперь почти вовсе нѣтъ, — напримѣръ, истинный духъ независимости, любовь ко всему великому, вѣру въ себя и въ дѣло, — я ихъ подчеркивалъ; и точно также, встрѣчая въ идеяхъ, въ законахъ, въ нравахъ того времени слѣды тѣхъ пороковъ, которые, погубивъ старое общество, разъѣдаютъ насъ и теперь, я старался ярче освѣтить ихъ, для того, чтобы, видя ясно зло, уже причиненное намъ, мы лучше могли понять тотъ вредъ, который они все еще могутъ намъ принести.

Я сознаюсь, что меня не останавливала боязнь оскорбить то или другое лицо или классъ общества, тѣ или другія мнѣнія или воспоминанія, какъ бы они ни были почтенны, если это оказывалось необходимымъ для выполненія моей задачи.

Я дѣлалъ это часто съ сожалѣніемъ, но всегда—безъ угрызеній совѣсти. Пусть тѣ, кому я такимъ образомъ могъ быть непріятенъ, извинятъ меня въ виду той безкорыстной и честной цѣли, къ которой я стремлюсь.

Многіе, можетъ быть, обвинятъ меня, въ томъ, что я въ этой книгѣ выказываю совершенно несвоевременную любовь къ свободѣ, до которой, какъ меня увѣряютъ, никому теперь нѣтъ дѣла во Франціи.

Я только попрошу тѣхъ, кто предъявитъ мнѣ этотъ упрекъ, принять во вниманіе, что такая склонность существуетъ у меня очень давно. Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, говоря о другомъ обществѣ, я писалъ почти дословно то же, что̀ читатель найдетъ въ этой книгѣ.

Въ сумракѣ будущаго можно уже открыть три очень ясныя истины. Первая изъ нихъ—та, что всѣ современные люди увлечены какою-то невѣдомою силой, которую можно надѣяться урегулировать и замедлить, но не побѣдить, и которая то медленно толкаетъ, то съ силой мчитъ ихъ къ уничтоженію аристократіи; вторая—та, что изъ всѣхъ обществъ въ мірѣ всего труднѣе будетъ надолго избѣгнуть абсолютнаго правительства тѣмъ, въ которыхъ аристократіи уже нѣтъ и не будетъ; наконецъ, третья истина состоитъ въ томъ, что нигдѣ деспотизмъ не ведетъ къ болѣе гибельнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ въ такихъ именно обществахъ; потому что въ нихъ онъ больше, чѣмъ всякій другой родъ правительства, способствуетъ развитію всѣхъ пороковъ, которымъ эти общества спеціально подвержены, и такимъ образомъ толкаетъ ихъ въ ту самую сторону, куда, слѣдуя природному влеченію, они уже склонялись.

Въ нихъ люди, уже не связанные другъ съ другомъ ни кастой, ни сословіемъ, ни корпораціей, ни родомъ, слишкомъ склонны заботиться только о своихъ частныхъ интересахъ и, всегда занятые только собою, погрязаютъ въ узкомъ индивидуализмѣ, который заглушаетъ всякую общественную добродѣтель. Деспотизмъ не только не противодѣйствуетъ этой склонности, но дѣлаетъ ее непобѣдимою, потому что онъ отнимаетъ у гражданъ всякую общую имъ страсть, всякую надобность другъ въ другѣ, всякую необходимость взаимнаго

пониманія, всякій поводъ къ совмѣстной дѣятельности; онъ, такъ сказать, закупориваетъ ихъ въ частной жизни. Они уже стремились раздѣлиться: онъ совершенно разобщаетъ ихъ; они начали охладѣвать другъ къ другу: онъ ихъ обращаетъ въ ледъ.

Въ обществахъ демократическихъ, гдѣ нѣтъ ничего прочнаго, каждый ежеминутно терзается страхомъ быть оттѣсненнымъ внизъ и страстнымъ желаніемъ подняться повыше; и такъ какъ деньги, ставъ главнымъ признакомъ, раздѣляющимъ людей и отличающимъ ихъ другъ отъ друга, въ то же время пріобрѣли необычайную подвижность, безпрестанно переходятъ изъ рукъ въ руки, преобразуютъ общественное положеніе людей, возвышая или принижая семьи, — въ такихъ обществахъ не существуетъ почти никого, кто не былъ-бы вынужденъ дѣлать отчаянныя и постоянныя усилія съ цѣлью сберечь или пріобрѣсти деньги. Такимъ образомъ желаніе богатства во что бы то ни стало, исканіе прибыльныхъ аферъ, страсть къ барышу, погоня за благосостояніемъ и матеріальными наслажденіями являются въ такихъ обществахъ самыми обычными страстями. Здѣсь эти страсти свободно распространяются во всѣхъ классахъ, проникая даже въ тѣ изъ нихъ, которымъ онѣ раньше были наиболѣе чужды, и, если предоставить имъ волю, въ короткое время могли бы совершенно разслабить и развратить націю. Природѣ же деспотизма свойственно содѣйствовать ихъ развитію и распространенію. Эти разслабляющія страсти служатъ ему пособницами; онѣ отвлекаютъ вниманіе и занимаютъ воображеніе людей вдали отъ общественныхъ дѣлъ и заставляютъ ихъ дрожать при одной мысли о революціи. Одинъ деспотизмъ можетъ доставить имъ убѣжище и мракъ, дающіе просторъ алчности и дозволяющіе наживать безчестные барыши, не огорчаясь безчестьемъ. При отсутствіи деспотизма эти страсти были бы сильны; подъ его сѣнью онѣ господствуютъ.

Одна свобода можетъ въ такихъ обществахъ успѣшно бороться съ свойственными имъ пороками и удержать эти общества на наклонной плоскости, по которой они скользятъ. И въ самомъ дѣлѣ, она одна можетъ извлечь гражданъ изъ того состоянія изолированности, въ которомъ удерживаетъ ихъ

самая матерьяльная обезпеченность, и заставить ихъ приблизиться другъ къ другу, она согрѣетъ ихъ душу и ежедневно будетъ ихъ соединясь необходимостью понять, убѣдить другъ друга и нравиться другъ другу при выполненіи общаго дѣла. Она одна способна оторвать ихъ отъ денежнаго культа и отъ мелкой будничной сутолоки частныхъ дѣлъ, чтобы заставить ихъ ежеминутно чувствовать свою связь съ отечествомъ; она одна отъ времени до времени на мѣсто погони за матеріальною обезпеченностью ставитъ болѣе энергичныя и возвышенныя стремленія, доставляетъ честолюбію болѣе значительныя цѣли, чѣмъ пріобрѣтеніе богатствъ, и творитъ свѣтъ, дающій возможность видѣть и судить пороки и добродѣтели людей.

Демократическія общества, лишенныя свободы, могутъ отличаться богатствомъ, изысканностью, блескомъ, даже великолѣпіемъ, могутъ быть сильны вѣсомъ своей однородной массы; въ нихъ можно встрѣтить качества, украшающія частную жизнь,—можно встрѣтить хорошихъ отцовъ семейства, честныхъ торговцевъ и весьма почтенныхъ собственниковъ; мы найдемъ въ нихъ даже добрыхъ христіанъ, потому что отчизна христіанъ — не отъ міра сего, и христіанство славно тѣмъ, что порождало истинно религіозныхъ людей среди величайшей испорченности нравовъ и при самыхъ худшихъ правительствахъ: Римская имперія, въ эпоху своего крайняго упадка, была полна ими. Но въ средѣ подобныхъ обществъ,— говорю смѣло, — никогда не окажется великихъ гражданъ и тѣмъ менѣе—великаго народа, и я не боюсь утверждать, что общій уровень сердецъ и умовъ никогда не перестанетъ понижаться, пока равенство и деспотизмъ будутъ соединены въ нихъ.

Вотъ что я думалъ и говорилъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Признаюсь, съ тѣхъ поръ ничего не случилось въ мірѣ такого, что заставляло бы меня думать и говорить иначе.

Такъ какъ свое хорошее мнѣніе о свободѣ я высказывалъ, когда она была въ милости, — надѣюсь, не покажется предосудительнымъ, что я упорствую въ этотъ мнѣніи теперь, когда свободу отвергаютъ.

Притомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что даже въ этомъ отношеніи я меньше расхожусь съ большинствомъ своихъ противниковъ, чѣмъ сами они, можетъ быть, предполагаютъ. Гдѣ тотъ человѣкъ, который отъ природы былъ бы такъ низокъ душою, что, считая націю способной сдѣлать хорошее употребленіе изъ своей свободы, предпочтетъ зависѣть отъ чужого усмотрѣнія и каприза, а не слѣдовать законамъ, въ установленіи которыхъ онъ самъ принималъ бы участіе? Я думаю, что такого человѣка не существуетъ. Сами деспоты не отрицаютъ того, что свобода прекрасна; только они желаютъ ее для себя однихъ и увѣряютъ, что всѣ остальные люди совершенно недостойны ея. Слѣдовательно, предметъ разногласія заключается не въ томъ, какого мнѣнія надо быть о свободѣ, а въ болѣе или менѣе высокой оцѣнкѣ людей; и можно съ полнымъ правомъ сказать, что расположеніе, обнаруживаемое къ абсолютному правительству, находится въ точномъ соотвѣтствіи съ презрѣніемъ, испытываемымъ къ родной странѣ. Я попрошу позволенія повременить еще немного, прежде чѣмъ проникнусь сознаніемъ законности этого чувства.

Я могу, кажется, сказать безъ похвальбы, что книга, которую я предлагаю въ настоящую минуту читателямъ, представляетъ результатъ очень большого труда. Найдутся въ ней коротенькія главы, которыя стоили мнѣ по году изысканій, и больше. Я могъ бы наводнить примѣчаніями нижнюю половину моихъ страницъ, но я предпочелъ привести лишь немногія и помѣстить ихъ въ концѣ тома съ указаніемъ страницъ текста, къ которымъ они относятся. Въ нихъ читатель найдетъ примѣры и доказательства. Я не откажусь представить ихъ въ большемъ количествѣ, если эта книга покажется кому-нибудь стоящей того, чтобы ихъ потребовать.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Противорѣчивыя сужденія, произнесенныя о революціи при ея возникновеніи.

Ничто съ такимъ успѣхомъ не можетъ напомнить о скромности философамъ и государственнымъ людямъ, какъ исторія нашей Революціи; потому что никогда не бывало событій болѣе крупныхъ, такъ долго созрѣвавшихъ, лучше подготовленныхъ и менѣе предвидѣнныхъ.

Самъ Фридрихъ Великій, несмотря на свой геній, ея не предчувствуетъ. Онъ соприкасается съ Революціей, и не видитъ ее. Мало того: онъ заранѣе дѣйствуетъ въ ея духѣ; онъ—ея предвѣстникъ и уже, такъ сказать, ея агентъ, но онъ ее совершенно не узнаетъ при ея приближеніи; и когда Революція, наконецъ, показывается, новыя и необыкновенныя черты, которымъ предстоитъ отмѣтить ея физіономію среди безчисленнаго множества другихъ революцій, первоначально ускользаетъ отъ его взгляда.

Извнѣ она является предметомъ вниманія для всего міра; повсюду она зарождаетъ въ умѣ народовъ какую-то неясную догадку, что готовятся новыя времена, смутныя чаянія перемѣнъ и реформъ; но никто еще и не подозрѣваетъ того, чѣмъ она должна быть. У государей и ихъ министровъ нѣтъ даже того смутнаго предчувствія, которое волнуетъ народы при видѣ ея. Они видятъ въ ней первоначально не больше, какъ одну изъ тѣхъ періодическихъ болѣзней, которымъ

подверженъ государственный строй каждаго народа, и единственное послѣдствіе которыхъ состоитъ въ томъ, что онѣ открываютъ новыя поприща политикѣ сосѣдей. Если государственнымъ людямъ случалось обмолвиться правдой о ней, они сами не знали, что говорятъ правду. Хотя главные государи Германіи, собравшись въ Пильницѣ въ 1791 г., объявляютъ, что опасность, угрожающая королевской власти во Франціи, общa всѣмъ старымъ правительствамъ Европы, и что всѣ принимаютъ на свой счетъ угрозы, сдѣланныя ей, но, въ сущности, ничему этому они не вѣрятъ. Секретные документы того времени показываютъ, что для этихъ людей то были только искусно придуманные предлоги, которыми они прикрывали свои намѣренія въ глазахъ толпы.

Въ душѣ они твердо увѣрены, что Французская Революція — мѣстная и преходящая случайность, которою нужно только умѣть воспользоваться съ выгодой для себя. Съ этой цѣлью они составляютъ планы, дѣлаютъ приготовленія, заключаютъ тайные союзы; они спорятъ между собой въ виду близкой добычи; расходятся и сближаются, приготовляются почти ко всему, за исключеніемъ того, что̀ въ дѣйствительности должно произойти.

Англичане, которымъ память о собственной исторіи и долговременное пользованіе политической свободой сообщаютъ больше пониманія и опытности, различаютъ, точно сквозь густую завѣсу, приближающійся образъ великой революціи; но они не могутъ разглядѣть ея очертаній и не предвидятъ того дѣйствія, которое ей вскорѣ предстоитъ оказать на судьбы міра и на ихъ собственную судьбу. Артуръ Юнгъ, совершившій путешествіе по Франціи въ моментъ, предшествовавшій взрыву революціи, и не сомнѣвающійся въ ея близости, такъ мало догадывается о размѣрахъ ея дѣйствія, что ему приходитъ въ голову вопросъ, не приведетъ ли она въ результатѣ къ усиленію привилегій. „Что касается дворянства и духовенства“, говоритъ онъ, „то, если бы эта революція еще усилила ихъ преобладаніе, я думаю, что она принесла бы больше вреда, чѣмъ пользы“.

Проницательность Бёрка обострилась ненавистью, которую революція внушила ему съ самаго своего зарожденія,—но

даже Бёркъ нѣкоторое время остается въ нерѣшительности при видѣ ея. Первое, что онъ предсказываетъ о ней, это, что Франція будетъ ею обезсилена и какъ-бы уничтожена. „Надо думать“, говоритъ онъ, „что надолго военныя способности Франціи угасли; возможно даже, что онѣ угасли навсегда, и что люди послѣдующаго поколѣнія будутъ въ правѣ повторить древнее изреченіе: Gallos quoque in bellis floruisse audivimus (Мы слышали, что и Галлы блистали нѣкогда военными доблестями).

На близкомъ разстояніи отъ событія о немъ судятъ не лучше, чѣмъ издали. Во Франціи наканунѣ того дня, когда вспыхнула Революція, никто еще въ точности не догадывался о томъ, что̀ ей предстояло совершить. Среди множества наказовъ я нахожу только два, въ которыхъ обнаруживается нѣкоторый страхъ передъ народомъ. Въ другихъ высказывается боязнь, что королевская власть, дворъ, какъ его еще продолжаютъ называть, сохранитъ свое преобладаніе. Слабость и кратковременность Генеральныхъ Штатовъ возбуждаютъ безпокойство. Существуютъ опасенія, что надъ ними совершатъ насиліе. Особенно боится этого дворянство. „Швейцарскія войска“, читаемъ мы во многихъ наказахъ, „должны присягнуть, что никогда не поднимутъ оружія противъ гражданъ, даже въ случаѣ мятежа или возмущенія“. Пусть Генеральные Штаты будутъ свободны и всѣ злоупотребленія безъ труда будутъ уничтожены; предстоящая реформа громадна, но совершить ее легко.

Между тѣмъ, Революція растетъ: по мѣрѣ того, какъ приподнимается голова чудовища, и его странная и грозная физіономія становится видна, по мѣрѣ того, какъ Революція, уничтоживъ политическія учрежденія, принимается за разрушеніе гражданскаго порядка, вслѣдъ за законами передѣлываетъ нравы, обычаи и даже языкъ; когда, разрушивъ правительственный механизмъ, она колеблетъ основанія общества и, повидимому, готова, наконецъ, приняться за самого Бога; когда, спустя короткое время, та же революція разливается за предѣлы Франціи, неся съ собой свои никогда невиданные пріемы, новую тактику, человѣкоубійственные принципы, свои, по выраженію Питта, „вооруженныя“ мнѣнія, съ неслы-

ханной силой разбивая заставы имперій, сокрушая короны, попирая народы и,—странное дѣло!—въ то же время располагая ихъ въ свою пользу, — по мѣрѣ того, какъ все это происходитъ, точка зрѣнія измѣняется. То, что прежде казалось государямъ и государственнымъ людямъ Европы обыкновенной случайностью въ жизни народовъ, является теперь фактомъ такимъ новымъ, такъ рѣзко противорѣчащимъ всему, что раньше совершалось въ мірѣ, и въ то же время такимъ всеобщимъ, чудовищнымъ и непостижимымъ, что при видѣ его человѣческая мысль останавливается въ смущеніи. Одни думаютъ, что эта невѣдомая сила, которую ничто, повидимому, не питаетъ и ничто не ослабляетъ, которая ничѣмъ не можетъ быть остановлена извнѣ и сама не можетъ остановиться,—доведетъ человѣческія общества до полнаго и конечнаго распаденія. Многіе считаютъ ее видимымъ дѣйствіемъ діавола на землѣ. „Французская Революція имѣетъ сатаническій характеръ“, говоритъ г. Де-Мэтръ въ 1797 г. Другіе, наоборотъ, открываютъ въ ней благодѣтельное предначертаніе Бога, вознамѣрившагося обновить не только лицо Франціи, но и лицо міра, и создать, въ извѣстномъ отношеніи, новое человѣчество. У многихъ писателей того времени высказывается нѣчто въ родѣ того религіознаго ужаса, который испытывалъ Сальвіанъ при видѣ варваровъ. — Бёркъ, возвращаясь къ своей мысли, восклицаетъ: „Лишенная своего стариннаго правительства или, вѣрнѣе, всякаго правительства, Франція, казалось, скорѣе должна была сдѣлаться предметомъ поношенія и жалости, чѣмъ бичомъ и страшилищемъ человѣческаго рода. Но изъ могилы этой злодѣйски умерщвленной монархіи вышло уродливое огромное существо, самое ужасное изъ всѣхъ, когда-либо угнетавшихъ и покорявшихъ воображеніе людей. Это отвратительное и странное существо идетъ прямо къ своей цѣли, не страшась ни погибели, ни угрызеній совѣсти; презирая всѣ общепринятыя правила и обыкновенныя средства, оно поражаетъ всѣхъ тѣхъ, кто не можетъ даже понять, какимъ образомъ оно существуетъ“.

Дѣйствительно-ли это событіе такъ необычайно, какъ оно казалось нѣкогда современникамъ? Дѣйствительно-ли оно было

такимъ разрушительнымъ и обновляющимъ, какъ они предполагали? Каковъ былъ истинный смыслъ, истинный характеръ, каковы прочные результаты этой странной и грозной революціи? Что̀ именно она разрушила? Что создала?

Мнѣ кажется, что наступило время изслѣдовать и разрѣшить эти вопросы, и что мы теперь находимся на той именно точкѣ, съ которой можно наилучшимъ образомъ видѣть этотъ важный предметъ и судить о немъ. Мы достаточно удалены отъ Революціи, чтобы лишь въ слабой степени ощущать тѣ страсти, которыя волновали жизнь людей, участвовавшихъ въ ней, но мы еще настолько близки къ ней, что можемъ представить себѣ и понять породившій ее духъ. Скоро уже будетъ трудно сдѣлать это; потому что великія революціи, увѣнчавшись успѣхомъ и заставивъ исчезнуть причины, породившія ихъ, становятся такимъ образомъ непонятными, именно благодаря своимъ успѣхамъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О томъ, что основною и конечною цѣлью Революціи не было, какъ это думали, разрушеніе религіозной и обезсиленіе политической власти.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Революціи было нападеніе на церковь, и среди страстей, порожденныхъ этой Революціей, раньше всѣхъ зажглась и послѣднею была погашена страсть противорелигіозная. Даже въ то время, когда энтузіазмъ къ свободѣ охладѣлъ, когда Франція рѣшилась купить спокойствіе цѣною рабства, еще не утихло возбужденіе противъ религіознаго авторитета. Наполеонъ, успѣвшій побѣдить либеральный геній французской Революціи, дѣлалъ напрасныя усилія, чтобы укротить ея антихристіанскій геній, и даже въ наше время мы видѣли людей, которые свое подсобострастіе передъ ничтожнѣйшими агентами политической власти думали загладить дерзкими выходками противъ Бога и, отвергая все свободолюбивое, благородное и гордое въ доктринахъ

Революціи, еще хвалились своей вѣрностью ея духу, потому что оставались невѣрующими.

А между тѣмъ въ настоящее время не трудно убѣдиться, что походъ противъ религій былъ только эпизодомъ въ этой великой Революціи, рѣзко выступающей, но измѣнчивой чертой ея физіономіи, временнымъ порожденіемъ идей, страстей, частныхъ фактовъ, ей предшествовавшихъ и подготовлявшихъ ее, но не продуктомъ ея собственнаго генія.

Философія XVIII вѣка съ полнымъ основаніемъ считается одною изъ главныхъ причинъ Революціи, и весьма справедливо, что философія эта была проникнута безвѣріемъ. Но въ ней необходимо тщательно различать двѣ совершенно разнородныя и независимыя части.

Въ одной изъ нихъ содержатся всѣ новыя или возобновленныя мнѣнія, относящіяся къ положенію обществъ и къ принципамъ гражданскихъ и политическихъ законовъ, каковы, напримѣръ, естественное равенство людей, отмѣна всѣхъ привилегій кастъ, классовъ, а слѣдовательно и профессій, верховенство народа, всемогущество общественной власти, единообразіе законовъ. Всѣ эти доктрины — не только причины французской Революціи; онѣ образуютъ, можно сказать, ея сущность; онѣ—самое основное, долговѣчное и, по условіямъ времени, истинное изъ ея созданій.

Въ другой части своихъ доктринъ философы XVIII вѣка принялись съ какою-то яростью за церковь; они нападали на духовенство, іерархію, учрежденія, догматы и, чтобы окончательнѣе ниспровергнуть церковь, задумали съ корнемъ вырвать самое христіанство .Но этотъ отдѣлъ философіи XVIII вѣка, получивъ начало въ тѣхъ самыхъ фактахъ, которые были разрушаемы революціею, долженъ былъ мало-по-малу исчезнуть вмѣстѣ съ ними и оказаться какъ-бы погребеннымъ въ ея тріумфѣ. Чтобы сдѣлать понятной эту мысль, я прибавлю еще нѣсколько словъ, потому что намѣренъ въ другомъ мѣстѣ возвратиться къ этому важному предмету: христіанство зажгло эту страстную ненависть къ себѣ не столько въ качествѣ религіозной доктрины, сколько въ качествѣ политическаго учрежденія; не потому, что священники изъявляли притязаніе распоряжаться дѣлами того свѣта, а потому,

что они были собственниками, господами, администраторами, получали десятину въ этомъ мірѣ; не потому, что церковь не могла бы занять мѣста въ новомъ обществѣ, которое предстояло построить, а потому, что она занимала наиболѣе могущественное и привелигированное положеніе въ томъ старомъ обществѣ, которое надлежало обратить въ прахъ.

Посмотрите, какъ выяснило время эту истину и продолжаетъ дѣлать ее все болѣе очевидной съ каждымъ днемъ: по мѣрѣ того, какъ упрочивалось политическое дѣло Революціи, ея противорелигіозное дѣло распадалось; въ то самое время, когда всѣ старыя политическія учрежденія, подвергнувшіяся ея нападенію, все болѣе разрушались; когда силы, вліянія, классы, особенно ненавистные ей, были побѣждены безповоротно и, въ знакъ ихъ окончательнаго пораженія, улеглась даже ненависть, внушаемая ими; когда, наконецъ, духовенство стало сторониться отъ всего, что̀ пало вмѣстѣ съ нимъ,—могущество церкви начало постепенно возстановляться и упрочиваться въ умахъ.

И не думайте, что этотъ процессъ пережила одна Франція: въ Европѣ не существуетъ такой церкви, которая не возродилась бы со временъ Французской Революціи.

Предполагать, что демократическія общества по своей природѣ враждебны религіи, значитъ сильно ошибаться: ничто въ христіанствѣ, ничто даже въ католичествѣ не стоитъ въ безусловномъ противорѣчіи съ духомъ такихъ обществъ, а многое даже въ значительной степени благопріятствуетъ ему. Къ тому же опытъ всѣхъ вѣковъ показываетъ, что наиболѣе жизненный нервъ религіознаго инстинкта всегда коренился въ сердцѣ народа. Всѣ исчезнувшія религіи находили въ немъ свое послѣднее убѣжище, и было-бы очень странно, если бъ учрежденія, стремящіяся доставить преобладаніе идеямъ и стремленіямъ народа, имѣли своимъ необходимымъ и постояннымъ послѣдствіемъ приведеніе человѣческаго ума къ безбожію.

Все, что̀ я только что сказалъ о религіозной власти, я съ еще бо̀льшимъ правомъ могу повторить въ примѣненіи къ власти общественной.

При видѣ того, какъ Революція сразу ниспровергла всѣ

учрежденія и обычаи, поддерживавшія въ обществѣ іерархію и порядокъ, можно было думать, что результатомъ ея будетъ разрушеніе не только даннаго, но и всякаго общественнаго строя; не только извѣстнаго правительства, но и самой общественной власти; и необходимо было заключить, что природа ея — существенно анархическая. И при всемъ томъ я осмѣливаюсь утверждать, что все это только казалось.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ того, какъ Революція началась, Мирабо секретно написалъ королю: „Сравните новое положеніе дѣлъ съ прежнимъ порядкомъ; вотъ откуда можно почерпнуть утѣшеніе и надежду. Часть актовъ Національнаго Собранія,—и часть наиболѣе значительная,—очевидно, благопріятна монархическому правленію. Развѣ пустяки—освободиться отъ парламента, отъ Штатовъ, отъ духовной корпораціи, дворянства, привилегированныхъ лицъ? Мысль—изъ всѣхъ гражданъ создать одинъ классъ—понравилась бы Ришилье: такая ровная поверхность облегчаетъ дѣло управленія. Цѣлый рядъ царствованій при абсолютно монархическомъ строѣ не сдѣлалъ бы такъ много для королевскаго авторитета, какъ одинъ этотъ годъ революціи“. Такъ говорить могъ только человѣкъ, понимавшій Революцію и способный руководить ею.

Имѣя цѣлью не только перемѣнить старое правительство, но и уничтожить старую форму общества, Французская Революція должна была одновременно сдѣлать нападеніе на всѣ установленныя власти, разрушить всѣ общепризнанныя вліянія, уничтожить традиціи, обновить нравы и обычаи и очистить человѣческій умъ отъ всѣхъ идей, на которыхъ до той поры покоились уваженіе и повиновеніе. Отсюда — ея своеобразно анархическій характеръ.

Но удалите эти обломки: вы замѣчаете громадную центральную власть, собравшую воедино и присвоившую себѣ всѣ частицы авторитета и вліянія, которыя раньше были разбросаны въ массѣ второстепенныхъ властей, сословій, классовъ, профессій, семействъ и индивидуумовъ и какъ-бы разсѣяны по всѣму соціальному организму. Міръ не видѣлъ подобной власти со временъ паденія Римской имперіи. Рево-

люція создала эту новую власть или, вѣрнѣе, послѣдняя какъ бы сама собой вышла изъ развалинъ, нагроможденныхъ Революціей. Правительства, созданныя ею, болѣе хрупки, это правда; но они во сто разъ могущественнѣе всѣхъ тѣхъ правительствъ, которыя были низвергнуты ею; они хрупки и могущественны вслѣдствіе однѣхъ и тѣхъ же причинъ, какъ будетъ показано въ другомъ мѣстѣ.

Именно эту простую, правильную и величественную форму и различалъ Мирабо сквозь обломки полуразрушенныхъ старыхъ учрежденій. Этотъ предметъ, несмотря на свои размѣры, въ то время былъ еще невидимъ для глазъ толпы; но малу-по-малу время открыло его взорамъ всѣхъ. Въ настоящее время къ нему прикованы въ особенности взгляды государей. Его созерцаютъ съ восхищеніемъ и завистью не только тѣ изъ нихъ, которые своими тронами обязаны Революціи, но даже тѣ, которые наиболѣе чужды и враждебны ей. Всѣ они усиливаются въ своихъ владѣніяхъ разрушить иммунитеты, уничтожить привилегіи. Они перемѣшиваютъ чины, уравниваютъ званія, на мѣсто аристократіи ставятъ чиновниковъ, на мѣсто областныхъ вольностей—единообразіе законовъ, на мѣсто разнородныхъ властей—единство правительства. Этой революціонной работѣ они предаются съ неослабѣвающимъ рвеніемъ и, встрѣчая препятствія на своемъ пути, подчасъ заимствуютъ у Революціи ея пріемы и принципы. Въ случаѣ нужды они иногда не затруднялись поднять бѣднаго на богатаго, разночинца — противъ дворянина, поселянъ — противъ своихъ господъ. Французская Революція была въ одно и то же время ихъ бичомъ и ихъ наставницей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Какимъ образомъ и почему Французская Революція, будучи революціей политическою, въ своихъ пріемахъ походила на религіозную.

Всѣ революціи,—какъ гражданскія, такъ и политическія,—имѣли свое отечество и замыкались въ немъ. У Французской Революціи не было опредѣленной территоріи; мало того: одним изъ ея результатовъ въ извѣстномъ смыслѣ было то, что она стерла на картѣ всѣ старыя границы. Она сближала или разъединяла людей наперекоръ законамъ, преданіямъ, характерамъ и языку, иногда поселяя вражду между гражданами одного государства, а разноплеменниковъ дѣлая братьями; или, вѣрнѣе, надъ всѣми отдѣльными національностями она создала общее интеллектуальное отечество, гражданами котораго могли сдѣлаться люди всѣхъ націй.

Переройте лѣтописи всѣхъ народовъ,—вы не найдете ни одной политической революціи, которая имѣла бы подобный характеръ: этотъ характеръ вы встрѣтите только у нѣкоторыхъ религіозныхъ революцій. И потому въ религіозныхъ революціяхъ слѣдуетъ искать аналогій, объясняющихъ смыслъ Революціи Французской.

Шиллеръ въ своей „Исторіи Тридцатилѣтней войны“ справедливо замѣчаетъ, что великая реформа XVI в. внезапно сблизила народы, едва знавшіе другъ друга и тѣсно связала ихъ новыми симпатіями. Дѣйствительно, въ тѣ времена французы дрались съ французами, а англичане приходили къ нимъ на помощь; люди, родившіеся на отдаленныхъ берегахъ Балтійскаго моря, пробирались въ глубину Германіи, чтобы тамъ поддержать нѣмцевъ, о которыхъ они ранѣе никогда не слыхали. Всѣ внѣшнія войны приняли нѣкоторыя черты междоусобныхъ войнъ; во всѣхъ междоусобныхъ войнахъ стали появляться иностранцы. Старинные интересы каждой націи были забыты ради интересовъ новыхъ; территоріальные вопросы уступили мѣсто вопросамъ о принципахъ. Всѣ правила дипломатіи оказались смѣшанными и перепутанными, къ великому изумленію и огорченію политиковъ того времени. Совершенно то же самое произошло въ Европѣ послѣ 1789 г.

Итакъ, Французская Революція является политическою революціей, употреблявшею пріемы и, въ извѣстномъ отношеніи, принявшею видъ революціи религіозной. Посмотрите, какія частныя и характерныя черты довершаютъ ея сходство съ религіозными революціями: она не только, подобно имъ, проникаетъ на далекія разстоянія, но, подобно имъ же, она распространяется посредствомъ проповѣди и пропаганды. Политическая революція, внушающая прозелитизмъ, проповѣ-

дываемая иностранцамъ съ такою-же страстностью, съ какою она выполняется дома; это ли не новое зрѣлище! Изъ всѣхъ невиданныхъ явленій, показанныхъ міру Французскою Революціей, это явленіе, несомнѣнно,—самое новое. Но сдѣлаемъ еще шагъ и постараемся открыть, не вытекаетъ ли это сходство результатовъ изъ какого-либо сходства, скрытаго въ причинахъ.

Обычное свойство религій состоитъ въ томъ, что онѣ разсматриваютъ человѣка самого въ себѣ, не останавливаясь на тѣхъ особенностяхъ, которыя могли быть присоединены къ этой общей основѣ законами, обычаями и преданіями каждой страны. Главная цѣль религій — опредѣлить общія отношенія людей къ Богу, общія права и обязанности людей другъ къ другу, независимо отъ общественныхъ формъ. Указываемыя ими правила поведенія относятся не столько къ человѣку извѣстной страны или эпохи, сколько къ сыну, къ отцу, къ слугѣ, къ господину, къ ближнему. Опираясь, такимъ образомъ, на самую природу человѣка, они одинаково могутъ быть приняты всѣми и повсюду могутъ быть примѣнены. Вотъ почему религіозныя революціи часто имѣли такія обширныя арены и рѣдко замыкались, подобно политическимъ революціямъ, въ территоріи одного только народа или даже одной расы. И, если мы разсмотримъ этотъ предметъ еще ближе, мы найдемъ, что, чѣмъ болѣе отличались религіи указанными мною чертами отвлеченности и общности, тѣмъ шире онѣ распространялись, вопреки различію законовъ, климатовъ и людей.

Языческія религіи древности, всѣ болѣе или менѣе связанныя съ политическими учрежденіями или съ общественнымъ строемъ каждаго народа, и въ самыхъ догматахъ своихъ сохранявшія извѣстную національную и часто даже муниципальную окраску, замыкались обыкновенно въ границахъ опредѣленной территоріи, за предѣлы которой не выступали почти никогда. Онѣ порождали иногда нетерпимость и гоненія; но прозелитизмъ былъ имъ почти совершенно чуждъ. Вотъ почему у насъ, на Западѣ, не было значительныхъ религіозныхъ революцій до появленія христіанства. Это послѣднее, свободно проходя чрезъ всѣ преграды, задерживавшія распространеніе языческихъ религій, въ короткое время покорило себѣ бо̀льшую часть человѣческаго рода. Я думаю, что не нарушу уваженія, должнаго этой святой религіи, если скажу, что своимъ торжествомъ она, отчасти, была обязана освобожденію отъ всего, что могло быть исключительною особенностью извѣстнаго народа, извѣстной формы правленія, извѣстнаго общественнаго строя, извѣстной эпохи или расы.

Французская Революція, въ отношеніи къ этому міру, поступала совершенно такъ, какъ религіозныя революціи дѣйствуютъ въ виду иного міра: гражданина она разсматривала отвлеченно, внѣ всякаго опредѣленнаго общества, такъ же какъ религіи разсматриваютъ человѣка вообще, независимо отъ страны и отъ времени. Она отыскивала не только то, что̀ составляло, въ частности, право французскаго гражданина, но также общія права и обязанности людей въ области политики.

Такимъ образомъ, все восходя къ менѣе частнымъ и, такъ сказать, болѣе естественнымъ началамъ въ области общественнаго строя и управленія, она могла стать понятною для всѣхъ и доступной подражанію во множествѣ мѣстъ.

Стремясь, какъ казалось, еще болѣе къ возрожденію человѣчества, чѣмъ къ преобразованію Франціи, она зажгла страсти, какихъ ранѣе никогда не вызывали наиболѣе сильныя политическія революціи. Она вдохновила прозелитизмъ и породила пропаганду. Благодаря тому же обстоятельству, наконецъ, она могла принять ту внѣшность религіозной революціи, которая наводила такой ужасъ на современниковъ, или, вѣрнѣе, она сама сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ новой религіи,—религіи, правда, не совершенной, не знавшей ни Бога, ни культа, ни загробной жизни, но которая, тѣмъ не менѣе, подобно исламу, наводнила всю землю своими солдатами, апостолами и мучениками.

Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, что употребленные ею пріемы безусловно не имѣли себѣ примѣровъ въ прошломъ, и что всѣ идеи, выведенныя ею на свѣтъ, были совершенно новы. Во всѣ времена, не исключая даже и среднихъ вѣковъ, существовали агитаторы, которые, съ цѣлью измѣненія тѣхъ или другихъ обычаевъ, обращались къ общимъ

законамъ человѣческихъ обществъ, противопоставляя государственному устройству своей страны естественныя права человѣчества. Но всѣ эти попытки оканчивались неудачею: то же самое пламя, которое въ XVIII в. зажгло всю Европу, легко было потушено въ XV вѣкѣ. Для того, чтобы подобные аргументы могли приводить къ дѣйствительнымъ переворотамъ, необходимо, чтобы извѣстныя перемѣны, уже наступившія въ условіяхъ жизни, обычаяхъ и нравахъ, приготовили человѣческій умъ къ ихъ воспріятію.

Бываютъ эпохи, когда люди до такой степени различны между собой, что идею одного и того же закона, примѣнимаго ко всѣмъ, для нихъ какъ-бы непостижима. Существуютъ и другія эпохи, когда достаточно издали и въ смутныхъ чертахъ показать людямъ образъ такого закона, чтобы они тотчасъ же его признали и устремились къ нему.

Всего необычайнѣе не то, что Французская Революція употребляла свойственные ей пріемы, и создала свои идеи: великая новость—что столько народовъ оказались въ такомъ положеніи, что подобные пріемы могли быть примѣнены съ успѣхомъ, и что такіе принципы легко были допущены.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ почти вся Европа имѣла совершенно одинакія учрежденія, и какъ эти учрежденія повсемѣстно пали.

Народы, которые ниспровергли Римскую имперію и затѣмъ привели къ созданію современныхъ націй, принадлежали разнымъ расамъ и странамъ и говорили на разныхъ языкахъ; они были схожи только варварствомъ. Расположившись на почвѣ имперіи, они долгое время сталкивались между собой среди громадной смуты и неурядицы, и, когда, наконецъ, они прочно осѣлись, оказалось, что ихъ разобщаютъ тѣ самыя развалины, которыя ими же были нагромождены. Такъ какъ цивилизація въ то время почти совершенно угасла, и общественный порядокъ былъ разрушенъ, то взаимныя сношенія людей стали затруднительны и полны опасностей, и великое европейское общество раздробилось на тысячи разнородныхъ и враждебныхъ маленькихъ обществъ, жившихъ каждое, особенно отъ другихъ. И, однакоже, среди этой несвязной массы внезапно появились однообразные порядки.

Эти учрежденія вовсе не были подражаніемъ римскому законодательству; они настолько противоположны послѣднему, что именно римское право послужило средствомъ для ихъ преобразованія и отмѣны. Ихъ физіономія своеобразна и отличаетъ ихъ отъ всѣхъ законовъ, когда-либо созданныхъ людьми. Они симметрично соотвѣтствуютъ другъ другу и, всѣ вмѣстѣ, образуютъ тѣло, состоящее изъ частицъ, такъ тѣсно связанныхъ между собою, что статьи нашихъ современныхъ законодательствъ не соединены прочнѣе: это—ученый кодексъ, служащій полуневѣжественному обществу.

Какимъ образомъ подобное законодательство могло возникнуть, распространиться и, наконецъ, сдѣлаться господствующимъ въ Европѣ? Въ мою задачу не входитъ изслѣдованіе этого вопроса. Достовѣрно то, что въ средніе вѣка оно встрѣчается въ Европѣ почти повсемѣстно, и что во многихъ странахъ ему принадлежитъ исключительное господство.

Я имѣлъ случай ознакомиться съ средневѣковыми учрежденіями Франціи, Англіи и Германіи, и, подвигаясь впередъ въ этой работѣ, все болѣе изумлялся при видѣ поразительнаго сходства, обнаруживающагося между всѣми этими законодательствами, и удивлялся тому, какъ могли народы, настолько различные и такъ мало смѣшавшіеся между собой, установить въ своей средѣ до такой степени схожіе законы. Конечно, эти законы непрерывно и почти до безконечности измѣняются въ частностяхъ, соотвѣтственно различію мѣстъ; но ихъ основа — вездѣ одна и та же. Когда я открывалъ въ старомъ германскомъ законодательствѣ какое-либо политическое учрежденіе, какую-либо юридическую норму или власть, я зналъ заранѣе, что, поискавъ тщательно, найду во Франціи, въ Англіи что-либо существенно однородное и, дѣйствительно, всегда находилъ. Каждый изъ этихъ трехъ народовъ помогалъ мнѣ лучше понять оба остальные.

У всѣхъ трехъ управленіе ведется на одинаковыхъ началахъ, политическія собранія состоятъ изъ одинаковыхъ элементовъ и снабжены одинаковыми полномочіями. Общество въ нихъ дѣлится одинаковымъ образомъ, и одна и та же іерархія обнаруживается между различными классами; дворянство занимаетъ въ нихъ тождественное положеніе; оно имѣетъ однородныя привилегіи, одну и ту же физіономію, одинъ и тотъ же характеръ; это—не различные люди, а совершенно одни и тѣ же люди повсюду.

Города имѣютъ однородное устройство; села управляются одинаковымъ образомъ. Въ положеніи крестьянъ мало различій; владѣніе, пользованіе землей, обработка земли—одинаковы; земледѣлецъ несетъ однѣ и тѣ же повинности. Отъ границъ Польши и до Ирландскаго моря помѣстье, вотчинный судъ, ленъ, оброкъ, повинности, феодальныя права, корпораціи—все однородно. Часто даже названія одни и тѣ же, и, что еще замѣчательнѣе, всѣ эти аналогическія учрежденія проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ. Я считаю возможнымъ утверждать, что въ XIV вѣкѣ между общественными, политическими, административными, судебными, экономическими и учеными учрежденіями Европы существовало, можетъ быть, больше сходства, чѣмъ даже въ наше время, когда цивилизація, повидимому, вездѣ проторила дороги и стерла всѣ преграды.

Въ мою задачу не входитъ разсказывать о томъ, какъ этотъ старинный строй Европы мало-по-малу ослабѣлъ и распался; для меня достаточно констатировать, что въ XVIII вѣкѣ онъ повсюду былъ наполовину разрушенъ. Это распаденіе, въ общемъ, было менѣе замѣтно на востокѣ материка, чѣмъ на западѣ; но ветхость и, часто, полная дряхлость, обнаруживались повсемѣстно. Этотъ постепенный упадокъ учрежденій, составлявшихъ особенность среднихъ вѣковъ, оставилъ слѣдъ въ ихъ архивахъ. Извѣстно, что въ каждомъ помѣстьѣ существовали записи, называемыя *поземельными списками* (terriers), въ которыхъ изъ вѣка въ вѣкъ отмѣчались границы леновъ и оброчныхъ земель, размѣръ оброка, повинностей и мѣстныхъ обычныхъ сборовъ. Я видѣлъ подобныя записи, относящіяся къ XIV вѣку; онѣ представляютъ собою образецъ порядка, ясности, отчетливости и пониманія. Онѣ становятся темными, безсвязными, неполными и запутанными, по мѣрѣ приближенія къ нашему времени, несмотря на общій прогрессъ просвѣщенія. Политическое общество, повидимому, впадаетъ въ варварство въ то самое время, когда гражданское общество все болѣе просвѣщается.

Даже въ Германіи, гдѣ старинный строй Европы лучше, чѣмъ во Франціи сохранилъ свои первоначальныя черты, часть учрежденій, созданныхъ имъ, почти повсемѣстно была уже разрушена. Но знакомство съ тѣмъ, чего онъ лишился, еще не даетъ понятія объ опустошеніяхъ, произведенныхъ временемъ, какое мы получимъ, разсмотрѣвъ, въ какомъ состояніи находились остатки этого строя.

Муниципальныя учрежденія, создавшія въ XIII и XIV вв. изъ главнѣйшихъ нѣмецкихъ городовъ богатыя и просвѣщенныя маленькія республики, еще существуютъ въ XVIII в.; но это—лишь тѣнь прошлаго. Ихъ предписанія какъ будто сохраняютъ силу; должности, установленныя ими, носятъ прежнія названія и, повидимому, выполняютъ прежнія функціи; но дѣятельность, энергія, общинный патріотизмъ,—мужественныя и плодотворныя качества, которыя они внушали раньше,—исчезли. Эти старыя учрежденія какъ бы разложились внутренно, сохранивъ внѣшнюю стройность.

Всѣ тѣ политическія силы среднихъ вѣковъ, которыя еще существуютъ, поражены тою же болѣзнью: всѣ онѣ обнаруживаютъ одинаковое истощеніе и одинаковую вялость. Мало того: все, что, не принадлежа, собственно, къ учрежденіямъ этой эпохи, было съ ними связано и сохранило на себѣ сколько нибудь живой отпечатокъ ихъ, тотчасъ же теряетъ свою жизненность. Ихъ прикосновеніе заражаетъ аристократію старческою немощью. Даже политическая свобода, наполнившая всѣ средніе вѣка своими созданіями, кажется пораженною безплодіемъ повсюду, гдѣ она удержала своеобразныя черты, сообщенныя ей средними вѣками. Тамъ, гдѣ провинціальныя собранія сохранили въ неизмѣнномъ видѣ свое старое устройство, они скорѣе задерживаютъ поступательное движеніе цивилизаціи, чѣмъ способствуютъ ему; въ нихъ ска-

зывается какое то отчужденіе и какъ-бы непроницаемость для новаго духа времеии. И оттого симпатіи народа ускользаютъ отъ нихъ и начинаютъ тяготѣть къ государямъ. Древность этихъ учрежденій не внушаетъ къ нимъ почтенія; напротивъ, старѣя, они съ каждымъ днемъ все больше подрываютъ довѣріе къ себѣ; и—странное дѣло! они возбуждаютъ тѣмъ болѣе ненависти, чѣмъ безвреднѣе становятся въ своемъ упадкѣ. „Существующій порядокъ вещей“—говоритъ одинъ нѣмецкій писатель, современникъ и другъ этого Стараго Порядка,—„кажется, всѣхъ вообще оскорбляетъ, а иногда вызываетъ и презрѣніе. Странно видѣть, какъ немилостиво судятъ теперь обо всемъ, что старо. Новыя впечатлѣнія проникаютъ даже въ нѣдра нашихъ семей и возмущаютъ въ нихъ порядокъ. Наши хозяйки—и тѣ не хотятъ болѣе терпѣть старую мебель“. Между тѣмъ, въ это же время въ Германіи, какъ и во Франціи, общество было очень дѣятельно, и благосостояніе его постоянно возрастало. Но замѣтьте хорошенько,—эта черта дополняетъ картину: все, что живетъ, дѣйствуетъ, производитъ,—все это, по своему происхожденію, ново, и не только ново, но даже противоположно прежнему.

Уже королевская власть не имѣетъ ничего общаго съ королевскою властью средневѣковой эпохи:она обладаетъ другими полномочіями, занимаетъ другое мѣсто, проникнута инымъ духомъ, внушаетъ иныя чувства; на развалинахъ мѣстныхъ властей повсюду утверждается государственная администрація; чиновническая іерархія все болѣ вытѣсняетъ управленіе дворянъ. Всѣ эти новыя политическія силы употребляютъ пріемы, слѣдуютъ принципамъ, которые были незнакомы людямъ среднихъ вѣковъ или отвергались ими, и которые, дѣйствительно, принадлежатъ общественному строю, о какомъ тѣ даже понятія не имѣли.

То-же самое относится и къ Англіи, гдѣ, на первый взглядъ, старыя учрежденія Европы еще сохранили свою прежнюю силу. Если мы забудемъ старыя названія и отстранимъ старыя формы, мы найдемъ, что уже въ XVII в. феодальная система тамъ уничтожена въ своемъ основаніи, что классы смѣшиваются, отличія дворянства сглажены, аристократія потеряла свою замкнутость, богатство сдѣлалось силою; найдемъ равенство всѣхъ передъ закономъ, равенство государственныхъ повинностей, свободу печати, публичность преній,—все новые принципы, которыхъ не знало средневѣковое общество. Именно эти новыя начала, съ искусною постепенностью введенныя въ старое тѣло, оживили его, не подвергая его опасности распаденія, и наполняли его свѣжею силой, оставивъ ему старыя формы. Англія XVII в.—страна уже совершенно новая, которая только сберегла въ своихъ нѣдрахъ, какъ-бы набальзамированными, нѣсколько обломковъ среднихъ вѣковъ.

Бросить быстрый взглядъ, за предѣлы Франціи было необходимо для того, чтобы облегчить пониманіе всего послѣдующаго; потому что кто изучилъ и видѣлъ только Францію, тотъ;—скажу смѣло,—никогда ничего не пойметъ во Французской Революціи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Что собственно сдѣлала Французская Революція.

Все предшествующее имѣло единственною цѣлью освѣтить предметъ и облегчить разрѣшеніе вопроса, поставленнаго мною въ самомъ началѣ: что было дѣйствительнымъ предметомъ Революціи? Каковъ, наконецъ, ея истинный характеръ? Для чего именно она была произведена? Что было ею сдѣлано?

Революція была произведена вовсе не съ цѣлью разрушить, какъ это думали, господство религіозныхъ вѣрованій; вопреки внѣшности, она существеннымъ образомъ была революціей общественною и политическою; и въ кругу учрежденій этого послѣдняго рода она вовсе не стремилась навсегда ввести безпорядокъ, сдѣлать его постояннымъ, обратить анархію въ общее правило, какъ выражался одинъ изъ главныхъ противниковъ Революціи: напротивъ, она заботилась объ увеличеніи могущества и правъ государственной власти. Она не должна была ни измѣнить характеръ, какой наша

цивилизація имѣла до того времени, и остановить ея развитіе , какъ это думали иные, ни даже существеннымъ образомъ затронуть какой-либо изъ главнѣйшихъ законовъ, на которыхъ покоятся человѣческія общества у насъ, на западѣ. Освободивъ ее отъ всѣхъ случайныхъ придатковъ, временно измѣнявшихъ ея физіономію въ различныя эпохи и въ разныхъ странахъ, и разсматривая ее исключительно въ самой себѣ, мы ясно увидимъ, что результатомъ этой революціи была только отмѣна тѣхъ политическихъ учрежденій, которыя въ теченіе многихъ вѣковъ нераздѣльно господствовали въ средѣ большинства европейскихъ народовъ и обыкновенно обозначаются названіемъ феодальныхъ учрежденій, и водвореніе на ихъ мѣстѣ болѣе однообразнаго и простого политическаго и общественнаго порядка, основаннаго на равенствѣ сословій.

Этого было достаточно, чтобы создать громадный переворотъ; потому что древнія учрежденія не только все еще были перемѣшаны и какъ-бы сплетены со всѣми религіозными и политическими законами Европы, но, независимо отъ этого, они внушали множество какъ-бы сросшихся съ ними идей, чувствованій, привычекъ и нравовъ. Требовался судорожный порывъ, чтобы разрушить и сразу извлечь изъ общественнаго организма часть, которая такъ крѣпко была связана со всѣми его органами. Оттого Революція представлялась современникамъ еще болѣе огромною, чѣмъ какою она была въ дѣйствительности; казалось, что она разрушаетъ все; потому что то, что она разрушала, соприкасалось со всѣмъ остальнымъ и въ извѣстномъ смыслѣ составляло съ нимъ одно тѣло.

Какъ ни радикальна была Революція, но она ввела гораздо меньше новаго, чѣмъ предполагаютъ обыкновенно: я покажу это позднѣе. Справедливо можно сказать о ней, что она цѣликомъ разрушила или теперь разрушаетъ (потому что она еще продолжается) все то, что въ старомъ обществѣ вытекало изъ аристократическихъ и феодальныхъ учрежденій, что такъ или иначе связывалось съ ними, что въ какой бы то ни было степени носило на себѣ *малѣйшій* ихъ отпечатокъ. Изъ всего стараго міра она сохранила только

то, что всегда было чуждо этимъ учрежденіямъ и могло существовать безъ нихъ. Всего менѣе Революція была событіемъ внезапнымъ. Правда, міръ былъ застигнутъ ею врасплохъ; но, тѣмъ не менѣе, она была лишь завершеніемъ болѣе продолжительной работы, стремительнымъ и бурнымъ окончаніемъ дѣла, надъ которымъ трудились десять человѣческихъ поколѣній. Если бы она не имѣла мѣста, старое общественное зданіе все-таки пало бы повсюду, здѣсь раньше, тамъ позднѣе; оно только продолжало бы распадаться постепенно, камень за камнемъ, вмѣсто того, чтобы рухнуть сразу. Революція мгновенно, судорожнымъ и болѣзненнымъ усиліемъ, безъ постепенныхъ переходовъ, безъ предосторожностей и безъ пощады положила конецъ тому, что позднѣе мало-по-малу окончилось бы само собою. Вотъ что она сдѣлала.

Поразительно то, что это обстоятельство, кажущееся теперь такимъ яснымъ, долго оставалось запутаннымъ и темнымъ для самыхъ проницательныхъ умовъ.

„Вы желали исправить злоупотребленія вашего правительства“ — говоритъ уже упомянутый Бёркъ Французамъ: „но къ чему нововведенія? Почему не возвратиться вамъ къ вашимъ старымъ преданіямъ? Почему не ограничиться возстановленіемъ вашихъ древнихъ вольностей? Или, если теперь невозможно возобновить изгладившіяся черты учрежденій вашихъ предковъ,—почему не обратить вамъ взоры въ нашу сторону? Здѣсь вы вновь нашли бы старый законъ, общій всей Европѣ“. Бёркъ не замѣчаетъ того, что передъ глазами у него—Революція, которая именно должна уничтожить этотъ старый законъ, общій всей Европѣ; онъ не видитъ, что все дѣло именно въ этомъ и больше ни въ чемъ.

Но почему эта Революція, подготовлявшаяся и угрожавшая повсюду, разразилась во Франціи раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ? Почему она получила у насъ извѣстныя черты, которыя не встрѣчались больше нигдѣ или обнаруживались неполно. Этотъ второй вопросъ, несомнѣнно, заслуживаетъ того, чтобы быть поставленнымъ. Его разсмотрѣніе составитъ предметъ послѣдующихъ книгъ.

КНИГА II.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Почему феодальныя права, стали ненавистны народу во Франціи болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Одно обстоятельство поражаетъ насъ съ перваго взгляда: Революція, задача которой состояла, собственно, въ томъ, чтобы повсюду уничтожить остатки средневѣковыхъ учрежденій, вспыхнула не въ тѣхъ странахъ, гдѣ эти учрежденія лучше сохранились и наиболѣе давали чувствовать народу свою стѣснительность и суровость, а напротивъ, тамъ, гдѣ народъ всего меньше страдалъ отъ нихъ; такъ что ихъ иго казалось наиболѣе невыносимымъ тамъ, гдѣ оно, въ дѣйствительности, было наименѣе тяжкимъ.

Почти ни въ одной изъ странъ Германіи въ концѣ XVIII в. крѣпостное право еще не было вполнѣ отмѣнено, а въ большей части ея народъ оставался положительно прикрѣпленнымъ къ землѣ, такъ же какъ въ средніе вѣка, Почти всѣ солдаты, составлявшіе арміи Фридриха II и Маріи-Терезіи, были настоящими крѣпостными.

Въ бо́льшей части германскихъ государствъ въ 1788 г. крестьянинъ не вправѣ покинуть помѣстье, и если покинетъ, то его можно преслѣдовать повсюду, гдѣ бы онъ ни находился и силою привести обратно. Онъ подчиненъ вотчинному суду, который слѣдитъ за его частною жизнью и наказываетъ его за невоздержность и за лѣность. Онъ не можетъ

ни подняться въ своемъ положеніи, ни перемѣнить занятіе, ни жениться, если на то нѣтъ доброй воли его господина. Бо́льшая часть его времени должна быть посвящена на службу послѣднему. Нѣсколько лѣтъ его молодости должны протечь въ дворовой службѣ. Барщина существуетъ во всей своей силѣ и въ нѣкоторыхъ земляхъ можетъ растягиваться до трехъ дней въ недѣлю. Крестьянинъ возобновляетъ и ремонтируетъ строенія, принадлежащія господину, доставляетъ на рынокъ продукты его хозяйства, возитъ его самого и обязанъ исполнять его порученія. Крѣпостной, впрочемъ, можетъ становиться земельнымъ собственникомъ; но его право собственности остается, все-таки, очень неполнымъ. Онъ обязанъ обрабатывать свое поле опредѣленнымъ образомъ, подъ наблюденіемъ господина; онъ не можетъ ни отчуждать, ни закладывать его по своему усмотрѣнію. Въ извѣстныхъ случаяхъ его заставляютъ продавать продукты его собственной земли; въ другихъ случаяхъ ему не позволяютъ ихъ продавать; но обработка всегда для него обязательна. Даже наслѣдство его не переходитъ полностью къ его дѣтямъ: часть удерживается обыкновенно господиномъ.

Я не разыскиваю этихъ постановленій въ древнихъ законахъ: я ихъ встрѣчаю вездѣ, вплоть до кодекса, приготовленнаго великимъ Фридрихомъ и обнародованнаго его преемникомъ въ моментъ, непосредственно слѣдовавшій за взрывомъ Французской Революціи.

Во Франціи давно уже не существовало ничего подобнаго: крестьянинъ приходилъ, уходилъ, покупалъ, продавалъ, заключалъ договоръ, работалъ, когда и какъ ему было угодно. Послѣдніе слѣды крѣпостного состоянія оставались замѣтными только въ одной или двухъ восточныхъ провинціяхъ,—провинціяхъ завоеванныхъ; во всѣхъ другихъ мѣстахъ оно исчезло совершенно, и, мало того, его исчезновеніе относится къ настолько отдаленной эпохѣ, что время его отмѣны изгладилось изъ памяти людей. Ученыя изысканія, предпринятыя въ наши дни, доказали, что, начиная съ XIII в., оно болѣе не встрѣчается въ Нормандіи.

Но въ условіяхъ народной жизни во Франціи совершился еще другой, существенно отличный переворотъ: крестьянинъ

не только пересталъ быть крѣпостнымъ, но сдѣлался земельнымъ собственникомъ. Этотъ фактъ, еще и теперь установленный весьма недостаточно, имѣлъ, какъ мы увидимъ ниже, столько послѣдствій, что я позволю себѣ здѣсь остановиться, чтобы разсмотрѣть его.

Долго предполагали, что раздробленіе земельной собственности ведетъ свое начало отъ Революціи и произведено ею одною. Всевозможными свидѣтельствами доказано противоположное.

По меньшей мѣрѣ за двадцать лѣтъ до этой революціи мы встрѣчаемъ сельскохозяйственныя общества, уже оплакивающія чрезмѣрное раздробленіе земли. „Раздѣлъ наслѣдства таковъ“, — говоритъ Тюрго около того же времени, — „что участокъ, который былъ достаточенъ только для одной семьи, дѣлится между пятью или шестью дѣтьми. Эти дѣти и ихъ семьи съ той минуты уже не могутъ просуществовать одною землей“. Нѣсколько лѣтъ спустя Неккеръ сказалъ, что во Франціи имѣется *огромное количество* мелкихъ земельныхъ собственниковъ.

Въ донесеніи, сдѣланномъ одному интенданту за нѣсколько лѣтъ до Революціи, я читаю: „Наслѣдства дѣлятся поровну и опаснымъ образомъ; такъ какъ каждый хочетъ имѣть долю во всемъ и повсюду, земельные участки оказываются раздѣленными до безконечности и постоянно продолжаютъ дробиться“. Не кажется ли вамъ, что это написано какъ будто въ наши дни?

Я самъ употребилъ массу стараній на то, чтобы воспроизвести кадастръ стараго порядка, и частью успѣлъ въ этомъ. Согласно закону 1790 г., установившему поземельную подать, каждый приходъ обязывался составить списокъ всѣхъ имѣній, въ то время существовавшихъ на его территоріи. Эти списки бо̀льшею частью исчезли; тѣмъ не менѣе я отыскалъ ихъ въ извѣстномъ количествѣ селъ и, сравнивая ихъ съ нынѣшними списками, увидѣлъ, что въ этихъ селахъ число земельныхъ собственниковъ достигало половины, часто даже двухъ третей теперешняго числа. Это покажется довольно замѣчательнымъ, если принять во вниманіе, что общая цифра населенія Франціи съ тѣхъ поръ возрасла больше, чѣмъ на четверть.

Уже въ то время, какъ и въ наши дни, стремленіе крестьянина къ пріобрѣтенію земельной собственности было чрезвычайно сильно, и страсти, которыя пораждаетъ въ немъ обладаніе землей, уже разгорѣлись.

„Земля постоянно продается свыше своей стоимости“,— говоритъ превосходный современный наблюдатель,—„что̀ указываетъ на страстное желаніе всѣхъ обывателей сдѣлаться собственниками. Всѣ сбереженія низшихъ классовъ, въ другихъ странахъ помѣщаемыя на проценты у частныхъ лицъ или въ государственные фонды, во Франціи предназначаются на покупку земель“.

Изъ всѣхъ новыхъ явленій, замѣченныхъ у насъ Артуромъ Юнгомъ при его первомъ посѣщеніи Франціи, ни одно не поражаетъ его въ такой степени, какъ значительность пространства земли, распредѣленной между крестьянами. Онъ утверждаетъ, что имъ принадлежитъ въ собственность половина всей земли во Франціи. „Я не имѣлъ“,—говоритъ онъ часто,—„ни малѣйшаго понятія о подобномъ положеніи дѣла“. И дѣйствительно, подобное положеніе дѣла не встрѣчалось въ то время нигдѣ, кромѣ Франціи и нѣсколькихъ мѣстъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нею.

Въ Англіи были крестьяне собственники, но число ихъ значительно уменьшилось. Въ Германіи во всѣ времена и во всѣхъ ея частяхъ существовало извѣстное число свободныхъ поселянъ, на правахъ полной собственности владѣвшихъ участками земли. Особые и, часто, странные законы, нормировавшіе крестьянскую собственность, встрѣчаются въ самыхъ старыхъ сборникахъ германскаго обычнаго права; но этотъ родъ собственности всегда былъ исключительнымъ явленіемъ, и число этихъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ было очень невелико.

Тѣ страны Германіи, въ которыхъ крестьянинъ, въ концѣ XVIII в., былъ собственникомъ и человѣкомъ, почти столь-же свободнымъ, какъ во Франціи, большею частью расположены по теченію Рейна; и въ нихъ революціонныя страсти Франціи всего ранѣе распространились и проявились съ наибольшею энергіей. И наоборотъ, всего долѣе оставались недоступными этимъ страстямъ тѣ части Германіи,

Публичная библиотека имени В. И. Ленина

въ которыхъ ничего подобнаго еще не замѣчалось. Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія.

Итакъ, думать, что раздробленіе земельной собственности во Франціи ведетъ свое начало отъ Революціи, значитъ повторять общераспространенную ошибку: это раздробленіе гораздо старѣе ея. Правда, Революція продала всѣ земли, принадлежавшія духовенству, и большую часть дворянскихъ имѣній; но кто пожелаетъ справиться въ самыхъ протоколахъ этихъ продажъ, какъ я нѣсколько разъ имѣлъ терпѣніе это дѣлать, тотъ увидитъ, что бо̀льшая часть этихъ земель была куплена людьми, которые уже владѣли другими участками земли; такъ что, если собственность и перешла въ другія руки, то число собственниковъ возросло гораздо меньше, чѣмъ это воображаютъ. Послѣднихъ во Франціи было уже *огромное количество*, согласно самодовольному, но на этотъ разъ, справедливому выраженію г. Неккера.

Результатомъ Революціи былъ не раздѣлъ земли, а ея временное освобожденіе. Всѣ эти мелкія собственники были, въ дѣйствительности, сильно стѣснены въ эксплуатаціи своихъ земель и несли множество повинностей, отъ которыхъ не имѣли возможности освободиться.

Эти повинности, безъ сомнѣнія, были тяжелы; но онѣ казались невыносимыми именно вслѣдствіе того обстоятельства, которое, повидимому, должно было облегчить ихъ тяжесть: эти самые крестьяне болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, были свободны отъ управленія своихъ господъ; вотъ другой переворотъ, по своимъ размѣрамъ не уступающій тому, который сдѣлалъ ихъ собственниками.

Хотя Старый Порядокъ еще очень близокъ къ намъ, такъ какъ мы каждый день встрѣчаемъ людей, рожденныхъ при его господствѣ, но онъ уже какъ будто исчезаетъ въ туманѣ прошлаго. Радикальная революція, отдѣляющая насъ отъ него, оказала то же дѣйствіе, которое производятъ вѣка: она покрыла мракомъ все то: что̀ не было ею разрушено. Вотъ почему теперь мало найдется людей, способныхъ дать точный отвѣтъ на простой вопросъ, какъ управлялись села до 1789 г.? И въ самомъ дѣлѣ, отвѣтить на этотъ вопросъ невозможно тому, кто не изучалъ—не книги, а административные архивы того времени.

Я часто слышалъ такое мнѣніе: „Дворянство, давно уже переставши участвовать въ управленіи государствомъ, до конца удержало за собой управленіе селами: владѣльцы ихъ управляли крестьянами“. Это очень похоже на ошибку.

Въ XVIII в. всѣ дѣла прихода велись нѣсколькими должностными лицами, которыя уже не были агентами помѣщика и не избирались имъ; одни изъ нихъ назначалась интендантомъ провинціи, другіе избирались самими крестьянами. Эти власти производили раскладку податей, ремонтировали церкви, строили училища, созывали приходское собраніе и предсѣдательствовали въ немъ. Они завѣдывали общиннымъ имуществомъ и опредѣляли порядокъ пользованія имъ. Они отъ имени общины вчинали и поддерживали тяжбы. Помѣщикъ не только не руководилъ болѣе всѣми этими маленькими мѣстными дѣлами, но даже не пользовался правомъ надзора надъ ними. Всѣ должностныя лица прихода состояли подъ управленіемъ или подъ контролемъ центральной власти, какъ будетъ показано въ слѣдующей главѣ. Мало того, помѣщикъ почти не встрѣчается болѣе въ роли королевскаго представителя въ приходѣ, посредника между королемъ и обывателеми. Не ему принадлежитъ обязанность въ приходѣ примѣнять общіе законы государства, созывать въ приходѣ ополченіе, собирать подати, объявлять велѣнія государя и распредѣлять исходящія отъ него денежныя пособія. Всѣ эти права и обязанности принадлежатъ другимъ. Въ дѣйствительности, помѣщикъ уже — не болѣе, какъ обыватель, котораго иммунитеты и привилегіи уединяютъ и отдѣляютъ отъ всѣхъ остальныхъ обывателей; онъ отличается своимъ положеніемъ, но не правами. *Помѣщикъ — не болѣе, какъ первый изъ обывателей*, — любятъ повторять интенданты въ письмахъ къ своимъ субделегатамъ.

Если вы оставите приходъ и обратитесь къ округу, вы встрѣтитесь съ подобнымъ же зрѣлищемъ. Сообща дворяне не управляютъ нигдѣ, не управляютъ они и порознь; это составляло особенность Франціи. Во всѣхъ прочихъ странахъ характеристическая черта стараго общества частью сохранилась: владѣніе землей и управленіе ея жителями оставались еще нераздѣльными.

Въ Англіи какъ высшее правительство, такъ и администрація оставались въ рукахъ главнѣйшихъ землевладѣльцевъ. Въ Германіи, даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ въ Пруссіи и въ Австріи, государямъ наиболѣе удалось освободиться отъ опеки дворянства въ общегосударственныхъ дѣлахъ, они по большей части оставили въ его рукахъ управленіе селами и, если, мѣстами, позволяли себѣ контролировать помѣщика, то нигдѣ еще не заняли его мѣста.

Въ сущности, французскіе дворяне съ давнихъ поръ уже соприкасались съ управленіемъ только въ одной точкѣ, въ области суда. Главнѣйшіе изъ нихъ сохранили за собой право назначать судей, отъ ихъ имени разбиравшихъ извѣстныя дѣла, и время отъ времени издавали еще полицейскія правила въ предѣлахъ помѣстья; но королевская власть постепенно урѣзала, ограничила, подчинила себѣ юрисдикцію помѣщиковъ, такъ что тѣ изъ нихъ, которые все еще ее отправляли, видѣли въ ней не столько орудіе власти, сколько доходную статью.

То же случилось со всѣми особыми правами дворянства. Политическая часть этихъ правъ исчезла; одна денежная часть осталась и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сильно возрасла

Здѣсь я намѣренъ говорить лишь о той части выгодныхъ привилегій, которая по преимуществу носила названіе феодальныхъ правъ, потому, что она въ особенности затрогиваетъ интересы народа.

Въ настоящее время трудно сказать, въ чемъ состояли эти права еще въ 1789 г.; потому что количество ихъ было огромно, и разнообразіе — чудовищно, и многія изъ ихъ числа уже исчезли или преобразились, такъ что значеніе словъ, ихъ обозначавшихъ, неясное уже для ихъ современниковъ, сдѣлалось для насъ очень темнымъ. Тѣмъ не менѣе, если обратиться къ книгамъ федистовъ XVIII в. и со вниманіемъ изучить мѣстное обычное право, то легко замѣтить, что всѣ права, еще сохраняющія силу, могутъ быть сведены къ немногимъ главнымъ видамъ; всѣ остальныя, хотя и существуютъ, представляютъ собой не больше, какъ единичныя исключенія.

Слѣды барщины почти вездѣ являются наполовину изгладившимися. Большая часть дорожныхъ сборовъ понижена или уничтожена; тѣмъ не менѣе, въ большинствѣ провинцій они еще встрѣчаются въ значительномъ числѣ. Во всѣхъ провинціяхъ помѣщики взимаютъ ярмарочныя и рыночныя пошлины. Извѣстно, что во всей Франціи они пользуются исключительнымъ правомъ охоты. Въ общемъ, они одни держатъ голубятни и голубей. Почти вездѣ они заставляютъ обывателей молоть зерно на господской мельницѣ и давить виноградъ на господскомъ прессѣ. Повсюду встрѣчается и очень обременителенъ *сборъ съ продажи имѣній* (droit des lods et ventes); Это — налогъ, уплачиваемый помѣщику всякій разъ при покупкѣ или продажѣ земель въ предѣлахъ помѣстья. Наконецъ, на всемъ протяженіи территоріи земля обременена оброкомъ (*sens*), поземельными рентами, денежными и натуральными повинностями, которыя собственникъ несетъ въ пользу помѣщика, и отъ которыхъ первый не вправѣ откупиться. Чрезъ все это разнообразіе проходитъ одна общая черта: всѣ эти подати и повинности болѣе или менѣе связаны съ землею или съ ея произведеніями; всѣ онѣ падаютъ на того, кто ее обрабатываетъ.

Извѣстно, что духовные синьоры пользовались тѣми же преимуществами; потому что церковь, хотя и отличалась отъ феодальной знати и происхожденіемъ, и назначеніемъ, и природою, все-таки кончила тѣмъ, что тѣсно сплелась съ послѣднею, и, хотя вполнѣ не могла войти въ составъ этого чуждаго тѣла, однако такъ глубоко въ него проникла, что оставалась какъ-бы сросшеюся съ нимъ.

Итакъ, епископъ, каноники, аббаты владѣли ленами и оброчными землями въ силу своихъ церковныхъ функцій. Монастырю обыкновенно принадлежала вотчинная власть надъ селомъ, на территоріи котораго онъ стоялъ. Онъ имѣлъ крѣпостныхъ въ той единственной части Франціи, гдѣ послѣдніе еще существовали; онъ пользовался барщиною, взималъ лѣсныя и рыночныя пошлины, имѣлъ свою вотчинную хлѣбную печь, свою мельницу, свой виноградный прессъ, держалъ своего вотчиннаго быка. Сверхъ всего этого духовенству во Франціи, какъ и во всемъ христіанскомъ мірѣ, принадлежала десятинная подать.

Но здѣсь я считаю необходимымъ замѣтить, что въ то время *совершенно тѣ же самыя* феодальныя права встрѣчались во всей Европѣ, и въ бо́льшей части странъ на материкѣ ея встрѣчались въ гораздо болѣе тяжелой формѣ. Я ограничусь указаніемъ на барщину. Во Франціи она встрѣчалась рѣдко и была умѣренна; въ Германіи она существовала еще повсемѣстно и была сурова.

Мало того: многія повинности феодальнаго происхожденія, наиболѣе возмущавшія нашихъ предковъ, которые видѣли въ нихъ противорѣчіе не только справедливости, но и цивилизаціи: десятинная подать, неотчуждаемыя земельныя ренты, вѣчныя повинности, сборъ съ продажи имѣній,—все то, что они называли, на нѣсколько высокопарномъ языкѣ XVIII в., *рабствомъ земли* (servitude de la terre), — все это частью встрѣчалось въ то время и у англичанъ; многое встрѣчается даже и теперь. Но всѣ эти повинности не мѣшаютъ земледѣлію въ Англіи быть самымъ совершеннымъ и богатымъ въ мірѣ, и англійскій народъ едва замѣчаетъ ихъ существованіе.

Почему же во Франціи тѣ же самыя феодальныя права возбудили въ сердцѣ народа настолько сильную ненависть, что она даже пережила явленіе, которое вызывало ее, и, повидимому, неискоренима? Дѣло въ томъ, что съ одной стороны,—французскій крестьянинъ сдѣлался поземельнымъ собственникомъ, а съ другой,—онъ совершенно освободился отъ управленія своего господина. Безъ сомнѣнія, есть еще много и другихъ причинъ; но я думаю, что указанныя мною—главныя.

Если-бы крестьянинъ не владѣлъ землей, онъ былъ бы нечувствителенъ ко многимъ изъ тягостей, которыя феодальная система налагала на поземельную собственность. Что̀ за дѣло арендатору до десятиннаго сбора? Онъ вычтетъ его изъ арендной платы *) Что̀ за дѣло до поземельной ренты тому, кто не владѣетъ землею? Какое дѣло даже до стѣ-

*) Въ подлинникѣ напечатано—Qu'importe la dîme à celui qui n'est *pas* fermier, но въ такомъ видѣ текстъ не имѣетъ смысла. Надо полагать, что Токвиль написалъ, „à celui qui n'est *que* fermier“. и ошибочно *pas* вкралось при печатаніи. *Примѣчаніе редактора.*

сненій въ обработкѣ земли тому, кто обработываетъ ее для другихъ?

Съ другой стороны, если-бы французскій крестьянинъ находился еще подъ управленіемъ своего помѣщика, феодальныя права не казались бы ему такими невыносимыми, потому что въ нихъ онъ видѣлъ бы только естественное послѣдствіе государственнаго строя.

Когда дворянство обладаетъ не только привилегіями, но и властью, когда въ его рукахъ сосредоточиваются высшее управленіе и администрація, его особыя права въ одно и то же время могутъ быть болѣе значительны и менѣе замѣтны. Во времена феодализма на дворянство смотрѣли почти такъ же, какъ смотрятъ теперь на правительство: терпѣли тягости, налагаемыя дворянствомъ, въ виду доставляемой имъ охраны различныхъ интересовъ. Дворяне обладали стѣснительными привилегіями и тягостными правами; но они обезпечивали общественный порядокъ, отправляли судъ, наблюдали за исполненіемъ законовъ, приходили на помощь слабому, вели общественныя дѣла. По мѣрѣ того, какъ дворянство перестаетъ дѣлать все это, бремя его привилегій становится все болѣе тяжкимъ, и самое ихъ существованіе дѣлается, наконецъ, непонятнымъ.

Я прошу васъ представить себѣ французскаго крестьянина конца XVIII вѣка или, еще лучше, современнаго крестьянина, пототу что онъ остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ: измѣнилось его положеніе, но не его склонности. Представьте его себѣ въ томъ видѣ, какъ его изображаютъ вышеприведенные документы: онъ такъ охваченъ желаніемъ имѣть землю, что посвящаетъ на ея пріобрѣтеніе всѣ свои сбереженія и покупаетъ ее во что̀ бы то ни стало. Чтобы пріобрѣсти ее, ему нужно сперва уплатить налогъ не правительству, а другимъ, сосѣднимъ владѣльцамъ,—людямъ, которые также, какъ и онъ самъ, не причастны управленію общественными дѣлами и, подобно ему, почти безсильны въ политическомъ отношеніи. Наконецъ онъ овладѣлъ землею. Вмѣстѣ съ зерномъ онъ вкладывалъ въ нее свое сердце. Этотъ маленькій уголокъ земли, принадлежащій ему въ собственность среди обширнаго міра, наполняетъ его чувствомъ

гордости и независимости. Но тутъ являются тѣ же сосѣди; они отрываютъ его отъ поля, заставляя идти въ другое мѣсто работать безъ вознагражденія. Хочетъ ли онъ защитить свои посѣвы отъ ихъ дичи,—они же не позволяютъ ему этого. Они же поджидаютъ его при переправѣ черезъ рѣку, требуя уплаты дорожнаго сбора. Онъ встрѣчаетъ ихъ на рынкѣ, гдѣ они продаютъ ему право продавать его товаръ; и когда, вернувшись домой онъ пожелаетъ употребить на собственныя надобности остатокъ своего зерна, — того самаго зерна, которое выросло на его глазахъ и его трудами, — онъ можетъ это сдѣлать не иначе, какъ смоловъ его предварительно на мельницѣ тѣхъ же людей и испекши его въ ихъ печи. На уплату рентъ этимъ людямъ онъ, тратить часть дохода съ своего маленькаго имѣнія, и эти ренты не могутъ быть ни погашены давностью, ни выкуплены.

За что бы онъ ни взялся, повсюду на его пути стоятъ эти докучливые сосѣди; они смущаютъ его удовольствія, мѣшаютъ ему въ работѣ, поѣдаютъ его припасы; и не успѣетъ онъ покончить съ ними, какъ на смѣну имъ являются другіе, одѣтые въ черное, и въ свою очередь берутъ крупную часть его урожая. Представьте себѣ положеніе, нужды, характеръ, страсти этого человѣка и измѣрьте, если можете, сокровища ненависти и зависти, скопившіяся въ его душѣ.

Феодализмъ оставался самымъ значительнымъ изъ всѣхъ нашихъ гражданскихъ учрежденій, переставъ быть учрежденіемъ политическимъ. Въ такомъ урѣзанномъ видѣ онъ возбуждалъ еще больше недовольства, и можно сказать съ полнымъ правомъ, что разрушеніе одной части средневѣковыхъ учрежденій во сто разъ увеличило ненависть къ той долѣ ихъ которая была оставлена въ силѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О томъ, что административная централизація есть учрежденіе Стараго порядка, а не созданіе Революціи или Имперіи, какъ это говорятъ.

Нѣкогда, въ тѣ времена, когда у насъ, во Франціи, существовали политическія собранія, мнѣ случилось слышать оратора, который, говоря объ административной централизаціи, назвалъ ее „прекраснымъ завоеваніемъ Революціи, въ которомъ намъ завидуетъ Европа“. Я допускаю, что централизація—прекрасное завоеваніе; я готовъ согласиться, что Европа намъ завидуетъ; но я утверждаю, что централизація —не завоеваніе Революціи. Напротивъ, это—продуктъ Стараго порядка и, вдобавокъ, единственная часть политическихъ учрежденій Стараго порядка, пережившая Революцію благодаря тому, что могла приспособиться къ новому общественному строю, созданному этою революціей. Читатель, который будетъ имѣть терпѣніе внимательно прочесть настоящую главу, найдетъ, можетъ быть, что я снадбилъ свое положеніе слишкомъ обильными доказательствами.

Я прошу позволеніе выдѣлить предварительно такъ называемыя *pays d'état*, т. е. тѣ провинціи, которыя, отчасти, сами управляли собою или, вѣрнѣе, казались самоуправляющимися.

Pays d'état, расположенныя на окраинахъ королевства, заключали въ себѣ не больше одной четверти всего населенія Франціи, и между этими провиціями было только двѣ такихъ, въ которыхъ провинціальныя вольности были дѣйствительно живы. Позднѣе я возвращусь къ pays d'état и тогда покажу, до какой степени центральная власть даже ихъ успѣла подчинить общимъ законамъ *).

Здѣсь я хочу преимущественно заняться тѣмъ, что на административномъ языкѣ того времени называлось *pays d'élection* (дословно „избирательныя провинціи“), хотя избира-

*) См. Приложеніе.

тельнаго въ нихъ было меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Эти провинціи окружали Парижъ со всѣхъ сторонъ, держались всѣ вмѣстѣ и представляли собою сердце и лучшую часть тѣла Франціи.

При первомъ взглядѣ на старую администрацію королевства, все въ ней кажется смѣсью разнородныхъ правилъ и путаницею властей. Франція покрыта сѣтью административныхъ коллегій или отдѣльныхъ чиновниковъ, независимыхъ другъ отъ друга и участвующихъ въ управленіи въ силу права, которое они купили, и которое не можетъ быть отнято у нихъ. Часто ихъ вѣдомства такъ смѣшаны и такъ близко соприкасаются между собою, что они тѣснятся и сталкиваются въ кругу однихъ и тѣхъ же дѣлъ.

Судебныя учрежденія косвенно участвуютъ въ законодательной власти; они имѣютъ право издавать административныя постановленія, обязательныя въ предѣлахъ ихъ вѣдомства. Часто они перечатъ администраціи въ собственномъ смыслѣ, шумно порицаютъ ея мѣропріятія и арестуютъ ея агентовъ. Простые судьи издаютъ полицейскія правила въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ занимаютъ должность.

Города имѣютъ весьма различное устройство. Ихъ должностныя лица носятъ разныя названія и черпаютъ свои полномочія изъ разныхъ источниковъ: здѣсь это — мэръ, тамъ — консулы, еще въ другомъ мѣстѣ — синдики. Нѣкоторые назначены королемъ, другіе — прежнимъ помѣщикомъ или даже старинным владѣтельнымъ княземъ; есть между ними такіе, которые избраны на годъ своими согражданами; другіе купили себѣ право управлять послѣдними на вѣчныя времена.

Все это обломки старыхъ политическихъ силъ; но мало-по-малу среди нихъ возникло нѣчто сравнительно новое или видоизмѣненное, что̀ мнѣ и остается описать.

Въ центрѣ королевства и вблизи трона образовалась административная коллегія, обладающая своеобразнымъ могуществомъ, и въ которой всѣ виды власти совмѣщаются на новый ладъ, а именно, *королевскій совѣтъ* (conseil du roi).

Это — коллегія старинаго происхожденія; не бо̀льшая часть ея функцій возникла недавно. Въ Совѣтѣ соединяется

все: верховное судилище, потому что онъ имѣетъ право кассировать рѣшенія всѣхъ общихъ судовъ; высшій административный судъ, потому что ему въ послѣдней инстанціи подвѣдомственны всѣ спеціальныя юрисдикціи. Какъ правительственный совѣтъ, онъ, сверхъ того, обладаетъ, съ соизволенія короля, законодательною властью, обсуждаетъ и предлагаетъ большую часть законовъ, устанавливаетъ и раскладываетъ налоги. Какъ верховный административный совѣтъ, онъ уполномоченъ издавать общія правила въ руководство правительственнымъ агентамъ. Онъ же рѣшаетъ всѣ особо важныя дѣла и наблюдаетъ надъ дѣятельностью подчиненныхъ властей. Все сходится въ немъ, и отъ него исходитъ движеніе, сообщающееся всему. Между тѣмъ, онъ вовсе не имѣетъ собственной юрисдикціи. Рѣшаетъ одинъ король, даже когда совѣтъ, повидимому, постановляетъ приговоры. Даже отправляя, повидимому, правосудіе, члены совѣта являются простыми „*подавателями мнѣній*“, какъ выражается въ одномъ изъ своихъ представленій Парламентъ.

Этотъ совѣтъ состоитъ вовсе не изъ вельможъ, а изъ людей средняго или низкаго происхожденія, — изъ интендантовъ и другихъ лицъ, пріобрѣтшихъ опытность въ дѣловой практикѣ, — и всѣ его члены могутъ быть отрѣшены отъ должности.

Дѣйствуетъ онъ обыкновенно скромно и безъ шума, всегда обнаруживая меньше притязаній, чѣмъ могущества. Поэтому, самъ по себѣ онъ лишенъ всякаго блеска, или, вѣрнѣе, онъ исчезаетъ въ блескѣ трона, къ которому близокъ; онъ такъ могущественъ, что соприкасается со всѣмъ, и въ то же время такъ невзраченъ, что исторія едва замѣчаетъ его.

Какъ вся администрація страны направляется одною коллегіею, точно такъ же руководство внутренними дѣлами почти всецѣло ввѣрено попеченію одного агента, — *генеральнаго контролера* (contrôleur général).

Раскрывъ какой-либо изъ альманаховъ стараго порядка, вы найдете въ немъ, что каждая провинція имѣла своего особаго министра. Но кто изучаетъ администрацію по документамъ ея дѣлъ, тотъ скоро замѣтитъ, что министру провинціи предоставлялись лишь немногочисленные и маловаж-

ные поводы къ дѣятельности. Обыкновенный ходъ дѣлъ направляется генеральнымъ контролеромъ. Этотъ послѣдній мало-по-малу стягиваетъ къ себѣ всѣ дѣла, при которыхъ возникаютъ денежные вопросы, т. е. почти всю государственную администрацію. Онъ является послѣдовательно въ роли министра финансовъ, министра внутреннихъ дѣлъ, министра общественныхъ работъ и министра торговли.

Какъ въ Парижѣ центральная администрація имѣетъ, собственно говоря, только одного агента, точно такъ же она имѣетъ лишь по одному агенту въ каждой провинціи. Въ XVII вѣкѣ еще встрѣчаются крупные помѣщики, носящіе названіе губернаторовъ провинціи. Это — старинные, часто наслѣдственные представители королевской власти феодальнаго періода. Имъ еще оказываютъ почести, но они уже совершенно не имѣютъ власти. Дѣйствительная правительственная власть всецѣло принадлежитъ интенданту.

Это—человѣкъ незнатнаго происхожденія, всегда чужой въ провинціи, молодой и только начинающій свою карьеру. Онъ отправляетъ свои полномочія не по праву избранія, рожденія или покупки должностей: онъ назначенъ правительствомъ изъ числа младшихъ членовъ королевскаго совѣта и всегда можетъ быть отрѣшенъ отъ должности. Вдали отъ этой коллегіи онъ является ея представителемъ, и вотъ почему на административномъ языкѣ того времени его называютъ *мѣстнымъ комиссаромъ совѣта* (commissaire départi). Въ его рукахъ сосредоточиваются всѣ полномочія, какими обладаетъ самъ совѣтъ; онъ выполняетъ ихъ всѣ въ первой инстанціи. Подобно этому совѣту, онъ въ одно и то же время администраторъ и судья. Интендантъ сносится со всѣми министрами; въ провинціи онъ—единственный проводникъ всѣхъ желаній правительства.

Ниже его, и по его назначенію, стоитъ въ каждомъ округѣ чиновникъ, во всякое время подлежащій отрѣшенію отъ должности,—*субделегатъ* (subdélégué). Интендантъ, обыкновенно,—новопожалованный дворянинъ; субделегатъ—всегда разночинецъ. Тѣмъ не менѣе, онъ представляетъ всю совокупность правительства въ маленькомъ, ввѣренномъ ему

округѣ, какъ интендантъ—въ цѣлой губерніи (généralité).. Онъ подчиненъ интенданту такъ же, какъ послѣдній—министру.

Маркизъ д'Аржансонъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что однажды Лоу ему сказалъ: „Никогда не повѣрилъ бы я тому, что я увидѣлъ, когда былъ контролеромъ финансовъ. Знайте, что французское королевство управляется тридцатью интендантами. У васъ нѣтъ ни парламента, ни штатовъ, ни губернаторовъ: отъ тридцати рекетмейстеровъ, поставленныхъ во главѣ провинцій, зависитъ счастье или несчастье этихъ провинцій, ихъ благосостояніе или нищета".

Эти чиновники, обладавшіе такимъ могуществомъ, тѣмъ не менѣе затмѣвались остатками старой феодальной аристократіи и какъ-бы исчезали въ блескѣ, еще окружавшемъ ее. Вотъ почему даже въ то время они едва были замѣтны, хотя ихъ рука чувствовалась уже вездѣ. Въ свѣтѣ дворяне имѣли надъ ними преимущества знатности, богатства и почета, всегда связаннаго съ стариной. Въ правительствѣ дворянство окружало государя и составляло его дворъ; оно командовало флотомъ и начальствовало надъ войсками; однимъ словомъ, оно дѣлало то, что всего болѣе бросается въ глаза современникамъ и слишкомъ часто останавливаетъ на себѣ также взоры потомства. Предложить вельможѣ занять должность интенданта значило бы его оскорбить; самый мелкій столбовой дворянинъ въ большинствѣ случаевъ съ пренебреженіемъ отказался бы отъ этой должности. Интенданты, въ его глазахъ,—люди, втершіеся въ правительство, выскочки, поставленные въ начальники надъ горожанами и крестьянами, а въ остальномъ, совсѣмъ мелкіе людишки. Однако же эти люди управляли Франціей, какъ сказалъ Лоу, и какъ мы увидимъ ниже.

Начнемъ съ налоговаго права, въ извѣстномъ смыслѣ заключающаго въ себѣ всѣ остальныя права.

Извѣстно, что часть налоговъ сдавалась на откупъ: относительно этой части въ соглашеніи съ финансовыми компаніями вступалъ королевскій совѣтъ; онъ устанавливалъ условія контракта и опредѣлялъ способъ взиманія. Всѣ остальные налоги, какъ напр. талья (taille), поголовная подать (capitation) и пятипроцентный сборъ (les vingtièmes), устана-

вливались и взимались или непосредственно агентами центральной власти, или подъ ихъ всемогущимъ контролемъ.

Королевскій совѣтъ ежегодно, негласнымъ опредѣленіемъ, устанавливалъ размѣръ тальи и многочисленныхъ добавочныхъ къ ней сборовъ, а также раскладку ея между отдѣльными провинціями. Такимъ образомъ, талья изъ года въ годъ росла безъ всякихъ предувѣдомленій и безъ шума.

Такъ какъ талья была налогомъ старымъ, то ея раскладка и взиманіе нѣкогда были ввѣрены мѣстнымъ агентамъ, которые всѣ болѣе или менѣе были независимы отъ правительства и отправляли свои полномочія по праву рожденія, избранія, или въ силу покупки должности. Такими агентами были: *помѣщикъ*, *приходской сборщикъ* (collecteur), *казначеи Франціи* (trèsoriers de France) и *выборные* (élus). Эти власти еще существовали въ XVIII в.; но одни изъ нихъ совершенно перестали заниматься сборомъ тальи, другіе же, если и занимались имъ, то роль ихъ при этомъ была весьма второстепенною и вполнѣ подчиненною. Даже здѣсь вся власть находилась въ рукахъ интенданта и его агентовъ: въ дѣйствительности, онъ одинъ раскладывалъ талью между приходади, руководилъ сборщиками и наблюдалъ надъ ними, разрѣшалъ отсрочки и облегченія.

Такъ какъ другіе налоги, какъ напр. capitation, были новаго происхожденія, то въ нихъ правительство уже не было стѣснено обломками старыхъ политическихъ силъ; здѣсь оно дѣйствовало самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства со стороны управляемыхъ. Генеральный контролеръ, интендантъ и королевскій совѣтъ опредѣляли размѣръ каждой доли.

Отъ денегъ перейдемъ къ людямъ.

Иногда высказывается удивленіе по поводу того, что французы такъ терпѣливо несли иго военныхъ наборовъ въ эпоху революціи и позднѣе; но слѣдуетъ хорошо помнить, что къ этому они были пріучены съ давнихъ поръ. Рекрутчинѣ предшествовало народное ополченіе (milice), повинность болѣе тягостная, хотя и требовавшая меньшихъ контингентовъ. Отъ времени до времени сельскую молодежь заставляли тянуть жребій и брали изъ ея среды опредѣленное

число солдатъ, составлявшихъ полки милиціи, въ которыхъ служба продолжалась шесть лѣтъ.

Такъ какъ ополченіе было учрежденіемъ, сравнительно, новымъ, то ни одна изъ средневѣковыхъ политическихъ силъ не имѣла къ нему отношенія; все дѣло было ввѣрено исключительно агентамъ центральной власти. Совѣтъ устанавливалъ общій контингентъ и долю каждой провинціи. Интендантъ опредѣлялъ число лицъ, которое долженъ былъ выставить каждый приходъ. Его субделегатъ предсѣдательствовалъ при жеребьевкѣ, рѣшалъ случаи увольненія отъ повинности, опредѣлялъ, кто изъ ополченцовъ можетъ оставаться дома, кто подлежитъ отправкѣ въ другое мѣсто, и, наконецъ, передавалъ послѣднихъ въ руки военной власти. Жалобы могли быть приносимы только на имя интенданта или совѣта.

Равнымъ образомъ можно сказать, что, внѣ pays d'état всѣ общественныя работы, не исключая и тѣхъ, которыя имѣли наиболѣе мѣстное значеніе, значались и велись только агентами центральной власти.

Существовали, правда, другія, мѣстныя и независимыя власти, какъ помѣщикъ, финансовыя бюро (bureaux de finances), главные смотрители (grands voyers), которые могли участвовать въ этой отрасли государственной администраціи. Но почти всѣ эти старыя власти дѣйствовали мало или вовсе перестали дѣйствовать: самое легкое изслѣдованіе административныхъ документовъ того времени доказываетъ это. Всѣ большіе дороги и даже дороги, ведшія отъ одного города къ другому, мостились и содержались изъ суммъ, доставляемыхъ общими налогами. Совѣтъ утверждалъ планъ и назначалъ торги. Интендантъ руководилъ работами инженеровъ, субделегатъ созывалъ барщину для выполненія ихъ. Попеченію старыхъ властей предоставлялись однѣ проселочныя дороги, которыя по тому самому оставались непроѣздными.

Главнымъ агентомъ центральнаго правительства въ области общественныхъ работъ былъ, какъ и въ наши дни, *корпусъ путей сообщенія* (corps des ponts et chaussés). Здѣсь все до странности схоже, несмотря на разность времени. Администрація путей сообщенія имѣетъ свой совѣтъ и свое учи-

лище; имѣетъ инспекторовъ, ежегодно объѣзжающихъ всю Францію, имѣетъ инженеровъ, живущихъ на мѣстахъ и обязанныхъ, по указанію интенданта, руководить въ этихъ мѣстахъ всѣми работами. Учрежденія Стараго порядка были перенесены въ новое общество въ гораздо бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ это предполагаютъ; при этомъ переносѣ они обыкновенно теряли свои прежнія названія, даже когда сохраняли прежнія формы; но это учрежденіе сохранило и то, и другое—явленіе рѣдкое.

Центральное правительство брало на себя одного, при посредствѣ своихъ агентовъ, поддержаніе общественнаго порядка въ провинціяхъ. Дозорныя команды (la maréchaussée) были распредѣлены небольшими бригадами по всей поверхности королевства и вездѣ отданы въ распоряженіе интендантовъ. Съ помощью этихъ солдатъ, а въ случаѣ надобности — и арміи, интендантъ отражалъ всѣ непредвидѣнныя опасности, задерживалъ бродягъ, преслѣдовалъ нищенство и подавлялъ возстанія, которыя безпрестанно происходили вслѣдствіе высокихъ цѣнъ на хлѣбъ. Никогда не случалось, чтобы управляемые, какъ въ старину, были призваны на помощь правительству въ этой части его задачи: исключеніе составляли города, гдѣ обыковенно существовала городская гвардія, солдаты и офицеры которой назначались интендантомъ.

Судебныя коллегіи сохраняли право издавать полицейскія правила и часто пользовазись имъ; но эти правила имѣли силу только для части территоріи, чаще всего — только для опредѣленной мѣстности. Совѣтъ всегда могъ ихъ отмѣнить и отмѣнялъ постоянно, когда рѣчь шла о низшихъ юрисдикціяхъ. Съ своей стороны, онъ ежедневно издавалъ общія правила, одинаково примѣнимыя во всемъ королевствѣ, какъ по предметамъ отличнымъ отъ тѣхъ, которые опредѣлялись судебными учрежденіями, такъ и по тѣмъ же предметамъ, которые иначе регламентировались ими. Число этихъ правилъ или, какъ говорилось въ то время, *„постановленій совѣта“* (arrêts du conseil), громадно, и не перестаетъ возрастать по мѣрѣ приближенія къ Революціи. Нѣтъ почти ни одной отрасли общественной экономіи или политической организаціи, которой-бы не перебрали

постановленія совѣта въ теченіе предшествующихъ Революціи сорока лѣтъ.

Если въ старомъ феодальномъ обществѣ помѣщикъ обладалъ большими правами, то у него были и большія обязанности. На немъ лежитъ забота о бѣдныхъ въ предѣлахъ его владѣній. Послѣднюю черту этого стараго законодательства Европы мы находимъ въ прусскомъ кодексѣ 1795 г., гдѣ сказано: „Помѣщикъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы бѣдные крестьяне получали воспитаніе. Онъ долженъ, насколько это возможно, доставлять средства къ жизни тѣмъ изъ своихъ вассаловъ, которые не имѣютъ земли. Тѣмъ изъ нихъ, которые впадутъ въ нужду, онъ обязанъ подавать помощь“.

Ни одного подобнаго закона давно уже не существовало въ Франціи. Когда у помѣщика были отняты его старыя права, онъ отстранился также и отъ своихъ старыхъ обязанностей. Ни одна изъ мѣстныхъ властей, никакой совѣтъ, никакая провинціальная или приходская ассоціація не стали на его мѣсто. Никто болѣе не обязывался закономъ заботиться о бѣдныхъ въ селахъ; центральное правительство смѣло брало на себя одного удовлетвореніе ихъ нуждъ.

Совѣтъ ежегодно ассигновалъ каждой провинціи, изъ общихъ суммъ налоговъ, извѣстные фонды, изъ которыхъ интендантъ раздавалъ пособія въ приходахъ. Къ нему долженъ былъ обращаться нуждающійся земледѣлецъ. Въ неурожайные годы по порученію интенданта раздавались народу хлѣбъ и рисъ. Совѣтъ ежегодно издавалъ приказы, повелѣвавшіе учреждать въ извѣстныхъ, имъ же указываемыхъ, мѣстахъ благотворительныя мастерскія, гдѣ наиболѣе бѣдные крестьяне могли работать за небольшую плату. Легко догадаться, что благотворительность, оказываемая на такомъ далекомъ разстояніи, часто бывала слѣпа или капризна и всегда—очень недостаточна.

Центральное правительство не довольствовалось тѣмъ, что помогало крестьянамъ въ ихъ нуждахъ: оно бралось указывать имъ средства къ обогащенію, помогать имъ въ этомъ, а въ случаѣ надобности — и принуждать. Съ этою цѣлью оно отъ времени до времени поручало интендантамъ и ихъ субделегатамъ распространять маленькія сочиненія о

земледѣльческомъ искусствѣ, основывало сельско-хозяйственныя общества, назначало преміи, дѣлало большія затраты на содержаніе питомниковъ и раздавало населенію произведенія послѣднихъ. Кажется, цѣлесообразнѣе было бы облегчить бремя и уменьшить неравенство повинностей, въ то время угнетавшихъ земледѣліе; но объ этомъ правительство, повидимому, никогда не помышляло.

Иногда совѣтъ имѣлъ въ виду заставить частныхъ лицъ благоденствовать, во что-бы то ни стало. Повелѣнія, обязывающія ремесленниковъ пользоваться опредѣленными способами производства и выдѣлывать опредѣленнаго рода товары, безчисленны; и такъ какъ однихъ интендантовъ было недостаточно для надзора за соблюденіемъ всѣхъ этихъ правилъ, то существовали особые генеральные инспектора промышленности (inspecteurs généraux de l'industrie), объѣзжавшіе провинціи съ цѣлью наблюдать за исполненіемъ этихъ предписаній.

Есть постановленія совѣта, воспрещающія разведеніе извѣстныхъ растеній на земляхъ, которыя совѣтъ считаетъ мало пригодными къ тому. Есть другія повелѣнія, въ которыхъ совѣтъ приказываетъ выкапывать виноградныя лозы, посаженныя, по его мнѣнію, на дурной почвѣ. Настолько успѣло уже правительство изъ роли государя перейти въ роль опекуна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Такъ называемая правительственная опека есть учрежденіе стараго порядка.

Во Франціи муниципальная свобода пережила феодализмъ. Когда помѣщики уже болѣе не управляли селами, города еще сохраняли право завѣдыванія своими дѣлами. Вплоть до конца XVII в. встрѣчаются города, все еще представляющіе собою какъ бы маленькія демократическія республики, гдѣ должностныя лица свободно избираются всѣмъ

народомъ и отвѣтственны передъ нимъ, гдѣ дѣятельна муниципальная и общественная жизнь, гдѣ община еще гордится своими правами и очень ревниво оберегаетъ свою независимость.

Въ первый разъ выборы повсемѣстно были отмѣнены лишь въ 1692 г. Муниципальныя должности были тогда обращены въ *оффиціи* (offices); то-есть король, въ каждомъ городѣ, продавалъ извѣстному числу жителей право на вѣчныя времена управлять всѣми остальными обывателями.

Это значило пожертвовать, вмѣстѣ съ вольностями городовъ, и ихъ благосостояніемъ; потому что, если обращеніе общественныхъ должностей въ оффиціи часто имѣло полезныя послѣдствія, когда дѣло касалось судовъ, такъ какъ первое условіе справедливаго суда есть полная независимость судьи; то оно оказывалось пагубнымъ каждый разъ, когда рѣчь шла объ управленіи въ собственномъ смыслѣ, гдѣ особенно необходимы отвѣтственность, повиновеніе и усердіе. Правительство старой монархіи не обманывало себя на этотъ счетъ: оно никогда не примѣняло къ самому себѣ того режима, которому подчинило города, и ни въ какомъ случаѣ не обратило бы въ оффиціи должности субделегатовъ или интендантовъ.

И,—что вполнѣ заслуживаетъ всего презрѣнія исторіи,—этотъ громадный переворотъ былъ совершенъ безъ всякихъ политическихъ видовъ. Людовикъ XI ограничилъ муниципальныя вольности потому, что ихъ демократическій характеръ пугалъ его. Людовикъ XIV уничтожилъ эти вольности, не боясь ихъ. Это доказывается тѣмъ, что онъ возвратилъ ихъ всѣмъ городамъ, которые были въ состояніи ихъ выкупить. Въ дѣйствительности, онъ не столько хотѣлъ ихъ отмѣнить, сколько желалъ пустить ихъ въ выгодный оборотъ и, если дѣйствительно ихъ уничтожилъ, то сдѣлалъ это, такъ сказать, не думая, единственно вслѣдствіе финансоваго затрудненія; и—странное дѣло! та же игра продолжается въ теченіе восьмидесяти лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени городамъ семь разъ продаютъ право избирать своихъ должностныхъ лицъ и, не успѣютъ они снова вкусить сладость этого права, его у нихъ опять отнимаютъ для того, чтобы

снова продать. Мотивъ этой мѣры всегда одинъ и тотъ же, и правительство часто прямо его высказываетъ. „Нужды нашихъ финансовъ“ — сказано во вступленіи къ эдикту 1722 г., — „заставляютъ насъ искать наиболѣе вѣрныхъ средствъ къ ихъ облегченію“. Средство было вѣрно, но разорительно для тѣхъ, на кого падалъ этотъ странный налогъ. „Меня поражаетъ громадность тѣхъ суммъ, которыя во всѣ времена были уплачиваемы для выкупа муниципальныхъ оффицій“, — пишетъ генеральному контролеру одинъ интендантъ въ 1764 г.: „всѣ эти суммы, будучи употреблены на полезныя предпріятія, обратились бы къ выгодѣ города, который, напротивъ, чувствовалъ только тягость власти и привилегій, принадлежавшихъ этимъ оффиціямъ“. Я не нахожу болѣе позорной черты во всей физіономіи Стараго порядка.

Въ настоящее время представляется труднымъ сказать опредѣлительно, какъ управлялись города въ XVIII в., потому что источникъ муниципальныхъ властей, какъ только что было указано, непрерывно измѣняется, и, кромѣ того, каждый городъ сохраняетъ еще нѣкоторые обрывки своего стараго устройства и имѣетъ свои особые обычаи. Нѣтъ, можетъ быть, двухъ городовъ во Франціи, совершенно похожихъ другъ на друга; но это—обманчивое разнообразіе, за которымъ скрывается полное сходство.

Въ 1764 г. правительство предприняло изданіе общаго закона объ управленіи городами. Оно велѣло своимъ интендантамъ прислать ему записки о томъ, какъ шли въ то время дѣла въ каждомъ городѣ. Часть этого разслѣдованія я нашелъ и, читая ее, окончательно убѣдился въ томъ, что муниципальныя дѣла велись почти вездѣ одинаково. Остались лишь поверхностныя и кажущіяся различія; сущность вездѣ одна и та же.

Чаще всего городское управленіе ввѣрено двумъ собраніямъ. Это относится ко всѣмъ большимъ городамъ и къ большинству малыхъ.

Первое собраніе состоитъ изъ муниципальныхъ должностныхъ лицъ, болѣе или менѣе многочисленныхъ, смотря по мѣстности: это—исполнительная власть общины, *городская коллегія* (corps de ville), какъ говорилось въ то время. Его членамъ принадлежитъ власть, ограниченная опредѣленнымъ срокомъ; они избраны, если избраніе должностныхъ лицъ установлено королемъ, или если городъ могъ выкупить оффиціи. Они исполняютъ свои обязанности безсрочно, купивъ это право за деньги, если король возстановилъ оффиціи, и если ему удалось ихъ продать, что́ бываетъ не всегда; потому что этотъ товаръ все болѣе и болѣе обезцѣнивается по мѣрѣ того какъ муниципальная власть все болѣе подчиняется центральному правительству. Въ обоихъ случаяхъ муниципальныя должностныя лица не получаютъ жалованья, но они всегда пользуются привилегіями и податными изъятіями. Іерархическаго порядка среди нихъ нѣтъ никакого; управленіе коллективно; не видно, чтобы какое-либо должностное лицо въ частности руководило управленіемъ и несло за него отвѣтственность. Мэръ — предсѣдатель городской коллегіи, но не администраторъ общины.

Второе собраніе, называемое *общимъ собраніемъ* (assemblée générale) избираетъ городскую коллегію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ избраніе еще имѣло мѣсто, и вездѣ продолжаетъ принимать участіе въ важнѣйшихъ дѣлахъ.

Въ XV в. общее собраніе часто состояло изъ всего народа; „этотъ обычай“, — гласитъ одна изъ записокъ правительственнаго разслѣдованія, — „*согласовался съ демократическимъ духомъ нашихъ предковъ*“. Муниципальныхъ должностныхъ лицъ избиралъ въ то время весь народъ; съ нимъ иногда совѣщались; ему отдавали отчетъ. Въ концѣ XVII в. это иногда встрѣчается.

Въ XVIII в. уже не самъ народъ въ полномъ составѣ образуетъ общее собраніе. Послѣднее почти всегда носитъ представительный характеръ. Но особенно слѣдуетъ замѣтить, что оно нигдѣ болѣе не избирается массою народа и не вдохновляется ею. Оно вездѣ состоитъ изъ *нотаблей*, изъ которыхъ нѣкоторые появляются въ немъ въ силу права, принадлежащаго имъ лично; другіе посылаются въ это собраніе корпораціями или компаніями, и каждый въ немъ дѣйствуетъ по опредѣленному наказу (mandat impératif), данному этимъ маленькимъ отдѣльнымъ обществомъ.

Чѣмъ далѣе отъ начала столѣтія, тѣмъ число нотаблей

въ составѣ этого собранія становится больше; депутаты промышленныхъ корпорацій дѣлаются малочисленнѣе или вовсе перестаютъ появляться. Въ составѣ собранія встрѣчаются уже только депутаты отъ *обществъ* (corps); это значитъ, что собраніе содержитъ въ себѣ только горожанъ (bourgeois) и почти совсѣмъ не принимаетъ болѣе ремесленниковъ. Тогда народъ, который вовсе не такъ легко обмануть пустыми призраками свободы, повсюду перестаетъ интересоваться дѣлами общины и замыкается въ своихъ четырехъ стѣнахъ, становится какъ бы иностранцемъ. Напрасно магистратъ пытается время отъ времени пробудить въ немъ тотъ муниципальный патріотизмъ, который совершилъ столько чудесъ въ средніе вѣка: народъ остается глухъ къ этимъ попыткамъ. Самые важные интересы города, повидимому, не затрогиваетъ его болѣе. Иногда магистрату кажется нужнымъ соблюсти пустую внѣшность свободнаго избранія, и ему хочется, чтобы народъ принялъ участіе въ подачѣ голосовъ: народъ упрямо отказывается. Въ исторіи нѣтъ ничего обыкновеннѣе такого зрѣлища. Почти всѣ государи, уничтожившіе свободу, въ началѣ пытались поддержать ея внѣшнія формы: это наблюдалось отъ Августа и до нашихъ дней; такимъ путемъ они надѣялись совмѣстить нравственную силу, которую всегда даетъ одобреніе общества, съ тѣми удобствами, которыя можетъ представить одна абсолютная власть. Почти всѣ они потерпѣли неудачу въ этомъ предпріятіи и не замедлила убѣдиться, что невозможно поддержать эту лживую внѣшность тамъ, гдѣ исчезли дѣйствительныя отношенія.

Итакъ, въ XVIII в. муниципальное правительство городовъ повсюду выродилось въ маленькую олигархію. Нѣсколько семействъ вели въ нихъ всѣ дѣла сообразно своимъ частнымъ интересамъ, невидимо для общества и не неся никакой отвѣтственности передъ нимъ: это — болѣзнь, которою поражена администрація Франціи. Всѣ интенданты указываютъ на нее. Но единственное лѣкарство, которое имъ приходитъ въ голову, это—все большее и большее подчиненіе мѣстныхъ властей центральному правительству.

Между тѣмъ, въ этомъ направленіи трудно было сдѣлать

больше того, что̀ уже было сдѣлано; независимо отъ эдиктовъ, время отъ времени видоизмѣняющихъ управленіе всѣхъ городовъ, мѣстные законы каждаго изъ нихъ часто передѣлываются регламентами королевскаго совѣта, не регистрированными парламентомъ, изданными по представленіямъ интендантовъ, безъ предварительнаго разслѣдованія и часто безъ вѣдома самихъ жителей города.

„Эта мѣра“,—говорятъ жители одного города, испытавшаго на себѣ дѣйствіе подобнаго повелѣнія,—удивила всѣ сословія города, которыя ничего подобнаго не ожидали“.

Города не могутъ ни установить у себя пошлину на ввозъ съѣстныхъ припасовъ, ни собрать налогъ, ни закладывать, ни продавать, ни вчинать исковъ, ни отдавать въ аренду свои имущества, ни управлять ими, ни расходовать излишковъ своихъ поступленій безъ постановленія совѣта по представленію интенданта. Всѣ городскія работы исполняются по планамъ и согласно смѣтамъ, одобреннымъ постановленіями совѣта. Отдача съ торговъ происходитъ въ присутствіи интенданта или его субделегатовъ, ведутся же работы, обыкновенно, правительственнымъ инженеромъ или архитекторомъ. Это обстоятельство сильно удивитъ тѣхъ, кто думаетъ, что все, что̀ мы видитъ теперь во Франціи, ново.

Но вмѣшательство центральнаго правительства въ городскія дѣла идетъ еще дальше, чѣмъ указываетъ приведенное правило; его власть въ нихъ гораздо шире его правъ.

Въ одномъ циркулярѣ генеральнаго контролера средины XVIII в. ко всѣмъ интендантамъ я читаю слѣдующее: „Обратите особенное вниманіе на все, что̀ происходитъ въ муниципальныхъ собраніяхъ. Потребуйте, чтобы вамъ были представляемы самые подробные отчеты съ изложеніемъ всѣхъ принятыхъ рѣшеній, для немедленной высылки мнѣ вмѣстѣ въ вашимъ заключеніемъ“.

Дѣйствительно, изъ переписки интенданта съ его субделегатами видно, что правительство слѣдитъ за всѣми городскими дѣлами, за самыми мелкими такъ-же, какъ за наиболѣе важными. Его запрашиваютъ обо всемъ, и оно обо всемъ имѣетъ рѣшительное мнѣніе; оно опредѣляетъ все, даже праздники. Оно предписываетъ въ извѣстныхъ случаяхъ, изъ-

явленія общественной радости, заставляетъ зажигать фейерверкъ и иллюминировать дома. Мы находимъ интенданта который подвергаетъ пенѣ въ двадцать ливровъ членовъ городской гвардіи, не явившихся въ церковь къ молебну.

У муниципальныхъ должностныхъ лицъ есть и приличествующее имъ сознаніе своего ничтожества.

„Мы униженнѣйше просимъ васъ, монсеньеръ“,—пишутъ нѣкоторые изъ нихъ интенданту,—„даровать намъ ваше благоволеніе и покровительство. Мы постараемся ихъ оправдать, подчиняясь всѣмъ приказаніямъ вашего вельможества (Votre Grandeur)“.—„Мы никогда не противились вашимъ желаніямъ, монсеньеръ“,—пишутъ другіе, еще величающіе себя пышнымъ титуломъ *пэровъ города*.

Такъ приготовляется городское сословіе къ управленію государствомъ, а народъ—къ свободѣ.

Если-бы, по крайней мѣрѣ, эта строгая зависимость городовъ сберегла ихъ финансы; но и этого не было. Утверждаютъ, что если-бы не централизація, города разорились бы немедленно. Не знаю. Но достовѣрно то, что въ XVIII в. централизація не помѣшала имъ разориться. Вся административная исторія этого времени полна безпорядка въ ихъ дѣлахъ.

Перейдя отъ городовъ къ селамъ, мы находимъ иныя власти, иныя формы, но туже зависимость.

Я хорошо вижу признаки, указывающіе на то, что въ средніе вѣка жители каждаго села составляли общину, отдѣльную отъ помѣщика. Послѣдній ею пользовался, надзиралъ надъ нею, управлялъ ею; но въ общемъ владѣніи ея членовъ находились извѣстныя имущества, на которыя ей принадлежало право полной собственности; она избирала своихъ старшинъ и управляла собою сама демократически.

Это старое устройство прихода встрѣчается у всѣхъ націй, пережившихъ феодальный строй, и во всѣхъ тѣхъ странахъ, куда эти націи занесли обломки своихъ законовъ. Слѣды этого устройства видѣли повсюду въ Англіи, а шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ оно было еще совершенно живо и въ Германіи, въ чемъ можно убѣдиться, читая кодексъ

Фридриха Великаго. Даже во Франціи, въ XVIII в. существуютъ еще нѣкоторые слѣды его.

Я помню, что, когда я разыскивалъ въ первый разъ, въ архивахъ одного интендантства, что̀ представлялъ собою приходъ стараго порядка, я былъ удивленъ, встрѣтивъ въ этой бѣдной и порабощенной общинѣ многія изъ тѣхъ чертъ, которыя нѣкогда поразили меня въ сельской общинѣ Америки и въ то время ошибочно были приняты мною за исключительную особенность Новаго Свѣта. Ни та, ни другая не имѣетъ постояннаго представительства, муниципальной коллегіи въ собственномъ смыслѣ; обѣ управляются должностными лицами, дѣйствующими, каждое, отдѣльно, подъ руководствомъ всей общины. Въ обѣихъ время отъ времени происходятъ общія собранія, гдѣ всѣ жители, соединившись въ одно нераздѣльное цѣлое, избираютъ своихъ должностныхъ лицъ и рѣшаютъ важнѣйшія дѣла. Однимъ словомъ, эти двѣ общины похожи другъ на друга, на сколько то, что̀ живо, можетъ походить на мертвеца.

Оба эти существа, столь различныя по своимъ судьбамъ, имѣли, въ дѣйствительности, одинаковое происхожденіе.

Сразу перенесенный на далекое разстояніе отъ феодализма и будучи полнымъ господиномъ надъ собою, сельскій приходъ среднихъ вѣковъ сдѣлался городскою общиной (township) Новой Англіи. Отдѣленный отъ помѣщика, но сжатый въ мощной рукѣ государства, онъ сталъ во Франціи тѣмъ, о чемъ мы сейчасъ скажемъ.

Въ XVIII в. названія и число приходскихъ должностныхъ лицъ видоизмѣняется сообразно провинціямъ. Изъ старыхъ документовъ видно, что эти должностныя лица были многочисленнѣе, когда мѣстная жизнь была болѣе дѣятельна; ихъ число уменьшалось по мѣрѣ того, какъ она цѣпенѣла. Въ бо̀льшей части приходовъ XVIII в. ихъ уже только два; одинъ называется *сборщикомъ* (collecteur), другой—*синдикомъ* (syndic). Обыкновенно эти муниципальныя должностныя лица еще избираются или считаются избираемыми; но они повсюду сдѣлались орудіями государства больше, чѣмъ представителями общины. Сборщикъ собираетъ талью подъ непосредственнымъ начальствомъ интенданта. Синдикъ, постав-

ленный подъ ежедневное руководство подчиненнаго интенданту субделегата, представляетъ лицо послѣдняго во всѣхъ дѣйствіяхъ, относящихся къ общественному порядку или къ государственному управленію. Онъ—главный агентъ субделегата, когда дѣло касается ополченія, государственныхъ работъ, исполненія всѣхъ общихъ законовъ.

Помѣщикъ, какъ мы уже видѣли, остается чуждъ всѣмъ этимъ подробностямъ управленія; онъ даже не надзираетъ надъ ними и не помогаетъ въ нихъ; мало того: эти заботы, нѣкогда поддерживавшія его могущество, начинаютъ ему казаться недостойными его, по мѣрѣ того, какъ самое его могущество все болѣе разрушается. Теперь предложить ему заняться ими значило бы уже оскорбить его гордость. Онъ болѣе не управляетъ; но его присутствіе въ приходѣ и его привилегіи мѣшаютъ хорошему приходскому управленію утвердиться на его мѣстѣ. Частное лицо, такъ рѣзко отличающееся отъ всѣхъ прочихъ, до такой степени независимое и пользующееся такимъ сильнымъ покровительствомъ, уничтожаетъ или ослабляетъ въ приходѣ значеніе всѣхъ установленныхъ правилъ.

Столкновенія съ нимъ, какъ будетъ показано ниже, заставилп бѣжать въ городъ, одного за другимъ, почти всѣхъ жителей, обладавшихъ зажиточностью или образованіемъ; поэтому, въ приходѣ, кромѣ помѣщика, остается еще только толпа невѣжественныхъ и грубыхъ крестьянъ, неспособныхъ руководить общиннымъ управленіемъ. „Приходъ“—справедливо сказалъ Тюрго: „представляетъ собою скопленіе хижинъ и жителей, столь же пассивныхъ, какъ эти хижины“.

Административные документы XVII в. наполнены жалобами на неспособность, бездѣятельность и невѣжество приходскихъ сборщиковъ и синдиковъ. Министры, интенданты, субделегаты, даже дворяне,—всѣ жалуются безпрестанно; но никто не восходитъ къ причинамъ.

Вплоть до Революціи сельскій приходъ во Франціи сохраняетъ въ своемъ управленіи нѣчто, напоминающее тотъ демократическій видъ, который оно имѣло въ средніе вѣка. Нужно ли избрать муниципальныхъ должностныхъ лицъ или обсудить какія-либо общественныя дѣла,—колоколъ сельской

церкви созываетъ крестьянъ на церковную паперть; туда имѣетъ право являться бѣднякъ такъ же, какъ и богачъ. Правда, на этомъ сходѣ не бываетъ ни обсужденія въ собственномъ смыслѣ, ни подачи голосовъ; но каждый можетъ высказывать свое мнѣніе, и нотаріусъ, приглашенный на этотъ случай и составляющій свой журналъ подъ открытымъ небомъ, собираетъ различныя мнѣнія и вноситъ ихъ въ протоколъ.

Сопоставленіе этихъ безсодержательныхъ призраковъ свободы и соединеннаго съ ними дѣйствительнаго безсилія въ малыхъ размѣрахъ уже обнаруживаетъ, какъ наиболѣе абсолютное правительство можетъ сочетаться съ нѣкоторыми изъ формъ самой крайней демократіи, такъ что угнетаемые еще становятся смѣшны тѣмъ, что какъ будто не сознаютъ своей угнетенности. Этотъ демократическій приходской сходъ могъ высказывать всякія пожеланія, но осуществить свою волю онъ имѣлъ такъ же мало права, какъ и городской муниципальный совѣтъ. Даже говорить онъ имѣлъ право только тогда, когда ему открывали ротъ; потому что собраться онъ могъ не иначе, какъ испросивъ особое разрѣшеніе интенданта и *не выходя изъ его воли*, какъ выражались въ то время, называя вещь ея именемъ. Придя къ единогласному рѣшенію, онъ все-таки не могъ ни обложить себя налогомъ, ни продать, ни купить, ни заключить договоръ найма, ни начать искъ безъ разрѣшенія королевскаго совѣта. Чтобы починить церковную кровлю, только что попорченную вѣтромъ, или разрушающуюся стѣну въ домѣ священника, необходимо было испросить повелѣніе того же совѣта. Наиболѣе отдаленный отъ Парижа сельскій приходъ былъ подчиненъ этому правилу наравнѣ съ самымъ близкимъ. Я встрѣчалъ приходы, просившіе совѣтъ о разрѣшеніи израсходовать двадцать пять ливровъ.

Правда, жители обыкновенно сохраняли право сообща всѣмъ приходомъ избирать своихъ должностныхъ лицъ. Но часто случалось, что интендантъ предлагалъ этой маленькой избирательной коллегіи кандидата, который неизбѣжно и оказывался избраннымъ единогласно. Въ другихъ случаяхъ онъ кассировалъ выборы, сдѣланные самовольно, самъ назначалъ

сборщика и синдика и впредь безсрочно пріостанавливалъ всякіе новые выборы. Я видѣлъ сотни подобныхъ примѣровъ.

Нельзя себѣ представить ничего ужаснѣе участи этихъ общинныхъ должностныхъ лицъ. Послѣдній агентъ центральнаго правительства, субделегатъ, заставлялъ ихъ подчиняться малѣйшимъ своимъ капризамъ. Часто онъ приговаривалъ ихъ къ пенѣ; иногда сажалъ въ тюрьму; потому что гарантіи, еще защищавшія прочихъ гражданъ отъ произвола, въ этомъ случаѣ не существовали. „Я посадилъ въ тюрьму“, — говоритъ одинъ интендантъ 1750 г.,—„нѣсколько старшинъ въ общинахъ, которыя роптали, и заставилъ эти общины заплатить за проѣздъ дозорной команды. Такимъ путемъ онѣ легко были усмирены“. Вотъ почему приходскія должности считались не столько почестью, сколько повинностью, отъ которой старались избавиться съ помощью всевозможныхъ уловокъ.

И при всемъ томъ эти послѣдніе обломки стараго приходскаго управленія еще были дороги крестьянамъ, и даже въ настоящее время единственная изъ всѣхъ общественныхъ вольностей, которую они хорошо понимаютъ, это независимость приходовъ. Это единственное общественное дѣло, дѣйствительно интересующее ихъ. Тѣ самые люди, которые охотно оставляютъ управленіе всею націей въ рукахъ одного хозяина, возмущаются при мысли о томъ, что они не имѣютъ голоса въ управленіи своею деревней. Столько остается еще силы въ самыхъ пустыхъ формахъ!

То, что́ я сказалъ о городахъ и приходахъ, должно быть распространено почти на всѣ корпораціи, имѣвшія отдѣльное существованіе и коллективную собственность.

При Старомъ порядкѣ, какъ и въ наши дни, во Франціи не было города, мѣстечка, села, даже самой маленькой деревушки, больницы, фабрики, монастыря или гимназіи, которые смѣли бы имѣть независимую волю въ своихъ частныхъ дѣлахъ или управлять по своему желанію своимъ собственнымъ имуществомъ. Итакъ, тогда, какъ и теперь, администрація держала всѣхъ французовъ подъ опекой; и если еще не было произнесено это дерзкое слово, то, по крайней мѣрѣ, соотвѣтствующій фактъ уже существовалъ.

ГЛАБА ЧЕТВЕРТАЯ.

О томъ, что административная юстиція и судебныя изъятія въ пользу чиновниковъ суть учрежденія Стараго порядка.

Въ Европѣ не было страны, въ которой общіе суды меньше зависѣли бы отъ правительства, чѣмъ во Франціи; но въ то же время не существовало страны, гдѣ бы исключительные суды были въ бо́льшемъ употребленіи. Эти два явленія были связаны мелду собою тѣснѣе, чѣмъ думаютъ обыкновенно. Такъ какъ во Франціи король почти совсѣмъ не имѣлъ власти надъ судьбою судей; такъ какъ онъ не могъ ни отрѣшить судью отъ должности, ни перевести его въ другое мѣсто, ни даже, въ большинствѣ случаетъ, повысить его въ степени; такъ какъ, однимъ словомъ, онъ не могъ дѣйствовать на судей ни возбужденіемъ честолюбія, ни страхомъ, онъ скоро почувствовалъ себя стѣсненнымъ этою ихъ независимостью. Это обстоятельство болѣе, чѣмъ гдѣ либо, побудило его изъять изъ ихъ вѣдѣнія тѣ дѣла, въ которыхъ непосредственно была заинтересована его власть, и рядомъ съ ними, для собственнаго употребленія, создать родъ зависимаго суда, по внѣшности представлявшаго поданнымъ извѣстныя черты справедливости, но, въ дѣйствительности, безопаснаго съ этой стороны.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, общіе суды никогда не были такъ независимы отъ правительства, какъ французскіе суды того времени, подобная предосторожность не была принята, и административной юстиціи не существовало. Тамъ государь настолько чувствовалъ себя господиномъ судей, что не нуждался въ комиссарахъ.

Кто пожелаетъ внимательно прочесть королевскіе эдикты и декларації, обнародованные въ теченіе послѣдняго вѣка монархіи, а также постановленія совѣта изданныя въ этотъ же періодъ времени, найдетъ между ними мало такихъ, въ которыхъ правительство, принявъ какую-либо мѣру, забыло бы прибавить, что могущіе изъ нея возникнуть споры

и тяжбы должны быть разбираемы исключительно интендантомъ и совѣтомъ. „Сверхъ того повелѣваетъ Его Величество, чтобы всѣ споры, могущіе возникнуть при исполненіи настоящаго приказа, со всѣми принадлежностями, были представляемы на разсмотрѣніе интенданту, причемъ предоставляется право обжалованія въ совѣтъ. Воспрещаемъ нашимъ судамъ и трибуналамъ разсматривать такія дѣла". Это обычная формула.

Въ дѣла, предусмотрѣнныя старыми законами или обычаями, въ которыхъ эта предосторожность не была принята, совѣтъ постоянно вмѣшивается путемъ *эвокаціи*: онъ извлекаетъ изъ рукъ общихъ судей всякое дѣло, въ которомъ заинтересована администрація, и переноситъ его къ себѣ. Реэстры совѣта наполнены такого рода постановленіями объ эвокаціи. Мало-по-малу исключеніе становится общимъ правиломъ, фактъ преобразуется въ теорію. Если не въ законахъ, то въ умѣ тѣхъ, кто ихъ примѣняетъ, утверждается, какъ государственный принципъ, то положеніе, что всѣ процессы, въ которыхъ замѣшанъ какой-либо публичный интересъ, или которые возникаютъ изъ толкованія какого-либо административнаго акта, отнюдь не входятъ въ вѣдѣніе общихъ судовъ, единственное назначеніе которыхъ—разбирать столкновенія частныхъ интересовъ. Здѣсь мы только отыскали формулу: содержащаяся въ ней идея принадлежитъ Старому порядку.

Съ этой поры бо̀льшая часть спорныхъ вопросовъ, возникающихъ по поводу взиманія налоговъ, подлежитъ исключительному вѣдѣнію интенданта и совѣта. То же самое относится ко всему, что̀ касается полиціи передвиженія и общественныхъ экипажей, высшаго дорожнаго управленія (la grande voirie), рѣчного судоходства и т. д.; вообще, въ административныхъ судахъ разбираются всѣ процессы, въ которыхъ заинтересована государственная власть.

Интенданты очень тщательно заботятся о томъ, чтобы эта исключительная юрисдикція непрерывно расширялась; они предостерегаютъ генеральнаго контролера и подстрекаютъ совѣтъ. Доводъ, приводимый однимъ изъ этихъ чиновниковъ для испрошенія эвокаціи, заслуживаетъ того, чтобы мы его сохранили. „Общіе суды"—говоритъ онъ,—„подчи-

нены неподвижнымъ правиламъ, обязывающимъ ихъ подавлять дѣйствія, противныя закону; но совѣтъ всегда можетъ нарушить законъ ради полезной цѣли".

Слѣдуя этому принципу, интендантъ или совѣтъ часто переноситъ къ себѣ и такія дѣла, которыя связаны съ государственною администраціею почти невидимыми нитями или видимымъ образомъ вовсе не связаны съ нею. Дворянинъ, поссорившійся съ сосѣдомъ, и недовольный приговоромъ своихъ судей, требуетъ у совѣта эвокаціи своего дѣла. Интендантъ, на сдѣланный ему запросъ, отвѣчаетъ: „Хотя здѣсь рѣчь идетъ только о частныхъ правахъ, вѣдѣніе которыхъ принадлежитъ судамъ, однако Его Величество можетъ всегда, когда пожелаетъ, предоставить себѣ разсмотрѣніе всякаго рода дѣлъ, никому не отдавая отчета въ своихъ мотивахъ".

Всякій простолюдинъ, которому случилось нарушить порядокъ какимъ-либо насильственнымъ поступкомъ, обыкновенно отдается на судъ интенданта или старшины дозорной команды (prévôt de la maréchaussée) въ порядкѣ эвокаціи. Бо̀льшая часть возмущеній, такъ часто порождаемыхъ дороговизною хлѣба, даютъ поводъ къ эвокаціямъ этого рода. Въ такихъ случаяхъ интендантъ назначаетъ себѣ въ товарищи извѣстное число лицъ, обладающихъ ученою степенью,—нѣчто въ родѣ импровизированнаго совѣта префектуры, имъ же избраннаго,—и судитъ въ уголовномъ порядкѣ. Среди постановленныхъ такимъ образомъ приговоровъ мнѣ встрѣчались такіе, которые присуждали людей къ каторгѣ и даже къ смерти. Уголовные процессы, судимые интендантами, часты еще въ концѣ XVII в.

Современные спеціалисты въ области административнаго права увѣряютъ, что со временъ Революціи мы далеко ушли впередъ: „Прежде судебная и административная власти были смѣшаны",—говорятъ они: „впослѣдствіи ихъ раздѣлили и каждую изъ нихъ возвратили на ея мѣсто". Чтобы правильно оцѣнить прогрессъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, никогда не слѣдуетъ забывать, что если, съ одной стороны, судебная власть при Старомъ порядкѣ постоянно выступала за предѣлы своей естественной области, то, съ другой

стороны, она никогда не наполняла ее всю. Кто видитъ только одну сторону предмета и не видитъ другой, тотъ имѣетъ о самомъ предметѣ неполное и ложное представленіе. Судамъ то позволяли издавать правила, касавшіяся государственной администраціи, что явнымъ образомъ лежало за предѣлами ихъ вѣдомства; то запрещали имъ разбирать настоящіе процессы, что значило вытѣснять ихъ изъ принадлежащей имъ области. Правда, мы изгнали судъ изъ административной сферы, куда Старый порядокъ дозволилъ имъ проникнуть совершенно незаконнымъ образомъ; но въ то же время, какъ показано было выше, правительство безпрестанно вторгалось въ естественную сферу суда, и мы его оставили въ ней, какъ будто смѣшеніе властей не представляетъ столько же опасности съ этой стороны, какъ и съ другой, и даже больше чѣмъ съ другой; потому что вмѣшательство суда въ управленіе вредитъ только дѣламъ, тогда какъ вмѣшательство администраціи въ область суда развращаетъ людей и развиваетъ нихъ одновременно склонность къ переворотамъ и раболѣпство.

Въ числѣ девяти или десяти конституцій, учрежденныхъ во Франціи на вѣчныя времена въ теченіе послѣднихъ шестидесяти лѣтъ, есть одна, въ которой положительно высказано, что ни одинъ агентъ администраціи не можетъ быть преслѣдуемъ въ общихъ судахъ иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія со стороны правительства. Эта статья оказалась придуманною такъ удачно, что при разрушеніи конституціи, часть которой она составляла, она заботливо была извлечена изъ развалинъ и, съ тѣхъ поръ, всегда столь же заботливо охранялась отъ посягательствъ революцій. Чиновники все еще имѣютъ обыкновеніе привилегію, дарованную имъ этою статьей, называть однимъ изъ великихъ завоеваній 89 года; но въ этимъ они ошибаются: потому что при старой монархіи правительство едва-ли съ меньшимъ тщаніемъ, чѣмъ въ наши дни, оберегало чиновниковъ отъ непріятной необходимости дѣлать признанія передъ судомъ, подобно простымъ гражданамъ. Единственное существенное различіе между обѣими эпохами состоитъ въ слѣдующемъ: до Революціи правительство могло прикрывать своихъ агентовъ лишь съ помощью исключительныхъ и произвольныхъ мѣръ, тогда какъ со времени ея оно могло на законномъ основаніи дозволять имъ нарушать законы.

Когда суды Стараго порядка возбуждали преслѣдованіе противъ кого-либо изъ агентовъ центральной власти, обыкновенно являлось постановленіе совѣта (arrêt du conseil), освобождавшее обвиняемаго изъ рукъ его судей и ставившее его на судъ комиссаровъ, назначенныхъ совѣтомъ; потому что,— какъ пишетъ одинъ государственный совѣтникъ того времени,—чиновникъ, подвергшійся такому нападенію, въ общихъ судахъ встрѣтилъ бы предубѣжденіе со стороны судей, вслѣдствіе чего пострадалъ бы королевскій авторитетъ. Такого рода эвокаціи происходили не только часто, но ежедневно; не только для главныхъ агентовъ правительства, но и для самыхъ незначительныхъ. Кто хотя-бы самою тонкою нитью былъ связанъ съ администраціей, тотъ могъ уже никого не бояться, кромѣ нея. Объѣздчикъ путей сообщенія, надзирающій надъ барщиной, привлекается къ суду по жалобѣ побитаго имъ крестьянина. Совѣтъ эвокируетъ дѣло, а главный инженеръ, въ конфиденціальномъ письмѣ къ интенданту, говоритъ по этому поводу: „Собственно говоря, объѣздчикъ весьма заслуживаетъ порицанія: но это еще не основаніе, чтобы предоставить дѣло обычному ходу; потому что для управленія путей сообщенія въ высшей степени важно, чтобы общіе суды не разбирали и не принимали жалобъ на объѣздчиковъ со стороны отбывающихъ барщину крестьянъ. Если-бы такой примѣръ встрѣтилъ подражаніе, то работы задерживались бы постоянными тяжбами, которыя порождали бы враждебность общества къ этимъ служащимъ“.

Въ другомъ случаѣ самъ интендантъ докладываетъ генеральному контролеру, по поводу одного казеннаго подрядчика, взявшаго нужные ему матеріалы съ поля своего сосѣда: „Я не могу достаточно настоятельно представить вамъ, какъ вредно было бы для интересовъ правительства дозволить общимъ судамъ судить его подрядчиковъ: принципы, которыми руководствуются суды, никогда не могутъ быть согласованы его принципами“.

Ровно сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти строки, а между тѣмъ можно подумать, что писавшіе ихъ администраторы —наши современники.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Какъ могла централизація проникнуть такимъ образомъ въ среду старыхъ властей и занять ихъ мѣсто, не разрушивъ ихъ.

Теперь повторимъ въ немногихъ словахъ все изложенное въ предшествующихъ трехъ главахъ: одна коллегія, помѣщенная въ центрѣ королевства, направляетъ государственную администрацію во всей странѣ; одинъ и тотъ же министръ управляетъ почти всѣми внутренними дѣлами; въ каждой провинціи одинъ агентъ руководитъ всѣми подробностями ихъ; нѣтъ никакихъ подчиненныхъ административныхъ коллегій, или есть только такія, которыя могутъ дѣйствовать лишь съ предварительнаго разрѣшенія; исключительные суды разбираютъ дѣла, въ которыхъ заинтересована администрація, и прикрываютъ всѣхъ ея агентовъ: — что это, какъ не централизація, которую мы знаемъ? Ея формы менѣе ясно выражены, чѣмъ въ настоящее время, ея проявленія менѣе правильны, ея существованіе болѣе тревожно. Но это — то же самое существо; къ его основахъ нечего было передѣлывать, — ни прибавлять, ни убавлять. Достаточно было сломить все, что̀ возвышалось вокругъ нея, для того, чтобы она явилась такою, какъ мы ее видимъ.

Бо̀льшая часть тѣхъ учрежденій, которыя только что были описаны, послужили впослѣдствіи предметомъ подражанія во множествѣ различныхъ мѣстъ; но тогда они были особенностью Франціи, и мы вскорѣ увидимъ, какъ велико было вліяніе, оказанное ими на Французскую Революцію и на ея послѣдствія.

Но какимъ образомъ эти новыя учрежденія могли утвердиться во Франціи среди обломковъ стараго общества?

Это въ бо̀льшей степени было дѣломъ терпѣнія, ловкости и времени, чѣмъ результатомъ силы и полноты власти. Въ моментъ, когда наступила Революція, почти ничто не было еще разрушено въ старомъ административномъ зданіи Франціи; подъ него только подвели, такъ сказать, новый фундаментъ.

Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы при выполненіи этой трудной работы правительство Стараго порядка слѣдовало плану, глубоко обдуманному заранѣе. Оно только отдалось инстинкту, по которому каждое правительство стремится самостоятельно вести всѣ дѣла; — инстинктъ этотъ остался неизмѣннымъ при всемъ разнообразіи правительственныхъ агентовъ. Оно оставило старымъ политическимъ силамъ ихъ древнее имя и почести, но мало-по малу отняло у нихъ всю власть. Оно не прогнало, но вѣжливо выпроводило ихъ изъ ихъ владѣній. Пользуясь бездѣятельностью однихъ, эгоизмомъ другихъ для того, чтобы занять ихъ мѣсто, пользуясь всѣми ихъ пороками, и никогда не дѣлая попытокъ къ ихъ исправленію, правительство старалось только вытѣснить ихъ и кончило тѣмъ, что, дѣйствительно, почти всѣхъ замѣнило однимъ агентомъ, — интендантомъ, самое имя котораго было неизвѣстно, когда они появились на свѣтъ.

Одна судебная власть стѣсняла правительство въ этомъ обширномъ предпріятіи. Но даже и здѣсь оно успѣло захватить въ свои руки всю сущность власти, оставивъ своимъ противникамъ только тѣнь ея. Не исключая прямо парламентовъ изъ административной сферы, оно постепенно само распространилось въ ней такъ, что наполнило ее почти всю. При нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ и преходящихъ обстоятельствахъ, напр., въ голодные годы, когда народныя страсти доставляли точку опоры честолюбію магистратовъ, центральное правительство временно позволяло парламентамъ управлять и не мѣшало имъ производить шумъ, который часто находилъ откликъ въ исторіи; но вскорѣ оно, молча, опять становилось на свое мѣсто и въ тишинѣ снова налагало свою руку на всѣхъ и на все.

Кто пожелаетъ внимательно присмотрѣться къ борьбѣ парламентовъ съ королевскою властью, тотъ увидитъ, что почти всегда столкновенія происходятъ на почвѣ политики, а не администраціи. Споры возникаютъ обыкновенно по поводу новыхъ налоговъ; т. е. противники оспариваютъ другъ у друга не административную, а законодательную власть, которую оба они одинаково не вправѣ были присвоивать себѣ.

Это явленіе наблюдается вплоть до самой Революціи и принимаетъ все болѣе широкіе размѣры. По мѣрѣ того, какъ разгораются народныя страсти, парламентъ начинаетъ все больше вмѣшиваться въ политику; и въ то время, какъ центральная власть и ея агенты пріобрѣтаютъ все больше опытности и ловкости, тотъ же парламентъ все меньше и меньше занимается административными дѣлами въ собственномъ смыслѣ; съ каждымъ днемъ онъ становится все менѣе администраторомъ и все болѣе трибуномъ.

Сверхъ того, время безпрестанно открываетъ для дѣятельности центральнаго правительства все новыя поприща, куда суды, по своей неповоротливости, не могутъ слѣдовать за нимъ, потому что на сцену являются новыя дѣла, для которыхъ суды не имѣютъ прецендентовъ, и которыя чужды ихъ рутинѣ. Быстрое поступательное движеніе общества ежечасно рождаетъ новые запросы, и каждый изъ нихъ служитъ правительству новымъ источникомъ власти, потому что оно одно можетъ ихъ удовлетворить. Тогда какъ административная сфера судовъ остается неизмѣнною, у правительства она подвижна и не перестаетъ расширяться вмѣстѣ съ самою цивилизаціей.

Приближающаяся Революція начинаетъ волновать умы всѣхъ Французовъ и внушаетъ имъ сотни новыхъ идей, которыя одно правительство можетъ осуществить; прежде, чѣмъ его низвергнуть, она развиваетъ его. Даже правительство совершенствуется, какъ и все остальное. Это обстоятельство своеобразно поражаетъ насъ при изученіи правительственныхъ архивовъ. Генеральный контролеръ и интендантъ 1790 г. уже не походятъ на генеральнаго контролера и интенданта 1740 г.; администрація преобразилась. Ея агенты — тѣ же, но они проникнуты инымъ духомъ. Расчленившись и расширившись, администрація, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣла больше правильности и больше знаній; завладѣвъ всѣмъ, она стала умѣреннѣе: она меньше угнетаетъ и въ бо́льшей степени руководитъ.

Первыя усилія Революціи разрушили великое учрежденіе монархіи; она была возстановлена въ 1800 г. Въ эту эпоху и позднѣе въ вопросахъ государственнаго управленія восторжествовали не принципы 1789 г., какъ это высказывалось столько разъ, а наоборотъ, принципы Стараго порядка, которые всѣ были возстановлены и съ тѣхъ поръ оставались въ силѣ.

Если меня спросятъ, какимъ образомъ эта часть Стараго порядка могла цѣликомъ перейти въ новое общество и такъ прочно утвердиться въ немъ, я отвѣчу, что централизація не погибла въ Революціи благодаря тому, что она сама была началомъ этой революціи и признакомъ ея; я прибавлю, что, разъ народъ уничтожилъ въ своей средѣ аристократію, онъ какъ бы самъ собою стремится къ централизаціи. Тогда гораздо легче помчать его внизъ по этой наклонной плоскости, чѣмъ удержать на ней. Въ его средѣ всѣ виды власти естественно стремятся къ единству, и требуется большое искусство для того, чтобы воспрепятствовать ихъ сліянію.

Итакъ, демократической революціи, разрушившей столько учрежденій Стараго порядка, суждено было упрочить централизацію; и централизація такъ естественно находила свое мѣсто въ обществѣ, созданномъ этою революціей, что ее легко можно было принять за одно изъ созданій послѣдней.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Объ административныхъ нравахъ при Старомъ порядкѣ.

Читая переписку интенданта Стараго порядка съ его начальниками и подчиненнымн, нельзя не удивляться тому, до какой степени сходство учрежденій дѣлало администраторовъ того времени похожими на нашихъ. Они какъ будто протягиваютъ другъ другу руки надъ раздѣляющею ихъ бездной Революціи. То же самое я скажу и объ управляемыхъ. Никогда вліяніе учрежденій на умы не обнаруживалось яснѣе.

Министръ уже возымѣлъ желаніе собственными глазами проникнуть во всѣ подробности управленія и лично регламентировать все изъ Парижа. По мѣрѣ того, какъ время идетъ и администрація совершенствуется, эта страсть растетъ.

Къ концу XVIII вѣка въ глубинѣ отдаленной провинціи не можетъ учредиться благотворительная мастерская безъ того, чтобы генеральный контролеръ не пожелалъ лично опредѣлить ея уставъ, назначить ей мѣсто и провѣрять ея расходы. Строятся ли дома для нищихъ, — необходимо сообщать ему имена поступающихъ въ нихъ нищихъ и доносить въ точности, когда они входятъ, и когда выходятъ. Около середины вѣка (1733 г.) г. д'Аржансонъ писалъ: „Подробности, сообщаемыя министрамъ, безчисленны; ничто не дѣлается безъ нихъ; все дѣлается при ихъ посредствѣ, и когда свѣдѣнія ихъ менѣе обширны, чѣмъ ихъ права, они оказываются вынужденными предоставлять все дѣло подчиненнымъ, которые и становятся настоящими хозяевами".

Одинъ изъ генеральныхъ контролеровъ требуетъ не только дѣловыхъ донесеній, но и небольшихъ характеристикъ личностей. Интендантъ, въ свою очередь, обращается къ своимъ субделегатамъ и слово въ слово повторяетъ то, что они говорятъ, совершенно такъ, какъ если-бы его свѣдѣнія были самостоятельны и вполнѣ достовѣрны.

Чтобы всѣмъ руководить въ Парижѣ и знать все, что въ немъ происходитъ, необходимо было изобрѣсти тысячи способовъ контроля. Размѣры переписки уже громадны, а медленность административной процедуры такъ велика, что я никогда не встрѣчалъ случая, когда приходъ получилъ бы разрѣшеніе починить свою колокольню или домъ священника раньше, чѣмъ спустя годъ послѣ подачи просьбы. Чаще всего проходитъ два или три года прежде, чѣмъ просьба удовлетворяется.

Даже самъ совѣтъ, въ одномъ изъ своихъ повелѣній (отъ 29 марта 1773 г.), замѣчаетъ, что „административныя формальности вводятъ въ дѣла безчисленныя мелочи и слишкомъ часто даютъ поводъ къ самымъ справедливымъ нареканіямъ; впрочемъ, всѣ эти формальности необходимы",— добавляетъ онъ.

Прежде я думалъ, что любовь къ статистикѣ составляетъ особенность современныхъ администраторовъ; но я ошибался. Къ концу Стараго порядка интенданту часто посылаются небольшія печатныя таблицы, которыя ему остается только

дать заполнить своимъ субделегатамъ и приходскимъ синдикамъ. Генеральный контролеръ требуетъ донесеній о природѣ земель, о ихъ обработкѣ, о родѣ и количествѣ продуктовъ, о количествѣ скота, о промышленности и нравахъ жителей. Добытыя такимъ образомъ свѣдѣнія не менѣе подробны и не болѣе достовѣрны, чѣмъ тѣ, которыя доставляются въ подобныхъ случаяхъ современными подпрефектами и мэрами. Сужденія, произносимыя по этому поводу субделегатами о свойствахъ управляемыхъ ими обывателей, вообще, не очень благопріятны. Субделегаты часто повторяютъ извѣстное мнѣніе, что крестьянинъ, по природѣ, лѣнивъ и не работалъ бы, если бы работать не заставляла нужда.

Вотъ экономическая доктрина, повидимому, очень распространенная среди этихъ администраторовъ.

Во всемъ, до административнаго языка включительно, обѣ эпохи поразительно схожи. И здѣсь, и тамъ слогъ одинаково безцвѣтенъ, гладокъ, неясенъ и вялъ; въ немъ индивидуальность писателя сглаживается, расплываясь въ общей посредственности. Кто читаетъ произведенія префекта, читаетъ произведенія интенданта.

Только къ концу вѣка, когда своеобразный языкъ Дидро и Руссо успѣлъ распространиться и раствориться въ разговорномъ языкѣ, ложная чувствительность, наполняющая книги этихъ писателей, прельщаетъ администраторовъ и въ ихъ средѣ проникаетъ даже до лицъ финансоваго вѣдомства. Административный слогъ, обыкновенно очень сухой, тутъ становится по временамъ елейнымъ и почти нѣжнымъ. Одинъ субделегатъ жалуется парижскому интенданту, что „при исполненіи своихъ обязанностей онъ часто испытываетъ страданіе, очень чувствительное для нѣжной души".

Какъ и въ наше время, правительство раздавало иногда приходамъ благотворительныя пособія подъ условіемъ, чтобы и жители, съ своей стороны, дѣлали извѣстныя пожертвованія. Когда пожертвованная ими такимъ образомъ сумма достаточна, генеральный контролеръ пишетъ на поляхъ окладного листа: *Утверждаю. Выразить удовольствіе*; если же сумма значительна, то онъ пишетъ: *Утверждаю. Выразить чувствительное удовольствіе.*

Чиновники администраціи, — почти поголовно—буржуа, — уже образуютъ классъ, проникнутый особымъ духомъ, имѣющій свои преданія, свои добродѣтели, свою особую честь и гордость. Это—аристократія новаго общества, уже сложившаяся и живая. Она ждетъ только, чтобы Революція очистила для нея мѣсто.

Уже въ то время характерною чертою французской администраціи является жестокая ненависть, внушаемая ей всѣми тѣми, — дворянами или буржуа, безразлично, — кто обнаруживаетъ желаніе заниматься административными дѣлами внѣ ея. Ее пугаетъ малѣйшее независимое общество, намѣревающееся организоваться безъ ея посредства; самая мелкая свободная ассоціація, каковъ бы ни былъ ея предметъ, возбуждаетъ въ администраціи безпокойство; она допускаетъ существованіе только такихъ обществъ, которыя созданы по ея произволу и состоятъ подъ ея руководствомъ. Даже крупныя промышленныя товарищества не очень нравятся ей; однимъ словомъ, она рѣшительно не терпитъ, чтобы граждане какимъ бы то ни было образомъ вмѣшивались въ обсужденіе своихъ собственныхъ дѣлъ; конкурренціи она готова предпочесть полную скудость и застой общественной жизни. Но такъ какъ французамъ нужно немного повольничать, чтобы утѣшиться послѣ потери свободы, то правительство и позволяетъ имъ безпрепятственно обсуждать всевозможныя отвлеченныя и общія теоріи въ области религіи, философіи, морали и даже политики. Оно безъ особенныхъ затрудненій дозволяетъ критикѣ сомнѣваться въ разумности основныхъ принциповъ, на которыхъ въ то время покоилось общество, и даже въ существованіи Бога, лишь бы она не трогала чиновниковъ, хотя бы самыхъ мелкихъ. Правительство воображаетъ, что все прочее его не касается.

Хотя газеты XVIII вѣка содержатъ больше стихотворныхъ упражненій, чѣмъ полемики, однако администрація смотритъ уже очень ревнивымъ взглядомъ на эту маленькую власть. Къ книгамъ администрація относится снисходительно, но къ газетамъ—весьма сурово; не имѣя возможности совершенно ихъ истребить, она рѣшается обратить ихъ на исключительное служеніе своимъ надобностямъ. Я нашелъ

помѣченный 1761-мъ годомъ и обращенный ко всѣмъ интендантамъ въ королевствѣ циркуляръ, въ которомъ возвѣщается, что король (Людовикъ XV) рѣшилъ, чтобы впредь „Французская газета“ (Gazette de France) составлялась подъ наблюденіемъ самого правительства: „Его Величество“,—гласитъ циркуляръ: „желаетъ сдѣлать этотъ листокъ интереснымъ и обезпечить ему заслуженное превосходство надъ всѣми прочими. Вслѣдствіе этого“,—прибавляетъ министръ: „вы соблаговолите присылать мнѣ бюллетени обо всѣхъ совершающихся въ вашемъ генералитетѣ событіяхъ, могущихъ интересовать общественное любопытство, въ особенности о томъ, что̀ относится къ физикѣ, къ естественной исторіи и объ интересныхъ и необыкновенныхъ происшествіяхъ“. Къ циркуляру приложено объявленіе, которое гласитъ, что, хотя новая газета будетъ выходить чаще и содержать больше матеріала, чѣмъ замѣняемое ею изданіе, однако подписчикамъ она будетъ стоить гораздо дешевле.

Вооруженный этими документами, интендантъ пишетъ своимъ субделегатамъ, приказывая взяться за дѣло; но субделегаты на первыхъ порахъ отвѣчаютъ, что имъ ничего неизвѣстно. Министръ шлетъ новое письмо, въ которомъ горько жалуется на неотзывчивость провинціи. „Его Величество повелѣваетъ мнѣ объявить вамъ его желаніе, чтобы вы вполнѣ серьезно занялись этимъ дѣломъ и отдали самыя точныя приказанія вашимъ агентамъ“. Тогда субделегаты покоряются: одинъ изъ нихъ доноситъ, что пойманъ съ солью контрабандистъ, который и повѣшенъ, причемъ обнаружилъ большое мужество; другой,—что въ его округѣ одна женщина разрѣшилась отъ бремени тремя дѣвочками; третій,—что разразилась ужасная гроза, впрочемъ, не причинившая никакого вреда. Нашелся и такой, который заявляетъ, что, несмотря на всѣ старанія, онъ не могъ открыть ничего достопримѣчательнаго, но зато самъ желаетъ подписаться на столь полезную газету и то же самое предложитъ всѣмъ добрымъ людямъ. Однако, всѣ эти усилія, повидимому, не приводятъ къ желаемой цѣли; потому что изъ новаго письма мы узнаемъ, что „король, который настолько милостивъ“,—какъ пишетъ министръ,—„что лично

входитъ во всѣ подробности мѣропріятій, относящихся къ улучшенію газеты и желаетъ доставить этому изданію заслуженныя превосходство и извѣстность, выразилъ сильное неудовольствіе при видѣ того, какъ плохо эти намѣренія были осуществлены".

Мы видимъ, что исторія—это картинная галлерея, въ которой мало оригиналовъ и много копій.

Впрочемъ, необходимо признать, что центральное правительство во Франціи никогда не подражало тѣмъ правительствамъ южной Европы, которыя завладѣли всѣмъ, повидимому, для того только, чтобы все оставить въ неподвижности и запустѣніи. Оно часто обнаруживаетъ большое пониманіе своей задачи и всегда—чудовищную дѣятельность. Но эта дѣятельность часто оказывается непроизводительною и даже вредною, потому что правительство нерѣдко берется дѣлать то, что̀ ему не по силамъ, или въ чемъ его никто не контролируетъ.

Оно вовсе не предпринимаетъ или быстро покидаетъ самыя необходимыя преобразованія, для успѣшнаго завершенія которыхъ необходима настойчивая энергія; но оно безпрестанно передѣлываетъ тѣ или другія постановленія и законы. Въ занимаемой имъ области ничто ни на минуту не остается въ покоѣ. Новыя правила слѣдуютъ одно за другимъ съ такою странною быстротой, что агенты, отъ обилія приказаній, часто съ трудомъ могутъ разобрать, какъ имъ повиноваться. Муниципальныя должностныя лица жалуются самому генеральному контролеру на крайнюю подвижность второстепеннаго законодательства. „Перемѣны въ однихъ финансовыхъ постановленіяхъ",—говорятъ они,—„такъ часты, что муниципальному должностному лицу, если бы оно было несмѣняемо, оставалось бы только изучать новыя постановленія по мѣрѣ того, какъ они появляются, и совершенно пренебречь своими прямыми обязанностями".

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самый законъ не подвергался передѣлкамъ, способы его примѣненія видоизмѣнялись постоянно. Кто не видалъ въ дѣлѣ администрацію Стараго порядка, не читалъ оставленныхъ ею секретныхъ документовъ, тотъ не можетъ себѣ представить презрѣнія, въ которое впадаетъ законъ даже въ умахъ людей, примѣняющихъ его, когда не существуетъ болѣе ни политическаго собранія, ни газетъ, могущихъ умѣрять капризную дѣятельность и ограничивать произвольныя и измѣнчивыя прихоти министровъ и ихъ канцелярій.

Едва-ли возможно найти хоть одно постановленіе совѣта, въ которомъ не содержалось бы напоминанія о предшествующихъ законахъ, — часто весьма недавняго происхожденія, — изданныхъ, но неисполненныхъ. И дѣйствительно, не существуетъ такого, торжественно зарегистрованнаго эдикта, королевской декларації, жалованной грамоты, которые въ практикѣ не претерпѣли бы тысячи видоизмѣненій. Изъ писемъ генеральныхъ контролеровъ и интендантовъ видно, что правительство постоянно позволяетъ дѣлать, въ видѣ исключенія, то, что̀ противорѣчитъ его приказаніямъ. Оно рѣдко прямо нарушаетъ законъ, но ежедневно позволяетъ, ради практическихъ удобствъ, потихоньку обходить его во всѣхъ направленіяхъ, сообразно обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго случая.

Вотъ что пишетъ министру интендантъ по поводу городской ввозной пошлины, отъ уплаты которой хотѣлъ уклониться одинъ подрядчикъ государственныхъ работъ: „Несомнѣнно, что, по точному смыслу упомянутыхъ повелѣній и эдиктовъ, въ королевствѣ не существуетъ никакихъ изъятій въ отношеніи платежа этихъ пошлинъ; но людямъ свѣдущимъ и опытнымъ въ дѣлахъ извѣстно, что эти безусловныя постановленія имѣютъ тѣ же свойства, что и налагаемыя ими взысканія, и что, хотя послѣднія содержатся почти во всѣхъ эдиктахъ, декларацiяхъ и повелѣніяхъ, устанавливающихъ налоги, однако это никогда не препятствовало существованію исключеній".

Въ этихъ словахъ Старый порядокъ выразился всецѣло: законъ суровъ, а практика снисходительна. Таковъ характеръ Стараго порядка.

Кто вздумалъ бы судить о правительствѣ того времени по собранію его законовъ, тотъ впалъ бы въ самыя забавныя ошибки. Я нашелъ королевскую декларацію, помѣченную 1757 г. и угрожающую смертною казнью всякому, кто

составитъ или напечатаетъ сочиненіе, противное религіи или существующему строю. Книгопродавецъ или разносчикъ, торгующіе такою книгою, подлежатъ тому же наказанію. Значитъ ли это, что возвратились времена св. Доминика? Напротивъ, это—какъ разъ то время, когда царилъ Вольтеръ.

Часто слышны жалобы на то, что французы презираютъ законъ. Увы! когда могли они научиться уважать его? Позволительно сказать, что у людей Стараго порядка незанято было то мѣсто, которое въ человѣческомъ умѣ должно принадлежать понятію закона. Каждый проситель требуетъ, чтобы въ его пользу было нарушено установленное правило, и требуетъ такъ настойчиво и властно, какъ если-бы добивался его исполненія; и дѣйствительно, законъ никогда не ставится препятствіемъ къ удовлетворенію просьбы, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда въ немъ желаютъ имѣть предлогъ для вѣжливаго отказа. Народъ еще вполнѣ покоренъ власти; но его повиновеніе—скорѣе результатъ привычки, чѣмъ желанія; потому что, когда ему случается возстать, самое незначительное возмущеніе тотчасъ же приводитъ къ насилію и подавляется почти всегда тоже насиліемъ и произволомъ, а не закономъ.

Въ XVIII в. центральная власть во Франціи еще не пріобрѣла того здраваго и крѣпкаго устройства, которое она обнаруживаетъ позднѣе; тѣмъ не менѣе, такъ какъ она уже успѣла разрушить всякую промежуточную власть, и между частными лицами и ею не осталось ничего, кромѣ громаднаго и пустого пространства, то она издалека представляется каждому изъ нихъ единственною пружиною соціальнаго механизма, единственнымъ и необходимымъ двигателемъ общественной жизни.

Лучше всего это обнаруживается изъ сочиненій самихъ порицателей правительства. Когда возникло продолжительное безпокойство, предшествовавшее Революціи, стали появляться всевозможныя построенія по общественнымъ и государственнымъ вопросамъ. Цѣли, преслѣдуемыя авторами этихъ преобразовательныхъ проектовъ, различны; но предлагаемое ими средство—всегда одно и то же. Они желаютъ воспользоваться могуществомъ центральной власти для разрушенія и передѣлки всего существующаго согласно новому плану, который составили они сами; имъ кажется, что одно правительство въ состояніи выполнить подобную задачу. Могущество государства должно быть такъ-же безгранично, какъ и его права,—говорятъ они: все дѣло только въ томъ, чтобы убѣдить его сдѣлать изъ этого могущества надлежащее употребленіе. Мирабо отецъ — дворянинъ, до такой степени пропитанный идеями о правахъ дворянства, что интендантовъ онъ, не обинуясь, называетъ *выскочками* и объявляетъ, что если-бы замѣщеніе судебныхъ должностей было предоставлено одному правительству, суды вскорѣ обратились бы въ простыя *шайки комиссаровъ*,—даже Мирабо считаетъ свои химеры дѣломъ, осуществленіе котораго можно довѣрить только центральной власти.

Книгами не ограничивается кругъ распространенія этихъ идей: онѣ проникаютъ во всѣ умы, входятъ въ нравы и привычки и пролагаютъ себѣ путь повсюду, до будничнаго житейскаго обихода включительно.

Никто не считаетъ себя способнымъ привести къ благополучному концу серьезное дѣло, если въ него не вмѣшается государство. Даже сельскіе хозяева,—люди, обыкновенно очень враждебные всякимъ предписаніямъ,—и тѣ склонны къ мысли, что, если земледѣліе не совершенствуется, то въ этомъ главнымъ образомъ виновато правительство, которое даетъ слишкомъ мало указаній и денежныхъ пособій. Одинъ изъ нихъ пишетъ интенданту раздраженнымъ тономъ, въ которомъ уже слышится Революція: „Почему бы правительству не назначить инспекторовъ, которые бы разъ въ годъ отправлялись въ провинціи, чтобы на мѣстѣ знакомиться съ состояніемъ обработки земли, преподавать хозяевамъ возможные способы улучшенія, указывать имъ, какъ ходить за скотомъ, какъ его кормить, растить, продавать, и на какіе рынки вести его на продажу? Этимъ инспекторамъ слѣдовало бы назначить хорошее жалованье. Сельскіе хозяева, представившіе образцы лучшей культуры, получали бы знаки отличія“.

Инспекторы и кресты! Вотъ способъ, который никогда не пришелъ бы въ голову фермеру сёффолькскаго графства!

Въ глазахъ большинства уже никто, кромѣ правительства, не можетъ обезпечить общественный порядокъ: народъ боится только солдатъ; собственники только къ нимъ питаютъ нѣкоторое довѣріе. И тѣмъ, и другимъ солдатъ дозорной команды представляется не только главнымъ защитникомъ, а самымъ воплощеніемъ порядка. „Всякій замѣтилъ“,—говоритъ Гвіеннское провинціальное собраніе,—„что одинъ видъ солдата дозорной команды имѣетъ свойство сдерживать людей, наиболѣе враждебныхъ всякой дисциплинѣ“. Вслѣдствіе этого каждому хочется имѣть у своей двери отрядъ солдатъ. Архивы одного интендантства переполнены просьбами этого рода; повидимому, никто не подозрѣваетъ, что защитникъ легко можетъ превратиться въ хозяина.

Эмигрантовъ, прибывающихъ въ Англію, больше всего удивляетъ отсутствіе въ ней такой милиціи. Оно поражаетъ ихъ неожиданностью, а иногда вызываетъ и презрѣніе къ англичанамъ. Одинъ изъ эмигрантовъ, — человѣкъ почтенный, но своимъ воспитаніемъ неподготовленный къ тому, что ему пришлось увидѣть,—пишетъ: „Совершенно правдоподобенъ разсказъ, что какой-то англичанинъ, когда его обокрали, поздравлялъ себя, говоря, что, по крайней мѣрѣ, въ его отечествѣ не существуетъ дозорныхъ командъ. Иной недоволенъ всѣмъ, что нарушаетъ спокойствіе, но, тѣмъ не менѣе, при видѣ возвращенія бунтовщиковъ въ лоно общества, утѣшаетъ себя мыслью, что законъ сильнѣе всякихъ соображеній удобства. Впрочемъ“,—прибавляетъ онъ: „эти ложныя идеи раздѣляются не безусловно всѣми: есть разсудительные люди, которые держатся противоположныхъ взглядовъ, а въ концѣ концовъ благоразуміе должно одержать верхъ“.

Что эти странности англичанъ могутъ имѣть какое-либо отношеніе къ ихъ вольностямъ,—это ему совсѣмъ не приходитъ въ голову. Онъ предпочитаетъ объяснить это явленіе соображеніями болѣе научнаго свойства: „Въ странѣ, гдѣ сырость климата и недостатокъ упругости въ круговращеніи воздуха“,—говоритъ онъ: „сообщаютъ характеру жителей нѣкоторую мрачную окраску, народъ по преимуществу склоненъ заниматься важными предметами. Такимъ образомъ, природа англійской націи влечетъ ее къ занятіямъ во-

просами управленія; французскій народъ держится вдали отъ нихъ“.

Разъ правительство заняло, такимъ образомъ, мѣсто Провидѣнія, естественно, что каждый взываетъ къ нему въ своихъ частныхъ нуждахъ. И дѣйствительно, мы находимъ громадное количество прошеній, которыя, ссылаясь всегда на общественную пользу, тѣмъ не менѣе, имѣютъ въ виду лишь мелкіе личные интересы. Папки, въ которыхъ лежатъ эти прошенія, представляютъ, можетъ быть, единственное мѣсто, гдѣ оказались смѣшанными всѣ классы, составлявшіе общество Стараго порядка. Чтеніе ихъ наводитъ уныніе: крестьяне просятъ вознагражденія за утраченный скотъ или домá; зажиточные собственники просятъ, чтобы имъ помогли выгоднѣе продать свои земли; промышленники просятъ у интендантовъ привилегій, которыя обезпечили ихъ отъ неудобной конкурренціи. Очень часто встрѣчаются владѣльцы мануфактуръ, которые довѣряютъ интенданту плохое состояніе своихъ дѣлъ и просятъ его исходатайствовать у генеральнаго контролера пособіе или ссуду. На этотъ предметъ, повидимому, былъ ассигнованъ фондъ.

Сами дворяне, по временамъ, являются усердными просителями; въ этомъ случаѣ ихъ званіе можно узнать только по тому, что они попрошайничаютъ очень развязно и увѣренно. Главнымъ звеномъ зависимости для многихъ изъ нихъ служитъ пятипроцентный сборъ (le vingtième). Такъ какъ ихъ доля въ этомъ налогѣ ежегодно опредѣляется совѣтомъ по представленію интенданта, то они обыкновенно и обращаются къ послѣднему для полученія отсрочекъ и облегченій. Я читалъ множество такого рода просьбъ, представленныхъ дворянами,—почти всегда титулованными, и часто—вельможами,—въ виду недостаточности ихъ доходовъ и разстройства дѣлъ, какъ они говорятъ. Вообще дворяне, обращаясь къ интенданту, пишутъ: „милостивый государь“; но я замѣтилъ, что въ этихъ случаяхъ они всегда называютъ его „монсеньеръ“, какъ и буржуа.

Иногда въ этихъ прошеніяхъ забавнымъ образомъ смѣшиваются нищета и гордость. Въ одномъ изъ нихъ дворянинъ пишетъ интенданту: „Ваше чувствительное сердце ни-

когда не допуститъ, чтобы отецъ семейства въ моемъ званіи былъ обложенъ полнымъ пятипроцентнымъ сборомъ наравнѣ съ отцомъ семейства изъ простыхъ".

Въ голодные годы, которыхъ было такъ много въ XVIII в., населеніе каждой губерніи поголовно обращается къ интенданту и, повидимому, только отъ него ожидаетъ пропитанія. Правда и то, что при каждомъ несчастіи всякій сваливаетъ вину на правительство; оно виновато въ самыхъ неизбѣжныхъ бѣдахъ; его упрекаютъ даже за суровость климата.

Итакъ, не будемъ удивляться тому, съ какою удивительною легкостью во Франціи была возстановлена централизація въ началѣ этого вѣка. Дѣятели 89 г. разрушили зданіе ея; но его основа осталась цѣла въ душѣ самихъ разрушителей, и на этой основѣ оказалось возможнымъ сразу воздвигнуть его вновь и дать ему такую прочность, какой оно ранѣе никогда не имѣло.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О томъ, что уже при Старомъ порядкѣ во Франціи столица успѣла пріобрѣсти такой перевѣсъ надъ провинціями и поглощала соки всего государства въ такой степени, какъ нигдѣ въ Европѣ.

Не географическимъ положеніемъ, не величиною и не богатствомъ столицъ обусловливается ихъ политическое преобладаніе надъ остальными частями государства; оно обусловливается характеромъ государственнаго управленія.

Лондонъ, по числу жителей не уступающій иному королевству, до сихъ поръ не оказывалъ господствующаго вліянія на судьбы Великобританіи.

Никто изъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ не представляетъ себѣ, чтобы населеніе Нью-Іорка могло распоряжаться участью американскаго Союза. Мало того,—въ самомъ нью-іорскомъ штатѣ никто не воображаетъ, чтобы единичная воля этого города могла давать дѣламъ то или другое направленіе. Между тѣмъ, Нью-Іоркъ имѣетъ теперь столько

жителей, сколько ихъ было въ Парижѣ въ то время, когда вспыхнула Революція.

Самъ Парижъ, въ періодъ религіозныхъ войнъ, былъ, по сравненіи съ остальнымъ пространствомъ королевства, не менѣе населенъ, чѣмъ въ 1789 г.; однако, онъ не имѣлъ рѣшающаго голоса; въ эпоху Фронды онъ — только самый большой городъ Франціи; въ 1789 г. Парижъ—это уже сама Франція.

Въ 1740 году Монтескьё писалъ одному изъ своихъ друзей:

„Во Франціи существуетъ только Парижъ и отдаленныя провинціи, которыхъ Парижъ еще не успѣлъ поглотить". Въ 1750 г. маркизъ Мирабо, обладавшій чрезмѣрной фантазіей, но глубокимъ умомъ, говоритъ о Парижѣ, не называя его по имени: „Столицы необходимы; но когда голова увеличивается чрезмѣрно, остальные члены парализуются, и все тѣло гибнетъ. Итакъ, что̀ будетъ съ страною, гдѣ провинціальное населеніе считается чѣмъ то въ родѣ низшей туземной расы, гдѣ провинціи обречены на подчиненность и зависимость и не могутъ доставить своимъ жителямъ ни виднаго общественнаго положенія, ни карьеры, способной удовлетворить ихъ честолюбію, гдѣ столица притягиваетъ къ себѣ все, сколько-нибудь выдающееся своими дарованіями"! По его выраженію, это — своего рода подпольная революція, лишающая провинціи ихъ именитѣйшихъ гражданъ, дѣловыхъ людей и такъ называемыхъ умныхъ головъ.

Читателю, внимательно прослѣдившему изложенное въ предшествующихъ главахъ, уже извѣстны причины этого явленія; снова указывать ихъ здѣсь значило бы злоупотреблять его терпѣніемъ.

Этотъ переворотъ не ускользнулъ отъ взоровъ правительства, но обращалъ на себя вниманіе послѣдняго лишь наиболѣе матеріальною своею стороною, а именно—ростомъ го̀рода. Правительство видѣло, что Парижъ расширяется съ каждымъ днемъ, и боялось, чтобы не стало трудно управлять какъ слѣдуетъ такимъ большимъ городомъ. Существуетъ значительное число ордонансовъ, изданныхъ нашими королями преимущественно въ XVII и XVIII вв., съ цѣлью задержать

этотъ ростъ. Эти государи все болѣе сосредоточивали въ Парижѣ или у его воротъ, всю публичную жизнь Франціи,— и хотѣли, чтобы онъ оставался тѣмъ-же маленькимъ городомъ, какимъ былъ раньше. Они воспрещаютъ строить новые дома или обязываютъ строить ихъ не иначе, какъ способомъ, требующимъ наибольшихъ издержекъ, и въ заранѣе указываемыхъ, мало привлекательныхъ мѣстахъ. Правда, каждый изъ этихъ ордонансовъ доказываетъ, что, не смотря на предшествующій ордонансъ, Парижъ не перестаетъ расширяться. Шесть разъ въ теченіе своего царствованія Людовикъ XIV, въ своемъ всемогуществѣ, пытается остановить Парижъ, и терпитъ неудачу: городъ непрерывно растетъ, вопреки эдиктамъ. Но, какъ ни быстро растутъ его стѣны, преобладаніе его увеличивается еще быстрѣе: оно обезпечивается не столько тѣмъ, что происходитъ въ чертѣ Парижа, сколько тѣмъ, что совершается за его предѣлами.

Дѣйствительно, въ то же самое время мѣстныя вольности повсюду окончательно прекращаютъ свое существованіе. Вездѣ исчезаютъ проявленія независимой жизни; даже характеристическія особенности отдѣльныхъ провинцій становятся неясными: изгладилась послѣдняя черта, напоминавшая о государственной жизни прежнихъ временъ. Это, однако же, не значило, что нація впадаетъ въ застой; напротивъ, движеніе замѣчалось въ ней повсюду; но единственный двигатель былъ въ Парижѣ. Этому я приведу только одинъ примѣръ изъ тысячи. Въ донесеніяхъ, сдѣланныхъ министру о состояніи книжнаго дѣла, я нахожу свѣдѣніе, что въ XVI и въ началѣ XVII в. въ провинціальныхъ городахъ существовали значительныя типографіи, въ которыхъ въ XVIII в. не было болѣе наборщиковъ, или въ которыхъ наборщикамъ нечего было дѣлать. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ концѣ XVIII в. печаталось несравненно больше всякаго рода сочиненій, чѣмъ въ XVI в.; но умственное движеніе исходило уже только изъ центра. Парижъ окончательно поглотилъ провинціи.

Въ тотъ моментъ, когда разразилась французская Революція, этотъ переворотъ былъ вполнѣ законченъ.

Знаменитый путешественникъ Артуръ Юнгъ покидаетъ

Парижъ вскорѣ послѣ созыва Государственныхъ Штатовъ и за нѣсколько дней до взятія Бастиліи. Замѣчаемая имъ противоположность между только что видѣннымъ въ городѣ и тѣмъ, что обнаруживается за предѣлами послѣдняго, поражаетъ Юнга неожиданностью. Парижъ былъ весь движеніе и шумъ; ежеминутно рождались политическіе памфлеты; ихъ появлялось до девяноста двухъ въ недѣлю. „Никогда“,— говоритъ Юнгъ: „даже въ Лондонѣ мнѣ не случалось видѣть подобнаго оживленія гласности“. Внѣ Парижа все кажется ему погруженнымъ въ бездѣятельность и молчаніе: брошюръ печатается мало, газетъ вовсе не издаютъ. Между тѣмъ, провинціи волнуются и готовы возстать; и все-таки онѣ неподвижны: если граждане и собираются по временамъ, то для того только, чтобы узнать новости, ожидаемыя изъ Парижа. Въ каждомъ городѣ Юнгъ обращается къ жителямъ съ вопросомъ о томъ, что они намѣрены предпринять. „Отвѣтъ повсюду одинъ и тотъ же“,—говоритъ онъ: „мы—не больше, какъ провинціальные жители; посмотримъ, что будутъ дѣлать въ Парижѣ“. — „Эти люди не осмѣливаются даже имѣть мнѣніе“, прибавляетъ Юнгъ: „пока не узнаютъ мнѣнія парижанъ“.

Многіе удивляются той чрезвычайной легкости, съ какою Учредительное Собраніе могло однимъ ударомъ уничтожить всѣ старыя французскія провинціи, изъ которыхъ иныя были древнѣе монархіи, и методически раздѣлить королевство на восемьдесятъ три отдѣльныя части, какъ будто рѣчь шла о дѣвственной почвѣ Новаго свѣта. Это въ высшей степени изумило и даже ужаснуло остальную Европу, неподготовленную къ подобному зрѣлищу. „Еще никогда не было видано“, говоритъ Бёркъ: „чтобы люди съ такимъ варварствомъ рѣзали на куски свое отечество“. И въ самомъ дѣлѣ, казалось, будто разсѣкаются живыя тѣла, тогда какъ, въ дѣйствительности, происходило лишь расчлененіе труповъ.

Въ то самое время, когда Парижъ, такимъ образомъ, пріобрѣталъ безусловное господство надъ провинціями, внутри его совершалась перемѣна, не менѣе заслуживающая вниманія исторіи. Переставъ быть простымъ центромъ обмѣна, сдѣлокъ, потребленія и удовольствій, Парижъ все болѣе становился

промышленнымъ и мануфактурнымъ городомъ: вотъ другой фактъ, придававшій первому новый и болѣе внушительный характеръ.

Начало этого явленія относится къ очень отдаленной эпохѣ; повидимому, уже въ средніе вѣка Парижъ былъ не только самымъ значительнымъ по величинѣ, но и самымъ промышленнымъ городомъ въ королевствѣ. Это становится очевиднымъ при приближеніи къ новымъ временамъ. По мѣрѣ того, какъ всѣ административныя дѣла сосредоточиваются въ Парижѣ, туда же устремляются и промышленныя дѣла. Парижъ все болѣе и болѣе дѣлается образцомъ и судьею вкуса, единственнымъ центромъ власти и искусствъ, главнымъ очагомъ національной дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и промышленная жизнь націи все болѣе стягивается къ этому центру и сосредоточивается въ немъ.

Хотя статистическіе документы стараго порядка въ большинствѣ случаевъ мало заслуживаютъ довѣрія, я думаю, смѣло можно утверждать, что въ теченіе предшествовавшихъ французской Революціи шестидесяти лѣтъ число мастеровыхъ больше, чѣмъ удвоилось въ Парижѣ, тогда какъ общая цифра его населенія въ тотъ же періодъ времени едва-ли возрасла на одну треть.

Независимо отъ общихъ причинъ, только что указанныхъ мною, существовали еще особыя обстоятельства, со всѣхъ концовъ Франціи привлекавшія рабочихъ въ Парижъ и постепенно скоплявшія ихъ въ опредѣленныхъ кварталахъ, которые, подъ конецъ, почти исключительно заселились мастеровыми. Путы, налагавшіяся на промышленность фискальнымъ законодательствомъ того времени, въ Парижѣ были менѣе стѣснительны, чѣмъ гдѣ-либо во Франціи; нигдѣ нельзя было легче ускользнуть отъ ига цеховъ. Извѣстныя предмѣстья, какъ напр., сентъ-антуанское и тампльское, пользовались въ этомъ отношеніи особенно большими привилегіями. Людовикъ XVI значительно расширилъ эти привилегіи сентъ-антуанскаго предмѣстья и усиленно способствовалъ скопленію въ немъ огромнаго рабочаго населенія, „желая“—какъ говоритъ этотъ несчастный государь въ одномъ изъ своихъ указовъ, „дать рабочимъ сентъ-антуанскаго предмѣстья новый

знакъ своего покровительства и освободить ихъ отъ тѣхъ стѣсненій, которыя столько же вредятъ интересамъ рабочихъ, какъ и свободѣ торговли“.

Ко времени Революціи число заводовъ, мануфактуръ, фабричныхъ печей до такой степени возрасло въ Парижѣ, что правительство, наконецъ, забило тревогу. Видъ этого прогресса возбуждалъ въ немъ разныя опасенія весьма призрачнаго свойства. Существуетъ, между прочимъ, постановленіе совѣта отъ 1782 г., объявляющее, что „король, опасаясь, чтобы быстрое размноженіе мануфактуръ не привело къ такому потребленію лѣса, которое могло бы нанести ущербъ снабженію города, впредь воспрещаетъ устройство заведеній этого рода ближе, чѣмъ на разстояніи пятнадцати лье отъ Парижа“. Что же касается дѣйствительной опасности, которую могло создать такое скопленіе народа, то о ней никто не думалъ.

Такъ сталъ Парижъ хозяиномъ Франціи, а въ немъ уже собиралась армія, которой суждено было пріобрѣсти господство надъ Парижемъ.

Въ настоящее время почти всѣ, кажется, согласны, что административная централизація и всемогущество Парижа значительно способствовали паденію всѣхъ тѣхъ правительствъ, которыя на нашихъ глазахъ смѣняли другъ друга втеченіе послѣднихъ сорока лѣтъ. Я безъ труда покажу, что тому же обстоятельству слѣдуетъ приписать большую роль во внезапной и насильственной гибели старой монархіи, и что его необходимо отнести къ числу главнѣйшихъ причинъ этой первой революціи, носившей въ себѣ зародыши всѣхъ послѣдующихъ переворотовъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О томъ, что Франція была страною, въ которой люди стали наиболѣе похожи другъ на друга.

При внимательномъ разсмотрѣніи, Франція стараго порядка представляется въ двухъ совершенно различныхъ видахъ.

Ея жители, въ особенности—принадлежащіе къ среднимъ и высшимъ слоямъ общества,—единственнымъ, доступнымъ наблюденію,—всѣ какъ будто вполнѣ похожи другъ на друга.

Однако, среди этой однообразной толпы все еще возвышается огромное количество маленькихъ перегородокъ, раздѣляющихъ ее на множество частей, и внутри каждой подобной ячейки замѣчается какъ бы особое общество, занятое только своими собственными интересами, и не участвующее въ жизни цѣлаго.

Размышляя о такомъ, почти безконечномъ, дробленіи, благодаря которому граждане всего менѣе были подготовлены къ совмѣстной дѣятельности и взаимной поддержкѣ въ критическое время, я вполнѣ понимаю, что могущественный переворотъ могъ мгновенно и до основаніи потрясти подобное общество. Я представляю себѣ, что всѣ эти маленькія заставы опрокинуты силою переворота,—и тотчасъ же вижу предъ собою общество, подобнаго которому, по компактности и однородности, быть можетъ, никогда не существовало въ мірѣ.

Я показалъ, что почти на всемъ протяженіи королевства самостоятельная жизнь провинцій давно угасла; это обстоятельство значительно способствовало тому, что всѣ французы стали очень похожи другъ на друга. Сквозь тѣ различія, которыя еще продолжали существовать, уже проглядывало единство націи: на него указываетъ единообразіе законодательства. Въ теченіе всего XVШ в. возрастаетъ число указовъ, королевскихъ декларацій, постановленій совѣта, одинаково примѣняющихъ одни и тѣ же правила во всѣхъ частяхъ государства. Не только правители, но и управляемые усваиваютъ идею такого общаго и единообразнаго законодательства, одинаковаго для всѣхъ и повсюду; эта идея видна во всѣхъ преобразовательныхъ проектахъ, смѣняющихся въ продолженіе тѣхъ тридцати лѣтъ, которыя предшествовали взрыву Революціи. Двумя столѣтіями раньше для такихъ идей совершенно не было почвы.

Увеличивается не только сходство между провинціями, но и въ предѣлахъ каждой изъ нихъ люди различныхъ классовъ, по крайней мѣрѣ непринадлежащіе къ народной массѣ,

становятся все болѣе похожими другъ на друга, несмотря на особенности своего состоянія.

Съ наибо́льшею ясностью это обнаруживается при чтеніи наказовъ, представленныхъ отдѣльными сословіями въ 1789 г. Изъ этихъ наказовъ видно, что ихъ составители, глубоко различаясь по своимъ интересамъ, во всемъ остальномъ были схожи.

Изучая ходъ дѣлъ въ первыхъ собраніяхъ Государственныхъ Штатовъ, вы встрѣтитесь съ зрѣлищемъ совершенно противоположнаго характера; въ тѣ времена дворянинъ и горожанинъ имѣли больше общихъ интересовъ и общихъ дѣлъ; они высказывали гораздо меньше взаимной враждебности; но они все еще принадлежали какъ будто къ двумъ различнымъ расамъ.

Время, которое поддержало, а во многихъ отношеніяхъ и усилило привилегіи, разобщавшія дворянина и мѣщанина, страннымъ образомъ стремилось уравнять ихъ во всемъ остальномъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій французскіе дворяне непрерывно бѣднѣли. „Несмотря на свои привилегіи, дворянство разоряется и гибнетъ, а богатствами овладѣваетъ третье сословіе“,—съ грустью пишетъ одинъ дворянинъ въ 1755 г. Между тѣмъ, законы, покровительствовавшіе дворянскому землевладѣнію, оставались въ прежней силѣ; ничто, повидимому, не измѣнилось въ экономическомъ положеніи дворянъ. И все-таки они повсемѣстно бѣднѣли по мѣрѣ того, какъ теряли свою власть.

Можно подумать, что въ человѣческихъ учрежденіяхъ, какъ и въ самомъ человѣкѣ, независимо отъ органовъ, отправляющихъ различныя функціи существованія, дѣйствуетъ какая то невидимая центральная сила, въ которой и заключается основное начало жизни. Напрасно органы продолжаютъ, повидимому, свою прежнюю дѣятельность: все тѣло сразу изнемогаетъ и гибнетъ, когда угасло это живительное пламя. У французскихъ дворянъ еще существовали субституціи (Бёркъ замѣчаетъ даже, что въ его время субституціи во Франціи были болѣе обязательны, и чаще встрѣчались, чѣмъ въ Англіи), право первородства, поземельныя и вѣчныя повинности и все то, что носило названіе „выгодныхъ правъ“;

французскіе дворяне были освобождены отъ обременительной обязанности вести войну на свой собственный счетъ, а между тѣмъ податныя изъятія были сохранены за дворянами, и притомъ сильно увеличены; другими словами, избавившись отъ самой повинности, дворяне удержали вознагражденіе за нее; сверхъ того они пользовались еще многими другими, совершенно неизвѣстными ихъ предкамъ, денежными выгодами; но, несмотря на все это, они постепенно бѣднѣли, по мѣрѣ того, какъ утрачивали правительственный навыкъ и смыслъ. Именно этому постепенному оскудѣнію слѣдуетъ отчасти приписать чрезвычайную раздробленность поземельной собственности, отмѣченную нами выше. Дворянинъ по кускамъ уступалъ свою землю крестьянамъ, удерживая за собою только помѣстные сборы, скорѣе наружно, чѣмъ въ дѣйствительности сохранявшіе ему его прежнее положеніе. Многія изъ французскихъ провинцій, какъ, напр., Лимузенъ, о которомъ говоритъ Тюрго, были наполнены одними обѣднѣвшими, мелкопомѣстными дворянами, почти совсѣмъ лишившимися земли и существовавшими лишь съ помощью вотчинныхъ сборовъ и поземельныхъ рентъ.

„Въ этой губерніи (généralité)“, — говоритъ въ началѣ вѣка одинъ интендантъ: „число дворянскихъ семей еще достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ; но между ними едва-ли найдется пятнадцать такихъ, которыя имѣли бы по двадцати тысячъ ливровъ дохода“. Инструкція, съ которою другой интендантъ (въ Франшъ-Конте) обращается къ своему преемнику въ 1750 г., содержитъ въ себѣ слѣдующія строки: „мѣстные дворяне—люди довольно почтенные, но очень бѣдные и гордые. Они очень унижены по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ были когда то. Не дурна политика, удерживающая ихъ въ этомъ бѣдственномъ положеніи съ цѣлью заставить ихъ служить и нуждаться въ насъ. Они образуютъ“,— прибавляетъ онъ: „особое сообщество, въ которое допускаются только лица, могущія доказать, что ихъ родословная насчитываетъ не менѣе четырехъ поколѣній. Это сообщество не утверждено закономъ: оно только терпимо, и собирается только одинъ разъ въ годъ, въ присутствіи интенданта. Пообѣдавши вмѣстѣ и выслушавъ обѣдню, эти дворяне возвращаются по домамъ,—кто на своей клячѣ, а кто и пѣшкомъ. Вы увидите, сколько смѣшного въ этихъ собраніяхъ“.

Это постепенное оскудѣніе дворянства болѣе или менѣе обнаруживалось не только во Франціи, но и во всѣхъ тѣхъ частяхъ материка, гдѣ, какъ во Франціи, феодальная система прекращала свое существованіе безъ замѣны какою либо другою формой аристократіи. У германскихъ народностей, населявшихъ берега Рейна, этотъ упадокъ выражался особенно рѣзко и очень многими былъ замѣченъ. Обратное встрѣчалось только у англичанъ. Тамъ старыя дворянскія семьи, еще продолжавшія существовать, не только сохранили, но и значительно увеличили свои состоянія; онѣ остались первыми не только по своей политической силѣ, но и по богатству; въ этомъ послѣднемъ отношеніи новыя семьи, возвысившіяся рядомъ съ старыми, лишь сравнялись съ ними, но не превзошли ихъ.

Во Франціи, повидимому, одни разночинцы наслѣдовали всѣ тѣ имущества, которыя уходили изъ рукъ дворянства; казалось, что они наживаются исключительно насчетъ послѣдняго. Между тѣмъ не существовало ни одного закона, который бы препятствовалъ разоренію буржуа или способствовалъ его обогащенію; и все таки онъ богатѣлъ безпрестанно, во многихъ случаяхъ дѣлаясь такъ же состоятеленъ, какъ и дворянинъ, а иногда и богаче. Мало того: богатство буржуа часто и качественно не отличалось отъ дворянскаго: живя обыкновенно въ городѣ, буржуа, однакоже, нерѣдко владѣлъ сельскими угодьями, а иногда пріобрѣталъ даже дворянскія помѣстья.

Воспитаніе и образъ жизни успѣли создать множество другихъ чертъ сходства между людьми этихъ двухъ сословій. Буржуа былъ настолько же образованъ, какъ и дворянинъ и, что особенно важно, черпалъ свои познанія изъ того же самаго источника. Оба они были просвѣщены однимъ и тѣмъ же свѣтомъ. У обоихъ одинаково образованіе носило теоретическій и литературный характеръ: Парижъ, мало-помалу сдѣлавшійся единственнымъ наставникомъ Франціи, сообщалъ всѣмъ умамъ одинаковую выправку и форму.

Въ концѣ XVIII вѣка, безъ сомнѣнія, еще можно было замѣтить различіе въ манерахъ дворянства и третьяго сословія, потому что ничто не уравнивается такъ медленно, какъ эта поверхность нравовъ, называемая манерами; но, въ сущности, всѣ люди, стоявшіе внѣ народной массы, походили другъ на друга: у нихъ были одинаковыя понятія, привычки, склонности, они предавались однимъ и тѣмъ же удовольствіямъ, читали однѣ и тѣ же книги, говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ и различались только своими правами.

Не думаю, чтобы такое сходство въ то время обнаруживалось еще гдѣ-либо въ такой сильной степени: даже въ Англіи отдѣльные классы, какъ ни прочно они были связаны между собою общностью интересовъ, все еще различались духомъ и нравами; потому что политическая свобода, обладая чудною способностью соединять всѣхъ гражданъ отношеніями необходимости и взаимной зависимости, не всегда создаетъ между ними сходство; только единоличное правленіе въ концѣ концовъ всегда и неизбѣжно дѣлаетъ людей похожими другъ на друга и взаимно равнодушными къ своей судьбѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

о томъ, что эти до такой степени похожіе люди болѣе, чѣмъ когда-либо, дѣлились на маленькія группы, взаимно-чуждыя и равнодушныя другъ къ другу.

Теперь разсмотримъ другую сторону картины; и мы увидимъ, что тѣ же французы, при всемъ своемъ сходствѣ, были разобщены между собою глубже, можетъ быть, чѣмъ гдѣ-либо, и даже чѣмъ во Франціи прежнихъ временъ.

Многое заставляетъ насъ думать, что, въ эпоху возникновенія феодальной системы въ Европѣ, то, что послѣдствіи получило названіе дворянства, вовсе не образовало изъ себя немедленно *касту*, а составлялось, первоначально, изъ всѣхъ значительнѣйшихъ членовъ націи и, слѣдовательно, на первыхъ парахъ, было только аристократіею. Но это—вопросъ, котораго я совсѣмъ не намѣренъ здѣсь разбирать. Я ограничусь замѣчаніемъ, что въ средніе вѣка дворянство обращается въ касту, т.-е., что его отличительнымъ признакомъ становится происхожденіе.

Правда, средневѣковое дворянство сохраняетъ характерную особенность аристократіи: оно остается совокупностью правящихъ гражданъ; но какія лица будутъ стоять во главѣ этой общественной группы, опредѣляется уже только происхожденіемъ. Всякій, не родившійся дворяниномъ, стоитъ внѣ этого обособленнаго и замкнутаго класса и въ государствѣ занимаетъ низкое или высокое, но всегда подчиненное положеніе.

На материкѣ Европы, повсюду, гдѣ водворился феодализмъ, результатомъ послѣдняго было созданіе касты; только въ Англіи онъ привелъ къ возстановленію аристократіи.

Фактъ, который такъ рѣзко выдѣляетъ Англію изъ среды всѣхъ современныхъ націй и одинъ даетъ ключъ къ пониманію особенностей ея законовъ, духа и исторіи, не могъ не обратить на себя вниманія философовъ и государственныхъ людей; но мнѣ всегда казалось удивительнымъ, что онъ не привлекъ къ себѣ еще болѣе пристальнаго вниманія, и что привычка въ концѣ концовъ сдѣлала его какъ будто невидимымъ для самихъ англичанъ. Нерѣдко его замѣчали только на-половину и такимъ-же образомъ описывали; никогда, кажется, онъ не былъ представленъ въ полномъ объемѣ и съ полною ясностью. Монтескьё, при своемъ посѣщеніи Великобританіи въ 1739 г., справедливо пишетъ: „Я—въ странѣ, которая совсѣмъ не похожа на остальную Европу“,— но ничего не прибавляетъ къ этому.

Уже въ то время Англія такъ сильно отличалась отъ остальной Европы не столько благодаря своей свободѣ, гласности или суду присяжныхъ, сколько благодаря другому обстоятельству, еще болѣе своеобразному и существенному. Англія представляла собою единственную страну, въ которой система касты была не видоизмѣнена только, а дѣйствительно разрушена. Тамъ дворяне и разночинцы сообща вели одни и тѣ-же дѣла, занимались одинаковыми профессіями и,

что еще знаменательнѣе, вступали между собою въ браки; тамъ уже не считалось стыдомъ для дочери самаго знатнаго вельможи выйти замужъ за человѣка простого званія.

Если вы хотите узнать, окончательно-ли въ средѣ какого-либо народа уничтожены каста и созданныя ею понятія, привычки и преграды, — разсмотрите происходящіе въ немъ браки. Въ нихъ только вы найдете рѣшающее указаніе. Искать его во Франціи нерѣдко было бы напраснымъ трудомъ даже въ наше время, послѣ шестидесяти лѣтъ господства демократіи. Здѣсь древнія и новыя семьи, смѣшавшіяся, повидимому, во всѣхъ отношеніяхъ, продолжаютъ какъ можно старательнѣе избѣгать сліянія посредствомъ браковъ.

Не разъ было замѣчено, что англійское дворянство отличалось отъ дворянскаго сословія всѣхъ остальныхъ государствъ своимъ благоразуміемъ, политическимъ тактомъ и менѣе замкнутымъ характеромъ. Правильнѣе было-бы сказать, что въ Англіи давно уже не существуетъ, собственно, дворянства въ томъ старомъ и ограниченномъ смыслѣ, какой удержало это слово во всѣхъ другихъ странахъ.

Этотъ своеобразный переворотъ скрывается въ сумракѣ прошлаго; но еще сохранился живой свидѣтель его: это — народный языкъ. Уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ въ Англіи слово *дворянинъ* совершенно измѣнило свой смыслъ, а слово *разночинецъ* перестало существовать. Въ 1664 г., когда Мольеръ писалъ въ своемъ „Тартюфѣ“:

Et tel que l'on le voit, il est bon géntilhmme, *) — дословно перевести по-англійски этотъ стихъ было уже невозможно.

Если вы хотите сдѣлать еще другое примѣненіе языковѣдѣнія къ исторіи, прослѣдите во времени и въ пространствѣ судьбу слова *джентльменъ* (gentleman), которое произошло отъ нашего слова gentilhomme (дворянинъ): вы увидите, что въ Англіи значеніе этого слова расширяется соотвѣтственно тому, какъ сближаются и смѣшиваются сословія. Въ каждомъ послѣдующемъ вѣкѣ оно примѣняется къ людямъ, стоящимъ нѣсколько ниже въ общественной іерархіи. Наконецъ, вмѣстѣ съ англичанами оно переходитъ въ Америку, гдѣ служитъ уже для обозначенія всякаго гражданина безразлинно. Въ судьбѣ этого слова отразилась исторія самой демократіи.

*) Каковъ бы онъ ни былъ, онъ истый дворянинъ.

Во Франціи слово дворянинъ (gentilhomme) всегда оставалось тѣсно замкнутымъ въ своемъ первоначальномъ значеніи; со времени Революціи оно почти вышло изъ употребленія, но смыслъ его не измѣнялся никогда. Слово, обозначавшее членовъ касты, было оставлено нетронутымъ, потому что сама каста была сохранена во всей своей исторической обособленности.

Но я иду еще далѣе и утверждаю, что эта обособленность значительно усилилась по сравненію съ тѣмъ временемъ, когда возникло слово дворянинъ, и что въ нашей средѣ совершилась перемѣна въ направленіи, противоположномъ тому, которое наблюдалось у Англичанъ.

Если увеличилось сходство между дворяниномъ и горожаниномъ, то въ то-же самое время возросла и взаимная ихъ изолированность: вотъ два явленія, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать, такъ какъ они не только не смягчаютъ, но часто обостряютъ другъ друга.

Въ средніе вѣка и во все то время, пока продолжалось господство феодализма, всѣ лица, державшія землю отъ помѣщика, и на феодальномъ языкѣ называвшіяся собственно вассалами (а многіе изъ нихъ не были дворянами), постоянно призывались къ содѣйствію сеньеру въ управленіи помѣстьемъ; это было даже главнымъ условіемъ ихъ держанія (tenure). Они не только обязывались сопровождать помѣщика на войну, но также должны были въ силу своего договора (concession) ежегодно проводить извѣстное время при его дворѣ, т. е. помогать ему въ судебной дѣятельности и въ управленіи обывателями. Въ системѣ феодальнаго управленія дворъ сеньера являлся главнымъ составнымъ элементомъ; о немъ говорятъ всѣ старыя европейскія законодательства, и даже въ настоящее время я встрѣчалъ очень явственные слѣды его во многихъ частяхъ Германіи. Какъ сообщаетъ намъ ученый федистъ Эдмъ де-Фременьвиль (Edme de Fréminville), за тридцать лѣтъ предъ Революціей вздy-

мавшій написать толстую книгу о феодальныхъ правахъ и о возобновленіи поземельныхъ списковъ (terriers), онъ видѣлъ „въ документахъ множества помѣстій, что вассалы черезъ каждыя двѣ недѣли должны были являться ко двору сеньора, гдѣ, собравшись, разбирали вмѣстѣ съ нимъ или съ его постояннымъ судьею дѣла о преступленіяхъ и спорахъ, возникавшія среди жителей„. Онъ прибавляетъ, что иногда находилъ „восемьдесятъ, полтораста и до двухсотъ такихъ вассаловъ въ одномъ помѣстьѣ. Въ числѣ ихъ было много разночинцевъ“. Я привелъ это не какъ доказательство, — есть сотни другихъ доказательствъ, — а какъ примѣръ тому, какимъ путемъ первоначально и затѣмъ въ теченіе продолжительнаго времени сельскій классъ ежедневно сближался и смѣшивался съ дворянствомъ въ веденіи однихъ и тѣхъ-же дѣлъ. То-же, что дворъ помѣщика дѣлалъ для мелкихъ сельскихъ собственниковъ, провинціальныя, а впослѣдствіи и государственныя сословныя собранія сдѣлали для городской буржуазіи.

При изученіи того, что оставили намъ собранія Генеральныхъ Штатовъ XIV вѣка и, особенно, провинціальныя собранія той же эпохи, нельзя ни удивляться тому, какое видное мѣсто занимало въ этихъ собраніяхъ третье сословіе и какимъ могуществомъ оно пользовалось въ нихъ.

Какъ человѣкъ, горожанинъ XIV вѣка, безъ сомнѣнія, стоитъ гораздо ниже горожанина XVIII вѣка; но буржуазія, какъ сословіе, занимаетъ въ политическомъ обществѣ XIV вѣка болѣе обезпеченное и болѣе высокое положеніе. Право ея участія въ управленіи не оспаривается; въ политическихъ собраніяхъ она всегда играетъ значительную, а нерѣдко и преобладающую роль. Прочіе классы ежедневно испытываютъ необходимость считаться съ нею.

Но всего поразительнѣе то обстоятельство, что въ эту эпоху дворянство и третье сословіе легче, чѣмъ впослѣдствіи, находили возможность сообща управлять дѣлами или сопротивляться общими силами. Это замѣчается не только въ собраніяхъ Генеральныхъ Штатахъ XIV вѣка, изъ которыхъ многія носили безпорядочный и революціонный характеръ, сообщавшійся имъ бѣдствіями той эпохи, но и въ

современныхъ имъ провинціальныхъ собраніяхъ, не дающихъ никакого основанія думать, чтобы въ нихъ дѣла шли неправильнымъ или необычнымъ ходомъ. Такъ, въ Оверни всѣ три сословія сообща принимаютъ важнѣйшія мѣры и наблюдаютъ за ихъ исполненіемъ чрезъ посредство особыхъ комиссаровъ, избранныхъ также изъ среды всѣхъ трехъ сословій. Подобное же зрѣлище въ ту-же эпоху имѣло мѣсто и въ Шампани. Всему міру извѣстенъ тотъ достопамятный актъ, посредствомъ котораго дворяне и мѣщане значительнаго числа городовъ соединились, въ началѣ того же вѣка, для защиты національныхъ вольностей и привилегій родныхъ провинцій отъ посягательствъ королевской власти. Въ этотъ періодъ нашего историческаго прошлаго встрѣчается много такого рода эпизодовъ, взятыхъ какъ будто изъ англійской исторіи. Подобныя явленія болѣе не повторяются въ позднѣйшіе вѣка

И въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того, какъ разстраивается управленіе помѣстьемъ; по мѣрѣ того, какъ собранія Генеральныхъ Штатовъ становятся все болѣе рѣдкими и, наконецъ, совсѣмъ перестаютъ созываться; по мѣрѣ того, какъ рушатся послѣдніе остатки общей политической свободы, увлекающей въ своемъ паденіи и мѣстныя вольности, — дворянинъ и горожанинъ перестаютъ соприкасаться въ государственной жизни. Они никогда болѣе не испытываютъ потребности сблизиться и согласиться между собою; съ каждымъ днемъ увеличивается ихъ независимость другъ отъ друга, но вмѣстѣ съ нею растетъ учрежденіе. Въ XVIII вѣкѣ этотъ переворотъ является законченнымъ: дворянинъ и горожанинъ встрѣчаются уже только случайно, въ частной жизни. Дворянство и буржуазія, какъ классы, — не только соперники, но и враги.

И, — что, повидимому, составляетъ своеобразную особенность Франціи, — въ то самое время, когда дворянское сословіе теряетъ, такимъ образомъ, свои политическія права, дворянинъ, какъ отдѣльное лицо, пріобрѣтаетъ много такихъ привилегій, которыхъ раньше у него никогда не было, или расширяетъ тѣ привилегіи, которыми уже обладалъ. Члены какъ будто обогащаются насчетъ организма. У дворянства все меньше остается права повелѣвать; но за то дворяне

все исключительнѣе пользуются преимуществомъ быть первыми слугами господина; разночинцу было легче сдѣлаться офицеромъ при Людовикѣ XIV, чѣмъ при Людовикѣ XVI. Это часто встрѣчалось въ Пруссіи, въ то время, какъ во Франціи подобное явленіе было почти безпримѣрнымъ. Каждая такая привилегія, однажды пріобрѣтенная, становится принадлежностью породы и неотдѣлима отъ послѣдней. Чѣмъ болѣе французское дворянство теряетъ характеръ аристократіи, тѣмъ болѣе, повидимому, оно дѣлается кастой.

Возьмемъ самую ненавистную изъ всѣхъ этихъ привилегій — податныя изъятія: нетрудно убѣдиться въ томъ, что, начиная съ XV в. и до Французской Революціи, привилегія эта не переставала расти. Она росла вслѣдствіе быстраго развитія государственныхъ повинностей. Когда талья взималась лишь въ размѣрѣ 1,200,000 ливровъ,—какъ это было при Карлѣ VII, — право не платить ея было маловажною привилегіей; но при Людовикѣ XVI, когда талья взималась въ размѣрѣ 80 милліоновъ ливровъ, та-же привилегія стала велика. Когда талья являлась единственнымъ налогомъ на разночинцевъ, принадлежавшее дворянамъ изъятіе было не особено замѣтно; но когда налоги этого рода размножились подъ сотнями названій и видовъ; когда къ тальѣ были приравнены четыре другія подати; когда неизвѣстныя среднимъ вѣкамъ повинности,—какъ напр., королевская барщина въ примѣненіи ко всѣмъ государственнымъ работамъ и службамъ, ополченіе и т. д., — были присоединены къ тальѣ и добавочнымъ къ ней сборамъ и такъ-же неравномѣрно разложены, тогда дворянскія изъятія оказались громадными. Правда, дѣйствительные размѣры этого неравенства, при всей своей значительности, были меньше видимыхъ размѣровъ его; потому что налогъ, не падавшій на дворянина непосредственно, нерѣдко настигалъ его косвенно, въ лицѣ его арендатора; но въ этой области видимое неравенство еще вреднѣе того неравенства, которое дѣйствительно ощущается.

Людовикъ XIV, подъ давленіемъ финансовыхъ нуждъ, угнетавшихъ его въ концѣ его царствованія, ввелъ два общихъ налога: подушную подать (capitation) и пятипроцентный сборъ (les vingtièmes). Но, какъ будто податныя изъ-

Советская Республика

ятія сами по себѣ представляли такую почтенную привилегію, которую слѣдовало освятить даже въ актѣ, наносившемъ ей ущербъ, правительство, вводя общіе налоги, озаботилось установить различіе въ ихъ взиманіи. Для однихъ послѣднее осталось суровымъ и унизительнымъ, для другихъ— снисходительнымъ и почетнымъ.

Хотя неравенство въ дѣлѣ податнаго обложенія утвердилось на протяженіи всего материка Европы, однако лишь въ очень немногихъ странахъ ея оно стало такимъ явнымъ и постоянно ощущаемымъ, какъ во Франціи. Въ значительной части Германіи преобладали косвенные налоги. Даже въ прямомъ налогѣ привилегію дворянина нерѣдко составляло лишь меньшее участіе въ несеніи общей тягости. Наконецъ, въ Германіи существовали извѣстныя подати, падавшія только на дворянство, и предназначенныя къ тому, чтобы служить замѣною даровой военной службы, которой болѣе не требовали.

А изъ всего того, что ведетъ къ установленію отличій между людьми и къ разграниченію классовъ, неравномѣрность податного обложенія наиболѣе гибельна, наиболѣе способна осложнить неравенство разобщеніемъ и оба эти общественные недуга сдѣлать, въ извѣстномъ смыслѣ, неизлѣчимыми. И въ самомъ дѣлѣ, вотъ послѣдствія такой неравномѣрности: разъ мѣщанинъ и дворянинъ болѣе не обязываются платить одну и ту-же подать, ея раскладка и взиманіе ежегодно отчетливою и точною чертою проводятъ вновь границу между классами. Ежегодно каждый изъ привилегированныхъ вновь испытываетъ существенный и настоятельный интересъ въ томъ, чтобы его не смѣшали съ массой, и дѣлаетъ новое усиліе съ цѣлью стать въ сторонѣ.

Такъ какъ почти во всякомъ государственномъ дѣлѣ исходнымъ или заключительнымъ моментомъ является налогъ, то съ минуты, когда два класса обложены податью неодинаково, у нихъ почти не остается дѣлъ, требующихъ совмѣстнаго обсужденія, почти не остается поводовъ испытывать общія нужды и чувства; тогда уже нетрудно держать ихъ въ разобщеніи: у нихъ отняты и случаи и охота къ совмѣстной дѣятельности.

Бёркъ, въ нарисованномъ имъ сильно прикрашенномъ портретѣ государственнаго строя старой Франціи, выставляетъ, какъ черту, говорящую въ пользу нашего дворянства, ту легкость, съ какою мѣщане пріобрѣтали дворянское достоинство путемъ покупки должности: въ этомъ онъ находитъ какую-то аналогію съ открытою аристократіей Англіи. Дѣйствительно, Людовикъ XI сильно увеличилъ число новопожалованныхъ дворянъ: это было средствомъ унизить дворянство; его преемники расточали пожалованія дворянскимъ достоинствомъ съ цѣлью добыть денегъ. Неккеръ сообщаетъ намъ, что въ его время число должностей, доставлявшихъ дворянское достоинство, достигало четырехъ тысячъ. Ничего подобнаго не встрѣчалось въ остальной Европѣ; но аналогія, которую хотѣлъ установить Бёркъ между Франціей и Англіей, была поэтому лишь еще болѣе ложною.

Если средніе классы въ Англіи не только не враждовали съ аристократіею, но оставались въ такомъ тѣсномъ союзѣ съ нею, то это обусловливалось не только отсутствіемъ у нея замкнутаго характера, но еще болѣе, какъ это и указывалось, неопредѣленностью ея формы и отсутствіемъ видимыхъ границъ; не столько возможностью войти въ ея составъ, сколько возможностью принадлежать къ ней и самому не знать этого; такъ что всѣ, приближавшіеся къ этой аристократіи, могли считать себя ея членами, участвовать въ ея правительственной дѣятельности и заимствовать извѣстный блескъ у ея могущества или извлекать изъ него выгоды.

Во Франціи же граница, отдѣлявшая дворянство отъ другихъ классовъ, какъ ни было легко ее перейти, все таки была неподвижна и замѣтна; по ея рѣзкимъ и ненавистнымъ признакамъ ее всегда могъ узнать всякій, стоявшій внѣ ея. Человѣкъ, однажды перешагнувшій ее, отдѣлялся отъ всѣхъ тѣхъ, изъ чьей среды онъ только что вышелъ, тягостными и унизительными для нихъ привилегіями.

Поэтому система пожалованій дворянскимъ достоинствомъ не только не уменьшала, но, наоборотъ, безмѣрно усиливала ненависть разночинца къ дворянину; послѣдняя разжигалась всею тою завистью, которую новый дворянинъ внушалъ тѣмъ, кто прежде былъ съ нимъ на равнѣ. Вотъ почему

третье сословіе въ своихъ жалобахъ всегда выказываетъ большее раздраженіе противъ новопожалованныхъ, чѣмъ противъ природныхъ дворянъ, и не только не добивается расширенія прохода, ведущаго къ дворянству, но, напротивъ, требуетъ, чтобы этотъ проходъ былъ съуженъ.

Ни во одну изъ эпохъ нашей исторіи дворянство не пріобрѣталось такъ легко, какъ въ 89 г., и никогда не было такъ велико разобщеніе между дворяниномъ и горожаниномъ. Не только дворяне не терпятъ въ своихъ избирательныхъ коллегіяхъ ничего, отзывающагося буржуазіею, но и третье сословіе съ такою-же тщательностью отстраняетъ всякаго, въ комъ можно заподозрить дворянина. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ одна сторона отталкиваетъ новопожалованныхъ дворянъ потому, что считаетъ ихъ недостаточно благородными, а другая — потому, что находитъ ихъ уже слишкомъ благородными. Въ такомъ положеніи былъ, говорятъ, знаменитый Лавуазье.

Оставивъ въ сторонѣ дворянство и обратившись къ буржуазіи, мы встрѣтимся съ совершенно однороднымъ явленіемъ: третье сословіе является почти на столько же отрѣзаннымъ отъ народа, какъ дворянство отъ третьяго сословія.

При Старомъ порядкѣ почти вся совокупность средняго класса населяла города. Наступленію этого результата способствовали главнымъ образомъ двѣ причины: дворянскія привилегіи и талья. Помѣщикъ, пребывавшій въ своихъ владѣніяхъ, обыкновенно выказывалъ извѣстное фамильярное добродушіе въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ; но его дерзость къ сосѣдямъ буржуа почти не знала границъ. Она непрерывно росла по мѣрѣ и вслѣдствіе уменьшенія его политической власти; потому что, съ одной стороны, переставая управлять, онъ болѣе не имѣлъ интереса щадить тѣхъ, кто раньше помогалъ ему въ этой задачѣ, а съ другой стороны, какъ неоднократно было замѣчено, въ неумѣренномъ пользованіи своими призрачными правами онъ любилъ искать утѣшенія въ потерѣ дѣйствительной власти. Даже его отсутствіе изъ помѣстья не облегчало сосѣдей, а скорѣе увеличивало ихъ затрудненія, потому что привилегіи, осуществляемыя черезъ посредство повѣреннаго, оказывались еще болѣе невыносимыми.

Тѣмъ не менѣе, возможно, что талья и всѣ приравненные къ ней налоги являлись еще болѣе дѣйствительными причинами.

Я думаю, что могъ-бы, и притомъ съ достаточною краткостью, объяснить, почему талья и добавочные къ ней сборы гораздо тяжеле ложились на села, чѣмъ на города; но, можетъ быть, читателю это покажется излишнимъ. Итакъ, достаточно будетъ сказать, что буржуа, сгруппированные въ городахъ, обладали множествомъ средствъ къ тому, чтобы облегчить бремя тальи, а нерѣдко и совсѣмъ освободиться отъ нея,—средствъ, которыхъ не имѣлъ бы каждый изъ нихъ въ отдѣльности, оставаясь въ родной усадьбѣ. Въ особенности ускользали они такимъ образомъ отъ обязанности собирать талью, чего вполнѣ основательно боялись еще больше, чѣмъ обязанности платить ее. Дѣло въ томъ, что при старомъ порядкѣ и вообще, я думаю, ни при какомъ порядкѣ не существовало положенія хуже того, въ которомъ находился приходскій сборщикъ тальи; ниже я буду имѣть случай показать это. Между тѣмъ, за исключеніемъ дворянъ, никто въ селѣ не могъ уклониться отъ этой повинности; чтобы избѣгнуть ея, богатый разночинецъ предпочиталъ отдать въ аренду свою недвижимость и удалиться въ ближайшій городъ. Въ полномъ согласіи со всѣми секретными документами, къ которымъ мнѣ приходилось обращаться, Тюрго говоритъ намъ, что „взиманіе тальи превращаетъ почти всѣхъ сельскихъ собственниковъ-разночинцевъ въ городскихъ мѣщанъ“. Между прочимъ, это — одна изъ причинъ того факта, что Франція покрыта болѣе густою сѣтью городовъ и, особенно, маленькихъ городовъ, чѣмъ большинство другихъ европейскихъ странъ.

Оградившись, такимъ образомъ, городскими стѣнами, богатый разночинецъ быстро утрачивалъ сельскія привычки и понятія; онъ становился совершенно чуждъ трудамъ и заботамъ тѣхъ изъ своихъ собратьевъ, которые оставались въ селахъ. Все его существованіе сводилось, такъ сказать, къ одной цѣли: въ избранномъ имъ городѣ онъ стремился сдѣлаться чиновникомъ.

Очень ошибочна та мысль, будто страсть къ мѣстамъ, свойственная всѣмъ, и, особенно, среднимъ классамъ современнаго французскаго общества, родилась въ эпоху Революціи. Эта страсть возникла нѣсколькими столѣтіями раньше и никогда не переставала расти, благодаря множеству новыхъ источниковъ питанія, заботливо доставлявшихся ей.

При Старомъ порядкѣ мѣста не всегда походили на современныя должности, но, кажется, были еще многочисленнѣе послѣднихъ; количество маловажныхъ должностей было почти безконечно. Вычислено, что лишь въ промежутокъ времени съ 1693 по 1709 г. было создано сорокъ тысячъ мѣстъ, за немногими исключеніями доступныхъ для самой мелкой буржуазіи. Въ одномъ провинціальномъ городѣ посредственной величины въ 1750 г., по моимъ разысканіямъ, насчитывалось до ста девяти лицъ, занятыхъ отправленіемъ правосудія, и сто двадцать шесть человѣкъ, обязанныхъ приводить въ исполненіе приговоры, постановленные первыми, причемъ всѣ они — мѣстные жители. Страсть буржуа къ этимъ должностямъ была поистинѣ безпримѣрна. Какъ только кто либо изъ нихъ чувствовалъ себя обладателемъ небольшого капитала, онъ, вмѣсто того, чтобы пустить этотъ капиталъ въ оборотъ, тотчасъ же употреблялъ его на покупку должности. Это жалкое честолюбіе больше, чѣмъ цехи и даже чѣмъ талья, вредило развитію земледѣлія и торговли во Франціи. Когда мѣстъ не хватало, воображеніе искателей, принимаясь за дѣло, вскорѣ изобрѣтало новыя мѣста. Нѣкто г. Ламбервиль печатаетъ записку съ цѣлью доказать, что вполнѣ соотвѣтствовало бы публичному интересу учрежденіе инспекторовъ для извѣстной отрасли промышленности, и въ заключеніе предлагаетъ самого себя для замѣщенія этой должности. Кто изъ насъ не зналъ такого Ламбервиля? — Словомъ, человѣкъ, располагавшій кое-какими знаніями и небольшою зажиточностью, не считалъ приличнымъ умереть, не бывши должностнымъ лицомъ. „Каждый, соотвѣтственно своему состоянію“, — говоритъ одинъ современникъ: „хочетъ быть чѣмъ-нибудь по королевскому повелѣнію (de par le roi)“.

Самое существенное различіе въ этомъ отношеніи между тою эпохой, о которой я здѣсь говорю, и нашимъ временемъ

состоитъ въ томъ, что тогда правительство продавало мѣста, а теперь оно даетъ ихъ; чтобы получить мѣсто, теперешніе искатели не платятъ денегъ, а дѣлаютъ лучше; они отдаютъ самихъ себя въ полное распоряженіе правительства.

Горожанинъ былъ отдѣленъ отъ крестьянина не только различіемъ мѣстопребыванія и, особенно, различіемъ образа жизни, но также, въ большинствѣ случаевъ, и разностью интересовъ. Совершенно справедливы жалобы на привилегіи, принадлежавшія дворянамъ въ области налоговъ; но что сказать о такихъ-же привилегіяхъ горожанъ? Насчитываются тысячи должностей, вполнѣ или отчасти освобождающихъ горожанъ отъ государственныхъ повинностей: одного — отъ ополченія, другого — отъ барщины, третьяго — отъ тальи. Гдѣ тотъ приходъ, — говорится въ одномъ сочиненіи того времени, — который не насчитывалъ бы въ своей средѣ, помимо дворянъ и духовныхъ, еще многихъ жителей, съ помощью должностей или временнаго исполненія должности доставившихъ себѣ то или другое податное изъятіе? Одною изъ причинъ, время отъ времени побуждающихъ отмѣнять извѣстное количество должностей, предназначенныхъ для горожанъ, служитъ уменьшеніе государственныхъ доходовъ, какъ послѣдствіе такой многочисленности лицъ, свободныхъ отъ taille. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что такихъ лицъ было въ средѣ третьяго сословія не меньше, а часто и больше, чѣмъ въ средѣ дворянства.

Эти злополучныя привилегія наполняли завистью тѣхъ, кто не пользовался ими, и самою себялюбивою гордостью — тѣхъ, кто ими обладалъ. Въ теченіе всего XVIII в. городская буржуазія выказываетъ въ отношеніи къ крестьянамъ своего округа очевидную враждебность, а, съ другой стороны, округъ очевидно завидуетъ городу. „Каждый городъ“, говоритъ Тюрго: „занятый своими частными интересами, склоненъ принести ему въ жертву села и деревни своего округа“. — „Вы часто бывали вынуждены“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ своимъ субделегатамъ: „подавлять постоянное стремленіе къ узурпаціи и захвату, характеризующее поведеніе городовъ относительно селъ и деревень ихъ округа“.

Даже народъ, живущій вмѣстѣ съ буржуа въ чертѣ ихъ города, становится въ ихъ глазахъ чѣмъ-то чуждымъ и почти враждебнымъ. Бо́льшая часть вводимыхъ ими мѣстныхъ повинностей нанравлены къ тому, чтобы обременять преимущественно низшіе классы. Я не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости того, что тотъ же Тюрго говоритъ въ другомъ мѣстѣ свихъ сочиненій, а именно, что горожане нашли способъ регламентировать городскія ввозныя пошлины (octrois) такимъ образомъ, чтобы самимъ оставаться свободными отъ платежа этихъ пошлинъ.

Но что особенно бросается въ глаза во всѣхъ дѣйствіяхъ этой буржуазіи, это — страхъ, чтобы ее не смѣшали съ народомъ, и страстное желаніе всѣми средствами уклоняться отъ контроля съ его стороны.

„Если бы королю было угодно“, говоритъ буржуа въ одной запискѣ на имя генеральнаго контролера: „чтобы должность мэра снова сдѣлалась избирательною, приличествовало бы обязать избирателей подавать голоса только въ пользу главнѣйшихъ нотаблей и даже только членовъ городского магистрата (présidial)“.

Мы видѣли, что въ политику нашихъ королей входило стремленіе постепенно ограничить низшіе классы городского населенія въ пользованіи принадлежавшими имъ политическими правами. Все законодательство этихъ королей, начиная отъ Людовика XI и до Людовика XV, обнаруживаетъ эту мысль. Городскіе мѣщане часто къ ней присоединяются, а иногда и сами внушаютъ ее

Во время муниципальной реформы 1764 г. одинъ интендантъ спрашиваетъ мнѣнія муниципальныхъ властей одного маленькаго города по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли сохранить за ремесленниками и *прочимъ мелкимъ людомъ* право избранія магистратовъ. Эти должностныя лица отвѣчаютъ, что, говоря по правдѣ, „народъ никогда не злоупотреблялъ этимъ правомъ, и, безъ сомнѣнія, было бы пріятно (doux) оставить ему утѣшеніе избирать тѣхъ, кто долженъ будетъ начальствовать надъ нимъ; но что еще лучше было бы, для поддержанія добраго порядка и общественнаго спокойствія, положиться въ этомъ дѣлѣ на собраніе нотаблей“. Субде-

легатъ докладываетъ, съ своей стороны, что онъ пригласилъ къ себѣ для негласнаго совѣщанія, „шесть лучшихъ гражданъ города“. Эти шесть лучшихъ гражданъ единодушно согласились въ томъ, что всего желательнѣе было бы довѣрить выборы даже не собранію нотаблей, какъ это предлагали муниципальныя должностныя лица, а извѣстному числу депутатовъ отъ различныхъ корпорацій, изъ которыхъ составляется это собраніе. Самъ субделегатъ, благопріятнѣе расположенный къ народнымъ вольностямъ, чѣмъ эти горожане, передавая ихъ мнѣніе, прибавляетъ, что „однако ремесленникамъ было бы довольно тяжело, не имѣя возможности контролировать расходованіе уплачиваемыхъ суммъ, платить сборы, налагаемые тѣми изъ ихъ согражданъ, которые, благодаря своимъ податнымъ привилегіямъ, быть можетъ, наименѣе заинтересованы въ этомъ дѣлѣ“.

Но закончимъ картину; разсмотримъ теперь городское сословіе въ самомъ себѣ, отдѣльно отъ народа, какъ мы разсмотрѣли дворянство отдѣльно отъ городского сословія. Въ этой маленькой части націи, поставленной въ сторонѣ отъ прочихъ частей, мы замѣчаемъ безконечныя подраздѣленія. Французскій народъ въ этомъ отношеніи напоминаетъ собою тѣ мнимыя первичныя тѣла, въ которыхъ современная химія, по мѣрѣ ближайшаго изслѣдованія ихъ, открываетъ всѣ новыя отдѣлимыя частицы. Я нашелъ не менѣе тридцати шести различныхъ корпорацій среди нотаблей одного небольшого города. Эти различныя корпораціи, при всей своей незначительности, безпрестанно стремятся стать еще малолюднѣе; съ каждымъ днемъ онѣ все болѣе очищаютъ себя отъ могущихъ въ нихъ содержаться инородныхъ примѣсей, съ цѣлью свести себя къ простымъ элементамъ. Среди этихъ корпорацій есть такія, въ которыхъ, благодаря этому прекрасному стремленію, осталось всего три-четыре члена. Но отъ этого въ ихъ характерѣ только прибавилось живости, а въ настроеніи—задора. Всѣ онѣ разобщены между собою какими-нибудь маленькими привилегіями, изъ которыхъ и наименѣе честныя все еще признаются почетными отличіями. Между ними происходитъ вѣчная борьба за первенство. Интендантъ и суды оглушены шумомъ ихъ споровъ. „Наконецъ, рѣшено, что святая вода будетъ даваться магистрату (présidial) раньше, чѣмъ городскому совѣту. Парламентъ колебался; но король перенесъ дѣло въ свой совѣтъ и рѣшилъ самолично. Давно пора; это дѣло приводило въ броженіе весь городъ“. Если одной корпораціи дается первенство передъ другою въ общемъ собраніи нотаблей, то послѣдняя перестаетъ въ немъ появляться: она предпочитаетъ устраниться отъ общественныхъ дѣлъ, чѣмъ согласиться на то, что̀ она называетъ униженіемъ своего достоинства. Парикмахерская корпорація города Флешъ рѣшаетъ, что „такимъ путемъ она выразитъ справедливое огорченіе, причиняемое ей первенствомъ, предоставленнымъ булочникамъ“. Часть нотаблей одного города упрямо отказывается отъ исполненія своей обязанности, „потому что въ собраніе“, говоритъ интендантъ: „втерлось нѣсколько ремесленниковъ, сосѣдство которыхъ именитые горожане считаютъ для себя унизительнымъ“.— „Если мѣсто эшевена“, говоритъ интендантъ другой провинціи: „будетъ дано нотаріусу, это обидитъ другихъ нотаблей, потому что нотаріусы здѣсь—люди неродовитые, непринадлежащіе къ семьямъ нотаблей. и всѣ—бывшіе церковнослужители“. Вышеупомянутые шесть лучшихъ гражданъ, такъ легко рѣшающіе, что народъ долженъ быть лишенъ своихъ политическихъ правъ, оказываются въ странномъ недоумѣніи, когда имъ приходится изслѣдовать вопросъ, какимъ именно нотаблямъ должно быть ввѣрено избраніе, и какой порядокъ первенства надлежитъ установить въ ихъ средѣ. Въ такомъ дѣлѣ они позволяютъ себѣ выражать только скромныя сомнѣнія: они боятся (говорятъ они) „причинить нѣкоторымъ изъ своихъ согражданъ слишкомъ чувствительное огорченіе“.

Въ постоянномъ раздраженіи самолюбія этихъ маленькихъ обществъ росло и обострялось свойственное французамъ тщеславіе, и забывалась законная гражданская гордость. Въ XVI в. уже существовало большинство тѣхъ корпорацій, о которыхъ я только что говорилъ; но ихъ члены, уладивъ между собою частныя дѣла своего союза, постоянно соединялись со всѣми прочими жителями для совмѣстнаго обсужденія интересовъ города. Въ XVIII в. эти корпораціи почти совсѣмъ ушли въ себя; потому что проявленія муниципаль-

ной жизни стали рѣдкостью и всѣ выполняются чрезъ посредство уполномоченныхъ. Итакъ, каждое изъ этихъ маленькихъ обществъ живетъ только для себя, занято только собою и знаетъ только такія дѣла, которыя непосредственно его касаются.

У нашихъ предковъ не существовало слова *индивидуализмъ*, созданнаго нами для нашего употребленія, потому что въ ихъ время, дѣйствительно, не было индивидуума, который не принадлежалъ бы къ какой-либо группѣ и могъ бы себя считать совершенно одинокимъ; но каждая изъ многочисленныхъ маленькихъ группъ, составлявшихъ французское общество, думала только о себѣ. Это былъ, если можно такъ выразиться, родъ коллективнаго индивидуализма, подготовлявшій души къ тому дѣйствительному индивидуализму, который знаемъ мы.

И, что̀ наиболѣе странно, всѣ эти люди, державшіеся другъ отъ друга въ такомъ отдаленіи, сдѣлались настолько схожими между собою, что достаточно было бы заставить ихъ перемѣнить мѣсто, чтобы уже нельзя было ихъ распознать. Мало того: кто могъ бы проникнуть въ ихъ мысль, тотъ открылъ бы, что эти маленькія перегородки, раздѣлявшія такихъ похожихъ людей, имъ самимъ казались противными какъ общественному интересу, такъ и здравому смыслу, и что въ теоріи они уже боготворили единство. Каждый изъ нихъ держался своего особаго состоянія только потому, что и другіе также обособлялись своимъ состояніемъ; но всѣ они были готовы смѣшаться въ одну массу, подъ условіемъ, чтобы никто ни въ чемъ не стоялъ отдѣльно отъ другихъ и не выдѣлялся такимъ образомъ изъ общаго уровня.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Какимъ образомъ уничтоженіе политической свободы и разобщеніе классовъ породили почти всѣ общественные недуги, разрушившіе Старый порядокъ.

Я только что описалъ наиболѣе тяжкую изъ всѣхъ болѣзней, угнетавшихъ учрежденія стараго порядка и обрекшихъ его на погибель. Теперь я хочу возвратиться къ источнику этого пагубнаго и страннаго страданія и показать, сколько другихъ бѣдъ вышло, вмѣстѣ съ нимъ, изъ этого источника.

Если-бы англичане, начиная съ среднихъ вѣковъ, подобно намъ, совершенно утратили общую политическую свободу и всѣ мѣстныя вольности, которыя не могутъ долго существовать безъ нея, то различные классы, изъ которыхъ состоитъ англійская аристократія, весьма вѣроятно, отстранились бы другъ отъ друга подобно тому, какъ это имѣло мѣсто во Франціи и, въ большей или меньшей степени, на протяженіи всего материка, и всѣ вмѣстѣ отдѣлились бы отъ народа. Но свобода заставила ихъ держаться всегда близко другъ къ другу, чтобы имѣть возможность согласиться въ случаѣ надобности.

Любопытно видѣть, какъ англійское дворянство, движимое собственнымъ честолюбіемъ, умѣло, когда находило это нужнымъ, близко смѣшиваться съ низшими классами и притворяться, что считаетъ ихъ равными себѣ. Артуръ Юнгъ, котораго я уже цитировалъ, и книга котораго представляетъ собою одно изъ поучительнѣйшихъ сочиненій о старой Франціи, разсказываетъ, что, находясь однажды въ деревнѣ у герцога Ліанкура, онъ выразилъ желаніе разспросить нѣсколькихъ наиболѣе толковыхъ и зажиточныхъ окрестныхъ земледѣльцевъ. Герцогъ поручилъ своему управляющему привести ихъ къ Юнгу. По этому поводу англичанинъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „У англійскаго помѣщика пригласили бы трехъ или четырехъ земледѣльцевъ (*farmers*), которые обѣдали бы съ семьей и среди дамъ высшаго круга. На нашихъ островахъ

я видѣлъ это по крайней мѣрѣ сто разъ. Но было бы напрасно искать чего-либо подобнаго во Франціи, отъ Калэ и до Байонны".

Безъ всякаго сомнѣнія, англійская аристократія была, по природѣ, высокомѣрнѣе французской и менѣе расположена брататься со всѣмъ, что стояло ниже ея; но къ этому ее вынуждали ея сословные интересы. Чтобы господствовать политически, она готова была на всякія жертвы. Нѣсколько столѣтій уже у Англичанъ не существуетъ другихъ податныхъ неравенствъ, кромѣ тѣхъ, которыя послѣдовательно были установлены въ пользу недостаточныхъ классовъ. Вотъ къ чему могутъ быть приведены различіемъ политическихъ принциповъ такіе близкіе народы! Въ Англіи, въ XVIII в., податными привилегіями пользуется бѣднякъ; во Франціи — богачъ. Тамъ аристократія приняла на себя самыя тяжелыя государственныя повинности для того, чтобы ей было предоставлено управленіе; здѣсь она до конца удержала свободу отъ податей въ утѣшеніе за потерю правительственной роли.

Въ XIV в. правило: *N'impose qui ne veut* (кто не участвовалъ въ установленіи налога, его не платитъ), является не менѣе прочно утвержденнымъ во Франціи, чѣмъ въ самой Англіи. На него часто ссылаются; его нарушеніе всегда считается тиранническимъ дѣйствіемъ; его соблюденіе — возстановленіемъ права. Въ эту эпоху, какъ сказано было выше, встрѣчается множество аналогичныхъ чертъ между нашими и англійскими политическими учрежденіями; но затѣмъ судьбы народовъ расходятся, и съ теченіемъ времени различіе между ними растетъ. Онѣ могутъ быть сравнены съ двумя линіями, которыя, исходя изъ смежныхъ точекъ, но въ нѣсколько различныхъ направленіяхъ, при продолженіи удаляются другъ отъ друга до безконечности.

Я рѣшаюсь утверждать, что въ тотъ день, когда нація, утомленная продолжительною неурядицею, сопровождавшею плѣнъ короля Іоанна и помѣшательство Карла VI, дозволила королямъ ввести общій налогъ безъ ея участія, и когда дворянство имѣло низость допустить обложеніе третьяго сословія, лишь бы самому остаться свободнымъ отъ налога, — въ тотъ день было посѣяно сѣмя почти всѣхъ пороковъ и злоупотребленій, подтачивавшихъ Старый порядокъ во все остальное время его жизни, и, наконецъ, вызвавшихъ его насильственную смерть; и меня поражаетъ странная проницательность Комина, который говоритъ: „Карлъ VII, присвоивъ себѣ власть налагать талью по своему произволу, безъ утвержденія собраніями сословій, взялъ большое бремя на свою душу и на душу своихъ преемниковъ и нанесъ своему государству рану, которая долго будетъ кровоточить".

Посмотрите, какъ эта рана, дѣйствительно, расширилась съ годами; прослѣдите шагъ за шагомъ это событіе въ его послѣдствіяхъ.

Въ своихъ ученыхъ „*Изысканіяхъ о французскихъ финансахъ*" (Recherches sur les finances de la France) Форбоннэ справедливо говоритъ, что въ средніе вѣка короли, вообще, жили доходами съ своихъ доменовъ; „и, такъ какъ чрезвычайныя нужды", прибавляетъ онъ: „удовлетворялись чрезвычайными же сборами, то ихъ бремя ложилось равномѣрно на духовенство, дворянство и народъ".

Бо́льшая часть общихъ налоговъ, вотированныхъ тремя сословіями въ теченіе XIV в., дѣйствительно, имѣютъ такой характеръ. Почти всѣ налоги, установленные въ эту эпоху, — косвенные и, слѣд., уплачиваются всѣми потребителями безразлично. Если-же, по временамъ, вводится прямой налогъ, то онъ падаетъ не на собственность, а на доходъ. Напримѣръ, дворяне, духовные и горожане обязываются предоставить королю, въ продолженіе года, положимъ, десятую часть всѣхъ своихъ доходовъ. Сказанное мною о налогахъ, вотированныхъ собраніями государственныхъ сословій, относится также и къ тѣмъ налогамъ, которые, въ ту же эпоху, были устанавливаемы различными провинціальными собраніями на ихъ территоріяхъ.

Правда, въ то время прямой налогъ, извѣстный подъ названіемъ тальи, никогда не тяготѣлъ на дворянинѣ: обязанность даровой военной службы освобождала его отъ тальи; но послѣдняя, какъ общій налогъ, тогда была въ ограниченномъ употребленіи, примѣняясь скорѣе къ сеньеріямъ, чѣмъ къ королевству.

Когда король впервые предпринялъ взиманіе налоговъ

собственною властью, онъ понялъ, что въ началѣ слѣдовало избрать такую подать, которая не падала бы непосредственно и явно на дворянъ; потому что послѣдніе въ то время представляли собою классъ, являвшійся опаснымъ соперникомъ для королевской власти, и ни въ какомъ случаѣ не потерпѣли бы такого невыгоднаго для себя нововведенія. Поэтому король остановился на такой подати, отъ которой дворяне были изъяты: онъ выбралъ талью.

Такимъ образомъ, ко всѣмъ уже существовавшимъ частнымъ неравенствамъ, присоединилось неравенство болѣе общее, усилившее и поддержавшее собою всѣ остальныя. Съ этихъ поръ, по мѣрѣ того, какъ нужды государственной казны растутъ вмѣстѣ съ кругомъ вѣдомства центральной власти, талья расширяется и разнообразится; вскорѣ она оказывается удесятеренною, и всѣ новые налоги появляются въ формѣ тальи. И вотъ, податныя неравенства съ каждымъ годомъ все глубже разъединяютъ классы и разобщаютъ людей. Съ минуты, когда налогъ былъ направленъ не на тѣхъ, кто наиболѣе способенъ былъ платить его, а на тѣхъ, кто наименѣе былъ способенъ отъ него защититься, неизбѣжно было наступленіе того чудовищнаго послѣдствія, что налогъ сталъ щадить богатаго и падать на бѣднаго. Увѣряютъ, что Мазарини нуждаясь въ деньгахъ, задумалъ обложить особымъ налогомъ главнѣйшіе дома Парижа, но, встрѣтивъ нѣкоторое сопротивленіе со стороны заинтересованныхъ лицъ, ограничился включеніемъ нужныхъ ему пяти милліоновъ въ общую роспись тальи. Онъ хотѣлъ обложить самыхъ богатыхъ гражданъ, а вышло такъ, что онъ обложилъ самыхъ несчастныхъ бѣдняковъ; но казна отъ этого ничего не потеряла.

Выручка отъ податей, раскладка которыхъ была такъ неудовлетворительна, была ограничена, а нужды государей уже не имѣли границъ. Между тѣмъ, короли не желали ни созвать собранія Штатовъ для полученія отъ нихъ субсидій, ни обложить дворянство, чтобы не дать послѣднему поводъ потребовать созыва этихъ собраній.

Отсюда произошла чудовищная и вредная плодовитость финансовой мысли, такъ своеобразно характеризующая управленіе государственною казной въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ монархіи.

Необходимо во всѣхъ подробностяхъ изучить административную и финансовую исторію Стараго порядка, чтобы понять, къ какимъ насильственнымъ или безчестнымъ пріемамъ можетъ быть приведено нуждою въ деньгахъ кроткое, но чуждое контроля и гласности правительство, разъ время освятило его власть и освободило его отъ страха революцій, этого послѣдняго прибѣжища народовъ.

Въ этой лѣтописи на каждомъ шагу встрѣчаются случаи, когда королевскія имущества продаются и вслѣдъ за тѣмъ отбираются, какъ неподлежащія отчужденію; на каждомъ шагу встрѣчаются нарушенія договоровъ, непризнаніе пріобрѣтенныхъ правъ, принесеніе кредиторовъ государства въ жертву при каждомъ кризисѣ, безпрестанныя злоупотребленія общественнымъ довѣріемъ.

Привиллегіи, даруемыя на вѣчныя времена, постоянно отнимаются. Если бы возможно было сочувствовать непріятностямъ, причиняемымъ глупымъ тщеславіемъ, мы пожалѣли бы объ участи тѣхъ несчастныхъ жалованныхъ дворянъ, которыхъ, во все продолженіе XVII и XVIII вв, отъ времени до времени заставляютъ выкупать тѣ же самыя пустыя отличія или несправедливыя привилегіи, за которыя они уже платили нѣсколько разъ. Такъ, Людовикъ XIV объявилъ недѣйствительными всѣ дворянскіе титулы, пріобрѣтенные въ теченіе предшествовавшихъ эдикту девяноста двухъ лѣтъ,— титулы, большинство которыхъ даровалъ онъ самъ; сохранить ихъ можно было не иначе, какъ сдѣлавъ новые денежные взносы, „такъ какъ всѣ эти титулы были дарованы по неосторожности (par surprise)“, — гласитъ эдиктъ: Людовикъ XV не приминулъ послѣдовать этому примѣру восемьдесятъ лѣтъ спустя.

Правительство воспрещаетъ ополченцу ставить вмѣсто себя охотника, изъ опасенія, какъ оно говоритъ, чтобы не поднялась цѣна, въ которую рекруты обходятся государству.

Города, общины, больницы вынуждаются нарушать свои обязательства, чтобы быть въ состояніи давать взаймы королю. Приходамъ не позволяютъ предпринимать полезныя работы, изъ боязни, чтобы, раздѣливъ такимъ образомъ свой доходъ, они не стали менѣе исправны въ платежѣ тальи.

Разсказываютъ, что гг. Орри и Трюдэнъ, изъ которыхъ первый былъ генеральнымъ контролеромъ, а второй—главноуправляющимъ (directeur général) путей сообщенія, составили проектъ замѣны дорожной барщины денежными взносами, которые взимались бы съ жителей каждаго округа для починки ихъ дорогъ Поучительно соображеніе, побудившее этихъ искусныхъ администраторовъ отказаться отъ своего плана: говорятъ, они боялись, что невозможно будетъ воспрепятствовать государственной казнѣ обратить въ свою пользу полученныя такимъ образомъ суммы, такъ что вскорѣ плательщикамъ пришлось бы въ одно и то же время платить новый налогъ и нести барщину. Я скажу, не колеблясь, что ни одно частное лицо не могло бы избѣгнуть судебнаго преслѣдованія, если бы вело свои имущественныя дѣла такъ, какъ великій король, во всей своей славѣ, велъ управленіе общественнымъ достояніемъ.

Если вамъ встрѣтится какое-либо старое, средневѣковое учрежденіе, удержавшееся, со всѣми своими пороками, вопреки требованіямъ времени, или какое-либо гибельное нововведеніе,—старайтесь проникнуть до корня такого зла: вы найдете случайную и экстренную финансовую мѣру, обратившуюся въ учрежденіе; вы увидите, что для уплаты долговъ одного дня создавались новыя власти, которымъ суждено было просуществовать цѣлыя столѣтія.

Въ очень отдаленную эпоху былъ установленъ, подъ названіемъ droit de franc fief, особый налогъ на разночинцевъ, владѣвшихъ дворянскими имѣніями. Этотъ налогъ создавалъ среди земельныхъ участковъ раздѣленіе, совершенно подобное тому, которое существовало среди людей, и тѣмъ самымъ увеличивалъ разницу между дворяниномъ и разночинцемъ. Я думаю, что droit de franc fief больше всѣхъ другихъ причинъ способствовало разобщенію между разночинцами и дворянами, такъ какъ оно препятствовало ихъ сліянію на почвѣ, всего быстрѣе и успѣшнѣе уравнивающей людей,—на почвѣ земельной собственности. Благодаря ему, отъ времени до времени вновь открывалась пропасть между собственникомъ-дворяниномъ и его сосѣдомъ, собственникомъ-разночинцемъ. Въ Англіи, наоборотъ, ничто въ такой степени не ускорило сліяніе

этихъ двухъ классовъ, какъ происшедшая въ XVII в. отмѣна всѣхъ признаковъ, отличавшихъ ленъ отъ недворянскаго имѣнія.

Въ XIV в. феодальное droit de franc fief— налогъ необременительный и взимающійся чрезъ большіе промежутки времени; но въ XVIII в., когда феодализмъ почти разрушенъ, этотъ налогъ строго требуется къ уплатѣ каждые двадцать лѣтъ и равенъ цѣлому годичному доходу. Сынъ уплачиваетъ его при наслѣдованіи своему отцу. „Эта подать“, говоритъ турское сельскохозяйственное общество въ 1761 году: „безмѣрно вредитъ развитію земледѣльческаго искусства; среди всѣхъ налоговъ, падающихъ на подданныхъ короля, безъ сомнѣнія, не найдется другого, притѣснительность котораго такъ сильно ощущалась бы въ селахъ“.—„Эта подать“, говоритъ другой современникъ: „первоначально уплачивавшаяся только одинъ разъ въ жизни, впослѣдствіи сдѣлалась налогомъ очень жестокимъ“. Само дворянство желало бы отмѣны этой подати, такъ какъ послѣдняя удерживала разночинцевъ отъ покупки его земель; но нужды фиска требовали ея сохраненія и увеличенія.

Среднимъ вѣкамъ напрасно приписывается все зло, порожденное промышленными корпораціями. Судя по всему, цехи и ремесленныя братства первоначально являлись только средствами къ тому, чтобы объединить членовъ одной и той же профессіи и въ средѣ каждаго ремесла создать небольшое свободное управленіе, имѣвшее своею задачей въ одно и тоже время помогать мастеровымъ и держать ихъ въ границахъ порядка. Большаго едва-ли желалъ Людовикъ Святой.

Лишь въ началѣ XVI в., уже въ эпоху Возрожденія, въ первый разъ вздумали разсматривать право на трудъ, какъ привилегію, которую король могъ продавать. Только тогда каждая, признанная государствомъ, корпорація сдѣлалась маленькою замкнутою аристократіей и, наконецъ, водворились тѣ монополіи, которыя такъ сильно вредили развитію ремеслъ и такъ глубоко возмущали нашихъ предковъ. Отъ Гендриха III, распространившаго, если не создавшаго это зло, и до Людовика XVI, которымъ оно было искоренено, злоупотребленія системою гильдій, можно сказать, ни на мгне-

веніе не переставали усиливаться и распространяться въ то самое время, когда поступательное движеніе общества дѣлало ихъ все болѣе невыносимыми, а общественный разумъ съ возраставшей ясностью указывалъ на нихъ. Ежегодно все новыя профессіи утрачивали свободу; ежегодно умножались привилегіи старыхъ. Никогда это зло не достигало большаго развитія, чѣмъ въ то время, которое принято называть счастливыми годами царствованія Людовика XIV, потому что нужда въ деньгахъ никогда не ощущалась сильнѣе, а рѣшимость не обращаться къ націи никогда не была тверже, чѣмъ именно въ этотъ періодъ.

Въ 1755 году Летронъ справедливо говорилъ: „Государство учредило ремесленные союзы лишь для того, чтобы извлекать изъ нихъ денежныя выгоды то съ помощью продаваемыхъ правительствомъ патентовъ, то съ помощью новыхъ оффицій, которыя оно создаетъ, и которыя союзамъ поневолѣ приходится выкупать. Эдиктъ 1673 г. сдѣлалъ послѣдній выводъ изъ принциповъ Гендриха III, обязавъ всѣ союзы получить за деньги утвердительные грамоты и заставивъ всѣхъ ремесленниковъ, еще не принадлежавшихъ къ союзамъ, присоединиться къ нимъ. Это жалкое дѣло принесло казнѣ триста тысячъ ливровъ“.

Мы видѣли, какъ было опрокинуто все городское устройство, не ради какихъ-либо политическихъ цѣлей, а въ надеждѣ доставить нѣкоторое подспорье казнѣ.

Той-же нуждѣ въ деньгахъ, въ связи съ желаніемъ не требовать ихъ у сословныхъ собраній, обязана своимъ существованіемъ и продажа должностей, мало-по-малу обратившаяся въ нѣчто до такой степени странное, что ничего подобнаго не было видано въ мірѣ. Благодаря этому порожденному фискальнымъ духомъ институту, тщеславіе третьяго сословія нашло себѣ примѣненіе въ теченіе трехъ столѣтій и было направляемо исключительно къ пріобрѣтенію публичныхъ должностей, и эта всеобщая страсть къ мѣстамъ глубоко проникла въ нѣдра націи, сдѣлавшись общимъ источникомъ революцій и рабства.

По мѣрѣ возрастанія финансовыхъ затрудненій появлялись новыя должности, всѣ—вознаграждаемыя податными изъятіями или привилегіями; и, такъ какъ при этомъ рѣшающее значеніе имѣли нужды казны, а не управленія, то такимъ путемъ было создано почти невѣроятное множество совершенно безполезныхъ или вредныхъ должностей. Въ 1664 г. предпринятое Кольберомъ разслѣдованіе обнаружило, что капиталъ, вложенный въ эту жалкую собственность, достигалъ почти пяти сотъ милліоновъ ливровъ. Ришелье уничтожилъ, говорятъ, сто тысячь должностей. Но отмѣняемыя должности тотчасъ же возрождались подъ другими названіями. За небольшую сумму денегъ правительство отказывалось отъ права направлять, контролировать и понуждать своихъ собственныхъ агентовъ. Такимъ образомъ постепенно создался настолько обширный, сложный, запутанный и непроизводительный административный механизмъ, что въ извѣстной степени оказалось необходимымъ оставить его работать впустую и внѣ его построить болѣе простую и удобную правительственную машину, съ помощью которой въ дѣйствительности выполнялось то, что всѣ эти чиновники дѣлали только по виду.

Съ полнымъ правомъ можно утверждать, что ни одно изъ этихъ ненавистныхъ учрежденій не просуществовало бы и двадвати лѣтъ, если бы дозволялось дѣлать ихъ предметомъ обсужденія. Ни одно изъ нихъ не могло бы утвердиться или усилиться, если бы спрошены были собранія сословій, или если бы выслушивались ихъ жалобы, когда они случайно еще созывались. Рѣдко созывавшіяся въ послѣдніе вѣка собранія государственныхъ сословій не переставали протестовать противъ этихъ темныхъ сторонъ государственнаго управленія. Эти собранія неоднократно указываютъ, какъ на источникъ всѣхъ злоупотребленій, на присвоенную королемъ власть произвольнаго взиманія податей или, чтобы воспроизвести подлинныя выраженія энергичнаго языка XV в., —на его „право наживаться насчетъ народа, безъ согласія и обсужденія со стороны трехъ сословій“. Они заняты не только своими собственными правами: они настойчиво требуютъ и часто добиваются того, чтобы уважались права провинцій и городовъ. Въ каждой новой сессіи въ ихъ средѣ раздаются голоса противъ неравномѣрности повинностей. Собранія сословій нѣсколько разъ возвращаются къ требованію, чтобы

система цеховъ была покинута; изъ вѣка въ вѣкъ они съ возрастающею энергіей нападаютъ на продажу должностей. „Кто продаетъ должность, тотъ продаетъ правосудіе (qui vend office, vend justice), а это—низкое дѣло“,—говорятъ они.

Когда продажа должностей вошла въ обыкновеніе, собранія сословій продолжали жаловаться на злоупотребленіе оффиціями. Они возстаютъ противъ такого множества безполезныхъ мѣстъ и опасныхъ привилегій, но возстаютъ всегда безплодно. Эти учрежденія создавались въ промежуткахъ между собраніями сословій; они порождались желаніемъ вовсе не созывать послѣднихъ и необходимостью замаскировать въ глазахъ французовъ налогъ, котораго не осмѣливались показать имъ въ его истинномъ видѣ.

И замѣтьте, что къ этимъ пріемамъ прибѣгаютъ и лучшіе короли, наравнѣ съ самыми худшими. Окончательно вводитъ въ употребленіе продажу должностей Людовикъ XII; право передачи ихъ по наслѣдству продаетъ Генрихъ IV: настолько пороки, принадлежащіе системѣ, сильнѣе, чѣмъ достоинства примѣняющихъ ее людей!

Тотъ же самый мотивъ,—стремленіе избѣгнуть опеки сословныхъ собраній,—побудилъ ввѣрить большую часть ихъ политическихъ функцій парламентамъ, что впутало судебную власть въ управленіе, къ большому ущербу для порядка въ дѣлахъ. Правительству нужно было увѣрить французовъ, будто имъ даются новыя гарантіи взамѣнъ тѣхъ, которыя оно отнимало; потому что этотъ народъ, довольно терпѣливо выносящій абсолютную власть, пока она непритѣснительна, не любилъ ея вида; и всегда бываетъ благоразумно окружать ее какими-нибудь мнимыми преградами, которыя, не имѣя силы ее остановить, по крайней мѣрѣ, нѣсколько ее прикрываютъ.

Наконецъ, желаніе воспрепятствовать тому, чтобы нація, у которой требовали денегъ, не потребовала возвращенія своей свободы,—это желаніе заставляло безпрестанно слѣдить, чтобы классы стояли отдѣльно другъ отъ друга и не могли ни сблизиться, ни согласиться между собою для общаго сопротивленія, и чтобы правительство всегда имѣло дѣло одновременно съ самымъ незначительнымъ числомъ

лицъ, разобщенныхъ со всѣми остальными. Во все продолженіе этого длиннаго историческаго періода, въ которомъ послѣдовательно выступаетъ столько замѣчательныхъ государей, отличающихся часто умомъ, иногда — геніальностью, почти всегда — мужествомъ, между ними не встрѣчается ни одного такого, который сдѣлалъ бы усиліе съ цѣлью сблизить классы и связать ихъ какимъ-либо другимъ путемъ, а не подчиненіемъ ихъ всѣхъ ровной зависимости. Я ошибся: былъ одинъ государь, желавшій этого и даже всѣмъ сердцемъ отдавшійся этому дѣлу; но, — кто постигнетъ велѣнія Промысла?—этимъ государемъ былъ Людовикъ XVI.

Разъединеніе классовъ было преступленіемъ старой монархіи, а впослѣдствіи стало ея оправданіемъ; потому что, когда люди, составляющіе богатую и просвѣщенную часть націи, лишаются возможности сноситься между собою и помогать другъ другу въ правительственной дѣятельности, страна теряетъ способность самостоятельно управлять собою, и появленіе одного властителя становится необходимымъ.

„Нація“, съ грустью говоритъ Тюрго въ одномъ секретномъ докладѣ на имя короля: „это — общество, состоящее изъ различныхъ, слабо соединенныхъ сословій и народа, между членами котораго существуетъ очень мало связей, и гдѣ, слѣдовательно, каждый занятъ только своими частными интересами. Замѣтнаго общаго интереса нѣтъ нигдѣ. Села, города имѣютъ такъ же мало взаимныхъ отношеній, какъ и округа, къ которымъ они причислены. Они не могутъ даже вступать между собою въ соглашенія для производства необходимыхъ имъ общественныхъ работъ. Въ этой вѣчной борьбѣ притязаній и предпріятій Ваше Величество вынуждены все рѣшать сами или чрезъ уполномоченныхъ. Вашихъ особыхъ приказаній ждутъ, чтобы сдѣлать что-либо для общаго блага, чтобы соблюсти чужія права, иногда—чтобы воспользоваться своими собственными правами“.

Не малое предпріятіе—сблизить согражданъ, которые вѣками жили, такимъ образомъ, какъ чужіе или враги, и научить ихъ совмѣстному веденію ихъ собственныхъ дѣлъ. Раздѣлить ихъ было гораздо легче, чѣмъ снова ихъ соединить. Въ этомъ отношеніи мы дали міру достопамятный при-

мѣръ. Когда различные классы, на которые распадалось общество старой Франціи, снова пришли въ соприкосновеніе, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, испытавъ такое продолжительное и глубокое разобщеніе, они первоначально коснулись другъ друга только своими больными сторонами и встрѣтились лишь для того, чтобы начать междоусобіе. Даже въ настоящее время взаимная зависть и ненависть этихъ классовъ переживаютъ ихъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О своеобразной свободѣ, встрѣчавшейся при Старомъ порядкѣ, и о вліяніи ея на Революцію.

Кто остановился бы здѣсь въ чтеніи этой книги, тотъ получилъ бы очень неточное понятіе о правительствѣ Стараго порядка и плохо понялъ бы совершившее Революцію общество.

При видѣ гражданъ, жившихъ такъ обособленно и замкнуто,—съ одной стороны, и такой обширной и могущественной королевской власти — съ другой, легко было бы придти къ выводу, что духъ независимости исчезъ вмѣстѣ съ общественными вольностями, и что всѣ французы одинаково были пріучены къ покорности. Но такое заключеніе было бы несправедливо: правительство, неограниченно и самовластно распоряжавшееся всѣми общественными дѣлами, далеко не успѣло еще подчинить своей волѣ всѣхъ индивидуумовъ.

Среди множества учрежденій, уже приготовленныхъ для абсолютной монархіи, еще жива была свобода; но то была свобода очень своеобразнаго характера; въ настоящее время трудно составить себѣ о ней ясное представленіе, и необходимо разсмотрѣть ее очень близко для того, чтобы понять, какую пользу и какой вредъ она могла намъ принести.

Между тѣмъ какъ центральное правительство вытѣсняло всѣ мѣстныя политическія силы и все болѣе наполняло собою сферу государственной власти, — пощаженныя или даже созданныя этимъ правительствомъ учрежденія, старые обычаи,

древніе нравы и даже злоупотребленія стѣсняли свободу его дѣйствій, въ душѣ большого числа личностей поддерживали духъ сопротивленія и многимъ характерамъ сохраняли ихъ устойчивость и яркость

Централизація уже обнаруживала ту же природу, тѣ же пріемы и тѣ же намѣренія, какіе свойственны ей въ настоящее время, но не имѣла еще такой силы. Въ своемъ стремленіи все обращать въ деньги, правительство, пустивъ въ продажу большую часть публичныхъ должностей, само лишило себя возможности давать и отнимать ихъ по своему произволу. Такимъ образомъ, одна изъ его страстей значительно повредила успѣху другой страсти: его алчность послужила противовѣсомъ его властолюбію. Для того, чтобы дѣйствовать, правительству безпрестанно приходилось употреблять орудія, не имъ созданныя, и которыхъ оно не могло уничтожить. Поэтому часто случалось, что самыя рѣшительныя его намѣренія при исполненіи теряли всю свою энергію и силу. Эта странная и порочная организація государственныхъ должностей играла роль своего рода гарантіи противъ всемогущества центральной власти, своего рода плотины, хотя неправильной и плохо построенной, но раздваивавшей силу правительства и ослаблявшей его натискъ.

Равнымъ образомъ правительство еще не располагало тѣмъ безчисленнымъ множествомъ милостей, пособій, почестей и денегъ, которыя оно можетъ раздавать въ настоящее время; слѣдовательно, оно имѣло гораздо меньше средствъ и къ подкупу, такъ же какъ къ принужденію.

Кромѣ того, правительство само плохо знало точные предѣлы своей власти. Ни одно изъ его правъ не было надлежащимъ порядкомъ признано и прочно установлено; кругъ его дѣятельности былъ уже громаденъ, но въ немъ правительство двигалось еще неувѣреннымъ шагомъ, какъ въ темномъ и незнакомомъ мѣстѣ. Этотъ грозный сумракъ, въ то время скрывавшій границы всѣхъ видовъ власти и царившій вокругъ всѣхъ правъ, благопріятныхъ посягательствамъ государей на свободу подданныхъ, нерѣдко служилъ къ защитѣ послѣдней.

Администрація, сознавая свое недавное и невысокое про-

исхожденіе; всегда была робка въ своихъ дѣйствіяхъ, если только встрѣчала какое-либо препятствіе на своемъ пути. При чтеніи корресподенціи министровъ и интендантовъ XVIII в. открывается поразительное зрѣлище: это правительство, такое деспотическое и неограниченное, пока повиновеніе безпрекословно, тотчасъ же теряетъ всю свою увѣренность при видѣ малѣйшаго сопротивленія; его смущаетъ самая легкая критика, пугаетъ малѣйшій шумъ, и тогда оно останавливается, колеблется, вступаетъ въ переговоры, обращается къ полумѣрамъ, и часто остается далеко позади естественныхъ предѣловъ своей власти. Вялый эгоизмъ Людовика XV и доброта его преемника легко мирились съ такимъ положеніемъ. Впрочемъ, эти государи были далеки отъ мысли о возможности лишиться трона. Ихъ характеръ былъ совершенно чуждъ того безпокойства и той суровости, которыя страхъ нерѣдко сообщалъ позднѣйшимъ правителямъ. Эти короли попирали ногами только тѣхъ людей, которыхъ не видѣли.

Среди привилегій, предразсудковъ и ложныхъ понятій, наиболѣе сопротивлявшихся установленію правильной и благотворной свободы, было немало такихъ, которые во многихъ гражданахъ поддерживали духъ независимости и располагали ихъ къ упорной борьбѣ съ злоупотребленіями власти.

Дворяне глубоко презирали чиновничій классъ въ собственномъ смыслѣ, хотя по временамъ и обращались къ нему. Даже утративъ прежнюю власть, дворяне еще сохраняли нѣкоторые остатки гордости, которая отличала ихъ предковъ и не примирялась ни съ рабствомъ, ни съ порядкомъ. Они не особенно дорожили общею свободой гражданъ и охотно соглашались, чтобы рука правительства все сильнѣе тяготѣла надъ тѣмъ, что ихъ окружало; но они не допускали, чтобы она давила ихъ самихъ, и, для достиженія этой цѣли, готовы были отважиться на величайшій рискъ. Въ тотъ моментъ, когда начинается Революція, дворянство, обреченное на гибель вмѣстѣ съ престоломъ, все еще держится по отношенію къ королю и, особенно, къ его агентамъ, несравненно самостоятельнѣе и говоритъ свободнѣе, чѣмъ третье сословіе, которому предстоитъ вскорѣ низвергнуть монархію. Дворянство громко требуетъ почти всѣхъ тѣхъ гарантій противъ злоупотребленій властью, какими мы обладали въ теченіе тридцати семи лѣтъ представительнаго правленія. При чтеніи наказовъ дворянства, среди его предразсудковъ и странностей, чувствуются духъ и нѣкоторыя изъ великихъ достоинствъ аристократіи. Навсегда останется заслуживающимъ сожалѣнія то обстоятельство, что мы, вмѣсто того, чтобы подчинить дворянство господству законовъ, совершенно уничтожили его и вырвали съ корнемъ. Этотъ актъ лишилъ націю одного изъ необходимыхъ элементовъ ея существа и нанесъ свободѣ такую рану, которая никогда не заживетъ. Классъ, столько вѣковъ шедшій во главѣ общества, въ этомъ продолжительномъ обладаніи неоспоримымъ величіемъ пріобрѣлъ извѣстную гордость души, естественную увѣренность въ своихъ силахъ и привычку быть предметомъ общаго вниманія, — привычку, дѣлавшую его точкою наибольшаго сопротивленія въ общественномъ организмѣ. Дворянство не только въ своей средѣ воспитываетъ мужественные нравы, но своимъ примѣромъ усиливаетъ ихъ также въ другихъ классахъ. Его уничтоженіе обезсиливаетъ всѣхъ, не исключая и его враговъ. Исчезнувшее дворянство ничѣмъ не можетъ быть вполнѣ замѣнено и никогда не можетъ возродиться. Оно можетъ возвратить себѣ титулы и земли, но не душу своихъ предковъ.

Духовенство, которое, впослѣдствіи, часто такъ раболѣпно подчинялось въ гражданскихъ дѣлахъ свѣтскому властелину, кто бы онъ ни былъ, и расточало ему самую смѣлую лесть, если онъ, хотя бы только наружно, покровительствовалъ церкви, — это духовенство въ то время представляло собою одну изъ наиболѣе независимыхъ общественныхъ группъ и единственную группу, особыя вольности которой приходилось уважать.

Провинціи утратили свою свободу; города сохранили только тѣнь ея; десятокъ дворянъ не могъ собраться для того, чтобы вмѣстѣ обсудить какое-либо дѣло безъ положительнаго разрѣшенія со стороны короля. Церковь-же до конца удержала во Франціи свои періодическія собранія. Въ ея средѣ сама церковная власть имѣла границы, и эти границы уважались;

низшее духовенство обладало серьезными гарантіями противъ тиранiи своихъ начальниковъ и не было приготовляемо неограниченнымъ произволомъ епископа къ слѣпому повиновенію предъ государемъ. Я не имѣю намѣренія разбирать это старое устройство церкви; я говорю только, что оно не готовило священниковъ къ политическому рабству.

Притомъ, въ средѣ духовенства было много природныхъ дворянъ, переносившихъ въ церковь гордость и непокорность людей своего сословія. Далѣе, въ государствѣ всѣ духовные занимали высокое положеніе и обладали извѣстными привилегіями. Пользованіе этими феодальными правами, имѣвшее такія роковыя послѣдствія для нравственнаго вліянія церкви, въ то-же время сообщало ея отдѣльнымъ членамъ духъ независимости по отношенію къ свѣтской власти.

Но что наиболѣе развивало въ духовенствѣ присущія гражданину понятія, потребности, чувства, нерѣдко даже страсти, это—поземельная собственность. Я имѣлъ терпѣніе прочесть большую часть докладовъ и преній, дошедшихъ до насъ въ протоколахъ старыхъ провинціальныхъ собраній и, въ частности, собраній Лангедока, гдѣ духовенство еще больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, участвовало въ подробностяхъ государственнаго управленія, а также протоколы тѣхъ провинціальныхъ собраній, которыя были созваны въ 1779 и въ 1787 гг. Внося въ это чтеніе понятія своего времени, я удивлялся тому, что епископы и аббаты, изъ которыхъ многіе отличались святостью жизни такъ-же, какъ и познаніями, выступали съ докладами о проведеніи дороги или канала, причемъ излагали предметъ съ глубокимъ знаніемъ дѣла, съ громадною ученостью и удивительнымъ умѣньемъ разсуждали о томъ, какъ увеличить производительность земледѣлія, обезпечить благосостояніе жителей и создать благоденствіе промышленности, и въ этой области оказывались не ниже, а нерѣдко и выше мірянъ, занимавшихся вмѣстѣ съ духовенствомъ тѣми-же вопросами.

Въ противность очень-распространенному и весьма прочно установившемуся мнѣнію, я смѣю думать, что народы, отнимающіе у католическаго духовенства всякое участіе въ землевладѣніи и превращающіе всѣ его доходы въ жалованье,

оказываютъ услугу только папскому престолу, съ одной стороны, и свѣтскимъ государямъ—съ другой, самихъ-же себя лишаютъ очень важнаго элемента свободы.

Для человѣка, подчиненнаго чужеземной власти лучшею частью своего существа и лишеннаго возможности имѣть семью въ обитаемой имъ странѣ, мыслима только одна прочная связь съ почвой, а именно—землевладѣніе. Порвите эту связь,—и онъ совершенно перестанетъ принадлежать какому-либо опредѣленному мѣсту. Въ той странѣ, гдѣ случай судилъ ему родиться, онъ живетъ, какъ чужестранецъ, котораго не можетъ непосредственно касаться почти ни одинъ изъ интересовъ окружающаго его гражданскаго общества. Въ дѣлахъ своей совѣсти онъ зависитъ только отъ папы; въ своихъ матеріальныхъ средствахъ—только отъ государя. Единственное его отечество—церковь. Въ каждомъ политическомъ событіи онъ видитъ только то, что можетъ принести ей пользу или вредъ. Лишь-бы она пользовалась свободой и благоденствіемъ,—что за дѣло ему до всего прочаго? Самое естественное для него положеніе въ политикѣ—индифферентизмъ: отличный членъ христіанской общины, онъ—посредственный гражданинъ во всемъ остальномъ. Подобныя понятія и чувства въ сословіи, являющемся наставникомъ юношества и руководителемъ общественныхъ нравовъ, не могутъ не оказывать на душу всей націи разслабляющаго вліянія во всемъ, что касается государственной жизни.

Нужно прочесть наказы духовнаго сословія въ 1789 г., чтобы составить себѣ правильное представленіе о томъ, какіе перевороты можетъ испытать міровоззрѣніе людей вслѣдствіе наступившихъ въ ихъ положеніи перемѣнъ.

Въ этихъ наказахъ духовенство нерѣдко обнаруживаетъ нетерпимость, а иногда и упрямую привязанность ко многимъ изъ своихъ старыхъ привилегій. Но при всемъ томъ, оно не менѣе третьяго сословія или дворянства враждебно деспотизму, расположено къ гражданской свободѣ и увлекается свободой политической; оно провозглашаетъ, что свобода личности должна быть обезпечена, и притомъ не обѣщаніями, а процедурой, аналогичною процедурѣ habeas corpus. Оно требуетъ уничтоженія политическихъ тюремъ, отмѣны исклю-

чительныхъ судовъ и эвокацій; требуетъ публичности всѣхъ преній, несмѣняемости всѣхъ судей, доступа для всѣхъ гражданъ къ должностямъ, которыя должны быть открыты только заслугѣ; менѣе тягостныхъ и менѣе унизительныхъ для народа военныхъ наборовъ, отъ которыхъ никто не будетъ изъятъ; выкупа вотчинныхъ правъ, которыя, возникнувъ изъ феодальнаго строя,—говоритъ духовенство,—противны свободѣ; безусловной свободы труда; уничтоженія внутреннихъ таможенъ; увеличенія числа частныхъ школъ: по мысли духовенства, въ каждомъ приходѣ должна существовать школа, и эта школа должна быть даровою; требуетъ свѣтскихъ благотворительныхъ учрежденій, каковы благотворительные комитеты и мастерскія, во всѣхъ селахъ; всевозможныхъ поощреній для земледѣлія.

Собственно въ политикѣ духовенство громче всѣхъ провозглашаетъ, что нація имѣетъ неотъемлемое и неотчуждаемое право собираться для изданія законовъ и для свободнаго вотированія налоговъ. Оно утверждаетъ, что ни одинъ французъ не можетъ быть принужденъ къ платежу налога, котораго онъ не вотировалъ лично или чрезъ представителя. Сверхъ того, духовенство требуетъ, чтобы свободно-избираемыя собранія государственныхъ сословій созывались ежегодно; чтобъ они предъ лицомъ націи обсуждали всѣ важныя дѣла; чтобы они издавали общіе законы, которымъ бы нельзя было противополагать никакихъ частныхъ обычаевъ или привилегій; чтобы они опредѣляли бюджетъ и контролировали расходы по всѣмъ вѣдомствамъ, не исключая королевскаго дворца; чтобы составляющіе ихъ депутаты были неприкосновенны, и чтобы передъ ними министры всегда оставались отвѣтственными. Оно желаетъ также, чтобы собранія сословій были учреждены во всѣхъ провинціяхъ, а муниципалитеты — во всѣхъ городахъ. О божественномъ правѣ—ни одного слова.

Въ виду всего изложеннаго, и несмотря на вопіющую порочность нѣкоторыхъ его членовъ, мнѣ кажется, что въ тотъ моментъ, когда французское католическое духовенство было застигнуто Революціей, едва-ли когда-либо существовало болѣе замѣчательное духовное сословіе, болѣе просвѣщенное и національное, менѣе удовлетворявшееся однѣми своими личными

добродѣтелями, полнѣе снабженное добродѣтелями общественными и, въ то-же время, болѣе вѣрующее: это достаточно показали послѣдующія гоненія. Я приступилъ къ изученію стараго французскаго общества съ глубокимъ предубѣжденіемъ къ этому духовенству, а окончилъ свою работу съ глубокимъ уваженіемъ къ нему. Въ сущности, оно имѣло только тѣ недостатки, которые свойственны всѣмъ, какъ религіознымъ, такъ и политическимъ корпораціямъ, когда онѣ крѣпко сплочены и хорошо устроены; таковы: наклонность къ вторженію въ чужія права, недостатокъ терпимости и инстинктивная, нерѣдко слѣпая привязанность къ особымъ правамъ сословія.

Равнымъ образомъ и городское сословіе Стараго порядка гораздо лучше нынѣшняго было приготовлено къ тому, чтобы въ рѣшительную минуту проявить духъ независимости. Этому способствовали даже многія изъ слабыхъ сторонъ его строя. Мы видѣли, что занимаемыя имъ должности были тогда еще многочисленнѣе, чѣмъ въ настоящее время, и что къ пріобрѣтенію ихъ средніе классы стремились такъ-же ревностно, какъ стремятся теперь. Но вотъ въ чемъ разница: въ ту эпоху большинство этихъ мѣстъ не давалось и не отнималось правительствомъ и потому возвышало значеніе своихъ обладателей, не отдавая ихъ на произволъ центральной власти; такимъ образомъ, то самое, что теперь довершаетъ подчиненіе такого множества людей, тогда служило имъ, наоборотъ, могущественнѣйшимъ средствомъ къ тому, чтобы заставить уважать себя.

Всевозможныя изъятія, къ несчастью, такъ глубоко отдѣлявшіе отъ народа городское сословіе, вдобавокъ обращали послѣднее въ ложную аристократію, нерѣдко выказывавшую гордость и духъ сопротивленія, свойственные настоящей аристократіи. Каждый изъ отдѣльныхъ маленькихъ союзовъ, дробившихъ городское сословіе на столько частей, охотно забывалъ общественное благо, но всегда заботился объ интересахъ и правахъ корпораціи. Въ ней существовали общія всѣмъ членамъ достоинство и привилегіи, которыя необходимо было защищать. Здѣсь невозможно было затеряться въ толпѣ или скрыть въ ней низкую угодливость. Здѣсь

каждый чувствовалъ себя какъ-бы на сценѣ, правда, очень тѣсной, но ярко-освѣщенной, и имѣлъ передъ собою всегда одну о ту-же публику, готовую или наградить его рукоплесканіями, или освистать.

Искусство заглушать шумъ всякаго сопротивленія было тогда гораздо менѣе усовершенствовано, чѣмъ въ ностоящее время; во Франціи не успѣло еще водвориться то запустѣніе, которое окружаетъ насъ теперь; она была еще очень отзывчива, и кто поднималъ въ ней голосъ могъ быть увѣренъ, что его услышатъ.

Самое надежное средство для угнетенныхъ заставить себя выслушать обезпечивалось устройствомъ правосудія.

Наши политическія и административныя учрежденія сдѣлали Францію того времени страною неограниченнаго правленія; но по своимъ судебнымъ установленіямъ французы остались свободнымъ народомъ. Правосудіе Стараго порядка отличалось сложностью, запутанностью, медленностью и дороговизной; все это были, несомнѣнно, большіе недостатки; но въ немъ нельзя было встрѣтить того раболѣпства предъ властями, которое представляетъ собою не что иное, какъ одну изъ формъ продажности, и притомъ самую худшую. Этотъ великій порокъ, не только развращающій судью, но въ короткое время заражающій и весь народъ, былъ совершенно чуждъ правосудію Стараго порядка. Судебный магистратъ былъ несмѣняемъ и не стремился къ повышенію, — два обстоятельства, одинаково необходимыя для его независимости; потому что какая польза въ томъ, что на него нельзя подѣйствовать принужденіемъ, если есть тысяча способовъ повліять на него перспективою выгодъ?

Правда, королевской власти удалось изъять изъ вѣдѣнія общихъ судовъ почти всѣ тѣ дѣла, въ которыхъ былъ замѣшанъ какой-либо правительственный интересъ; но она все еще боялась судовъ, даже когда ограничивала ихъ полномочія. Препятствуя имъ отправлять правосудіе, она не рѣшалась воспретить имъ принимать жалобы и выражать свои мнѣнія; а такъ какъ судебный языкъ того времени сохранялъ еще замашки стараго французскаго языка, не любившаго обиняковъ, то магистратамъ нерѣдко случалось прямо называть правительственныя мѣры деспотическими и произвольными дѣйствіями. Такимъ образомъ, безпорядочное вмѣшательство судовъ въ административныя дѣла, часто нарушавшее порядокъ въ управленіи, иногда служило защитою свободѣ людей: оно было большимъ зломъ, умѣрявшимъ еще большее зло.

Въ средѣ этихъ судебныхъ корпорацій и около нихъ, наряду съ новыми понятіями, еще сохраняли свою жизненность древніе нравы. Нѣтъ сомнѣнія, что парламенты были заняты собою больше, чѣмъ интересами общества; но необходимо признать, что въ защитѣ своей собственной независимости и чести они всегда являлись безстрашными и сообщали свой духъ всему, приближавшемуся къ нимъ.

Когда, въ 1770 г., парижскій парламентъ былъ закрытъ, входившія въ его составъ должностныя лица лишились своего знанія и своей власти, но при этомъ никто изъ нихъ въ отдѣльности не склонился предъ волею короля. Мало того: судьи другого рода, какъ, напр., палата налоговъ (cour des aides), которыхъ не касалась, которымъ даже не угрожала поразившая парламенты правительственная мѣра, добровольно подчинились ея суровымъ послѣдствіямъ, когда послѣднія стали несомнѣнны. Но и это еще не все: главнѣйшіе адвокаты, ведшіе дѣла передъ парламентомъ, также совершенно добровольно присоединились къ его судьбѣ; они отказались отъ всего, что составляло ихъ славу и богатство, и предпочли осудить себя на молчаніе, чѣмъ появиться предъ магистратомъ, подвергшимся безчестію. Въ исторіи свободныхъ народовъ я не знаю ничего возвышеннѣе того, что совершилось въ этомъ случаѣ, а между тѣмъ все это происходило въ XVIII в., бокъ о бокъ съ дворомъ Людовика XV.

Многіе судебные обычаи обратились въ національныя привычки. Вообще говоря, у судовъ была заимствована мысль, что всякое дѣло подлежитъ публичному обсужденію, а всякое рѣшеніе — обжалованію; оттуда-же вели свое начало обычай гласности и любовь къ формѣ; все это противно рабству и представляетъ собою единственную часть воспитанія свободнаго народа, переданную намъ Старымъ порядкомъ. Сама администрація заимствовала многое у языка и у обычаевъ судебныхъ. Король всегда считалъ себя обязаннымъ мотиви-

ровать свои эдикты и излагать тѣ соображенія, которыя побуждали его къ принятію той или другой мѣры; Совѣтъ предпосылалъ своимъ приказамъ длинныя вступленія; интендантъ объявлялъ свои распоряженія чрезъ судебнаго пристава (huissier). Во всѣхъ административныхъ коллегіяхъ стараго происхожденія, каковы, напр., корпусъ казначеевъ Франціи (corps des trésoriers de France) или корпусъ выборныхъ (élus), дѣла обсуждались публично и рѣшались по выслушаніи ходатайствъ. Всѣ эти привычки, всѣ эти формальности служили преградами королевскому произволу.

Только народъ и, въ особенности, сельскій людъ почти никогда не имѣлъ возможности противиться угнетенію иначе, какъ путемъ насилія.

И въ самомъ дѣлѣ, ему была недоступна большая часть упомянутыхъ средствъ къ самозащитѣ; ими могъ пользоваться только тотъ, кто обладалъ въ обществѣ достаточно высокимъ положеніемъ и достаточно сильнымъ голосомъ. Но внѣ народа во Франціи не было человѣка, который, если только хотѣлъ, не могъ-бы казуистическими уловками затормозить свое повиновеніе и, даже уступая, протестовать.

Король, обращаясь къ націи, говорилъ скорѣе тономъ предводителя, чѣмъ неограниченнаго властителя. „Мы гордимся тѣмъ“, говоритъ въ началѣ своего царствованія Людовикъ XVI во вступленіи къ одному эдикту: „что повелѣваемъ свободною и благородною націей“. Одинъ изъ его предковъ уже высказалъ ту-же самую мысль болѣе старымъ языкомъ: выражая благодарность собранію государственныхъ сословій за смѣлость ихъ представленій, онъ сказалъ: „мы предпочитаемъ говорить съ свободными людьми, чѣмъ съ холопами“ (Nous aimons mieux parler à des francs qu'à des serfs).

Людямъ XVIII в. была неизвѣстна та особенная страсть къ матеріальному благосостоянію, которая ведетъ къ рабству, — вялая, но въ то-же время упорная и непобѣдимая страсть, которая легко соединяется и, такъ сказать, сплетается со многими добродѣтелями частной жизни, — съ любовью къ семьѣ, съ воздержностью, съ уваженіемъ къ религіознымъ вѣрованіямъ и даже съ умѣреннымъ и прилежнымъ выполненіемъ установленнаго культа, — разрѣшаетъ честность, но

не допускаетъ героизма и отлично приспособлена къ выработкѣ приличныхъ людей и трусливыхъ гражданъ. Люди XVIII в. были и хуже, и лучше нынѣшнихъ.

Французы того времени любили веселье и боготворили наслажденія. Можетъ быть, въ своихъ привычкахъ они были распущеннѣе, въ своихъ страстяхъ и понятіяхъ — безпорядочнѣе современныхъ; но они не знали того умѣреннаго и приличнаго сенсуализма, который видимъ мы. Въ высшихъ классахъ люди заботились гораздо больше объ украшеніи своей жизни, чѣмъ объ ея удобствахъ, о славѣ — больше, чѣмъ объ обогащеніи. Даже въ среднихъ классахъ они никогда не были вполнѣ поглощены погоней за матеріальными благами; напротивъ, въ стремленіи къ послѣднимъ они нерѣдко останавливались, чтобы обратиться къ болѣе чистымъ и возвышеннымъ радостямъ; повсюду, кромѣ денегъ, признавались и другія блага. „Я знаю свою націю“, писалъ причудливымъ, но нелишеннымъ гордости языкомъ одинъ современникъ: „хорошо умѣя расточать металлъ, она неспособна обратить поклоненіе ему въ привычный культъ и всегда была-бы готова вернуться къ своимъ старымъ идоламъ: мужеству, славѣ и, смѣю сказать, великодушію“.

Затѣмъ, не слѣдуетъ измѣрять низость людей степенью ихъ покорности предъ верховною властью: это значило-бы пользоваться ошибочнымъ мѣриломъ. Какъ ни были люди Стараго порядка послушны королевской волѣ, былъ родъ повиновенія, неизвѣстный имъ: они не знали, что̀ значитъ подчиняться незаконной или спорной власти, мало вызывающей уваженія, часто презираемой, но которой охотно покоряются, потому что она оказываетъ услуги или можетъ вредить. Эта унизительная форма рабства всегда была имъ совершенна чужда. Король внушалъ имъ такія чувства, какихъ впослѣдствіи не могъ вызвать никто изъ самыхъ неограниченныхъ монарховъ въ мірѣ, и которыя даже стали для насъ почти непонятными, такъ какъ Революція съ корнемъ вырвала ихъ изъ нашего сердца. Къ королю тогдашніе люди испытывали смѣсь сыновней нѣжности и благоговѣнія, должнаго одному Богу. Подчиняясь произвольнѣйшимъ приказаніямъ короля, они уступали не столько внѣшней

силѣ, сколько своей любви и, такимъ образомъ, среди крайней зависимости, нерѣдко сохраняли весьма свободную душу. Въ ихъ повиновеніи самымъ большимъ зломъ могла быть его вынужденность; у насъ она является наименьшимъ зломъ: худшее заключается въ томъ раболѣпномъ чувствѣ, которое заставляетъ насъ повиноваться. Не будемъ-же презирать нашихъ отцовъ: на это мы не имѣемъ права. Дай Богъ, чтобы мы могли возвратить, вмѣстѣ съ ихъ предразсудками и недостатками, хотя частицу ихъ величія!

Итакъ, было-бы весьма несправедливо думать, что Старый порядокъ былъ временемъ рабства и зависимости. Въ немъ царило гораздо больше свободы, чѣмъ въ наши дни; но то была очень своеобразная, неправильная и перемежающаяся свобода, всегда ограниченная предѣлами классовъ, всегда связанная съ идеею изъятій и привилегій, дозволявшихъ почти столько-же призирать законъ, какъ и произволъ, и почти никогда не распространявшая на всѣхъ гражданъ хотя-бы самыхъ естественныхъ и необходимыхъ гарантій. Но и въ такомъ суженномъ и обезображенномъ видѣ свобода все еще была плодотворна. Благодаря ей, даже въ то время, когда централизація усиленно стремилась къ уравненію, размягченію и обезцвѣченію всѣхъ характеровъ, множество частныхъ лицъ сохранило природную оригинальность, колоритъ и выпуклость своей индивидуальности; она воспитывала въ ихъ сердцахъ чувство собственнаго достоинства и часто доставляла любви къ славѣ перевѣсъ надъ всѣми другими склонностями. Благодаря ей сложились тѣ сильныя души, тѣ гордые и отважные умы, которые появляются въ эпоху Революціи и дѣлаютъ послѣднюю предметомъ и удивленія, и ужаса для послѣдующихъ поколѣній. Было-бы очень странно, если бы такіе мужественные характеры могли развиваться въ средѣ общества, утратившаго свободу.

Но этотъ особый родъ безпорядочной и нездоровой свободы, готовя Французовъ къ низверженію деспотизма, дѣлалъ ихъ всего менѣе способными къ тому, чтобы на его мѣстѣ водворить мирное и свободное владычество законовъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

О томъ, что, несмотря на поступательное движеніе цивилизаціи, положеніе французскаго крестьянина въ XVIII в. порою бывало хуже, чѣмъ въ XIII в.

Въ XVIII в. французскій крестьянинъ уже не могъ быть жертвою мелкихъ феодальныхъ деспотовъ; онъ только изрѣдка дѣлался предметомъ насилій со стороны правительства; онъ пользовался гражданской свободой и владѣлъ частью территоріи; но остальные классы отдалились отъ него, и онъ былъ такъ одинокъ, какъ едва-ли бывалъ когда-либо крестьянинъ въ другихъ странахъ. То былъ новый и своеобразный видъ угнетенія, послѣдствія котораго заслуживаютъ того, чтобы мы ихъ выдѣлили и разсмотрѣли съ величайшимъ вниманіемъ.

Въ самомъ началѣ XVII в. Генрихъ IV жаловался, по свидѣтельству Перефикса, на то, что дворяне покидаютъ села. Въ половинѣ XVIII в. это бѣгство стало почти повсемѣстнымъ; его отмѣчаютъ и оплакиваютъ всѣ современники: экономисты—въ своихъ книгахъ, интенданты—въ своей корреспонденціи, сельскохозяйственныя общества — въ своихъ Запискахъ. Достовѣрное доказательство его мы находимъ въ реестрахъ подушной подати (capitation). Эта подать взималась въ мѣстѣ дѣйствительнаго жительства плательщиковъ: оказывается, что всѣ взносы высшаго дворянства и часть взносовъ низшаго сдѣланы въ Парижѣ.

Въ селахъ оставались только тѣ дворяне, которые не могли покинуть помѣстья по незначительности своего состоянія. Каждый изъ нихъ, по отношенію къ крестьянамъ, своимъ сосѣдямъ, находился въ такомъ положеніи, въ какомъ едва-ли когда-либо чувствовалъ себя богатый владѣлецъ. Переставъ быть ихъ главою, онъ болѣе не имѣлъ надобности, какъ въ старину, щадить ихъ, помогать имъ, руководить ими; съ другой-же стороны, не будучи подчиненъ тѣмъ государственнымъ повинностямъ, которыя несли крестьяне, онъ не могъ испытывать живой симпатіи къ ихъ нище-

тѣ, которой не раздѣлялъ, не могъ сочувствовать ихъ горестямъ, которыя были ему чужды. Эти люди не были уже его подданными, но онъ еще не былъ ихъ согражданиномъ: явленіе, подобнаго которому не знаетъ исторія.

Оно вело, если можно такъ выразиться, къ своего рода душевному абсентеизму, болѣе распространенному и болѣе важному, чѣмъ даже абсентеизмъ въ собственномъ смыслѣ. Послѣдствіемъ его было то, что дворянинъ, жившій въ своихъ владѣніяхъ, нерѣдко проявлялъ такія намѣренія и чувства, которыя приличествовали его управляющему: подобно послѣднему, въ своихъ арендаторахъ онъ видѣлъ только должниковъ и сурово требовалъ отъ нихъ всего, что̀ еще слѣдовало ему на основаніи обычая или закона; такимъ образомъ взиманіе того, что̀ оставалось отъ феодальныхъ сборовъ, производилось иногда съ бо̀льшею жестокостью, чѣмъ во времена феодализма.

Нерѣдко обремененный долгами, всегда нуждающійся, онъ жилъ обыкновенно очень скупо въ своемъ за̀мкѣ, помышляя только о томъ, чтобы накопить денегъ, которыя затѣмъ истрачивалъ зимою въ городѣ. Народъ, который часто однимъ мѣткимъ словомъ опредѣляетъ сущность явленія, этому мелкому дворянину далъ имя самой маленькой изъ хищныхъ птицъ: онъ прозвалъ его *кобчикомъ* (hobereau)).

Мнѣ могутъ, конечно, возразить указаніемъ на отдѣльныхъ лицъ; но я говорю о классахъ: на нихъ однихъ должно останавливаться вниманіе исторіи. Никто не отрицаетъ, что въ числѣ богатыхъ землевладѣльцевъ того времени не мало было такихъ, которые, безъ особой для себя необходимости или выгоды, заботились о благосостояніи крестьянъ. Но это только значитъ, что они счастливо боролись съ закономъ, вытекавшимъ изъ новаго ихъ положенія,—закономъ, который невольно толкалъ ихъ къ равнодушію, такъ-же, какъ бывшихъ ихъ вассаловъ—къ ненависти.

Это оставленіе селъ дворянствомъ нерѣдко объясняли особымъ вліяніемъ извѣстныхъ министровъ или королей: частью—вліяніемъ Ришельё, частью—Людовика XIV. Дѣйствительно, въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ монархіи государи почти постоянно преслѣдовали мысль отдѣлить дворянъ отъ

народа, привлечь ихъ къ двору и къ государственной службѣ. Это стремленіе обнаруживалось особенно въ XVII в., когда дворянство было еще для королевской власти предметомъ боязни. Въ числѣ предлагаемыхъ интендантамъ вопросовъ встрѣчается также слѣдующій: „Предпочитаютъ-ли дворяне вашей провинціи жить у себя дома или въ городѣ?“

Сохранилось письмо одного интенданта, содержащее отвѣтъ на этотъ вопросъ: интендантъ жалуется, что дворяне его провинціи находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы жить около своихъ крестьянъ, вмѣсто того, чтобы исполнять свои обязанности при королѣ. Замѣтьте, что провинціей, о которой это говорилось, является Анжу, впослѣдствіи — Вандея. Эти дворяне, отказывавшіеся, по словамъ интенданта, служить королю, были единственными, которые впослѣдствіи съ оружіемъ въ рукахъ защищали монархію и умирали въ борьбѣ за нее; и этимъ славнымъ отличіемъ они были обязаны только тому, что съумѣли удержать около себя крестьянъ, навлекая на себя упреки за свое желаніе жить среди нихъ.

Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ объяснять прямымъ вліяніемъ какого-либо изъ нашихъ королей то обстоятельство, что селы были покинуты классомъ, въ то время стоявшимъ во главѣ націи. Главная и постоянная причина этого явленія лежала не въ волѣ тѣхъ или иныхъ лицъ, а въ медленномъ и непрерывномъ дѣйствіи учрежденій; и это доказывается тѣмъ, что, когда правительство, въ XVIII в., вознамѣрилось бороться съ этимъ зломъ, оно не въ силахъ было даже пріостановить его дальнѣйшее развитіе. По мѣрѣ того, какъ дворянство теряло послѣдніе остатки своихъ политическихъ правъ, не пріобрѣтая новыхъ, и по мѣрѣ исчезновенія мѣстныхъ вольностей, это выселеніе дворянъ принимало все болѣе широкіе размѣры, не требуя болѣе никакихъ усилій со стороны правительства: они сами не желали оставаться дома; имъ опротивѣла сельская жизнь.

Только что сказанное мною о дворянахъ относится также ко всѣмъ, вообще, богатымъ собственникамъ въ королевствѣ: въ странѣ централизаціи села лишены богатыхъ и просвѣщенныхъ жителей; я могъ-бы прибавить: въ странѣ

централизаціи земледѣліе несовершенно и рутинно, — и развитіе этого положенія послужило-бы комментаріемъ, раскрывающимъ истинный смыслъ глубоко-справедливыхъ словъ Монтескье: „Производительность земли меньше зависитъ отъ ея плодородія, чѣмъ отъ свободы жителей“. Но я не хочу выходить изъ предѣловъ своей задачи.

Выше мы видѣли, какъ буржуазія, въ свою очередь, покидая села, повсемѣстно искала убѣжища въ городахъ. Нѣтъ другого вопроса, относительно котораго всѣ документы Стараго порядка были-бы до такой степени согласны между собою. По ихъ свидѣтельству, въ селахъ почти никогда не бываетъ видно болѣе одного поколѣнія богатыхъ поселянъ. Разъ земледѣльцу удалось, наконецъ, пріобрѣсти своимъ промысломъ небольшое состояніе, онъ тотчасъ-же заставляетъ своего сына покинуть плугъ, отправляетъ его въ городъ и покупаетъ ему маленькую должность. Вотъ когда родилось то странное отвращеніе, которое нерѣдко, даже въ наши дни, обнаруживается у французскаго земледѣльца по отношенію къ обогатившему его занятію. Послѣдствіе пережило причину.

Въ сущности, единственнымъ благовоспитаннымъ человѣкомъ, или, какъ выражаются англичане, джентльменомъ, постоянно жившимъ посреди крестьянъ и остававшимся въ непрерывномъ общеніи съ ними, былъ приходскій священникъ; и онъ сдѣлался-бы, вопреки Вольтеру, полнымъ хозяиномъ сельскаго люда, если-бы самъ не былъ такъ тѣсно и такъ очевидно связанъ съ политическою іерархіей: обладая многими изъ привилегій послѣдней, онъ отчасти раздѣлялъ съ ней ненависть, которую она порождала.

И вотъ, крестьянинъ почти совершенно разобщенъ съ высшими классами; отъ него отдалились даже тѣ изъ его собратьевъ, которые могли бы ему помогать и руководить имъ: по мѣрѣ того, какъ послѣдніе добиваются образованія или зажиточности, они бѣгутъ отъ него. Онъ остается одинъ, какъ будто отвергнутый всею націей.

Въ подобной степени явленіе это не встрѣчалось ни у одного изъ великихъ цивилизованныхъ народовъ Европы и даже во Франціи оно было ново. Крестьянинъ XIV в. былъ

въ одно и то-же время болѣе угнетенъ и менѣе безпомощенъ. Аристократія обращалась съ нимъ иногда тиранически, но никогда не покидала его на произволъ судьбы.

Въ XVIII в. село представляетъ собою общину, всѣ члены которой бѣдны, не развиты и грубы; ея должностныя лица такъ-же невѣжественны и призираемы, какъ и она; ея синдикъ не умѣетъ читать; ея сборщикъ не можетъ своею рукой написать счеты, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе его сосѣдей и собственное его благосостояніе. Ея бывшій сеньеръ не только лишился права управлять ею, но дошелъ до того, что считаетъ для себя почти унизительнымъ вмѣшиваться въ ея управленіе. Раскладывать талью, собирать ополченіе, опредѣлять порядокъ барщины,—все это рабскія занятія, дѣло синдика. Одно правительство еще интересуется этой общиной, и, такъ какъ оно находится очень далеко и еще не имѣетъ никакихъ причинъ опасаться чего-либо со стороны ея жителей, то занимается оно ею единственно ради извлеченія выгодъ.

Теперь посмотрите, во что обращается покинутый классъ,—классъ, котораго никто не желаетъ притѣснять, но о которомъ никто не желаетъ позаботиться на его просвѣщеніе и благо.

Самыя тяжелыя повинности, которыми феодальная система обременяла сельскаго жителя, отмѣнены или облегчены; это несомнѣнно; но далеко не всѣмъ извѣстно, что эти повинности замѣнились другими, быть можетъ, еще болѣе тягостными. Крестьянинъ XVIII вѣка не испытывалъ всѣхъ тѣхъ золъ, какія приходилось терпѣть его предкамъ; но онъ выносилъ много такихъ бѣдствій, которыя его предкамъ были совершенно незнакомы.

Извѣстно, что талья удесятерилась втеченіе двухъ сотъ лѣтъ, и почти исключительно насчетъ крестьянъ. Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ способѣ, какимъ она взималась съ нихъ, чтобы показать, какіе варварскіе законы могутъ возникнуть или продолжать свое существованіе въ цивилизованную эпоху, если въ ихъ измѣненіи наиболѣе просвѣщенные члены націи не заинтересованы лично.

Въ конфиденціальномъ письмѣ, написанномъ, въ 1772 г., самимъ генеральнымъ контролеромъ къ интендантамъ, я на-

шелъ слѣдующую картину тальи, представляющую собою образчикъ точности и ясности: „Талья“, говоритъ этотъ министръ: „произвольна въ своей раскладкѣ, въ своемъ взиманіи опирается на круговую поруку, падаетъ на лицо, а не землю въ большей части Франціи, подвержена безпрестаннымъ колебаніямъ въ зависимости отъ всѣхъ перемѣнъ, ежегодно происходящихъ въ имуществѣ плательщиковъ“. Этими тремя фразами сказано все; невозможно съ бо́льшимъ искусствомъ описать то зло, которымъ пользуешься.

Вся, должная приходомъ, сумма опредѣлялась ежегодно. Какъ говоритъ министръ, она безпрестанно измѣнялась, такъ что ни одинъ земледѣлецъ не могъ предвидѣть за годъ, сколько придется ему уплатить въ слѣдующемъ году. Въ предѣлахъ прихода ежегодно крестьянинъ, по волѣ случая назначенный въ сборщики. долженъ былъ распредѣлять бремя налога между всѣми остальными жителями

Я обѣщалъ разсказать о положеніи этого сборщика. Предоставимъ слово Беррійскому провинціальному собранію 1779 г.; его нельзя заподозрить въ пристрастіи: оно составлено исключительно изъ привилегированныхъ лицъ, вовсе не платящихъ тальи и назначенныхъ королемъ „Такъ какъ всякому хочется избѣгнуть обязанности сборщика“. говорило оно въ 1779 г.: „то необходимо, чтобы всѣ брали на себя поочередно эту обязанность. Такимъ образомъ взиманіе тальи ежегодно ввѣряется новому сборщику. безотносительно къ его способностямъ или честности; и въ исполненіи каждой росписи отражается характеръ ея составителя. Сборщикъ оставляетъ въ ней слѣды своихъ опасеній, слабостей или пороковъ. Впрочемъ, какъ совладать ему со своею задачей? Онъ дѣйствуетъ впотьмахъ; потому что кто можетъ въ точности знать богатство своего сосѣда и отношеніе этого богатства къ богатству другого сосѣда? Между тѣмъ, рѣшать должно единичное мнѣніе сборщика, который всѣмъ своимъ имуществомъ и даже своею свободой отвѣчаетъ за поступленіе сборовъ. Обыкновенно ему приходится въ теченіе двухъ лѣтъ тратить половину дня на бѣготню по плательщикамъ. Сборщикъ, не умѣющій читать, обязанъ найти среди сосѣдей кого-либо въ помощь себѣ“.

Нѣсколько ранѣе о томъ-же предметѣ уже высказался Тюрго, имѣя въ виду другую провинцію. Вотъ его слова: „Эта должность приводитъ въ отчаяніе и почти всегда разоряетъ тѣхъ, на кого возлагается ея исполненіе; такимъ образомъ всѣ зажиточныя семьи села послѣдовательно ввергаются въ нищету“.

Между тѣмъ, этотъ несчастный, называемый сборщикомъ, былъ вооруженъ громаднымъ произволомъ; онъ былъ тираномъ едва-ли меньше, чѣмъ мученикомъ. Во время отправленія этой должности онъ разорялся самъ, но отъ него зависѣло также всеобщее разореніе. То-же провинціальное собраніе продолжаетъ: „предпочтеніе родственникамъ, друзьямъ и сосѣдямъ, ненависть, мщеніе врагамъ, нужда въ покровителѣ, боязнь возбудить неудовольствіе зажиточнаго работодателя,—все это борется въ его сердцѣ съ чувствомъ справедливости“. Страхъ часто дѣлаетъ сборщика безжалостнымъ; въ нѣкоторыхъ приходахъ онъ ходитъ не иначе, какъ въ сопровожденіи солдатъ (garnisaires), и судебныхъ приставовъ (huissiers). „Когда онъ ходитъ безъ пристава“, пишетъ министру одинъ интендантъ въ 1764 г: „обыватели не хотятъ платить“.—„Въ одномъ Вильфраншскомъ округѣ“, говоритъ Гвіенское провинціальное собраніе· „по сбору тальи насчитывается сто шесть вѣстовыхъ, занятыхъ разноскою приказовъ о личномъ задержаніи, и другихъ посыльныхъ (recors), и всѣ они всегда въ пути“.

Чтобы избѣгнуть этого насильственнаго и произвольнаго обложенія, французскій крестьянинъ въ просвѣщенномъ XVIII вѣкѣ дѣйствуетъ, какъ средневѣковой еврей: онъ притворяется бѣднякомъ, когда, случайно, на самомъ дѣлѣ не бѣденъ; собственное балгосостояніе справедливо возбуждаетъ въ немъ боязнь, чему очень вѣское доказательство я нахожу въ документѣ, взятомъ уже не въ Гвіеннѣ, а за сто лье отъ нея. Мэнское сельско-хозяйственное Общество, въ своемъ докладѣ отъ 1761 г., заявляетъ, что оно предполагало раздавать скотъ въ видѣ наградъ и поощреній. По словамъ Общества, оно было „остановлено мыслью о тѣхъ опасныхъ послѣдствіяхъ, которыя низкая зависть могла-бы навлечь на заслужившихъ эти награды лицъ, причинивъ имъ, съ по-

мощью произвольной раскладки податей, притѣсненіи въ послѣдующіе годы".

Дѣйствительно, при этой податной системѣ, непосредственный и постоянный интересъ каждаго изъ плательщиковъ состоялъ въ томъ, чтобы выслѣживать своихъ сосѣдей и доносить сборщику о приростѣ ихъ богатства; всѣ они пріучались ею къ зависти, предательству и ненависти. Можно подумать, что это происходило не во Франціи, а во владѣніяхъ какого-нибудь индостанскаго раджи.

Однако, въ то-же самое время во Франціи существовали такія провинціи, гдѣ взиманіе налога производилось съ правильностью и съ мягкостью: то были нѣкоторыя pays d'états. Правда, что этимъ провинціямъ было оставлено право самимъ взимать налоги. Въ Лангедокѣ, напр., талья падаетъ только на поземельную собственность и не измѣняется соотвѣтственно зажиточности собственника; она имѣетъ твердымъ и для всякаго видимымъ основаніемъ тщательно-исполненный и черезъ каждые тридцать лѣтъ возобновляемый кадастръ, въ которомъ земли, по своему плодородію, раздѣлены на три класса. Каждый плательщикъ въ точности и заранѣе знаетъ, чему равна приходящаяся на его долю часть налога. Въ случаѣ неплатежа отвѣчаетъ только онъ одинъ или, вѣрнѣе, только его поле. Считаетъ-ли онъ себя обиженнымъ при раскладкѣ,— онъ всегда имѣетъ право потребовать сравненія его квоты съ квотою какого-либо другого жителя прихода, по собственному выбору недовольнаго. Это-то, что́ мы называемъ теперь требованіемъ пропорціональной уравнительности (appel à l'égalité proroptionnelle).

Очевидно, все это—тѣ-же самыя правила, которымъ мы слѣдуемъ въ настоящее время; мы не усовершенствовали, а только распространили ихъ на всю территорію. Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что, заимствовавъ у правительства Стараго порядка самую форму нашего государственнаго управленія, во всемъ остальномъ мы старательно избѣгали подражать ему. Не отъ него, а отъ провинціальныхъ собраній унаслѣдовали мы лучшіе наши административные пріемы. Принявъ механизмъ, мы отбросили его продуктъ.

Обычная бѣдность сельскаго люда дала начало такимъ

принципамъ, которые всего менѣе могли положить ей конецъ. „Если-бы народы жили въ довольствѣ", писалъ Ришелье въ своемъ Политическомъ Завѣщаніи: „едва-ли оставались-бы они въ границахъ порядка". Въ XVIII в. такъ далеко не заходятъ; но все еще думаютъ, что крестьянинъ не работалъ-бы, если-бы нужда не пришпоривала его постоянно: нищета считается единственнымъ обезпеченіемъ противъ лѣности. Именно эта теорія проповѣдывалась иногда въ примѣненіи къ неграмъ нашихъ колоній. Это мнѣніе такъ широко распространено въ правящихъ сферахъ, что почти всѣ экономисты считаютъ своею обязанностью формально опровергать его.

Какъ извѣстно, первоначальное назначеніе тальи состояло въ томъ, чтобы доставить королю возможность покупать солдатъ, освобождая дворянъ и ихъ вассаловъ отъ военной службы; но въ XVIII в. воинская повинность, какъ мы видѣли, была возстановлена подъ именемъ ополченія (milice), и, на этотъ разъ, она тяготѣла уже только на народѣ, и, въ частности, почти единственно на поселянинѣ.

Достаточно обратить вниманіе на многочисленность протоколовъ дозорной команды, наполняющихъ картоны однаго интендантства, и относящихся исключительно къ преслѣдованію ослушныхъ или бѣглыхъ ополченцевъ, чтобы признать, что ополченіе составлялось не безъ затрудненій. И въ самомъ дѣлѣ, не было, кажется, государственной повинности болѣе невыносимой для крестьянъ; спасаясь отъ службы въ ополченіи, они нерѣдко убѣгали въ лѣса, гдѣ приходилось ихъ преслѣдовать вооруженною силой. Теперь это кажется удивительнымъ въ виду той легкости, съ какою принудительный наборъ производится на настоящее время.

Эту крайнюю враждебность крестьянъ Стараго порядка къ ополченію слѣдуетъ приписать не столько самому принципу закона о милиціи, сколько тому способу, какимъ выполнялся этотъ законъ. Главнымъ образомъ слѣдуетъ упрекнуть его за продолжительную неизвѣстность, въ которой онъ держалъ тѣхъ, кому угрожалъ (быть призваннымъ можно было до сорокалѣтняго возраста, за исключеніемъ случаевъ вступленія въ бракъ); за произвольность повѣрки, дѣлавшую

почти безполезнымъ преимущество высокаго номера; за воспрещеніе призываемому выставлять взамѣнъ себя охотника; за непріятность опаснаго и суроваго ремесла при отсутствіи всякой надежды на повышеніе; особенно-же — за внушаемое крестьянамъ сознаніе, что такое большое бремя тяготѣло только на нихъ, и притомъ на самыхъ несчастныхъ изъ нихъ,—за это въ особенности, потому что унизительность положенія дѣлала его еще болѣе горькимъ.

Я имѣлъ въ рукахъ много протоколовъ, относящихся къ жеребьевкѣ 1769 г. и обнимающихъ значительное число приходовъ. Въ этихъ протоколахъ перечисляются по каждому приходу лица, освобожденныя отъ воинской повинности: одинъ—слуга дворянина; другой—сторожъ у аббата; третій, правда,—не болѣе, какъ лакей горожанина, но этотъ горожанинъ *живитъ по-дворянски*. Единственнымъ основаніемъ къ увольненію служитъ богатство: если земледѣлецъ изъ года въ годъ выступаетъ въ числѣ лицъ, обложенныхъ наибольшею цифрой налога, его сыновья освобождаются отъ службы въ ополченіи: это называется поощрять земледѣліе. Экономисты, во всемъ прочемъ большіе любители равенства, въ этой привилегіи не находятъ ничего дурного; они требуютъ только, чтобы она была распространена также на другіе случаи, т. е. чтобы для бѣднѣйшихъ и наименѣе покровительствуемыхъ крестьянъ повинность стала еще обременительнѣе. „При незначительности жалованья солдата“, говоритъ одинъ изъ нихъ: „при скудости его постели, одежды и пищи, при его полной подчиненности, было-бы слишкомъ жестоко брать въ солдаты кого-либо, кромѣ простолюдиновъ“.

До конца царствованія Людовика XIV большія дороги или вовсе не ремонтировались, или ремонтировались на счетъ всѣхъ, пользовавшихся ими, т. е на средства государства или придорожныхъ владѣльцевъ; но съ этого времени починка дорогъ стала производиться единственно посредствомъ барщины, т. е. исключительно на счетъ крестьянъ. Этотъ пріемъ, дававшій возможность безъ всякихъ затратъ имѣть хорошія дороги, такъ понравился правительству, что въ 1737 г. циркуляръ генеральнаго контролера Орри примѣнилъ его ко всей Франціи. Интенданты были снабжены правомъ са-

жать непокорныхъ въ тюрьму или посылать къ нимъ на постой солдатъ (garnisaires).

Съ тѣхъ поръ, при всякомъ расширеніи торговли, а вмѣстѣ съ нею — нужды въ хорошихъ дорогахъ и сознанія ихъ важности, барщина распространяется на новыя дороги, и ея тягость возрастаетъ. Изъ представленнаго Беррійскому провинціальнову собранію въ 1779 г. доклада видно, что работы, исполненныя барщиною въ этой бѣдной провинціи, должны быть оцѣнены въ 700.000 ливровъ въ годъ. Въ Нижней Нормандіи, въ 1787 г., онѣ оцѣнивались приблизительно въ ту-же сумму. Эти цифры всего яснѣе обрисовываютъ печальную участь сельскаго люда: успѣхи общественнаго развитія, обогащающіе всѣ остальные классы, крестьянина повергаютъ въ отчаяніе; цивилизація обращается противъ него одного.

Около того-же времени, въ перепискѣ интендантовъ я читаю, что крестьянамъ слѣдуетъ воспретить примѣненіе барщины къ ихъ собственнымъ сельскимъ дорогамъ, въ виду того, что она должна быть сохранена исключительно для большихъ, или, какъ говорилось тогда, *королевскихъ дорогъ*. Странная мысль, что издержки по содержанію дорогъ должны быть возлагаемы на самыхъ бѣдныхъ людей, всего менѣе, казалось-бы, имѣющихъ надобности путешествовать, —эта мысль, несмотря на свою новизну, естественно укореняется въ умахъ тѣхъ, для кого она выгодна, такъ что вскорѣ имъ начинаетъ казаться, что иначе и быть не можетъ. Въ 1776 г. дѣлается попытка преобразовать барщину въ мѣстный налогъ; неравенство тотчасъ-же измѣняетъ свой видъ и проникаетъ въ новую подать.

Превращаясь изъ господской въ королевскую, барщина мало-по-малу распространяется на всѣ публичныя работы. Въ 1719 г. барщина служитъ для постройки казармъ! „*Приходы должны высылать лучшихъ своихъ мастеровыхъ*“, гласитъ ордонансъ: „*и для этихъ работъ всѣ остальныя должны быть оставлены*“. Барщиннымъ способомъ перевозятъ каторжныхъ въ остроги, а нищихъ—въ благотворительные пріюты; точно такъ же перевозятъ военныя принадлежности при всякомъ передвиженіи войскъ: эта повинность была очень обременитель-

на въ эпоху, когда каждый полкъ везъ за собою тяжелый багажъ; для его перевозки необходимо было собирать издалека множество телѣгъ и воловъ. Этотъ родъ барщины, въ началѣ не имѣвшій большого значенія, сдѣлался однимъ изъ самыхъ тягостныхъ, когда увеличилась численность постоянныхъ войскъ. Встрѣчались казенные подрядчики, съ громкимъ крикомъ требовавшіе, чтобы имъ былъ предоставленъ барщинный трудъ для доставки строевого лѣса изъ лѣсовъ въ морскіе арсеналы. Отбывшіе эту барщину крестьяне обыкновенно получали вознагражденіе, но оно всегда назначалось произвольно и въ незначительномъ размѣрѣ. Бремя повинности, налагаемый такъ несправедливо, по временамъ становится до того тяжелымъ, что начинаетъ безпокоить сборщика тальи. „Издержки, требуемыя отъ крестьянъ для возстановленія дорогъ“, пишетъ одинъ изъ нихъ въ 1751 г., „скоро приведутъ къ тому, что крестьяне не въ сосояніи будутъ уплачивать свою талью“.

Могли-ли бы прочно установиться всѣ эти новыя притѣсненія, если бы крестьянинъ видѣлъ около себя богатыхъ и просвѣщенныхъ людей, склонныхъ и способныхъ если не защитить его, то представительствовать за него предъ общимъ властелиномъ, уже державшимъ въ своихъ рукахъ участь бѣдняка и богача?

Я читалъ письмо, написанное въ 1774 г. однимъ крупнымъ землевладѣльцемъ къ интенданту его провинціи съ цѣлью побудить послѣдняго провести новую дорогу. По словамъ автора письма, эта дорога создала-бы благоденствіе поселянъ, чему онъ приводитъ доказательства; затѣмъ онъ переходитъ къ учрежденію ярмарки, которая, какъ онъ увѣряетъ, удвоила-бы цѣну сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Этотъ добрый гражданинъ прибавляетъ, что, съ помощью небольшого пособія, можно было-бы устроить школу, которая давала-бы королю болѣе развитыхъ подданныхъ. Раньше онъ вовсе не помышлялъ объ этихъ необходимыхъ улучшеніяхъ; онъ сталъ думать о нихъ только съ тѣхъ поръ, какъ, два года назадъ, королевское повелѣніе объ арестѣ (lettre de cachet) воспретило ему выѣздъ изъ его замка. „Мое двухлѣтнее заточеніе въ моихъ владѣніяхъ“, говоритъ

онъ простодушно: „убѣдило меня въ крайней полезности всѣхъ этихъ мѣръ“.

Но особенно въ голодные годы замѣтно, что узы покровительства и зависимости, нѣкогда связывавшія крупнаго землевладѣльца съ поселянами, ослаблены или порваны. Въ эти критическіе періоды центральное правительство пугается собственнаго одиночества и безсилія; для такого случая оно желало-бы воскресить вліянія личностей или политическіе союзы, уничтоженные имъ: оно призываетъ ихъ на помощь, но не находитъ отклика,—и удивляется, замѣчая отсутствіе жизни тамъ, гдѣ само истребило ея проявленія.

Въ такой крайности, въ бѣднѣйшихъ провинціяхъ нѣкоторые интенданты, какъ, напр., Тюрго, незаконно издаютъ распоряженія, обязывающія богатыхъ владѣльцевъ давать пропитаніе своимъ арендаторамъ впредь до ближайшаго урожая. Я нашелъ помѣченныя 1770 годомъ письма многихъ сельскихъ священниковъ, предлагающихъ интенданту обложить налогомъ крупныхъ землевладѣльцевъ ихъ прихода, — какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, — „обладающихъ“, по словамъ священниковъ, „въ приходахъ обширными помѣстьями, въ которыхъ они не живутъ, но съ которыхъ получаютъ большіе доходы, проѣдая ихъ въ другихъ мѣстахъ“.

Даже въ обыкновенное время села наводнены нищими; потому что, какъ говоритъ Летронъ, въ городахъ бѣдные получаютъ помощь; но въ селахъ зимою нищенство представляетъ безусловную необходимость.

Отъ времени до времени противъ этихъ несчастныхъ принимались очень крутыя мѣры. Въ 1767 г. герцогъ Шуазёль рѣшилъ сразу истребить нищенство во Франціи. Изъ корресподенціи интендантовъ можно видѣть, съ какою суровостью онъ принялся за это дѣло. Дозорныя команды получили приказъ немедленно задержать всѣхъ нищихъ, находившихся въ королевствѣ. Увѣряютъ, что такимъ образомъ ихъ было схвачено болѣе пятидесяти тысячъ. Бродяги, способные къ труду, подверглись ссылкѣ въ галеры; что же касается остальныхъ, для нихъ было открыто болѣе сорока пріютовъ: лучше было бы раскрыть сердца богачей.

Это правительство Стараго порядка, отличавшееся, какъ

мы видѣли, такою мягкостью, а иногда и робостью, такъ расположенное къ формальностямъ, къ медленности и осмотрительности, когда дѣло касалось привилегированныхъ классовъ, является часто суровымъ и всегда рѣшительнымъ и быстрымъ въ дѣйствіяхъ, когда они направлены противъ простого народа и, особенно, противъ крестьянъ. Ни одинъ изъ документовъ, прошедшихъ черезъ мои руки, не указываетъ случая, когда горожанинъ былъ-бы арестованъ по распоряженію интенданта; но съ крестьянами это случается постоянно по поводу барщины, ополченія, нищенства, нарушенія полицейскихъ правилъ и въ тысячѣ другихъ обстоятельствъ. Для однихъ существовали независимые суды, длинныя пренія, охранительная гласность; для другихъ — старшина дозорной команды (prevot), сокращеннымъ порядкомъ постановлявшій приговоры, которые не подлежали обжалованію.

„Громадное разстояніе, отдѣляющее народъ отъ всѣхъ остальныхъ классовъ“, пишетъ Неккеръ въ 1785 г., „даетъ возможность незамѣтно и безъ шума направлять власть противъ всѣхъ людей, затерянныхъ въ толпѣ. Если-бы не гуманная мягкость, свойственная Французамъ, и не духъ вѣка, это обстоятельство было-бы предметомъ вѣчнаго сожаленія для людей, способныхъ сочувствовать игу, отъ котораго сами они свободны“.

Но тяготѣвшій надъ этими несчастными гнетъ не исчерпывался тѣмъ зломъ, которое имъ причиняли другіе: еще печальнѣе было то, что онъ лишалъ ихъ возможности самимъ себѣ приносить пользу. Они были свободны и владѣли собственностью, а между тѣмъ являлись едва-ли менѣе невѣжественными и часто болѣе бѣдными, чѣмъ крѣпостные, ихъ предки. Они жили, не зная промышленности, среди чудесъ искусствъ, и оставались совершенно неразвитыми среди общества, блиставшаго образованіемъ. Сохраняя свойственные ихъ племени умъ и проницательность, они не научились пользоваться этими дарованіями; они не могли добиться успѣха даже въ обработкѣ земли, — единственномъ своемъ занятіи. „Передъ моими глазами открывается земледѣліе X вѣка“, говоритъ одинъ знаменитый англійскій агрономъ. Они отличались только въ военномъ ремеслѣ: здѣсь,

по крайней мѣрѣ, они естественно и необходимо соприкасались съ другими классами.

Въ этой безднѣ уединенія и нищеты и жилъ крестьянинъ, чуждый окружающему міру и какъ-бы заслоненный какою-то непроницаемою завѣсою. Я былъ изумленъ и почти испуганъ, убѣдившись, что, менѣе, чѣмъ за 20 лѣтъ передъ тѣмъ, какъ католическій культъ безпрепятственно былъ отмѣненъ, а церкви подверглись осквернению, администрація, съ цѣлью узнать населеніе кантона, прибѣгала иногда къ слѣдующему пріему: приходскіе священники указывали число явившихся къ причастію во время Пасхи; сюда прибавлялось предполагаемое число малолѣтнихъ дѣтей и больныхъ: сумма и принималась за общую цифру населенія! Между тѣмъ, идеи того времени со всѣхъ сторонъ проникали уже въ эти грубые умы; онѣ доходили къ нимъ окольными и потаенными путями и въ этихъ тѣсныхъ и темныхъ вмѣстилищахъ принимали странныя формы. Но со стороны еще не замѣтно было никакихъ перемѣнъ. Нравы, привычки, вѣрованія крестьянина, казалось, были все тѣ-же; онъ былъ покоренъ и даже веселъ.

Не слѣдуетъ довѣрять веселости, нерѣдко обнаруживаемой Французомъ среди величайшихъ бѣдствій: она доказываетъ только, что, считая свою несчастную участь неизбѣжною, онъ старается развлечься, не думая о ней; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы онъ ея не чувствовалъ. Откройте такому человѣку выходъ, могущій вывести его изъ этого бѣдственнаго положенія, которое онъ, повидимому, такъ мало ощущаетъ,—и онъ тотчасъ-же устремится къ этому выходу съ такою силой, что не замѣтитъ, какъ собьетъ васъ съ ногъ, если вы будете стоять на его пути.

Намъ не трудно понять все это теперь; но современники этого не видѣли. Люди высшихъ классовъ всегда лишь съ большимъ трудомъ приходятъ къ отчетливому пониманію того, что совершается въ душѣ народа и, особенно, крестьянъ. Воспитаніе и образъ жизни открываютъ послѣднимъ въ человѣческихъ дѣлахъ многое, только имъ понятное, и недоступное для всѣхъ остальныхъ людей. Если-же рознь между богатымъ и бѣднымъ дошла до того, что у нихъ почти не

осталось общихъ дѣлъ, общихъ интересовъ и тягостей,—тогда мракъ, заслоняющій мысль каждаго изъ нихъ отъ другого, становится непроницаемымъ; такіе два человѣка могутъ цѣлую вѣчность прожить рядомъ и не понять другъ друга. Любопытно видѣть, въ какой странной беззаботности жили всѣ тѣ, кто занималъ верхніе и средніе ярусы французскаго общества въ тотъ самый моментъ, когда начиналась Французская Революція, и слышать, какъ замысловато они бесѣдовали между собою о добродѣтеляхъ народа, о его кротости, преданности, его невинныхъ удовольствіяхъ,—все это наканунѣ 93-года: забавное и ужасное зрѣлище!

Здѣсь необходимо остановиться для того, чтобы показать какъ черезъ всѣ только-что описанные, мелкіе факты, проходитъ одинъ изъ величайшихъ божественныхъ законовъ, управляющихъ человѣческими обществами.

Французское дворянство упорно сторонится отъ другихъ классовъ; дворяне успѣваютъ избавиться отъ большинства тяготѣвшихъ на нихъ государственныхъ повинностей; они воображаютъ, что это не помѣшаетъ имъ сохранить свое величіе, и, на первыхъ порахъ, обстоятельства какъ будто оправдываютъ такую увѣренность. Но вскорѣ какой-то таинственный внутренній недугъ начинаетъ, повидимому, подтачивать ихъ могущество, которое постепенно разрушается безъ всякой внѣшней причины; они бѣднѣютъ параллельно тому, какъ умножаются ихъ привилегіи. Напротивъ, буржуазія, съ которою они такъ боялись смѣшаться, богатѣетъ и просвѣщается рядомъ съ ними, безъ нихъ и во вредъ имъ; дворянство не желало имѣть въ горожанахъ ни союзниковъ, ни согражданъ: оно найдетъ въ нихъ соперниковъ, вскорѣ затѣмъ—враговъ и, наконецъ,—господъ. Посторонняя сила сняла съ дворянъ обязанность руководить своими вассалами, покровительствовать и помогать имъ; но, такъ какъ въ то-же время она оставила нетронутыми денежныя права и почетныя привилегіи дворянъ, то послѣднимъ кажется, что они ничего не потеряли; оставаясь первыми въ обществѣ, они продолжаютъ считать себя его руководителями; и дѣйствительно, вокругъ нихъ еще есть люди, которыхъ, въ нотаріальныхъ актахъ, дворяне называютъ своими *подданными*; другіе именуются

вассалами, арендаторами, ленниками дворянъ. Но на самомъ дѣлѣ имъ никто не сопутствуетъ: они одиноки; и когда, наконецъ, дворяне увидятъ себя лицомъ къ лицу съ сильнымъ врагомъ, для нихъ останется одно спасеніе—въ бѣгствѣ.

Различаясь во многихъ отношеніяхъ, судьбы дворянства и третьяго сословія сходились въ одномъ обстоятельствѣ: буржуазія кончила тѣмъ, что не меньше дворянъ отдалилась отъ народа. Горожанинъ не только не старался сблизиться съ крестьянами, но избѣгалъ соприкосновенія съ ихъ бѣдствіями; вмѣсто того, чтобы тѣсно соединиться съ крестьянами для борьбы съ общими неравенствами, онъ старался только создать въ свою пользу новыя несправедливости: онъ такъ-же ревностно стремился къ пріобрѣтенію привилегій, какъ дворянинъ — къ сохраненію своихъ сословныхъ преимуществъ. Тѣ самые крестьяне, изъ среды которыхъ онъ вышелъ, стали для него чужими, почти незнакомыми людьми, и только вложивъ оружіе въ ихъ руки, онъ замѣтилъ, что самъ того не подозрѣвая, возбудилъ въ народѣ такія страсти, которыя не въ силахъ былъ укротить, которыми не могъ управлять, и жертвою которыхъ онъ долженъ былъ стать, будучи ихъ виновникомъ.

Вѣчно будутъ вызывать удивленіе развалины этой великой французской династіи, готовившейся, какъ казалось, подчинить своему вліянію весь европейскій міръ; но кто внимательно прочтетъ исторію ея, тотъ безъ труда пойметъ ея паденіе. И въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ описанные мною пороки, заблужденія, роковые предразсудки обязаны или своимъ возникновеніемъ, или своею устойчивостью, или своимъ развитіемъ тому искусству, съ которымъ большинство нашихъ королей разъединяло людей для того, чтобы тѣмъ неограниченнѣе управлять ими.

Но когда горожанинъ былъ, такимъ образомъ, совершенно изолированъ отъ дворянина, а крестьянинъ—и отъ дворянина, и отъ горожанина; когда, въ силу аналогичнаго процесса въ средѣ отдѣльныхъ классовъ, въ каждомъ изъ нихъ образовались маленькія группы, почти настолько-же обособленныя другъ отъ друга, какъ и самые классы, — тогда оказалось, что цѣлое обратилось въ одно-

родную массу, частицы которой, однако, уже не были связаны между собою. Исчезли всѣ организаціи, стѣснявшія правительство; но вмѣстѣ съ ними исчезли и тѣ, которыя могли служить ему поддержкою. Такимъ образомъ, все величіе этихъ государей должно было мгновенно рухнуть, какъ только всколебалось служившее ему основаніемъ общество.

И наконецъ, народъ, который, повидимому, одинъ извлекъ выгоду изъ промаховъ и заблужденій всѣхъ своихъ господъ,—народъ, освободившійся отъ владычества послѣднихъ, не могъ, однако-же, избѣгнуть ига заимствованныхъ у нихъ или привитыхъ ему ложныхъ понятій, порочныхъ привычекъ и дурныхъ склонностей. Онъ не разъ вносилъ рабскій духъ даже въ пользованіе своею свободой, обнаруживъ столько-же неумѣнья самостоятельно руководить собою, сколько суровости къ своимъ учителямъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Какимъ образомъ, около половины XVIII вѣка, литераторы сдѣлались главными государственными людьми во Франціи, и каковы были послѣдствія этого обстоятельства.

Теперь я оставляю въ сторонѣ древніе и общіе факты, подготовившіе тотъ великій переворотъ, который я хочу описать. Перехожу къ тѣмъ частнымъ и болѣе позднимъ фактамъ, которые окончательно опредѣлили его мѣсто, происхожденіе и характеръ.

Франція издавна отличалась, среди всѣхъ европейскихъ націй, наибольшимъ развитіемъ литературы; однако-же литераторы во Франціи никогда прежде не проявляли того духа, который былъ обнаруженъ ими около половины XVIII в., и никогда не занимали такого положенія, какое пріобрѣли въ это время. Ничего подобнаго никогда не наблюдалось во Франціи и, думаю, нигдѣ вообще.

Они отнюдь не вмѣшивались въ повседневныя дѣла, какъ въ Англіи, а, напротивъ, стояли отъ этихъ дѣлъ дальше, чѣмъ когда-либо; они не были облечены какою-либо властью и не занимали никакихъ должностей въ обществѣ, и безъ того переполненномъ чиновниками.

Но въ то-же время они не оставались, подобно большинству своихъ нѣмецкихъ собратій, совершенно чуждыми политикѣ, не замыкались въ сферѣ чистой философіи и изящной литературы. Они постоянно занимались вопросами, имѣющими отношеніе къ управленію государствомъ; въ сущно-

сти, это было даже главнымъ ихъ занятіемъ. Постоянно слышались ихъ разсужденія о происхожденіи человѣческихъ обществъ и объ ихъ первобытныхъ формахъ, о первоначальныхъ правахъ гражданъ и публичной власти, о естественныхъ и искуственныхъ взаимоотношеніяхъ людей, объ ошибочности или законности правовыхъ обычаевъ и объ основаніяхъ, на которыхъ зиждутся законы. Такимъ образомъ, постоянно проникая до корней современнаго имъ государственнаго порядка, они пытливо изучали его строеніе и критиковали общій его планъ. Не всѣ они, правда, задавались этими великими проблемами, которыя требуютъ спеціальнаго и глубокаго изученія; можно даже сказать, что большинство затрогивало ихъ только мимоходомъ и какъ бы играя; но сталкивались съ ними всѣ. Такого рода отвлеченная и книжная политика, въ большей или меньшей степени, была распространена во всѣхъ произведеніяхъ того времени, и между ними нѣтъ ни одного, — начиная отъ тяжеловѣснаго трактата и кончая пѣсней, — въ которомъ не содержалось-бы ея хоть немного.

Что касается политическихъ системъ этихъ писателей, то онѣ были такъ разнохарактерны, что, кто вздумалъ бы примирить ихъ между собою и составить изъ нихъ *одну* теорію государственнаго управленія, тотъ никогда не успѣлъ бы въ своемъ предпріятіи.

Тѣмъ не менѣе, отбросивъ частности съ цѣлью раскрыть основныя, руководящія идеи, мы безъ труда увидимъ, что авторы этихъ разнообразныхъ системъ сходятся, по крайней мѣрѣ, въ признаніи одного, очень общаго, положенія, — положенія, которое, повидимому, одинаково было усвоено каждымъ изъ нихъ, предшествовало въ умѣ каждаго всѣмъ частнымъ идеямъ и являлось общимъ источникомъ послѣднихъ. Какъ бы ни расходились они на остальномъ своемъ пути, всѣ они держатся этой отправной точки: а именно, всѣ они думаютъ, что на мѣсто многосложныхъ и традиціонныхъ обычаевъ, правящихъ современнымъ имъ обществомъ, слѣдуетъ поставить простыя и элементарныя правила, почерпнутыя въ разумѣ и въ естественномъ правѣ (la loi naturelle).

Внимательный взглядъ замѣтитъ, что къ этому положенію, въ сущности, всецѣло сводится то, что можно было бы назвать политическою философіей XVIII вѣка.

Такая мысль далеко не была новостью: три тысячи лѣтъ она посѣщала воображеніе людей, постоянно возрождаясь, но не будучи въ состояніи утвердиться надолго. Какъ удалось ей на этотъ разъ овладѣть умами всѣхъ писателей? Почему она не остановилась, какъ это уже часто бывало, въ мозгу нѣсколькихъ философовъ, а спустилась къ толпѣ, и здѣсь пріобрѣла упорство и силу политической страсти,— настолько, что общія и отвлеченныя теоріи о природѣ человѣческихъ обществъ становились предметомъ повседневныхъ разговоровъ праздныхъ людей и воспламеняли даже воображеніе женщинъ и крестьянъ? Какимъ образомъ литераторы, не обладавшіе ни чинами, ни почетными привилегіями, ни богатствомъ, ни отвѣтственностью, ни властью, сдѣлались, фактически, главными государственными людьми своего времени, и не только главными, но даже единственными, ибо, если другіе осуществляли правительственныя функціи, то авторитетомъ обладали они одни? Я постараюсь объяснить это въ немногихъ словахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какое необычайное и грозное вліяніе оказали на Революцію и понынѣ оказываютъ эти факты, встрѣчающіеся, повидимому, въ исторіи одной лишь французской литературы.

Философы XVIII вѣка не случайно усвоили, въ общемъ, понятія, такъ рѣзко расходившіяся съ тѣми, которыя продолжали еще служить основой тогдашняго общества; эти идеи естественно были имъ внушены картиной самаго этого общества, находившагося у нихъ всѣхъ предъ глазами. При видѣ такого множества привилегій, употребляемыхъ во зло или смѣшныхъ, — привилегій, бремя которыхъ чувствовалось все сильнѣе, тогда какъ причины ихъ существованія становились все менѣе понятными, — мысль каждаго изъ нихъ обращалась или, вѣрнѣе, сразу устремлялась къ идеѣ о естественномъ равенствѣ сословій.

Наблюдая столько нескладныхъ и причудливыхъ учрежденій, дѣтищъ далекаго прошлаго, которыхъ никто не пытался ни согласовать между собою, ни приспособить къ новымъ

потребностямъ и которымъ, казалось, предстояло, утративъ свое значеніе, увѣковѣчить свое существованіе, — философы легко проникались непріязнью къ старинѣ и преданію и естественно приходили къ желанію перестроить общество своего времени по совершенно новому плану, начертанному каждымъ изъ нихъ единственно при свѣтѣ собственнаго разума.

Самое положеніе писателей развивало въ нихъ любовь къ общимъ и отвлеченнымъ теоріямъ въ области государственнаго управленія и склонность слѣпо довѣряться имъ. Живя въ безконечномъ почти отдаленіи отъ практики, они совершенно лишены были опыта, который могъ бы умѣрять порывы ихъ темперамента; ничто не предупреждало ихъ о тѣхъ препятствіяхъ, на которыя могли натолкнуться въ существующихъ фактахъ даже наиболѣе желательныя реформы; они не имѣли ни малѣйшаго представленія объ опасностяхъ, всегда сопутствующихъ самымъ необходимымъ переворотамъ. Они даже не предчувствовали этихъ опасностей; потому что, благодаря полному отсутствію всякой политической свободы, дѣловой міръ былъ имъ не только плохо знакомъ, но прямо невидимъ. Они въ немъ ничего не дѣлали и не могли даже видѣть, что дѣлаютъ тамъ другіе. Такимъ образомъ, имъ недоставало того поверхностнаго воспитанія, которое видъ свободнаго общества и отголоска всего, что говорится въ немъ, даютъ въ такомъ обществѣ даже людямъ, наименѣе причастнымъ правительственной дѣятельности. Вслѣдствіе этого у нихъ развилось гораздо больше смѣлости въ нововведеніяхъ, гораздо больше любви къ общимъ идеямъ и системамъ, презрѣнія къ древней мудрости, и увѣренности въ своемъ индивидуальномъ разумѣ, чѣмъ это обыкновенно наблюдается у авторовъ, пишущихъ теоретическія сочиненія о политикѣ.

То-же невѣдѣніе привлекало къ нимъ вниманіе и симпатію толпы. Если бы французы все еще участвовали, какъ нѣкогда, въ управленіи государствомъ чрезъ посредство генеральныхъ штатовъ, или хотя бы продолжали повседневно заниматься управленіемъ страной въ своихъ провинціальныхъ собраніяхъ, то можно утверждать, что они никогда бы не

позволили себѣ беззавѣтно увлечься идеями писателей, какъ это случилось въ то время; они бы сохранили извѣстный дѣловой навыкъ, который предостерегъ бы ихъ противъ чистой теоріи.

Если бъ французы, подобно англичанамъ, могли, не уничтожая своихъ старинныхъ учрежденій, постепенно измѣнить ихъ духъ практикой, то, можетъ быть, они не измышляли бы съ такой охотой всякія нововведенія. Но каждый изъ нихъ ежечасно чувствовалъ себя затронутымъ въ своей имущественной, или личной свободѣ, въ своемъ благополучіи, или въ своей гордости—благодаря какому-нибудь старому закону или политическому обычаю, какимъ-нибудь обломкамъ старыхъ политическихъ силъ,—и не видѣлъ въ своемъ распоряженіи никакихъ средствъ, чтобы самому помочь себѣ въ этой частной бѣдѣ. Казалось необходимымъ или всему подчиняться, или все разрушить въ государственномъ строѣ страны.

Однако, среди развалинъ всѣхъ остальныхъ вольностей во Франціи еще уцѣлѣла одна: почти безъ стѣсненій можно было разсуждать о происхожденіи обществъ, о сущности правительственной власти и о естественныхъ правахъ человѣческаго рода.

Всѣ тѣ, которыхъ стѣсняла обыденная практика законодательства, вскорѣ увлеклись этою книжной политикой. Склонность къ ней пробудилась даже у такихъ лицъ, которыя, по своему характеру или положенію, являлись наименѣе подготовленными къ отвлеченнымъ умозрѣніямъ Не было такого плательщика податей, обиженнаго неравномѣрнымъ распредѣленіемъ тальи, который не приходилъ бы въ возбужденіе при мысли, что всѣ люди должны быть равны; не было мелкаго собственника, разоряемаго зайцами своего сосѣда-дворянина, которому бы не доставляло удовольствія слышать, что всѣ привилегіи безразлично осуждены разумомъ. Такимъ образомъ всѣ политическія страсти облеклись въ философскій нарядъ, политическая жизнь стала предметомъ ожесточенныхъ преній въ литературѣ и писатели, принявъ на себя руководительство общественнымъ мнѣніемъ, заня-

ли было такое мѣсто, которое въ свободныхъ странахъ занимаютъ обыкновенно вожди партій.

Теперь уже никто не былъ въ состояніи оспаривать у нихъ эту роль. Пока аристократія находится въ силѣ, она не только ведетъ государственныя дѣла, но кромѣ того руководитъ мнѣніями, даетъ направленіе писателямъ и сообщаетъ авторитетъ идеямъ. Въ XVIII столѣтіи французское дворянство совершенно уже утратило эту часть своего господства: вліяніе его исчесло вслѣдъ за его политической властью: то мѣсто, которое аристократія прежде занимала въ руководительствѣ умами, опустѣло, и писатели могли въ немъ водвориться на правахъ полныхъ хозяевъ.

Мало того: сама аристократія, на мѣсто которой они становились, содѣйствовала этому предпріятію. Она совершенно забыла, что общія теоріи, однажды получивъ признаніе, неизбѣжно переходятъ въ политическія страсти и въ дѣйствія,—забыла до такой степени, что ученія, наиболѣе враждебныя ея сословнымъ правамъ и самому ея существованію, казались ей геніальной игрой ума; она сама любила забавляться этой игрой для времяпровожденія и безмятежно наслаждалась своими иммунитетами и привилегіями, благодушно разсуждая о безсмысленности всѣхъ установленныхъ обычаевъ.

Нерѣдко удивлялись тому странному ослѣпленію, съ которымъ высшіе классы при Старомъ порядкѣ сами такимъ образомъ содѣйствовали своей гибели; но гдѣ могли они набраться пониманія? Свободныя учрежденія такъ же необходимы высшимъ классамъ для того, чтобы они могли видѣть грозящія имъ опасности, какъ и низшимъ—для обезпеченія ихъ правъ. Въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ,—съ тѣхъ поръ какъ во Франціи исчезли послѣдніе слѣды общественной жизнедѣятельности,—люди, наиболѣе непосредственно заинтересованные въ сохраненіи стараго строя, ни малѣйшимъ толчкомъ, ни малѣйшимъ шумомъ не были предупреждены о распаденіи этого древняго зданія. Не видя никакихъ внѣшнихъ перемѣнъ, они воображали, что и на самомъ дѣлѣ все оставалось совершенно такимъ же, какъ было. Такъ что ихъ мысль остановилась на той точкѣ зрѣнія, на которой стояли еще ихъ

предки. Въ наказахъ 1789 г. аристократія такъ-же заботится объ ограниченіи королевской власти, какъ это могло быть въ какихъ-нибудь наказахъ XV вѣка. Съ своей стороны несчастный Людовикъ XVI, наканунѣ гибели отъ неистоваго натиска демократіи, продолжалъ, по справедливому замѣчанію Бёрка, видѣть въ аристократіи главную соперницу королевской власти; онъ остерегался ея, какъ будто еще продолжались времена Фронды. Городское сословіе и народъ, напротивъ, казались ему, какъ и его предкамъ, надежнѣйшею опорой трона.

Но намъ, имѣющимъ передъ глазами обломки столькихъ переворотовъ, покажется еще болѣе страннымъ то обстоятельство, что самое предчувствіе грозной революціи было чуждо нашимъ предкамъ. О ней не говорили, не замѣчали ея близости. Небольшія сотрясенія, постоянно испытываемыя наилучше устроенными обществами благодаря политической свободѣ, ежечасно напоминаютъ о возможности переворотовъ и держатъ общественное благоразуміе на-сторожѣ; но во французскомъ обществѣ XVIII в., стоявшемъ на краю пропасти, ничто не предвѣщало близкой катастрофы.

Я внимательно читаю наказы, которые составили три сословія предъ тѣмъ какъ собраться въ 1789 г.; говорю обо всѣхъ трехъ сословіяхъ—о дворянствѣ, духовенствѣ, такъ же какъ и о буржуазіи. Я вижу, что здѣсь требуютъ измѣненія того или другого закона, тамъ—обычая, и отмѣчаю это. Продолжаю поступать такимъ образомъ до конца этой громадной работы и, подведя итогъ всѣмъ этимъ отдѣльнымъ пожеланіямъ, замѣчаю съ чувствомъ близкимъ къ ужасу, что они сводятся къ требованію немедленной и систематической отмѣны всѣхъ законовъ и всѣхъ обычаевъ, дѣйствующихъ въ странѣ; для меня тотчасъ же становится яснымъ, что надвигается одинъ изъ самыхъ обширныхъ и опасныхъ переворотовъ, когда-либо виданныхъ въ мірѣ. Но тѣ, которымъ суждено сдѣлаться завтра его жертвами, ничего подобнаго и не подозрѣвали; они думали, что всестороннее и внезапное преобразованіе такого сложнаго и стараго общества можетъ быть произведено безъ толчка, съ помощью разума и силой его одного. Несчастные! они забыли

даже ту истину, которую ихъ предки высказали за четыреста лѣтъ наивнымъ и энергичнымъ языкомъ того времени: Par requierre de trop grand franchise et libertés chet-on en trop grande servaige (т. е. желаніе слишкомъ большихъ вольностей ведетъ къ слишкомъ глубокому рабству).

Не мудрено, что дворянство и буржуазія, такъ давно устраненныя отъ всякаго участія въ государственной жизни, выказали такую странную неопытность; удивительно то, что такой же недостатокъ дальновидности обнаруживали и лица, находившіяся у дѣлъ—министры, члены магистратовъ, интенданты. Многіе изъ нихъ, впрочемъ, были людьми очень умѣлыми въ своей спеціальности, основательно усвоившими всѣ тонкости административной практики того времени; но въ той великой наукѣ управленія, которая учитъ понимать движеніе общества въ цѣломъ, судить о томъ, что происходитъ въ умахъ массъ, и предвидѣть результаты этого процесса,—въ этой наукѣ они были такими-же профанами, какъ и самъ народъ. По истинѣ, только дѣятельность свободныхъ учрежденій можетъ вполнѣ научить государственныхъ людей этой основѣ ихъ искусства.

Это хорошо видно изъ представленной Тюрго королю въ 1775 г. записки, въ которой тотъ ему совѣтовалъ, между прочимъ, повелѣть избрать свободно отъ всей націи и ежегодно созывать къ себѣ на шесть недѣль представительное собраніе, но не давать ему никакой дѣйствительной власти. Оно занималось бы только административными, но ни въ какомъ случаѣ не правительственными дѣлами,—должно было бы не столько выражать опредѣленную волю, сколько высказывать мнѣнія и, въ сущности, было-бы призвано только разсуждать о законахъ, но не издавать ихъ. „Такимъ образомъ, говорилъ онъ, королевская власть знакомилась-бы съ положеніемъ дѣлъ (serait éclairé) и не была-бы стѣснена, а общественное мнѣніе было-бы удовлетворено безъ всякой опасности. Ибо эти собранія не имѣли-бы власти воспротивиться необходимымъ мѣропріятіямъ, и если бы, сверхъ ожиданія, они не дали своего согласія, то его величество всегда могъ бы поступить по своему усмотрѣнію“. Грубѣе невозможно было ошибаться относительно значенія

предлагаемой мѣры и духа своего времени. Въ исходѣ революцій, правда, часто оказывалось возможнымъ безнаказанно дѣлать то, что предлагалъ Тюрго, и, не даруя дѣйствительныхъ вольностей, давать ихъ призракъ. Такая попытка удалась Августу. Нація, утомленная продолжительными волненіями, охотно соглашается быть обманутой, лишь бы дали ей отдохнуть, и чтобы удовлетворить ее въ такихъ случаяхъ, какъ показываетъ исторія, достаточно бываетъ собрать по всей странѣ извѣстное число темныхъ или зависимыхъ личностей и заставить ихъ играть предъ нею за жалованье роль политическаго собранія. Такихъ примѣровъ было много. Но при началѣ революціи подобныя попытки всегда оканчиваются неудачей и только возбуждаютъ народъ, не удовлетворяя его. Это извѣстно самому простому гражданину свободной страны; а Тюрго этого не зналъ, хотя и былъ великимъ администраторомъ.

И вотъ, если подумать о томъ, что французская нація, до такой степени чуждая своимъ собственнымъ дѣламъ, лишенная опыта, стѣсненная своими учрежденіями и безсильная къ улучшенію ихъ, въ то-же время была первою націей въ мірѣ по богатству своей литературы и самою горячею поклонницей изящной мысли (bel esprit), тогда не трудно будетъ понять, какимъ образомъ писатели сдѣлались въ ея средѣ политической силой, а затѣмъ и первою изъ всѣхъ политическихъ силъ.

Въ Англіи политическихъ писателей нельзя было отдѣлить отъ государственныхъ дѣятелей: первые вводили въ практику новыя идеи, а послѣдніе исправляли и ограничивали теоріи съ помощью фактовъ; во Франціи-же политическій міръ какъ бы распадался на двѣ отдѣльныя области, не имѣвшія никакихъ сношеній между собою. Въ одной изъ нихъ управляли; въ другой — устанавливали отвлеченные принципы, на которыхъ должно было бы основываться управленіе. Тамъ принимали конкретныя мѣры, указываемыя рутиной; здѣсь провозглашали общія правила, никогда не думая о средствахъ къ ихъ примѣненію: одни руководили дѣлами, другіе управляли умами.

Такимъ образомъ надъ реальнымъ обществомъ, строй ко-

тораго былъ еще традиціоннымъ, запутаннымъ и безпорядочнымъ, гдѣ законы оставались пестрыми и противорѣчивыми, званія рѣзко разграниченными, сословія установленными неподвижно, а повинности неравномѣрными,—мало-помалу созидалось воображаемое общество, въ которомъ все казалось такимъ простымъ и стройнымъ, однороднымъ, справедливымъ и разумнымъ.

Воображеніе толпы постепенно отвернулось отъ перваго и обратилось ко второму. Люди перестали интересоваться дѣйствительностью, чтобы мечтать о томъ, что могло бы быть, и стали жить мысленно въ этомъ идеальномъ обществѣ, созданномъ писателями.

Нашу революцію нерѣдко считали плодомъ американской; и дѣйствительно, послѣднял имѣла большое вліяніе на французскую революцію; но вліяніемъ этимъ она была обязана не столько тому, что дѣлали тогда въ Соединенныхъ Штатахъ, сколько тому, что думали въ то-же самое время во Франціи. Тогда какъ для остальной Европы американская революція была еще не болѣе, какъ новымъ и страннымъ фактомъ, у насъ она дѣлала лишь болѣе ощутительнымъ и замѣтнымъ то, что уже, казалось, знали. Тамъ она возбуждала изумленіе; здѣсь она окончательно убѣждала. Американцы какъ будто только осуществляли замыслы нашихъ писателей: они давали плоть и кровь тому, о чемъ мы еще только мечтали во Франціи. Это было похоже на то, какъ если-бы Фенелонъ вдругъ очутился въ Салентѣ.

То обстоятельство, что все политическое воспитаніе великаго народа было цѣликомъ выполнено литераторами,—обстоятельство совершенно новое въ исторіи,—было едва-ли не главною причиной, сообщившею французской Революціи ея особый духъ и приведшею ее къ тѣмъ результатамъ, которые мы видимъ.

Писатели дали не только свои идеи народу, совершившему ее; они сообщили ему также свой темпераментъ и свое настроеніе. Подъ ихъ продолжительнымъ вліяніемъ, не имѣя другихъ руководителей, среди глубокаго невѣдѣнія практики, вся нація, читая ихъ, въ концѣ концовъ усвоила себѣ инстинкты, складъ ума, вкусы и даже причуды, свойственные людямъ пера; такъ что, когда ей, наконецъ, пришлось дѣйствовать, она перенесла въ политику всѣ привычки литературы.

При изученіи исторіи нашей Революціи видно, что она была ведена точно въ томъ же духѣ, который побудилъ написать столько отвлеченныхъ произведеній о правительствѣ. Мы встрѣчаемъ въ ней то же влеченіе къ общимъ теоріямъ, тѣ-же законченныя системы законодательства, и ту же тщательную симметрію въ законахъ; то же пренебреженіе къ существующимъ фактамъ; то же довѣріе къ теоріи; ту же любовь ко всему оригинальному, остроумному и новому въ учрежденіяхъ; то же желаніе передѣлать сразу весь политическій строй согласно правиламъ логики и по одному общему плану, вмѣсто того чтобы стараться улучшить его по частямъ. Ужасное зрѣлище! потому что достоинство въ писателѣ иногда бываетъ порокомъ въ государственномъ человѣкѣ, и тѣ же самыя условія, подъ вліяніемъ которыхъ нерѣдко писались прекрасныя книги, могутъ вести къ великимъ переворотамъ.

Даже политическій языкъ того времени позаимствовалъ кое-что у языка писателей: онъ наполнился общими выраженіями, отвлеченными терминами, смѣлыми изреченіями, литературными оборотами. Этотъ стиль, благодаря политическимъ страстямъ, языкомъ которыхъ онъ былъ, проникъ во всѣ классы общества и съ удивительной легкостью былъ усвоенъ даже послѣдними изъ нихъ. Еще задолго до Революціи въ эдиктахъ короля Людовика XVI часто говорится о естественныхъ законахъ и о правахъ человѣка. Мнѣ попадались жалобы крестьянъ, которые въ этихъ документахъ называютъ сосѣдей согражданами, интенданта — почтеннымъ сановникомъ, приходскаго священника — служителемъ алтаря, а Господа Бога—Верховнымъ Существомъ, и которымъ недостаетъ только знанія орѳографіи, чтобы сдѣлаться довольно бойкими писателями.

Эти новыя свойства такъ прочно укоренились среди старыхъ чертъ французскаго характера, что нашему психическому строю часто приписывалось то, что было лишь послѣдствіемъ этого особеннаго воспитанія. Я слышалъ мнѣніе, буд-

то склонность или, скорѣе, терпѣніе, обнаруживаемыя нами, вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ, по отношенію къ общимъ идеямъ, къ системамъ и громкимъ словамъ въ области политики, объясняются какими то особенными свойствами, присущими нашей расѣ,—тѣмъ, что нѣсколько напыщенно называютъ *французскимъ духомъ*,—какъ будто эти мнимыя особенности могли оставаться скрытыми въ теченіе всей предшествующей нашей исторіи и внезапно проявиться въ концѣ прошлаго столѣтія.

Странно то, что мы удержали привычки, заимствованныя у литературы, утративъ почти совершенно свою былую любовь къ ней. Въ продолженіе своей общественной жизни я не разъ удивлялся, встрѣчая людей, которые врядъ ли читали книги XVIII-го, да и какого бы то ни было иного вѣка: они питали большое презрѣніе къ писателямъ, но отлично сохранили нѣкоторые изъ самыхъ главныхъ недостатковъ, обнаруженныхъ литературнымъ духомъ еще въ то время, когда этихъ людей не было на свѣтѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Какимъ образомъ невѣріе могло стать общею и преобладающею страстью у французовъ XVIII в., и каково было вліяніе, оказанное этимъ на характеръ Революціи.

Со времени великаго переворота XVI в., когда духъ изслѣдованія сдѣлалъ попытку разобраться въ различныхъ преданіяхъ христіанства и отдѣлить въ нихъ истинныя отъ ложныхъ, никогда не переставали появляться пытливые или смѣлые умы, всецѣло признававшіе или отвергавшіе эти преданія. Тотъ-же самый духъ, который въ эпоху Лютера заставилъ милліоны католиковъ покинуть католицизмъ, ежегодно похищалъ порознь нѣсколькихъ христіанъ изъ лона самаго христіанства: за ересью послѣдовало невѣріе.

Вообще говоря, въ XVIII в. христіанство утратило на всемъ материкѣ Европы значительную долю своего господства; но въ большинствѣ странъ его лишь отвергали, не подвергая его ожесточеннымъ нападкамъ, и даже тѣ, которые покидали его, дѣлали это какъ бы съ сожалѣніемъ. Невѣріе было распространено среди государей и передовыхъ умовъ (beaux-esprits), почти не проникая еще въ среду среднихъ классовъ и простонародья; оно оставалось прихотью нѣкоторыхъ умовъ, но не было общимъ мнѣніемъ. „Въ Германіи вообще распространено ошибочное убѣжденіе, говорилъ Мирабо въ 1787 г., будто прусскія провинціи наполнены атеистами. На самомъ дѣлѣ, если тамъ и попадаются иногда вольнодумцы, то народъ такъ же преданъ вѣрѣ, какъ въ самыхъ набожныхъ странахъ, и даже насчитывается большое число фанатиковъ“. Далѣе онъ выражаетъ сожалѣніе по поводу того, что Фридрихъ II не разрѣшаетъ католическимъ священникамъ вступать въ бракъ, и, въ особенности, — что онъ отказывается оставлять тѣмъ, которые женятся, доходы съ ихъ церковныхъ бенефицій, „что, смѣемъ думать, было бы мѣрой, достойной этого великаго человѣка“, — прибавляетъ Мирабо. Нигдѣ, кромѣ Франціи, невѣріе еще не успѣло сдѣлаться всеобщей, пламенной, нетерпимой и тираннической страстью.

А во Франціи происходило нѣчто еще не бывалое. И въ другія времена дѣлались горячія нападенія на установленныя религіи; но ожесточеніе, проявленное противъ нихъ, всегда порождалось рвеніемъ, внушаемымъ новыми религіями. Ложныя и отвратительныя религіи древности,— и тѣ пріобрѣли многочисленныхъ и страстныхъ противниковъ тогда лишь, когда на смѣну имъ явилось христіанство; до тѣхъ поръ они угасали медленно и безшумно среди скептицизма и равнодушія: это—старческая смерть религіи. Во Франціи на христіанство нападали съ какою-то яростью, не пытаясь даже поставить на его мѣсто другую религію. Горячо и упорно добивались того, чтобы отнять у сердецъ наполнявшую ихъ вѣру, и оставляли ихъ пустыми. Множество людей воодушевлялось этой неблагодарной задачей. Абсолютное невѣріе въ области религіи, такъ сильно противорѣчащее естественнымъ влеченіямъ человѣка и повергающее его душу въ такое тягостное состояніе, казалось привлекательнымъ толпѣ. То самое, что доселѣ вело только къ нѣкоторому болѣзненному томленію, на этотъ разъ породило фанатизмъ и духъ пропаганды.

Одновременное появленіе нѣсколькихъ великихъ писателей, склонныхъ отрицать истины христіанской вѣры, не кажется намъ достаточнымъ объясненіемъ такого необычайнаго факта: почему же эти писатели, всѣ безъ исключенія, направили свою мысль именно въ эту сторону, а не въ какую-либо другую? Почему между ними не нашлось ни одного такого, которому бы вздумалось избрать противоположный тезисъ? И, наконецъ, почему они встрѣтили со стороны толпы такое полное вниманіе къ своимъ рѣчамъ и такую готовность вѣрить имъ, какія никогда не выпадали на долю ихъ предшественниковъ? Ихъ предпріятіе и, въ особенности, его успѣхъ могутъ быть объяснены лишь исключительными особенностями той эпохи и той страны, когда и гдѣ дѣйствовали эти писатели. Вольтеровскій духъ давно народился въ мірѣ; но самъ Вольтеръ могъ царить, по истинѣ, только во Франціи XVIII вѣка.

Признаемъ прежде всего, что церковь во Франціи имѣла ничуть не больше темныхъ сторонъ, чѣмъ въ другихъ странахъ; напротивъ, пороки и злоупотребленія, привитыя къ ней, были менѣе значительны, чѣмъ въ большинствѣ католическихъ странъ; она отличалась несравненно большею терпимостью, чѣмъ прежде и чѣмъ церкви другихъ народовъ еще въ это время. Такимъ образомъ, особыхъ причинъ разсматриваемаго явленія должно искать не столько въ состояніи религіи, сколько въ состояніи общества.

Чтобы понять это явленіе, не слѣдуетъ ни на минуту упускать изъ виду сказанное мною въ предыдущей главѣ, а именно: что духъ политической оппозиціи, порождаемый пороками правительства, не имѣя возможности проявляться въ дѣлахъ, весь укрылся въ литературу, и писатели стали истинными вождями той великой партіи, которая стремилась опрокинуть всѣ соціальныя и политическія учрежденія страны.

Разъ это хорошо понято, постановка вопроса измѣняется. Теперь уже рѣчь не о томъ, въ чемъ тогдашняя церковь могла грѣшить, какъ учрежденіе религіозное, а о томъ, въ чемъ она служила препятствіемъ подготовлявшейся политической революціи, препятствіемъ, особенно стѣснительнымъ для писателей, которые были главными піонерами этой революціи.

Церковь, самыми принципами своего управленія, являлась препятствіемъ для тѣхъ, кому писатели хотѣли доставить преобладаніе въ управленіи гражданскомъ. Она опиралась главнымъ образомъ на преданіе; они, напротивъ, проповѣдывали полное презрѣніе ко всѣмъ учрежденіямъ, основывающимся на уваженіи къ прошлому; она признавала авторитетъ высшій, нежели индивидуальный разумъ; они аппеллировали только къ этому послѣднему; она опиралась на іерархію, они стремились къ смѣшенію сословій. Для того, чтобы возможно было соглашеніе, необходимо было бы обѣимъ сторонамъ признать, что общество политическое и общество религіозное, будучи существенно различны по природѣ, не могутъ управляться однородными принципами; но до этого было далеко, и для того, чтобы добраться до государственныхъ учрежденій, казалось необходимымъ разрушить учрежденія церковныя, служившія имъ основаніемъ и образцомъ.

Притомъ, церковь сама являлась въ то время первою изъ политическихъ силъ, а также и самой ненавистною, хотя и не была тираничнѣе другихъ; она возбуждала ненависть тѣмъ, что пристала къ нимъ, не будучи призвана къ этому ни своими задачами, ни своею природой, что она часто освящала въ нихъ такіе пороки, которые порицала въ другихъ случаяхъ, что она прикрывала ихъ своей священной неприкосновенностью и, казалось, хотѣла сдѣлать ихъ такими же безсмертными, какъ сама она. Все это рождало увѣренность, что вооружиться противъ нея значитъ сразу попасть въ тонъ народной страсти.

Но, кромѣ этихъ общихъ причинъ, у писателей были также болѣе частные, и, такъ сказать, личные мотивы приняться прежде всего за нее. Церковь представляла собою именно ту часть правительства, которая была наиболѣе къ нимъ близка и непосредственно имъ враждебна. Другія власти давали себя чувствовать писателямъ лишь временами; но церковь, спеціальною обязанностью которой было слѣдить за движеніями мысли и подвергать цензурѣ литературныя произведенія, досаждала имъ ежедневно. Защищая противъ нея вообще свободу человѣческаго разума, они сражались за свое собственное дѣло и начинали съ разрушенія тѣхъ путъ, которыя наиболѣе стѣсняли ихъ самихъ.

Притомъ, церковь казалась имъ и дѣйствительно была наиболѣе открытою и наименѣе защищенною стороной во всемъ обширномъ зданіи, на которое они нападали. Ея могущество ослабѣвало въ то-же самое время, когда упрочивалась власть свѣтскихъ государей. Послѣ своего надъ ними главенства и, затѣмъ, равенства съ ними, она вынуждена была стать подъ ихъ покровительство; между ними и ею установилось нѣчто въ родѣ обмѣна услугъ: они поддерживали ее своей матеріальной силой, а она сообщала имъ свой нравственный авторитетъ; они заставляли повиноваться ея предписаніямъ, а она заставляла уважать ихъ волю: сдѣлка опасная, когда приближаются времена революціи, и всегда невыгодная для той власти, которая опирается не на принужденіе, а на вѣрованіе.

Хотя французскіе короли и назывались еще старшими сынами церкви, однако они очень небрежно выполняли свои обязательства въ отношеніи къ ней; въ покровительство ей они вкладывали гораздо меньше усердія, чѣмъ въ защиту собственнаго управленія. Правда, они не позволили-бы поднять на нее руку, но не препятствовали поражать ее издали тысячами стрѣлъ.

Этотъ полу-запретъ, наложенный въ то время на враговъ церкви, не ослабилъ, а, напротивъ, усилилъ ихъ. Бываютъ моменты, когда угнетеніемъ писателей удается остановить движеніе мысли, въ другихъ случаяхъ оно ускоряетъ это движеніе; но никогда не было примѣра, чтобы полицейскія мѣры, подобныя практиковавшимся тогда относительно печати, не удесятерили ея могущества.

Авторы были преслѣдуемы лишь въ той мѣрѣ, которая возбуждаетъ жалость, но не въ той, которая заставляетъ трепетать; они испытывали тотъ родъ стѣсненія, который воодушевляетъ на борьбу, а не тотъ тяжкій гнетъ, который подавляетъ. Преслѣдованія, предметомъ которыхъ они были, почти всегда медлительныя, шумныя и напрасныя, казалось, имѣли цѣлью не отклонить ихъ отъ литературной дѣятельности, а напротивъ,—поощрить къ ней. Полная свобода печати была бы менѣе убыточна для церкви.

„Вы полагаете, писалъ Дидро Давиду Юму въ 1768 г., что наша нетерпимость болѣе благопріятна для умственнаго прогресса, чѣмъ ваша безграничная свобода; Гольбахъ, Гельвецій, Мореллэ и Сюаръ думаютъ иначе“. Однако, шотландецъ былъ правъ. Будучи жителемъ свободной страны, онъ обладалъ ея опытностью; Дидро судилъ о дѣлѣ какъ литераторъ, Юмъ—какъ политикъ.

Если я остановлю перваго встрѣчнаго американца,—все равно, въ его ли отечествѣ или въ другой странѣ,—и спрошу его, считаетъ ли онъ религію полезной для устойчивости законовъ и общественнаго порядка, то онъ, не колеблясь, отвѣтитъ, что общество цивилизованное и, въ особенности, свободное, не можетъ существовать безъ религіи. Почтеніе къ религіи въ такомъ обществѣ является въ его глазахъ надежнѣйшей порукой устойчивости государства и безопасности частныхъ лицъ. Это знаютъ даже наименѣе свѣдущіе въ наукѣ государственнаго управленія. Между тѣмъ, во всемъ мірѣ нѣтъ страны, въ которой самыя смѣлыя политическія доктрины философовъ XVIII в. были-бы примѣнимы въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ Америкѣ; только анти-религіозныя ученія никогда не могли въ ней добиться успѣха, несмотря на удобства безграничной свободы печати.

То-же самое скажу и объ англичанахъ. Наша антирелигіозная философія проповѣдывалась у нихъ раньше даже, чѣмъ большинство нашихъ философовъ появилось на свѣтъ: не кто иной, какъ Болингброкъ довершилъ философское развитіе Вольтера. Въ теченіе всего XVIII вѣка невѣріе имѣло въ Англіи знаменитыхъ представителей. Поборниками его выступили искусные писатели, глубокіе мыслители; но они никогда не могли доставить ему торжества, какъ во Франціи, потому что всѣ тѣ, кому было чего опасаться въ революціяхъ, спѣшили придти на помощь установленнымъ вѣрованіямъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые наиболѣе освоились съ французскимъ обществомъ того времени и не считали доктринъ нашихъ философовъ ложными, отвергали ихъ, какъ опасныя. Большія политическія партіи, какъ это сплошь да рядомъ случается у свободныхъ народовъ, находили для себя выгоднымъ связать свое дѣло съ дѣломъ церкви, и самъ Болингброкъ сдѣлался союзникомъ епископовъ. Духовенство,

воодушевляемое этими примѣрами, и не чувствуя себя одинокимъ, само энергично вступило на борьбу за собственное дѣло. Англійская церковь, несмотря на основной недостатокъ своего строя и на всевозможныя злоупотребленія, кишѣвшія въ ея нѣдрахъ, побѣдоносно выдержала ударъ; изъ ея рядовъ вышли писатели, ораторы, и съ жаромъ устремились на защиту христіанства. Теоріи, враждебныя послѣднему, подверглись сперва разбору и осужденію и, наконецъ, были отвергнуты усиліемъ самого общества, безъ всякаго правительственнаго вмѣшательства.

Но къ чему искать примѣровъ внѣ Франціи? Какой французъ подписался бы теперь подъ произведеніями Дидро и Гельвеція? Кто пожелалъ бы ихъ читать? Я готовъ почти спросить: кто знаетъ ихъ злглавія? Даже той неполной опытности, которую мы пріобрѣли за послѣдніе шестьдесятъ лѣтъ въ политической жизни, было достаточно, чтобы оттолкнуть насъ отъ этой опасной литературы. Посмотрите, какъ уваженіе къ религіи постепенно возстановило свою власть въ различныхъ классахъ общества, по мѣрѣ того, какъ каждый изъ нихъ пріобрѣталъ этотъ опытъ въ суровой школѣ революціи. Старое дворянство, бывшее самымъ невѣрующимъ классомъ до 89 года, сдѣлалось самымъ набожнымъ послѣ 93-го. Оно первое было поражено, и первое-же обратилось. Когда сама буржуазія почувствовала себя поколебленной въ своемъ торжествѣ,—и она, въ свою очередь, стала возвращаться къ религіознымъ вѣрованіямъ. Мало-по-малу почтеніе къ религіи проникло повсюду, гдѣ у людей было что терять въ народныхъ безпорядкахъ, и невѣріе исчезло или, по крайней мѣрѣ, стало прятаться, по мѣрѣ того, какъ выступала наружу боязнь революцій.

Не такъ было при концѣ Стараго порядка. Мы до такой степени отвыкли отъ участія въ великихъ человѣческихъ дѣлахъ и такъ плохо знали ту роль, которую играетъ религія въ управленіи государствами, что невѣріе утвердилось прежде всего въ умахъ тѣхъ именно людей, для которыхъ являлось наиболѣе личнымъ и настоятельнымъ интересомъ удержать государство въ порядкѣ, а народъ—въ повиновеніи. Они не только усвоили невѣріе, но и распространили

его отъ себя внизъ; они сдѣлали изъ него особаго рода развлеченіе въ своей праздной жизни.

Французская церковь, доселѣ богатая великими ораторами, онѣмѣла, когда почувствовала себя покинутою всѣми, кого долженъ былъ связать съ нею общій интересъ. Одно время можно было подумать, что она примирилась бы съ осужденіемъ своихъ вѣрованій, только бы ей оставили ея богатства и ея положеніе въ государствѣ (son rang).

Такъ какъ отрицатели христіанства возвышали голосъ, а продолжавшіе еще вѣровать хранили молчаніе,—случилось то, что впослѣдствіи такъ часто можно было наблюдать у насъ, не только въ области религіи, но и во всѣхъ другихъ сферахъ: люди, сохранившіе древнюю вѣру, опасались оказаться одинокими, если-бы остались вѣрными ей, и потому, боясь отчужденности больше, чѣмъ ззблужденія, присоединялись къ толпѣ, хотя и не мыслили согласно съ нею. Такимъ образомъ, то, что было еще лишь чувствомъ нѣкоторой части націи, показалось общимъ мнѣніемъ, и съ тѣхъ поръ являлось чѣмъ то неотразимымъ даже въ глазахъ тѣхъ людей, благодаря которымъ образовалось это ложное представленіе.

Тотъ фактъ, что всѣ религіозныя вѣрованія были совершенно дискредитированы въ концѣ прошлаго вѣка, безъ всякаго сомнѣнія, оказалъ величайшее вліяніе на всю нашу Революцію; онъ опредѣлилъ ея характеръ; ничто въ бо́льшей степени не способствовало ей получить тотъ страшный видъ, въ которомъ она явилась міру.

Стараясь разобраться въ различныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ привело тогда невѣріе во Франціи, я нахожу, что къ такимъ удивительнымъ крайностямъ оно привело людей того времени скорѣе смутой, которую внесло въ умы, чѣмъ порчею сердецъ и тѣмъ болѣе—развращеніемъ нравовъ.

Покинувъ души, религія не оставила ихъ пустыми и ослабленными, какъ это часто бываетъ; онѣ тотчасъ же наполнились такими чувствами и идеями, которыя на нѣкоторое время замѣнили ее и не дали имъ опуститься.

Если тѣ французы, которые совершили Революцію, были скептичнѣе насъ въ дѣлѣ религіи, то у нихъ оставалось, по крайней мѣрѣ, одно чудное вѣрованіе, недостающее намъ,

а именно,—вѣра въ себя. Они не сомнѣвались въ способности къ самосовершенствованію, въ могуществѣ человѣка; они страстно воодушевлялись мыслью о его словѣ, они вѣрили въ добродѣтель. Они влагали въ свои собственныя силы эту гордую увѣренность, нерѣдко, ведущую къ ошибкамъ, но безъ которой народъ способенъ быть только рабомъ; они ни на минуту не сомнѣвались въ своемъ призваніи преобразовать общество и возродить человѣческій родъ. Эти чувства и страсти сдѣлались для нихъ какъ бы новою религіей, которая, творя нѣкоторыя изъ великихъ дѣйствій, наблюдавшихся въ исторіи религій, отрывала этихъ людей отъ эгоизма, толкала ихъ на героизмъ и самопожертвованіе и дѣлала ихъ какъ бы нечувствительными ко всѣмъ тѣмъ маленькимъ благамъ, которыми мы такъ дорожимъ.

Я долго изучалъ исторію, и, смѣю утверждать, я не знаю другой революціи, съ самаго начала которой такая масса людей проявила бы такой искренній патріотизмъ, столько безкорыстія, столько истиннаго величія. Здѣсь нація обнаружила главный недостатокъ, но въ то же время и главное преимущество, присущія молодости, неопытности и великодушію. Однако, при всемъ томъ, невѣріе привело тогда къ громадному общественному злу.

Въ большинствѣ великихъ политическихъ революцій, совершавшихся въ мірѣ до той поры, люди, нападавшіе на установленные законы, уважали вѣрованія, а въ большинствѣ религіозныхъ переворотовъ нападавшіе на религію не стремились въ то же самое время измѣнить природу и порядокъ всѣхъ властей и уничтожить до основанія прежній правительственный строй; такъ что среди величайшихъ потрясеній, переживавшихся обществами, всегда оставалась неподвижная точка.

Во Французской же революціи, вслѣдствіе того, что законы религіи были отмѣнены одновременно съ ниспроверженіемъ гражданскихъ законовъ, человѣческій умъ совершенно потерялъ подъ собой почву; онъ не зналъ, чего держаться и гдѣ остановиться; появились революціонеры невиданнаго типа, которые доводили смѣлость до безумія, не поражались никакими неожиданностями, не знали сомнѣній и никогда не

колебались передъ осуществленіемъ какого бы то ни было намѣренія. И не слѣдуетъ думать, будто эти новыя существа были единичными и мимолетными порожденіями извѣстнаго момента, осужденными исчезнуть вмѣстѣ съ нимъ: съ тѣхъ поръ они образовали цѣлую расу, которая размножилась и распространилась по всѣмъ частямъ цивилизованнаго міра, вездѣ сохраняя одну и ту же физіономію, однѣ и тѣ же страсти, одинъ и тотъ же характеръ. Мы застали ее при ея зарожденіи, и до сихъ поръ она у насъ передъ глазами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О Томъ, что французы стремились къ реформамъ раньше, чѣмъ стали желать вольностей.

Замѣчательно, что изъ всѣхъ идей и чувствъ, подготовившихъ Революцію, идея политеческой свободы въ собственномъ смыслѣ и любовь къ ней явились послѣдними и первыми исчезли.

Давно начало колебаться устарѣвшее зданіе правительства; оно уже шаталось, а о свободѣ еще и не думали. Вольтеръ едва помышлялъ о ней; трехлѣтнее пребываніе въ Англіи показало ему ее, но не заставило ее полюбить. Скептическая философія, свободно проповѣдываемая у англичанъ, его восхищаетъ; но ихъ политическіе законы мало трогаютъ его; онъ обращаетъ больше вниманія на ихъ недостатки, чѣмъ на достоинства. Въ письмахъ объ Англіи, представляющихъ одно изъ прекраснѣйшихъ его произведеній, онъ менѣе всего говоритъ о парламентѣ; въ сущности, онъ больше всего завидуетъ англичанамъ въ ихъ литературной свободѣ, но до политической свободы ему мало дѣла, какъ будто первая можетъ долго существовать безъ второй.

Въ половинѣ XVIII в. появляется рядъ писателей, трактующихъ спеціально вопросы государственнаго управленія, и которымъ сходства многихъ принциповъ побудило дать общее имя *экономистовъ* или *физіократовъ*. Экономисты выступили въ исторіи съ меньшимъ блескомъ, чѣмъ философы, и, мо-

жетъ быть, менѣе послѣднихъ способствовали наступленію Революціи; однако, я думаю, что именно по ихъ сочиненіямъ можно лучше всего ознакомиться съ ея истиннымъ характеромъ. Философы, можно сказать, не выходили изъ круга очень общихъ и отвлеченныхъ идей въ области управленія; экономисты же, не покидая теоріи, въ то же время спустились ближе къ фактамъ. Первые говорили, о чемъ можно было мечтать, вторые указывали порою, что дѣлать. Всѣ тѣ установленія, которыя Революціи предстояло отмѣнить безвозвратно, были спеціальнымъ предметомъ ихъ нападокъ, и ни одно не нашло у нихъ пощады. Напротивъ, всѣ тѣ установленія, которыя могутъ считаться собственно ея созданіемъ, заранѣе были ими возвѣщены и горячо превозносимы; едва-ли можно указать между ними хоть одно такое, котораго зерно не содержалось бы въ ихъ произведеніяхъ; въ нихъ можно найти все то, что составляло самую сущность Революціи.

Этого мало: въ ихъ книгагахъ уже сказывается тотъ революціонный и демократическій духъ, который намъ такъ хорошо знакомъ; они относятся враждебно не только къ тѣмъ или другимъ привилегіямъ, но и различія сами по себѣ имъ ненавистны: они готовы поклониться равенству даже въ рабствѣ. То, что мѣшаетъ имъ въ ихъ планахъ, годится, по ихъ мнѣнію, только на сломъ. Договоры внушаютъ имъ мало уваженія; частныхъ правъ они не щадятъ; вѣрнѣе говоря, по ихъ понятіямъ, частныхъ правъ совсѣмъ не существуетъ болѣе, а есть только общественная польза. Все это, впрочемъ, люди кроткихъ и спокойныхъ нравовъ, люди благомыслящіе, честныя должностныя лица, искусные администраторы; но они увлечены тѣмъ духомъ, который составляетъ особенность ихъ дѣла.

Прошедшее является для экономистовъ предметомъ безграничнаго презрѣнія. „Нація въ теченіе цѣлыхъ столѣтій управляется двумя ложными принципами: все въ ней было сдѣлано какъ будто на авось (au hasard)“,—говоритъ Летроннъ. Исходя изъ этой мысли, они и принялись за дѣло. Нѣтъ такого учрежденія, какъ бы оно ни было старо и какъ бы прочно ни коренилось оно въ нашей исторіи, отмѣны котораго они бы не требовали, если оно сколько нибудь стѣсняло ихъ и нарушало симметрію ихъ плановъ. Одинъ изъ нихъ предлагалъ сразу уничтожить всѣ древнія территоріальныя подраздѣленія и перемѣнить всѣ названія провинцій за сорокъ лѣтъ до того, какъ Учредительное собраніе осуществило это.

Экономисты уже думали обо всѣхъ соціальныхъ и административныхъ реформахъ, произведенныхъ впослѣдствіи Революціей, въ то время какъ мысль о свободныхъ учрежденіяхъ еще не начала пробиваться въ ихъ сознаніи. Правда, они очень сочувственно относятся къ свободному обмѣну жизненныхъ припасовъ, къ laisser-faire или laisser-passer въ торговлѣ и въ промышленности; но о вольностяхъ политическихъ въ собственномъ смыслѣ они совсѣмъ не думаютъ, и даже, когда послѣднія случайно представляются ихъ воображенію, они на первыхъ порахъ отталкиваютъ ихъ. Большинство экономистовъ начинаетъ съ очень враждебнаго отношенія съ совѣщательнымъ собраніямъ, къ мѣстнымъ и подчиненнымъ властямъ и, вообще, ко всѣмъ противовѣсамъ, установленнымъ въ разныя времена у свободныхъ народовъ для уравновѣшенія центральной власти. „Система противовѣсовъ въ правительствѣ, говоритъ Кенэ, есть роковая идея“.—„Соображенія, на основаніи которыхъ изобрѣли систему противовѣсовъ, химеричны“, говоритъ одинъ изъ друзей Кенэ.

Единственная гарантія, придуманная ими противъ злоупотребленій властью, есть народное образованіе; ибо,—какъ говоритъ тотъ же Кенэ: „деспотизмъ немыслимъ, если нація просвѣщена“.—„Пораженные тѣми бѣдствіями, къ которымъ ведутъ злоупотребленія правительственной власти, говоритъ другой его послѣдователь, люди придумали тысячу совершенно безполезныхъ средствъ и оставили безъ вниманія единственное дѣйствительное средство, а именно — всеобщее и постоянное публичное преподаваніе справедливости по существу и естественнаго порядка“. Вотъ такою то литературной галиматьей они думаютъ замѣнить всѣ политическія гарантіи.

Летронну, горько оплакивающему ту заброшенность, въ которой правительство оставляетъ села, рисующему ихъ намъ лишенными дорогъ, промышленности, знаній,—Летрон-

ну и въ голову не приходитъ, что все могло бы устроиться гораздо лучше, если-бы имъ было предоставлено самимъ заботиться о своихъ дѣлахъ.

Даже Тюрго, котораго величіе души и рѣдкія качества генія заставляютъ выдѣлить изъ массы экономистовъ, немногимъ сильнѣе ея желаетъ политическихъ вольностей, или, по крайней мѣрѣ, желаніе ихъ является у него поздно, уже подъ вліяніемъ общественнаго настроенія. Для него, какъ и для большинства экономистовъ, первая политическая гарантія, это—извѣстное воспитаніе, даваемое народу государствомъ по извѣстнымъ правиламъ и въ извѣстномъ духѣ. Къ такого рода интеллектуальному лѣченію или, какъ выражается одинъ изъ его современниковъ, *механизму воспитанія, соображеннаго съ принципами*, онъ питаетъ безграничное довѣріе. „Смѣю вамъ отвѣтить, Государь, — говоритъ онъ въ одной запискѣ, въ которой предлагаетъ королю подобный планъ, что черезъ десять лѣтъ ваша нація станетъ неузнаваема, и по своей образованности, добрымъ нравамъ, просвѣщенному рвенію къ службѣ вамъ и отечеству будетъ стоять безконечно выше всѣхъ другихъ народовъ. Дѣти, которымъ теперь десять лѣтъ, станутъ тогда людьми, готовыми для служенія государству, страстно преданными своей странѣ, покорными власти не изъ страха, а въ силу пониманія, скорыми на помощь своимъ согражданамъ, привыкшими признавать и уважать справедливость“.

Въ то время политическая свобода во Франціи давно уже была уничтожена, давно были совсѣмъ почти забыты ея необходимыя условія и послѣдствія. Мало того, уродливые обломки, оставшіеся еще отъ нея, и учрежденія, предназначенныя какъ будто для ея возмѣщенія, дѣлали ее подозрительною и нерѣдко давали поводъ къ предубѣжденіямъ противъ нея. Большая часть тѣхъ политическихъ собраній, которыя еще существовали, сохраняла вмѣстѣ съ обветшалыми формами средневѣковый духъ и тормозила общественный прогрессъ, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать ему; парламенты, которые одни долженствовали играть роль политическихъ корпорацій, не могли препятствовать тому злу, которое дѣлало правительство, и нерѣдко мѣшали ему въ его хорошихъ начинаніяхъ.

Экономистамъ казалось невозможнымъ осуществить съ помощью этихъ ветхихъ орудій переворотъ, который рисовался ихъ воображенію; мысль—ввѣрить исполненіе своихъ плановъ націи, которая сама стала бы себѣ госпожею,—даже прямо не нравилась имъ: какъ, въ самомъ дѣлѣ, заставить цѣлый народъ принять такую обширную и такъ тѣсно связанную въ своихъ частяхъ систему реформъ и заставить слѣдовать ей? Имъ казалось болѣе легкимъ и удобнымъ воспользоваться для своихъ цѣлей самой королевской администраціей.

Этотъ новый видъ власти не велъ своего начала отъ средневѣковыхъ учрежденій; на немъ не было ни малѣйшаго ихъ отпечатка; среди заблужденій администраціи экономисты открываютъ даже нѣкоторыя добрыя наклонности. У нея, какъ и у нихъ, есть природное расположеніе къ равенству сословій и къ однообразію нормъ. Такъ-же, какъ они, и она питаетъ глубокую ненависть ко всѣмъ старымъ властямъ, возникшимъ изъ феодализма или тяготѣющимъ къ аристократіи. Въ остальной Европѣ напрасно было-бы искать такого благоустроеннаго, обширнаго и сильнаго правительственнаго механизма; существованіе такого правительства у насъ кажется имъ необыкновенно-счастливою случайностью, которую они назвали-бы предопредѣленіемъ судьбы, еслибъ тогда было въ модѣ, какъ теперь, по всякому поводу обращаться къ помощи Провидѣнія. „Франція, говоритъ Летроннъ, находится въ несравненно-лучшемъ положеніи, нежели Англія, потому что здѣсь можно въ одно мгновеніе совершить реформы, измѣняющія все положеніе страны, тогда какъ у англичанъ такія реформы всегда могутъ быть заторможены партіями“.

Итакъ, требовалось не уничтожить эту абсолютную власть, а обратить ее на путь истины. „Необходимо, чтобы государственная власть управляла согласно законамъ естественнаго порядка, говоритъ Мерсье-де-ла-Ривьеръ, а разъ это такъ,—она должна быть всесильна“. — „Пусть государственная власть пойметъ какъ слѣдуетъ свою обязанность,—говоритъ другой, и тогда предоставьте ей свободу“. Отъ Канэ и до аббата Бодо всѣ они настроены такимъ же образомъ.

Экономисты не только разсчитываютъ на королевскую администрацію въ дѣлѣ преобразованія современнаго имъ общества, но частью и заимствуютъ у нея идею того будущаго правительства, которое хотятъ они создать. Картину послѣдняго они нарисовали себѣ, присматриваясь къ первой.

По ученію экокомистовъ, государство призвано не только начальствовать надъ націей, но и формировать ее извѣстнымъ образомъ: оно именно должно обрабатовать умы гражданъ по извѣстному образцу, начертанному имъ заранѣе; его обязанность—наполнять ихъ извѣстными идеями и сообщать ихъ сердцамъ извѣстныя чувства, которыя оно сочтетъ необходимыми. Въ сущности, нѣтъ ни предѣла его правамъ, ни границъ тому, что оно можетъ сдѣлать; оно не только подчиняетъ людей преобразованіямъ, но совершенно передѣлываетъ ихъ; пожалуй, стоитъ ему только захотѣть, чтобы сдѣлать ихъ другими. „Государство дѣлаетъ изъ людей все, что хочетъ“,—говоритъ Бодо. Эта фраза резюмируетъ всѣ ихъ теоріи.

Громадная соціальная власть, рисующаяся воображенію экономистовъ, не только обширнѣе всѣхъ тѣхъ, которыя были у нихъ передъ глазами; она, кромѣ того, отличается отъ нихъ своимъ происхожденіемъ и характеромъ. Она не истекаетъ непосредственно отъ Бога и не связана съ преданіемъ; она безлична, и имя ей уже не король, а Государство; она не составляетъ наслѣдственнаго достоянія какой-либо фамиліи; она исходитъ отъ совокупности, представляетъ всѣхъ, и должна подчинять права отдѣльнаго лица общей волѣ. Съ этой особой формой тиранніи, называемой демократическимъ деспотизмомъ, и совершенно невѣдомою среднимъ вѣкамъ, ихъ мысль уже близко освоилась. Больше не должно быть іерархіи въ обществѣ, разграниченныхъ классовъ и опредѣленныхъ званій; народъ, состоящій изъ совершенно равныхъ и чуть-что не одинаковыхъ индивидуумовъ,—эта безпорядочная масса,—признается единственнымъ законнымъ властелиномъ, тщательно лишеннымъ, однако же, всѣхъ средствъ, съ помощью которыхъ онъ могъ-бы самъ руководить своимъ правительствомъ или хотя бы только наблюдать за нимъ. Надъ этой массой—*одинъ* ея представитель, уполномоченный

дѣлать все — ея именемъ, но не спрашиваясь у нея. Для контроля надъ этимъ уполномоченнымъ — общественный разумъ, не имѣющій органовъ; для прекращенія его дѣйствій — революціи, но не законы: юридически — онъ подчиненный агентъ, фактически—господинъ.

Не видя еще вокругъ себя ничего отвѣчающаго этому идеалу, они ищутъ его въ глубинѣ Азіи. Я не впаду въ преувеличеніе, утверждая, что нѣтъ ни одного экономиста, который бы гдѣ-нибудь въ своихъ сочиненіяхъ не расточалъ восторженныхъ похвалъ Китаю. Это составляетъ необходимую принадлежность ихъ книгъ; и, такъ какъ Китай извѣстенъ еще очень мало, то они разсказываютъ о немъ всевозможный вздоръ. Это безсмысленное и варварское правительство, съ которымъ горсть европейцевъ распоряжается по своему произволу, кажется имъ совершеннѣйшимъ образцомъ, съ котораго могли-бы брать примѣръ всѣ существующія націи. Оно служитъ для нихъ тѣмъ-же, чѣмъ была впослѣдствіи Англія и, наконецъ, Америка для всѣхъ французовъ. Ихъ трогаетъ и почти восхищаетъ зрѣлище страны, монархъ которой, облеченный абсолютной властью, но свободный отъ предразсудковъ, однажды въ годъ собственноручно пашетъ землю, чтобы почтить полезныя ремесла, страны, гдѣ всѣ должности пріобрѣтаются путемъ ученыхъ конкурсовъ, гдѣ религію замѣняетъ философія, а аристократію—ученые.

Ошибочно думать, что разрушительныя теоріи, обозначаемыя въ настоящее время названіемъ соціализма, возникли недавно: на самомъ дѣлѣ онѣ существуютъ со временъ первыхъ экономистовъ. Тогда какъ послѣдніе пользовались всесильнымъ правительствомъ, созданнымъ ихъ фантазіей, для измѣненія формъ общества, первые овладѣвали мысленно тою-же властью для ниспроверженія его основъ.

Прочтите книгу Морелли: „Le Code de la nature“,—и вы найдете въ ней, вмѣстѣ съ доктринами экономистовъ о всемогуществѣ государственной власти (l'Etat) и ея неограниченныхъ правахъ, многія изъ тѣхъ политическихъ теорій, которыя наиболѣе напугали Францію въ послѣднее время, и которыя считались у насъ плодомъ современности: общ-

ность имуществъ, право на трудъ, абсолютное равенство, однообразіе во всемъ, механическую регулярность во всѣхъ дѣйствіяхъ индивидуумовъ, тиранію регламентацій и полное поглощеніе личности гражданъ обществомъ.

„Ничто въ обществѣ не будетъ принадлежать въ собственность никому въ отдѣльности“, гласитъ 1-я статья этого кодекса. „Собственность ненавистна, и тотъ, кто покуситься ее возстановить, подвергается пожизненному заключенію, какъ буйный помѣшанный и врагъ человѣчества. Средства къ жизни, развлеченія и работа будутъ доставляемы каждому гражданину на общественный счетъ“, — гласитъ статья 2-я. „Всѣ продукты будутъ собираемы въ общественныхъ складахъ, чтобы распредѣляться между всѣми гражданами и служить для потребностей ихъ жизни. Города будутъ строиться по одному плану; всѣ зданія для частныхъ лицъ будутъ похожи другъ на друга. По достиженіи пятилѣтняго возраста, всѣ дѣти будутъ отбираемы у семей и воспитываемы совмѣстно и однообразно, на счетъ государства“. Эта книга какъ будто вчера написана; но ей сто лѣтъ: она появилась въ 1775 г., въ то самое время, когда Кенэ основывалъ свою школу; до такой степени вѣрно, что централизація и соціализмъ суть продукты одной и той-же почвы; они относятся другъ къ другу, какъ культурный плодъ къ дикому.

Изъ всѣхъ людей той эпохи экономисты наименѣе показались бы анахронизмомъ въ наше время; ихъ страсть къ равенству выражена такъ рѣшительно, а любовь къ свободѣ—такъ смутно, что ихъ по ошибкѣ можно было-бы принять за современниковъ. Читая рѣчи и литературныя произведенія людей, совершившихъ Революцію, я чувствую себя сразу перенесеннымъ въ такое мѣсто и въ такую общественную среду, которыя мнѣ не знакомы; когда-же я пробѣгаю книги экономистовъ, то мнѣ кажется, что съ этими людьми я жилъ и только-что бесѣдовалъ съ ними.

Около 1750 г. нація въ цѣломъ обнаружила-бы не больше требовательности въ дѣлѣ политической свободы, чѣмъ сами экономисты, такъ какъ, утративъ ее, разучилась ее цѣнить и забыла о ней. Реформъ она желала больше, чѣмъ

правъ, и если-бы тогда на французскомъ престолѣ оказался государь такого умственнаго роста и съ такими стремленіями, какими отличался Фридрихъ Великій, то онъ, несомнѣнно, совершилъ-бы какъ въ общественномъ, такъ и въ правительственномъ строѣ многія изъ самыхъ крупныхъ перемѣнъ, произведенныхъ Революціей, и при этомъ не только не лишился бы короны, но еще значительно усилилъ-бы свою власть. Увѣряютъ, что одинъ изъ искуснѣйшихъ министровъ, какихъ имѣлъ Людовикъ XV, а именно, Машò (Machault), былъ близокъ къ этой мысли и даже сообщилъ ее своему господину; но такія предпріятія не совершаются по чужому совѣту: осуществить ихъ можетъ только тотъ, кто былъ способенъ самъ ихъ задумать.

Спустя двадцать лѣтъ было уже не такъ: образъ политической свободы открылся уму французовъ и съ каждымъ днемъ все сильнѣе влекъ ихъ къ себѣ. Это замѣтно по многимъ признакамъ. Провинціи начинаютъ испытывать желаніе снова управляться самостоятельно. Въ умы проникаетъ и овладѣваетъ ими та мысль, что весь народъ въ цѣломъ имѣетъ право принимать участіе въ управленіи собою. Оживаетъ воспоминаніе о старыхъ собраніяхъ генеральныхъ штатовъ. Нація, ненавидящая свою собственную исторію, вспоминаетъ съ удовольствіемъ только эту ея часть. Новое теченіе увлекаетъ самихъ экономистовъ и заставляетъ ихъ нарушить единство своей системы включеніемъ въ нее нѣкоторыхъ свободныхъ учрежденій.

Когда, въ 1771 г., парламенты были упразнены, та самая публика, которой столько приходилось терпѣть отъ ихъ предразсудковъ, глубоко взволновалась при видѣ ихъ паденія. Казалось, что съ ними пала послѣдняя преграда, которая могла еще сдерживать королевскій произволъ.

Эта оппозиція удивляла и возмущала Вольтера. „Почти все королевство возбуждено и находится въ смятеніи, писалъ онъ своимъ друзьямъ, въ провинціяхъ броженіе такъ-же велико, какъ въ самомъ Парижѣ. Между тѣмъ, мнѣ кажется, что эдиктъ полонъ полезныхъ реформъ. Уничтожить продажность должностей, сдѣлать правосудіе безвозмезднымъ, положить конецъ путешествіямъ истцовъ съ окраинъ коро-

левства въ Парижъ, гдѣ ихъ ждетъ разореніе, возложить на короля содержаніе вотчинныхъ судовъ, — развѣ это не значитъ оказать великія услуги націи? Притомъ развѣ эти парламенты не являлись часто гонителями и варварами? Право, меня удивляетъ, какъ французы могли принять сторону этихъ дерзкихъ и непослушныхъ мѣщанъ. Я думаю, что король правъ, и такъ какъ все равно приходится кому-нибудь служить, то, по моему, ужъ лучше служить подъ властью льва изъ хорошей фамиліи, который и отъ рожденія гораздо сильнѣе меня, чѣмъ подъ началомъ двухсотъ крысъ моей породы". И въ видѣ извиненія онъ прибавляетъ: „Примите во вниманіе, что я долженъ безконечно цѣнить ту милость, которую король оказалъ всѣмъ владѣльцамъ помѣстій, взявъ на себя содержаніе ихъ судовъ".

Вольтеръ, долго не бывшій въ Парижѣ, думалъ, что настроеніе общества осталось такимъ-же, какимъ онъ его оставилъ, уѣзжая. Но онъ ошибался. Французы уже не ограничивались желаніемъ, чтобы дѣла ихъ велись болѣе удовлетворительно: они начинали испытывать желаніе вести ихъ сами, и ясно было, что великій переворотъ, подготовлявшійся всѣмъ ходомъ вещей, будетъ совершенъ не только съ согласія народа, но самимъ народомъ.

Я думаю, что съ той минуты становился неизбѣжнымъ этотъ радикальный переворотъ, долженствовавшій положить конецъ существованію Стараго порядка со всѣмъ, что въ немъ было дурного и хорошаго, безразлично. Народъ, такъ плохо подготовленный къ самостоятельной дѣятельности, рѣшившись преобразовать все сразу, необходимо долженъ былъ все разрушить. Абсолютный монархъ былъ бы менѣе опаснымъ новаторомъ. Размышляя о томъ, что эта революція, уничтоживъ столько учрежденій, понятій и привычекъ, враждебныхъ свободѣ, въ то-же время разрушила и такія, безъ которыхъ свобода едва-ли можетъ существовать, — я, съ своей стороны, склоняюсь къ мысли, что, будучи совершена деспотомъ, революція эта, можетъ быть не оставила бы насъ настолько неспособными сдѣлаться со временемъ свободною націей, какими мы стали послѣ революціи, совершенной во имя народнаго верховенства и самимъ народомъ.

Предшествующаго никогда не долженъ упускать изъ виду тотъ, кто хочетъ понять исторію французской революціи.

Къ тому времени, когда у французовъ пробудилась любовь къ политической свободѣ, они уже усвоили себѣ, по вопросамъ государственнаго управленія, цѣлый рядъ такихъ понятій, которыя не только не согласовались легко съ существованіемъ свободныхъ учрежденій, но были почти враждебны имъ.

Они признали идеальнымъ такой общественный строй, при которомъ нѣтъ другой аристократіи, кромѣ чиновничества, при которомъ единая и всесильная администрація правитъ государствомъ и опекаетъ частныхъ лицъ. Желая быть свободными, они и не думали отказываться отъ этой исходной идеи, а пытались только примирить ее съ идеей свободы.

Соотвѣтственно этому они задумали совмѣстить безграничную административную централизацію съ преобладаніемъ законодательнаго собранія,—администрацію чиновничества съ правительствомъ избирателей. Нація, какъ цѣлое, получала всѣ права верховной власти, но каждый гражданинъ въ частности подчинялся самой гнетущей зависимости: отъ первой требовали опытности и доблестей свободнаго народа, а отъ второго—качествъ хорошаго слуги.

Это желаніе ввести политическую свободу въ кругъ такихъ учрежденій и понятій, которыя были чужды и враждебны ей, но къ которымъ мы уже привыкли или заранѣе прониклись расположеніемъ,—это желаніе и привело, въ теченіе шестидесяти лѣтъ, къ столькимъ тщетнымъ попыткамъ установить конституціонное правленіе, попыткамъ, сопровождавшимся такими пагубными революціями,—пока, наконецъ, утомившись отъ всѣхъ этихъ усилій, охладѣвъ въ такой тяжолой и безплодной работѣ и отказавшись отъ второй своей цѣли, чтобы возвратиться къ первой, множество французовъ примирилось съ мыслью, что пользоваться равенствомъ подъ властью одного повелителя, въ концѣ концовъ, имѣетъ свою прелесть. Вотъ какимъ образомъ вышло, что мы теперь несравненно больше похожи на экономистовъ 1750 г., чѣмъ на нашихъ дѣдовъ 1789 г.

Я часто спрашивалъ себя: гдѣ источникъ этой страсти къ политической свободѣ,—страсти, подъ вліяніемъ которой люди во всѣ врдмена совершали величайшія изъ дѣяній, выполненныхъ человѣчествомъ? въ какихъ чувствахъ она коренится и чѣмъ поддерживается?

Я вижу, что народы, которыми плохо управляютъ, легко начинаютъ желать самоуправленія; но подобная любовь къ независимости, порождаемая лишь извѣстными частными и временными бѣдствіями, вызванными деспотизмомъ, никогда не бываетъ прочна: она проходитъ съ исчезновеніемъ того повода, который вызвалъ ее къ жизни; только казалось, что люди любятъ свободу; на самомъ дѣлѣ они лишь ненавидѣли своего господина. Народы, созданные для свободы, ненавидятъ какъ зло самую зависимость.

Не думаю также, чтобы истинная любовь къ свободѣ когда-либо порождалась однимъ лишь зрѣлищемъ доставляемыхъ ею матеріальныхъ благъ; потому что зрѣлище это нерѣдко затемняется. Несомнѣнно, что съ теченіемъ времени свобода умѣющимъ ее сохранить всегда даетъ довольство, благосостояніе, а часто и богатство; но бываютъ періоды, когда она временно нарушаетъ пользованіе этими благами; бываютъ и такіе моменты, когда одинъ деспотизмъ способенъ доставить мимолетное пользованіе ими. Люди, цѣнящіе въ ней только эти блага, никогда не могли удержать ее надолго.

Что во всѣ времена такъ сильно привязывало къ ней сердца нѣкоторыхъ людей, это—ея непосредственныя преимущества, ея собственныя прелести, независимо отъ приносимыхъ ею благодѣяній; это—наслажденіе, заключающееся въ правѣ говорить, дѣйствовать, дышать безъ стѣсненій, повинуясь только Богу и законамъ. Кто ищетъ въ свободѣ чего-либо другого, а не ея самой, тотъ созданъ для рабства.

Нѣкоторые народы упорно стремятся къ ней, несмотря на всѣ опасности и бѣдствія, преграждающія имъ путь. Это значитъ, что они любятъ въ ней не тѣ матеріальныя блага, которыя она имъ даетъ: они видятъ въ ней самой такое драгоцѣнное и необходимое благо, въ утратѣ котораго ничто не могло бы ихъ утѣшить, и обладаніе которымъ вознаграждаетъ ихъ за все. Другіе утомляются ею посреди своего благополучія и безъ сопротивленія даютъ вырвать ее у себя изъ рукъ, боясь повредить какимъ-либо усиліемъ тому благосостоянію, которымъ ей же обязаны. Чего недостаетъ этимъ послѣднимъ, чтобы остаться свободными? Имъ недостаетъ одного: желанія быть свободными. Не требуйте отъ меня анализа этого возвышеннаго чувства: его надо испытать. Оно само входитъ въ тѣ великія души, которыя Господь приготовилъ для его воспріятія; оно ими овладѣваетъ и воспламеняетъ ихъ.

Безполезно объяснить его мелкимъ душамъ, никогда не знавшимъ его.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О томъ, что царствованіе Людовика XVI было наиболѣе благополучною эпохою старой монархіи, и какимъ образомъ именно это благополучіе приблизило Революцію.

Не подлежитъ сомнѣнію, что силы королевства при Людовикѣ XIV начали истощаться въ то самое время, когда этотъ государь еще праздновалъ свои побѣды во всей Европѣ. Первые симптомы истощенія стали обнаруживаться въ самые блестящіе годы царствованія. Франція была разорена задолго до того, какъ перестала одерживать побѣды. Кто ни читалъ наводящаго ужасъ „опыта административной статистики“, оставленнаго намъ Вобаномъ? Интенданты въ запискахъ, которыя они представляютъ герцогу Бургундскому въ концѣ XVII в.,—слѣд., даже раньше, чѣмъ началась несчастная война за испанское наслѣдство,—всѣ намекаютъ на возрастающій національный упадокъ и говорятъ о немъ отнюдь не какъ о фактѣ особенно новомъ. „Въ этой губерніи (généralité) населеніе за послѣдніе годы сильно уменьшилось“, говоритъ одинъ изъ нихъ. Этотъ городъ, нѣкогда богатый и цвѣтущій, въ настоящее время лишенъ промышленности“, говоритъ другой. Третій пишетъ: „Въ провинціи существовали мануфактуры, но теперь онѣ заброшены“. Четвертый:

„Когда-то жители получали со своихъ земель гораздо большій доходъ, чѣмъ теперь; двадцать лѣтъ назадъ земледѣліе было у нихъ въ несравненно болѣе цвѣтущемъ состояніи". --„За послѣднія тридцать лѣтъ, или около того, народонаселеніе и производство уменьшились на одну пятую часть",— говорилъ тогда-же одинъ орлеанскій интендантъ. Чтеніе этихъ записокъ слѣдовало-бы рекомендовать частнымъ лицамъ, восхваляющимъ неограниченный образъ правленія, и государямъ, любящимъ войны.

Такъ какъ эти бѣдственныя явленія имѣли своимъ главнымъ источникомъ недостатки государственнаго строя, то смерть Людовика XIV и даже самый миръ не могли воскресить общественнаго благосостоянія. Всѣ, писавшіе въ первой половинѣ XVIII в. объ администраціи или о политической экономіи, раздѣляли то мнѣніе, что положеніе провинцій не улучшается; многіе полагали даже, что онѣ продолжаютъ разоряться. Одинъ Парижъ, по ихъ словамъ, богатѣетъ и растетъ. И въ этомъ случаѣ съ писателями соглашались интенданты, бывшіе министры и дѣловые люди.

Признаюсь, мнѣ не вѣрится, чтобы Франція непрерывно клонилась къ упадку въ теченіе первой половины XVIII вѣка. Но общераспространенность этого мнѣнія, раздѣляемаго, притомъ, людьми, такъ хорошо освѣдомленными, доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что тогда не было замѣтнаго движенія впередъ. Всѣ относящіяся къ этой эпохѣ нашей исторіи административные документы, какіе мнѣ случалось видѣть, дѣйствительно отмѣчаютъ въ средѣ общества родъ летаргическаго сна. Правительство продолжаетъ вращаться въ кругу отжившей рутины, не создавая ничего новаго, города совсѣмъ почти не заботятся о томъ, чтобы сдѣлать существованіе своихъ жителей болѣе удобнымъ и гигіеничнымъ; даже частныя лица не затѣваютъ какихъ-либо значительныхъ предпріятій.

Картина начинаетъ измѣняться приблизительно лѣтъ за тридцать или за сорокъ предъ взрывомъ Революціи; въ это время во всѣхъ частяхъ общественнаго организма какъ будто обнаруживается какой-то внутренній трепетъ, котораго раньше совсѣмъ не замѣчали. На первыхъ порахъ удается

его распознать лишь при очень внимательномъ изслѣдованіи, но постепенно онъ становится все болѣе характернымъ, все болѣе яснымъ. Съ каждымъ годомъ движеніе это растетъ и ускоряется; наконецъ, оно охватываетъ всю націю, и она какъ будто оживаетъ. Берегитесь! къ ней возвратилась не старая ея жизнь: новый духъ привелъ въ движеніе это громадное тѣло; онъ на мгновеніе воскресилъ его затѣмъ лишь, чтобы привести его къ разложенію.

Каждаго начинаетъ волновать недовольство своимъ положеніемъ, каждый усиливается измѣнить его, всѣ ищутъ лучшей доли; но это—нетерпѣливые и скорбные поиски, заставляющіе проклинать прошедшее и мечтать о порядкѣ вещей, противоположномъ данному.

Этотъ духъ вскорѣ проникаетъ въ среду самого правительства, и, ничего не измѣняя въ немъ извнѣ, преобразуетъ его внутренно; законы остаются тѣ же, но ихъ иначе примѣняютъ.

Выше я сказалъ, что интенданты и генеральные контролеры въ 1740 г. были совершенно не таковы, какъ въ 1780 году. Административная переписка подтверждаетъ эту истину въ частностяхъ. Между тѣмъ, у интенданта 1780 г. тѣ же права, тѣ же агенты, та же произвольная власть, какіе были у его предшественника; но цѣли ихъ различны: послѣдній заботился только о томъ, чтобы держать свою провинцію въ повиновеніи, собирать въ ней ополченіе и, въ особенности, получать талью; первый занятъ инымъ; его голова наполнена сотнями проектовъ, направленныхъ къ тому, чтобы увеличить общественное богатство. Дороги, каналы, мануфактуры, торговля являются главными предметами, на которые направлена его мысль; но особеннымъ его вниманіемъ пользуется земледѣліе. Въ это время Сюлли входитъ въ моду среди администраторовъ.

Тогда же они начинаютъ устраивать тѣ „общества земледѣлія", о которыхъ я уже говорилъ, учреждаютъ конкурсы, раздаютъ преміи. Иные циркуляры генеральнаго контролера походятъ скорѣе на трактаты о земледѣльческомъ искусствѣ, чѣмъ на дѣловыя письма.

Перемѣна, совершившаяся въ умахъ правящихъ лицъ,

яснѣе всего обнаруживается въ способѣ взиманія всевозможныхъ податей. Законодательство попрежнему проникнуто духомъ неравенства, произвола и жестокости; но всѣ его пороки умѣряются на практикѣ.

„Когда я началъ изучать фискальные законы, говоритъ въ своихъ мемуарахъ Мольенъ (Mollien), меня ужаснуло то, что̀ я нашелъ въ нихъ: штрафы, тюремное заключеніе, тѣлесныя наказанія, назначаемые по усмотрѣнію особыхъ судовъ за простыя упущенія; произволъ откупныхъ агентовъ (commis des fermes), отъ клятвеннаго показанія которыхъ (serments) зависѣли почти всѣ имущества и участь лицъ, и т. д. По счастью, я не ограничился простымъ чтеніемъ этого кодекса, и вскорѣ имѣлъ случай убѣдиться, что между буквой закона и его примѣненіемъ существуетъ такая же разница, какъ между нравами финансоваго вѣдомства въ прежнее время и теперь. Юристы всегда были склонны смягчать вину и умѣрять взысканіе“.

„Сколько злоупотребленій и безпокойствъ можетъ имѣть мѣсто при взысканіи податей! — говоритъ провинціальное собраніе нижней Нормандіи въ 1787 г.—мы должны, однако, отдать справедливость той мягкости и тѣмъ послабленіямъ, которыя начали практиковаться въ послѣдніе годы“.

Это замѣчаніе вполнѣ подтверждается изслѣдованіемъ документовъ. Въ нихъ часто сказывается уваженіе въ свободѣ и жизни людей. Особенно же замѣтна въ нихъ истинная заботливость о бѣдствіяхъ неимущаго класса,—заботливость, которой прежде не было и слѣда. Казна рѣже прибѣгаетъ къ насильственнымъ мѣрамъ противъ бѣдняковъ, чаще прощаетъ недоимки, щедрѣе раздаетъ пособія. Король усиливаетъ фонды, предназначенные для устройства благотворительныхъ мастерскихъ въ селахъ или для помощи нуждающимся, и нерѣдко учреждаетъ новые фонды этого рода. Я нашелъ, что государствомъ роздано было такимъ образомъ болѣе 80,000 ливровъ въ одной только губерніи верхней Гіэни въ 1779 г.; 40,000 ливровъ, въ 1784 г., въ Турской губерніи; 48,000—въ Нормандской губерніи, въ 1787 г. Людовику XVI не хотѣлось цѣликомъ предоставить своимъ министрамъ эту часть правительственной дѣятельности; иногда онъ самъ бралъ

ее на себя. Когда, въ 1776 г., состоялось постановленіе Совѣта, которое опредѣляло размѣръ вознагражденія, должнаго крестьянамъ за вредъ, причиняемый королевскою дичью ихъ полямъ въ окрестностяхъ лѣсничествъ (capitaineries), и указывало простыя и вѣрныя средства, обезпечивавшія уплату этого вознагражденія, король самъ обработалъ мотивы закона. Тюрго разсказываетъ, что этотъ добрый и несчастный государь вручилъ ему эти мотивы, написанные собственноручно, со словами: „Вы видите, что и я тоже работаю“. Если изобразить Старый порядокъ такимъ, какимъ онъ былъ въ послѣдніе годы своего существованія, то портретъ вышелъ бы сильно прикрашеннымъ и мало похожимъ.

По мѣрѣ того, какъ въ умахъ народа и правителей происходятъ эти перемѣны, общественное благосостояніе развивается съ безпримѣрною доселѣ быстротой. На это указываютъ всѣ признаки: народонаселеніе растетъ, богатства растутъ еще быстрѣе. Этотъ общественный подъемъ не замедляется и Американскою войной: государство вовлекается ею въ долги, но частныя лица продолжаютъ богатѣть; усиливается промышленный духъ, предпріимчивость и изобрѣтательность.

„Съ 1774 года, говоритъ одинъ тогдашній администраторъ, различныя отрасли промышленности, развиваясь, увеличили доходность всѣхъ налоговъ на потребленіе“. Дѣйствительно, при сравненіи договоровъ, заключенныхъ въ разныя эпохи царствованія Людовика XVI, между государствомъ и финансовыми компаніями, бравшими на себя взысканіе податей, оказывается, что откупная сумма, при каждомъ возобновленіи контракта, увеличивается съ возрастающей быстротой. Въ 1786 году откупъ принесъ дохода на 14 милліоновъ больше, чѣмъ въ 1780 году. „Можно считать, что итогъ всѣхъ налоговъ на потребленіе увеличивается ежегодно на 2 милліона“, — говоритъ Неккеръ въ своемъ отчетѣ за 1781 годъ.

Артуръ Юнгъ увѣряетъ, что въ 1788 г. торговые обороты Бордо были обширнѣе оборотовъ Ливерпуля, и прибавляетъ слѣдующее: „Въ послѣднее время успѣхи морской торговли

во Франціи были быстрѣе, чѣмъ даже въ Англіи: во Франціи она удвоилась въ теченіе двадцати лѣтъ".

Принявъ въ расчетъ различіе условій времени, мы убѣдимся, что ни въ одну изъ эпохъ, слѣдовавшихъ за Революціей, общественное благосостояніе не развивалось быстрѣе, чѣмъ въ теченіе предшествовавшихъ ей двадцати лѣтъ. Въ этомъ отношеніи, съ царствованіемъ Людовика XVI можетъ сравниться только тридцатисемилѣтній періодъ конституціонной монархіи, который былъ для насъ временемъ мира и быстраго прогресса.

Картина этого благоденствія, уже тогда значительнаго и такъ быстро возраставшаго, покажется удивительною, если подумать обо всѣхъ, гнѣздившихся еще въ правительствѣ, порокахъ и о всѣхъ тѣхъ стѣсненіяхъ, которыя еще встрѣчала промышленность на своемъ пути; возможно даже, что многіе политики отрицаютъ самый этотъ фактъ именно потому, что не могутъ объяснить его, полагая, вмѣстѣ съ Мольеровскимъ докторомъ, что больному не выздоровѣть противъ правилъ. Въ самомъ дѣлѣ: какъ повѣрить, что Франція могла благоденствовать и богатѣть при неравномѣрномъ распредѣленіи повинностей, пестротѣ обычнаго права, существованіи внутреннихъ таможенъ, феодальныхъ повинностей, цеховъ, продажныхъ должностей и пр.? И однакоже, несмотря на все это, она начала богатѣть и всесторонне развиваться, благодаря тому, что кромѣ всѣхъ этихъ, плохо устроенныхъ и плохо захватывавшихъ другъ друга, колесъ, скорѣе предназначенныхъ, какъ казалось, тормазить общественный механизмъ, чѣмъ приводить его въ движеніе, — въ ней таились двѣ весьма простыя и очень сильныя пружины, уже достаточныя для того, чтобы все связать воедино и направить къ одной цѣли,—къ общественному благоденствію; этими пружинами были: правительство, которое, оставшись очень сильнымъ, но утративъ свой деспотическій характеръ, повсюду поддерживало порядокъ, и нація, которая, въ лицѣ своихъ верхнихъ слоевъ, была уже самою просвѣщенною и свободною изъ всѣхъ націй континента, и въ средѣ которой каждый могъ сколько угодно обогащаться и спокойно пользоваться однажды пріобрѣтеннымъ состояніемъ.

Король продолжалъ говорить языкомъ повелителя, но, въ

дѣйствительности, онъ самъ повиновался общественному мнѣнію, которое сплошь да рядомъ подсказывало ему, какъ дѣйствовать, или увлекало его; король постоянно къ нему прислушивался, боялся его, льстилъ ему; абсолютная по буквѣ закона, власть короля на практикѣ являлась ограниченною. Уже въ 1784 г. Неккеръ въ одномъ публичномъ документѣ говоритъ объ этомъ, какъ о неоспоримомъ фактѣ. Вотъ его слова: „Большинство иностранцевъ едва можетъ составить себѣ представленіе о томъ вліяніи, которымъ общественное мнѣніе пользуется нынѣ во Франціи; имъ трудно понять, что это за невидимая сила, властвующая даже въ королевскомъ дворцѣ. А между тѣмъ эта сила дѣйствительно такъ велика".

Ничто не можетъ быть поверхностнѣе той мысли, которая приписываетъ величіе и могущество какого-либо народа единственно механизму его законовъ: эти результаты достигаются не столько совершенствомъ аппарата, сколько силою двигателей. Взгляните на Англію: ея административные законы еще и теперь гораздо запутаннѣе, пестрѣе и безпорядочнѣе нашихъ. А между тѣмъ найдется ли въ Европѣ хоть одна страна, въ которой общественное благосостояніе было бы значительнѣе, частная собственность—обширнѣе, обезпеченнѣе и разнообразнѣе, общество — солиднѣе и богаче? Это объясняется не достоинствами тѣхъ или другихъ законовъ въ отдѣльности, а тѣмъ духомъ, который проникаетъ все англійское законодательство въ цѣломъ. Несовершенство нѣкоторыхъ органовъ ничему не мѣшаетъ, если организмъ полонъ жизни. Но, по мѣрѣ того, какъ развивается во Франціи описанное выше благосостояніе, въ умахъ, повидимому, растетъ неудовлетворенность и безпокойство; общественное недовольство обостряется: усиливается ненависть ко всѣмъ старымъ учрежденіямъ,—и нація явнымъ образомъ приближается къ насильственному перевороту.

Мало того: главнымъ очагомъ этой революціи становятся впослѣдствіи именно тѣ части Франціи, въ которыхъ преуспѣяніе наиболѣе замѣтно. Изучая то, что уцѣлѣло отъ архивовъ старой губерніи Иль-де-Франса, мы безъ труда убѣдимся, что Старый порядокъ всего ранѣе и наиболѣе глубоко былъ преобразованъ въ областяхъ, смежныхъ съ Парижемъ. Тамъ свобода и имущество поселянъ были уже го-

раздо лучше обезпечены, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ изъ pays d'élection. Личная барщина исчезла тамъ задолго до 1789 г. Вниманіе тальи стало болѣе регулярнымъ, болѣе умѣреннымъ и справедливымъ, чѣмъ въ остальной Франціи. Нужно прочесть преобразовавшій его регламентъ 1772 г., чтобы понять, какъ много могъ сдѣлать тогда интендантъ для блага, а также и для несчастія цѣлой провинціи. Въ этомъ регламентѣ подать имѣетъ уже совсѣмъ другой видъ. Правительственные комиссары являются ежегодно въ каждый приходъ; общество сходится на собраніе въ ихъ присутствіи; цѣнность имуществъ опредѣляется публично, платежеспособность каждаго устанавливается съ общаго согласія заинтересованныхъ лицъ; размѣръ подати опредѣляется, наконецъ, при участіи всѣхъ плательщиковъ. Нѣтъ больше ни произвола синдиковъ, ни безполезныхъ насилій. Талья сохраняетъ, конечно, присущіе ей недостатки, каковъ бы ни былъ порядокъ ея взиманія: она ложится своимъ бременемъ лишь на одинъ изъ податныхъ классовъ, и въ немъ одинаково поражаетъ промышленность и собственность; но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ она глубоко отличается отъ того, что связано еще съ ея именемъ въ сосѣднихъ губерніяхъ.

Нигдѣ, напротивъ того, Старый порядокъ не сохранился такъ хорошо, какъ вдоль нижняго теченія Луары, — среди болотъ Пуату и луговъ Бретани. Именно тамъ зажглось и поддерживалось пламя междоусобной войны, именно тамъ революція встрѣтила наиболѣе ожесточенное и продолжительное сопротивленіе; такимъ образомъ, можно сказать, что французы находили свое положеніе тѣмъ болѣе невыносимымъ, чѣмъ больше оно улучшалось.

Это кажется удивительнымъ; но вся исторія полна примѣровъ этого рода. Не всегда приводитъ къ революціямъ переходъ отъ худого къ худшему. Чаще всего случается, что народъ, переносившій безъ жалобъ и какъ будто нечувствительно самые тягостные законы, буйно сбрасываетъ съ себя ихъ бремя, какъ только оно облегчается. Порядокъ вещей, уничтожаемый революціей, почти всегда бываетъ лучше того, который непосредственно ему предшествовалъ, и опытъ показываетъ, что для дурного правительства наиболѣе опаснымъ является обыкновенно тотъ моментъ, когда оно начинаетъ преобразоваться. Только геніальный умъ можетъ спасти государя, задумавшаго облегчить своихъ подданныхъ послѣ долговременнаго угнетенія. Зло, которое переносилось терпѣливо, какъ нѣчто неизбѣжное, кажется невыносимымъ при мысли, что отъ него можно избавиться. Тогда, сколько бы злоупотребленій ни устранялось,—отъ этого какъ будто яснѣе выступаютъ наружу оставшіяся злоупотребленія, и чувство становится болѣе жгучимъ: зло, правда, уменьшилось, но зато чувствительность возросла. Феодализмъ въ цвѣтѣ своихъ силъ никогда не внушалъ французамъ такой ненависти, какъ наканунѣ своего исчезновенія. Самыя незначительныя проявленія произвола у Людовика XVI казались болѣе несносными, чѣмъ весь деспотизмъ Людовика XIV. Кратковременное тюремное заключеніе, которому былъ подвергнутъ Бомарше, вызвало въ Парижѣ больше волненій, чѣмъ драгоннады.

1780 г. никто уже не думалъ, что Франція находится въ упадкѣ; скорѣе можно было сказать въ это время, что нѣтъ границъ ея преуспѣянію. Тогда то возникло ученіе о способности человѣка къ непрерывному и безграничному совершенствованію. Лѣтъ за двадцать предъ тѣмъ на будущее не возлагали никакихъ надеждъ; теперь отъ будущаго ждутъ всего. Предвкушеніе этого неслыханнаго блаженства, ожидаемаго въ близкомъ будущемъ, дѣлало людей равнодушными къ тѣмъ благамъ, которыми они уже обладали, и увлекало ихъ къ неизвѣданному.

Независимо отъ этихъ общихъ причинъ, разсматриваемое явленіе вызывалось и другими, болѣе частными, но не менѣе могущественными условіями. Хотя финансовая администрація улучшилась, какъ и все вообще, но она сохранила тѣ пороки, которые присущи вообще неограниченному образу правленія. Такъ какъ она опиралась на канцелярскую тайну и не знала гарантій, то въ ней еще примѣнялись нѣкоторые изъ самыхъ худшихъ пріемовъ, практиковавшихся при Людовикахъ XIV и XV. Самыя усилія, дѣлаемыя правительствомъ для развитія общественнаго благосостоянія, раздававшіяся имъ пособія и поощренія, общественныя работы, которыя оно устраивало, — все это съ каждымъ днемъ увеличивало расходы, не усиливая въ той же пропорціи государ-

ственныхъ доходовъ, и такимъ образомъ ежедневно создавало королю еще большія затрудненія, чѣмъ тѣ, съ которыми приходилось считаться его предшественникамъ. Такъ же, какъ они, и онъ сплошь да рядомъ оставлялъ своихъ кредиторовъ безъ удовлетворенія, занималъ деньги гдѣ попало, внѣ гласности и конкурренціи, и кредиторы его никогда не могли быть увѣрены въ полученіи своихъ процентовъ; даже возвратъ капитала всегда зависѣлъ только отъ добросовѣстности государя.

Свидѣтель, который заслуживаетъ довѣрія, потому что былъ очевидцемъ и лучше всякаго другого могъ знать положеніе дѣлъ, говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Въ это время французы то и дѣло наталкивались на случайности въ сношеніяхъ съ собственнымъ своимъ правительствомъ. Помѣщали-ль они свои капиталы въ его займы, они никогда не могли разсчитывать на платежъ процентовъ въ опредѣленный срокъ; строя ему суда, починяя его дороги, одѣвая его солдатъ, они оставались безъ всякаго обезпеченія въ своихъ затратахъ, не знали, когда получатъ расчетъ, и, при заключеніи какого-либо контракта съ министрами, вынуждены были соображать возможныя случайности, какъ при ссудѣ на крупный рискъ“. Къ этому онъ весьма основательно прибавляетъ слѣдующее: „Въ эту эпоху, когда подъемъ промышленности развилъ въ большемъ числѣ людей любовь къ собственности, умѣнье цѣнить благосостояніе и потребность въ немъ, — люди, довѣрившіе часть своего имущества государству, болѣе нетерпѣливо переносили нарушеніе законовъ о договорахъ, совершаемое тѣмъ именно кредиторомъ, который долженъ бы былъ больше всякаго другого уважать эти законы“.

И дѣйствительно, злоупотребленія, въ которыхъ обвиняется здѣсь французская администрація, отнюдь не были новы: ново было только производимое ими впечатлѣніе. Пороки финансовой системы были даже болѣе вопіющи въ предшествующія эпохи; но съ тѣхъ поръ въ правительствѣ и въ обществѣ совершились перемѣны, вслѣдствіе которыхъ недостатки эти чувствовались несравненно сильнѣе.

Въ теченіе двадцати лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ правительство стало болѣе дѣятельнымъ и начало вдаваться въ

разнаго рода предпріятія, о которыхъ раньше и не помышляло, — оно окончательно сдѣлалось самымъ крупнымъ потребителемъ продуктовъ промышленности и самымъ крупнымъ работодателемъ въ странѣ. Чудовищно возросло число лицъ, имѣвшихъ съ нимъ денежныя отношенія, заинтересованныхъ въ его займахъ, жившихъ на его жалованье или спекулировавшихъ на его торгахъ. Имущество казны никогда еще не перепутывалось до такой степени съ достояніемъ частныхъ лицъ. Дурное управленіе финансами, долго бывшее лишь общественнымъ зломъ, въ это время становится для множества семействъ частнымъ бѣдствіемъ. Въ 1789 г. государство должно было такимъ образомъ около 600 милліоновъ ливровъ кредиторамъ, которые, въ свою очередь, почти всѣ были должниками, и, по выраженію одного тогдашняго финансоваго дѣятеля, вдвойнѣ были недовольны правительствомъ, такъ какъ оно своей неаккуратностью заставляло ихъ вдвойнѣ страдать. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, по мѣрѣ того, какъ увеличивалось число недовольныхъ этого рода, усиливалось и ихъ раздраженіе: потому что съ развитіемъ торговли росли и распространялись страсть къ спекуляціямъ, жажда богатства, любовь къ комфорту, а вслѣдствіе этого такое зло, какъ неисправность казны, казалось невыносимымъ тѣмъ же самымъ людямъ, которые тридцатью годами раньше, можетъ быть, безропотно терпѣли бы его.

Вотъ почему рентьеры, коммерсанты, промышленники и другіе дѣловые или денежные люди, образующіе обыкновенно классъ, наиболѣе враждебный политическимъ нововведеніямъ, наиболѣе расположенный къ существующему правительству, каково бы оно ни было, и наиболѣе покорный даже тѣмъ законамъ, которые онъ презираетъ или ненавидитъ, — на этотъ разъ оказались классомъ, наиболѣе нетерпѣливымъ и рѣшительнымъ въ дѣлѣ реформъ. Онъ съ громкими криками требовалъ, прежде всего, полнаго переворота во всей финансовой системѣ, не понимая, что, поколебавъ глубоко эту часть правительства, рисковали опрокинуть и все остальное.

Возможно ли было избѣгнуть катастрофы, когда въ средѣ націи съ каждымъ днемъ все сильнѣе распространялось стремленіе къ наживѣ, а правительство безпрестанно разжигало и дразнило эту новую страсть, то возбуждая ее, то разбивая

ея надежды, и съ двухъ сторонъ подготовляло такимъ образомъ свою собственную гибель?

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О томъ, какъ привели народъ къ возстанію, желая облегчить его положеніе.

Такъ какъ народъ въ теченіе ста сорока лѣтъ ни разу не показывался на аренѣ государственныхъ дѣлъ, то совершенно перестали и думать о томъ, что онъ можетъ когда-нибудь появляться на ней; видя его безчувственность, его сочли глухимъ, и, когда начали интересоваться его судьбой, стали о немъ разсуждать, не стѣсняясь его присутствіемъ. Казалось, что эти рѣчи могутъ быть услышаны только высшими классами, и что бояться при этомъ можно только того, что онѣ не будутъ вполнѣ поняты ими.

Люди, имѣвшіе больше всего основаній опасаться его гнѣва, громко говорили въ его присутствіи о тѣхъ жестокихъ несправедливостяхъ, жертвою которыхъ онъ всегда былъ; они указывали другъ на другу на тѣ чудовищные пороки, которые гнѣздились въ учрежденіяхъ, наиболѣе давившихъ его; они краснорѣчиво описывали, какъ плохо онъ вознаграждается за свои бѣдствія и за свой трудъ; такимъ образомъ, они исполняли его яростью, усиливаясь принести ему облегченіе. Говоря это, я имѣю въ виду не писателей, но правительство, его главныхъ агентовъ и самихъ привилегированныхъ.

За тринадцать лѣтъ до Революціи, дѣлая попытку уничтожить барщину, король, въ своихъ вступительныхъ замѣчаніяхъ къ эдикту, говорилъ слѣдующее: „Вездѣ, за исключеніемъ немногихъ провинцій съ штатами (pays d'états), почти всѣ дороги королевства были сооружены даромъ, бѣднѣйшею частью нашихъ подданныхъ. Такимъ образомъ все бремя этой повинности легло на тѣхъ, единственное достояніе которыхъ составляютъ ихъ руки, и для которыхъ дороги представляютъ интересъ далеко не первостепенной важности; дѣйствительно заинтересованными въ нихъ являются собственники, лица почти всегда привилегированныя, имущества которыхъ и возрастаютъ въ

цѣнности при устройствѣ дорогъ. Принуждая однихъ бѣдняковъ содержать дороги, обязывая ихъ отдавать свое время и свой трудъ безъ вознагражденія, у нихъ отнимаютъ послѣднюю возможность бороться съ нищетой и голодомъ, чтобы заставить ихъ работать для выгоды богачей".

Собираясь, въ это же самое время, отмѣнить стѣсненія, которыя налагала на рабочихъ система ремесленныхъ корпорацій, провозглашали именемъ короля, „что право на трудъ есть самый священный изъ всѣхъ видовъ собственности; что всякій законъ, наносящій ему ущербъ, нарушаетъ естественное право и, какъ таковой, долженъ считаться недѣйствительнымъ; что вообще существующія корпораціи суть учрежденія уродливыя и деспотическія, плодъ себялюбія, алчности и насилія".

Подобныя слово были опасны; еще опаснѣе было то, что произносились они праздно. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя возстановили и корпораціи и барщину.

Такія рѣчи въ уста короля вкладывалъ, говорятъ, Тюрго. Большинство его преемниковъ поступали совершенно также. Объявляя своимъ подданнымъ, въ 1780 г., что надбавки тальи впредь будутъ оглашаемы путемъ регистраціи, король счелъ нужнымъ добавить въ видѣ поясненія: „Плательщики, которымъ и безъ того досаждаютъ безпокойства, связанныя со сборомъ тальи, до сихъ поръ не были гарантированы отъ неожиданныхъ надбавокъ, такъ что подать, платимая самою бѣдною частью нашихъ подданныхъ, возрасла значительно сильнѣе, чѣмъ доля всѣхъ остальныхъ". Когда король, отнюдь еще не рѣшаясь уравнять всѣ повинности, задумалъ ввести равенство по крайней мѣрѣ въ тѣ изъ нихъ, которыя уже были всеобщими, онъ говорилъ: „Его Величество надѣется, что богатые люди не сочтутъ себя обиженными, когда, будучи приведены къ общему уровню, начнутъ лишь нести такую повинность, которую имъ давно слѣдовало бы раздѣлять съ другими".

Но особенно въ голодные годы дѣло принимало такой видъ, какъ будто старались не столько помочь народу въ бѣдѣ, сколько разжечь его страсти. Одинъ интендантъ, желая подѣйствовать на сострадательность богатыхъ людей, говоритъ въ подобномъ случаѣ о „несправедливости и безчувственности

этихъ собственниковъ, обязанныхъ всѣмъ своимъ состояніемъ труду бѣдняка и оставляющихъ его умирать съ голоду въ то самое время, когда онъ выбивается изъ силъ, чтобы сообщить цѣнность ихъ имуществамъ". Король, съ своей стороны, говоритъ по такому же поводу: „Его Величество хочетъ защитить народъ отъ тѣхъ ухищреній, которыя подвергаютъ его опасности терпѣть недостатокъ въ насущномъ хлѣбѣ, вынуждая его отдавать свой трудъ за такую плату, какую богатымъ угодно будетъ ему назначить. Король не потерпитъ, чтобы одна часть населенія была принесена въ жертву алчности другой части".

До самаго конца монархіи борьба, происходившая между различными административными властями, давала поводъ ко всевозможнымъ манифестаціямъ этого рода: соперничествующія стороны не затруднялись обвинять другъ друга въ народныхъ бѣдствіяхъ. Это особенно ясно выразилось въ ссорѣ, возгорѣвшейся въ 1772 г. между Тулузскимъ парламентомъ и королемъ, по вопросу о свободномъ ввозѣ хлѣбовъ. „Правительство своими несообразными мѣрами рискуетъ уморить бѣдняка голодомъ", говоритъ этотъ парламентъ.

„Честолюбіе парламента и алчность богачей привели къ народному бѣдствію", отвѣчаетъ король. Такимъ образомъ, и съ той, и съ другой стороны старательно внушается народу та мысль, что въ своихъ несчастьяхъ онъ всегда долженъ обвинять высшихъ.

Все это находится не въ секретной перепискѣ, а въ публичныхъ документахъ, которые правительство и парламентъ сами же заботливо печаютъ и публикуютъ въ тысячахъ экземпляровъ. Мимоходомъ король высказываетъ по адресу своихъ предшественниковъ и своему собственному довольно суровыя истины. „Государственная казна, говоритъ онъ однажды, была обременена долгами благодаря мотовству нѣсколькихъ царствованій. Многіе изъ неотчуждаемыхъ доменовъ нашихъ были проданы за ничтожную цѣну". — „Ремесленныя корпораціи", заставляютъ его сказать въ другомъ случаѣ,—и въ словахъ этихъ больше правды, чѣмъ благоразумія,—„ремесленныя корпораціи представляютъ главнымъ образомъ продуктъ фискальной алчности королей". — „Если случалось дѣлать безполезныя затраты, и если талья чрезмѣрно возрасла, замѣчаетъ онъ далѣе, то это потому, что финансовое управленіе, считая увеличеніе тальи, какъ негласное, наиболѣе удобнымъ источникомъ, прибѣгало именно къ нему, хотя многіе другіе источники были бы менѣе обременительны для нашихъ подданныхъ".

Все это говорилось для образованной публики, съ цѣлью убѣдить ее въ полезности извѣстныхъ мѣропріятій, вызывавшихъ порицаніе съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ. Что же касается народа,—то считалось несомнѣннымъ, что онъ слушаетъ, не понимая.

Нельзя не признать, что въ самой благожелательности этой еще заключалась значительная доля презрѣнія къ тѣмъ несчастнымъ, бѣдствія которыхъ такъ искренне желали облегчить и что это нѣсколько похоже на чувство г-жи дю-Шатле, которая, какъ передаетъ секретарь Вольтера, не стѣснялась раздѣваться при своихъ слугахъ, не считая вполнѣ доказаннымъ, что лакеи—тоже люди.

И не слѣдуетъ думать, будто только Людовикъ XVI или его министры говорили тѣмъ опаснымъ языкомъ, образчики котораго я привелъ только что; сами привилегированные, на которыхъ ближайшимъ образомъ обращенъ гнѣвъ народа, говорятъ при немъ въ такихъ же выраженіяхъ. Должно признать, что во Франціи верхніе слои общества стали интересоваться участью бѣднаго класса раньше, чѣмъ онъ заставилъ ихъ бояться себя; они начали принимать въ немъ участіе въ такое время, когда еще не думали, что его бѣдствія могутъ стать причиной ихъ собственной гибели. Это становится особенно замѣтнымъ въ десятилѣтіе, предшествовавшее 89 году: въ это время часто высказывается сожалѣніе къ крестьянамъ, о нихъ постоянно говорятъ, изыскиваютъ способы помочь имъ; разоблачаютъ злоупотребленія, отъ которыхъ имъ больше всего приходится страдать, и осуждаютъ тѣ фискальные законы, которые особенно вредятъ имъ; но въ изъявленіяхъ этого, весьма новаго, сочувствія по большей части замѣчается такая же непредусмотрительность, какая раньше такъ долго обнаруживалась въ равнодушіи къ народнымъ бѣдствіямъ.

Прочтите журналы провинціальныхъ собраній, созванныхъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Франціи въ 1779 г., а затѣмъ и

во всемъ королевствѣ; изучите другіе публичные документы, оставленные этими собраніями, — и вы будете тронуты добрыми чувствами, выраженными въ нихъ, и въ то же время будете поражены странной неосторожностью ихъ языка.

„Слишкомъ часто случалось, говоритъ провинціальное собраніе нижней Нормандіи въ 1787 г., что деньги, ассигнуемыя королемъ на содержаніе дорогъ, служатъ лишь для удобства богатыхъ, не принося пользы народу. Ихъ нерѣдко употребляли на то, чтобы сдѣлать болѣе пріятнымъ доступъ къ какому нибудь дворцу, вмѣсто того, чтобы воспользоваться ими для облегченія въѣзда въ мѣстечко или селеніе“.

Въ томъ же собраніи, два сословія—дворянское и духовное, — описавъ темныя стороны барщины, добровольно предлагаютъ пожертвовать, отъ себя однихъ, 50.000 ливровъ на улучшеніе путей, съ той цѣлью, — говорятъ они, — чтобы дороги въ провинціи стали проѣздными, и чтобы это ничего больше не стоило народу. Для этихъ привилегированныхъ было бы, пожалуй, менѣе обременительно замѣнить барщину всеобщей податью и уплачивать свою долю въ ней. Но, охотно поступаясь выгодами, доставляемыми неравномѣрностью налога, они предпочитали все-таки удержать ея видимость. Покидая полезную часть своего права, они заботливо сохраняли то, что было въ немъ ненавистно.

Другія собранія, состоявшія исключительно изъ владѣльцевъ, свободныхъ отъ тальи и намѣревавшихся остаться таковыми, тѣмъ не менѣе изображали въ самыхъ мрачныхъ краскахъ бѣдствія, которыя этотъ налогъ причинялъ бѣднымъ. Всѣ злоупотребленія, связанныя съ нимъ, они соединяли въ потрясающую картину, съ которой старательно срисовывали безчисленное множество копій. Но всего любопытнѣе, что къ этимъ разительнымъ доказательствамъ интереса, внушаемаго имъ народомъ, они время отъ времени присоединяли публичныя изъявленія своего презрѣнія къ нему. Такъ что народъ, сдѣлавшись объектомъ ихъ сочувствія, еще не переставалъ быть предметомъ ихъ брезгливости.

Провинціальное собраніе верхней Гіэни, говоря объ этихъ крестьянахъ, за которыхъ оно горячо предстательствуетъ, называетъ ихъ *невѣжественными и грубыми существами, строптивыми существами и жестокими, неподатливыми характерами*. Подобныя выраженія употребляетъ даже Тюрго, такъ много сдѣлавшій для народа.

Эти жестокія выраженія встрѣчаются въ актахъ, предназначенныхъ для самаго широкаго распространенія и публиковавшихся для того, чтобы ихъ видѣли крестьяне же; — какъ будто дѣло происходило въ одной изъ тѣхъ европейскихъ странъ, гдѣ, какъ въ Галиціи, высшіе классы говорятъ на другомъ языкѣ, чѣмъ низшіе, такъ что народъ ихъ не понимаетъ. Федисты XVIII в., часто обнаруживающіе, относительно чиншевиковъ (censitaires) и другихъ, обязанныхъ феодальными повинностями, духъ мягкости, умѣренности и справедливости, мѣстами все еще говорятъ о *подлыхъ мужикахъ* (vils paysans). Повидимому, эти обиды, какъ выражаются нотаріусы, составляли принадлежность стиля (étaient de style).

По мѣрѣ приближенія къ 1789 г. это сочувствіе къ страданіямъ народа становится все болѣе живымъ и все менѣе благоразумнымъ. У меня въ рукахъ были циркуляры, съ которыми многія провинціальныя собранія обратились, въ самомъ началѣ 1788 г., къ жителямъ разныхъ приходовъ, съ цѣлью подробно узнать отъ нихъ самихъ обо всѣхъ тѣхъ несправедливостяхъ, на которыя они могли жаловаться.

Одинъ изъ этихъ циркуляровъ подписанъ аббатомъ, знатнымъ сеньеромъ, тремя дворянами и горожаниномъ, которые всѣ были членами собранія и дѣйствовали отъ его имени. Эта комиссія приказываетъ синдику каждаго прихода собрать всѣхъ крестьянъ и спросить ихъ, что они имѣютъ сказать противъ способа раскладки и взиманія различныхъ, уплачиваемыхъ ими, налоговъ. „Намъ извѣстно“, говоритъ она вообще: „что большинство налоговъ, въ особенности же соляной налогъ и талья, имѣютъ бѣдственныя послѣдствія для земледѣльца; но мы считаемъ важнымъ знать также и въ отдѣльности каждое злоупотребленіе“. Любопытство провинціальнаго собранія на этомъ не останавливается: собраніе желаетъ знать, сколько имѣется въ приходѣ лицъ, пользующихся какими-либо податными привилегіями,—будутъ ли то дворяне, духовные или разночинцы,—и каковы именно эти

привилегіи; какова цѣнность имуществъ, принадлежащихъ этимъ привилегированнымъ, живутъ ли они постоянно въ своихъ имѣніяхъ, или нѣтъ; много ли въ приходѣ церковныхъ имуществъ или, какъ говорили въ то время, „земель мертвой руки“ (fonds de mainmorte), находящихся внѣ обращенія, и какъ велика ихъ цѣнность. Но и этимъ собраніе не удовлетворяется: оно еще хочетъ знать, какую сумму можетъ составить та часть всевозможныхъ податей (taille, accessoires, capitation) и барщины, которую должны были бы нести богатые, если бы существовало равенство податного обложенія.

Это значило воспламенять каждаго человѣка въ отдѣльности перечисленіемъ его бѣдствій, указывать ему на ихъ виновниковъ, ободрять его ихъ малочисленностью и проникать до самой глубины его сердца, зажигая въ немъ жадность, зависть и ненависть. Дѣлавшіе это какъ будто совершенно забыли Жакерію, „Молотилъ“ (les Maillotins) и „совѣтъ шестнадцати“ (les Seize), и не знали, что французскій народъ, будучи самымъ кроткимъ и даже самымъ добродушнымъ народомъ въ мірѣ, пока не нарушается спокойствіе его нрава, становится самымъ неукротимымъ, какъ только сильныя страсти выведутъ его изъ себя.

Я не могъ, къ несчастью, достать всѣ записки, присланныя крестьянами въ отвѣтъ на эти убійственные вопросы; но нѣкоторыя мнѣ удалось разыскать, и этого достаточно, чтобы распознать тотъ духъ, подъ внушеніемъ котораго онѣ написаны.

Въ этихъ свѣдѣніяхъ тщательно указано имя каждаго привилегированнаго, будетъ ли то дворянинъ или буржуа; образъ его жизни иногда описывается и всегда критикуется; составители стараются опредѣлить цѣнность его имущества; они распространяются о количествѣ и характерѣ его привилегій и, въ особенности, о томъ ущербѣ, который онѣ причиняютъ другимъ жителямъ села. Вычисляютъ, сколько мѣръ зерна приходится отдавать ему въ видѣ оброка (redevance); съ завистью подсчитываютъ его доходы,—доходы, которыми, по ихъ словамъ, никто не пользуется. Вознагражденіе священника за требы (casuel), или, какъ его называютъ уже,

заработокъ (salaire) священника находятъ чрезмѣрнымъ; съ горечью замѣчаютъ, что въ церкви за все приходится платить, и что бѣдняка даже не похоронятъ даромъ. Что же касается податей, то всѣ онѣ неправильно наложены и ведутъ къ притѣсненіямъ; ни одна не встрѣчаетъ у нихъ снисхожденія, и обо всѣхъ податяхъ они говорятъ раздраженнымъ языкомъ, въ которомъ слышится ярость.

„Косвенные налоги ненавистны, говорятъ они, нѣтъ такого хозяйства, куда не приходилъ бы рыться агентъ откуповъ (commis des fermes); для его глазъ и рукъ нѣтъ ничего священнаго. Различные виды тальи (les droits d'enregistrement) убійственно тяжелы (sont écrasants). Сборщикъ—тиранъ, который въ своей жадности не пренебрегаетъ никакими средствами, чтобы поприжать бѣдняковъ. Не лучше его и пристава налога на регистрацію. Ни одинъ честный земледѣлецъ не обезпеченъ отъ ихъ свирѣпости. Приходскіе сборщики вынуждены разорять своихъ сосѣдей, чтобы не отдать самихъ себя на съѣденіе этимъ деспотамъ“.

Въ этомъ разслѣдованіи Революція не только возвѣщаетъ о своемъ приближеніи: здѣсь она уже присутствуетъ, здѣсь уже слышится ея языкъ и вполнѣ видна ея физіономія.

Между религіознымъ переворотомъ XVI в. и французскою Революціей существуетъ, между прочимъ, одно поразительное различіе: въ XVI в. большинство сильныхъ міра бросилось перемѣнять религію изъ за честолюбиваго расчета или алчности; народъ, напротивъ, принялъ эту перемѣну по убѣжденію и не ожидая никакихъ выгодъ. Въ XVIII в. было иначе: въ это время безкорыстными вѣрованіями и великодушными симпатіями вдохновлялись и приводились къ революціи просвѣщенные классы, тогда какъ горькое сознаніе своихъ обидъ и жажда перемѣны своего положенія волновали народъ. Энтузіазмъ первыхъ довершилъ дѣйствіе тѣхъ причинъ, которыя зажгли и вооружили гнѣвъ и вожделѣнія послѣдняго.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О нѣкоторыхъ пріемахъ, съ помощью которыхъ правительствомъ довершено было революціонное воспитаніе народа.

Правительство уже съ давнихъ поръ само работало надъ внѣдреніемъ въ умы народа многихъ изъ тѣхъ идей, которыя впослѣдствіи названы были революціонными,— идей, враждебныхъ индивидуальной личности, противныхъ частнымъ правамъ и ведущихъ къ насилію.

Король первый подавалъ примѣръ крайне презрительнаго отношенія къ самымъ древнимъ и, повидимому, наиболѣе прочно установившимся учрежденіямъ. Людовикъ XV поколебалъ монархическую власть и ускорилъ наступленіе Революціи своими нововведеніями не меньше, чѣмъ своими пороками, энергіей не меньше, чѣмъ слабостью. Увидѣвъ паденіе и исчезновеніе Парламента, который былъ почти провѣсникомъ королевской власти и доселѣ казался такимъ же, какъ она, непоколебимымъ,—народъ смутно понялъ, что приближаются тѣ времена насилія и риска, когда все становится возможнымъ, когда ничто древнее не уважается и нѣтъ такого нововведенія, котораго нельзя было бы испробовать.

Людовикъ XVI, въ продолженіе всего своего царствованія, только и говорилъ, что о предстоящихъ реформахъ. Мало найдется учрежденій, близкую гибель которыхъ онъ не заставилъ бы предвидѣть раньше, чѣмъ наступившая Революція уничтожила ихъ на самомъ дѣлѣ. Выбросивъ изъ законодательства нѣкоторыя изъ самыхъ худшихъ учрежденій, онъ вскорѣ ихъ возстановилъ: онъ какъ будто хотѣлъ только подсѣчь ихъ въ корнѣ, предоставляя другимъ опрокинуть ихъ.

Изъ тѣхъ реформъ, которыя были совершены имъ самимъ, нѣкоторыя рѣзко и безъ достаточной подготовки измѣняли старыя и пользовавшіяся уваженіемъ привычки и, порою, нарушали пріобрѣтенныя права. Такимъ образомъ, онѣ подготовляли Революцію не только ломкою того, что̀ стояло на ея пути, но еще въ бо̀льшей мѣрѣ указаніемъ народу пріемовъ для ея осуществленія. Зло было усугублено именно

тѣмъ чистымъ и безкорыстнымъ намѣреніемъ, которое руководило королемъ и его министрами; потому что не существуетъ болѣе опаснаго примѣра, чѣмъ примѣръ насилія, совершаемаго благомыслящими людьми и ради благихъ цѣлей.

Задолго до того, Людовикъ XIV, въ своихъ эдиктахъ, публично преподалъ ту теорію, что всѣ земли королевства первоначально переданы были въ обладаніе частныхъ лицъ (avaient été concédées), на извѣстныхъ условіяхъ, государствомъ, которое, такимъ образомъ, становилось единственнымъ дѣйствительнымъ собственникомъ, тогда какъ всѣ остальные являлись лишь владѣльцами, право которыхъ оставалось неполнымъ, а его основаніе (le titre)—спорнымъ. Эта доктрина имѣла своимъ источникомъ феодальное законодательство; но она проповѣдывалась во Франціи лишь въ ту эпоху, когда феодализмъ умиралъ, и никогда не признавалась судебными учрежденіями. Идея эта — родоначальница современнаго соціализма. Странно видѣть, что его зачатки коренятся въ королевскомъ деспотизмѣ.

Въ продолженіе послѣдующихъ царствованій администрація безпрестанно показывала народу, болѣе практическимъ и болѣе понятнымъ для него образомъ, какое презрѣніе слѣдуетъ питать къ частной собственности. Когда, во второй половинѣ XVIII в., пошли въ ходъ общественныя работы и, въ частности, устройство дорогъ, правительство не стѣснялось захватывать всѣ тѣ земли, которыя были ему нужны для его предпріятій, и разрушать дома, мѣшавшіе ему. Управленіе путей сообщенія уже въ то время также увлекалось геометрическими красотами прямой линіи, какъ мы это видѣли впослѣдствіи; оно старательнѣйшимъ образомъ избѣгало слѣдовать существующимъ путямъ, если находило ихъ сколько нибудь кривыми, и предпочитало перерѣзать тысячу частныхъ владѣній, чѣмъ допустить легкій изгибъ. Уплата за такое опустошеніе или разрушеніе имуществъ всегда производилась произвольно и поздно, а часто и вовсе не производилась.

Когда провинціальное собраніе нижней Нормандіи приняло административныя дѣла изъ рукъ интенданта, оно констатировало, что въ долгу за правительствомъ еще оставалась

стоимость всѣхъ земель, захваченныхъ имъ, для устройства дорогъ, въ теченіе двадцати лѣтъ. Долгъ, сдѣланный такимъ образомъ и еще не уплаченный государствомъ, доходилъ въ этомъ маленькомъ уголкѣ Франціи до 250,000 ливровъ. Число крупныхъ собственниковъ, затронутыхъ такимъ путемъ, было ограниченное; но число мелкихъ собственниковъ, пострадавшихъ при этомъ, было велико, потому что земля была уже сильно раздроблена. Каждый изъ нихъ извѣдалъ на собственномъ опытѣ, какъ мало вниманія заслуживаетъ право отдѣльнаго лица, когда общественный интересъ требуетъ, чтобы оно было нарушено,—и хорошо помнилъ эту доктрину, когда настало время примѣнить ее къ другимъ въ его интересахъ.

Въ очень многихъ приходахъ существовали когда-то капиталы, учрежденные для благотворительныхъ цѣлей и долженствовавшіе, по мысли жертвователей, доставлять пособія жителямъ въ извѣстныхъ случаяхъ и по опредѣленнымъ правиламъ, которые указывались завѣщаніемъ. Въ послѣднія времена монархіи большинство этихъ учрежденій было уничтожено или отклонено отъ своего первоначальнаго назначенія простыми постановленіями Совѣта, т. е. чистѣйшимъ правительственнымъ произволомъ. Капиталы, подаренные, такимъ образомъ, селамъ, отнимались у нихъ, обыкновенно, въ пользу сосѣднихъ пріютовъ для бѣдныхъ (hôpitaux). Въ свою очередь, имущества этихъ пріютовъ, около того же времени, были преобразованы въ такихъ видахъ, какихъ не было у учредителя, и которыхъ онъ, безъ сомнѣнія, не одобрилъ бы. Одинъ эдиктъ 1780 г. уполномочилъ всѣ эти учрежденія продавать имущества, завѣщанныя имъ въ разное время подъ условіемъ вѣчнаго пользованія, и позволилъ имъ вносить цѣну послѣднихъ въ государственную казну, съ тѣмъ, чтобы послѣдняя платила имъ проценты. Это называлось — дѣлать изъ благотворительности предковъ лучшее употребленіе, чѣмъ то, которое сдѣлали изъ нея они сами. При этомъ забывалось, что лучшее средство научить людей нарушать индивидуальныя права живыхъ состоитъ въ томъ, чтобы нисколько не сообразоваться съ волею мертвыхъ. Пренебреженіе, обнаруженное администраціей Стараго порядка по отношенію къ этимъ послѣднимъ, не было превзойдено ни однимъ изъ

послѣдующихъ правительствъ. У нея никогда не замѣчалось и тѣни, той нѣсколько боязливой, щепетильности, которая заставляетъ англичанъ помогать каждому гражданину, для поддержанія силы его послѣднихъ распоряженій, всею мощью общественнаго организма, и побуждаетъ ихъ выказывать къ его памяти еще больше уваженія, чѣмъ къ нему самому.

Реквизиціи, обязательная продажа продовольственныхъ средствъ, установленіе максимальныхъ цѣнъ,—все это—правительственныя мѣры, уже имѣвшія прецеденты при Старомъ порядкѣ. На моей памяти, администраторы, въ голодные годы, напередъ устанавливали цѣну припасовъ, доставляемыхъ крестьянами на рынокъ; а такъ какъ послѣдніе, боясь принужденія, на рынкѣ не появлялись,—то они отдавали приказы, обязывавшіе ихъ къ этому подъ страхомъ пени.

Но самое пагубное воспитательное вліяніе оказывали нѣкоторыя формы, усвоенныя уголовнымъ судопроизводствомъ въ примѣненіи къ народу. Въ это время бѣднякъ былъ уже обезпеченъ въ гораздо бо̀льшей степени, чѣмъ это думаютъ, отъ вторженій въ его права со стороны болѣе богатаго или болѣе могущественнаго гражданина; но если ему приходилось имѣть дѣло съ государствомъ, то, какъ указано было выше, онъ встрѣчалъ только исключительные суды, предубѣжденныхъ судей, торопливое или призрачное разбирательство, приговоръ съ предварительнымъ исполненіемъ и безъ права обжалованія: „Его Величество повелѣваетъ старшинѣ дозорной команды и его товарищу (le prévôt de la maréchaussée et son lieutenant) вѣдать дѣла о возмущеніяхъ и народныхъ сборищахъ, могущія возникнуть по случаю хлѣбныхъ затрудненій; приказываетъ, чтобы процессы были разбираемы и рѣшаемы ими въ порядкѣ превотальнаго суда и въ послѣдней инстанціи; воспрещаетъ всѣмъ прочимъ судебнымъ учрежденіямъ разсматривать эти дѣла“. Это постановленіе Совѣта дѣйствовало въ теченіе всего XVIII в. Изъ протоколовъ дозорной команды видно, что въ такихъ случаяхъ по ночамъ оцѣпляли подозрительныя деревни, на разсвѣтѣ входили въ дома и задерживали тамъ отмѣченныхъ крестьянъ, причемъ не было и рѣчи о какихъ либо особыхъ полномочіяхъ. Человѣкъ, арестованный такимъ образомъ, часто подолгу оста-

вался въ тюрьмѣ, прежде чѣмъ предстать передъ своимъ судьей, хотя эдикты повелѣвали, чтобы обвиняемый былъ допрашиваемъ до истеченія 24-хъ часовъ. Это постановленіе было столь же формальнымъ и соблюдалось такъ же мало, какъ и въ наши дни.

Вотъ какимъ образомъ кроткое и прочно стоявшее правительство изо дня въ день преподавало народу кодексъ преступности, наиболѣе пригодный для временъ революціи и наиболѣе удобный для тираніи. Это преподаваніе велось безпрерывно, и Старый порядокъ до самаго конца сообщалъ низшимъ классамъ это опасное воспитаніе. Въ этомъ отношеніи даже Тюрго тщательно слѣдовалъ примѣру своихъ предшественниковъ. Когда, въ 1775 г., его новые хлѣбные законы возбудили сопротивленіе въ Парламентѣ и возстанія въ селахъ, онъ испросилъ у короля повелѣніе (ordonnance), которое, отстраняя суды, предавало бунтовщиковъ превотальной юрисдикціи, „каковая“, гласитъ ордоннансъ: „преимущественно предназначена для подавленія народныхъ возстаній, когда полезно бываетъ быстро показать примѣръ“. Но этого мало: всѣ крестьяне, которые удалялись изъ своего прихода, не запасшись удостовѣреніемъ, подписаннымъ священникомъ и синдикомъ, должны были подлежать преслѣдованію, задержанію и превотальному суду, какъ бродяги.

Правда, что, если въ монархіи XVIII в. формы возбуждали ужасъ, то на дѣлѣ наказаніе почти всегда умѣрялось. Тогда предпочитали внушать страхъ, чѣмъ причинять страданія; или, вѣрнѣе говоря, произвола и насилія держались по привычкѣ, а по темпераменту склонялись къ мягкости. Но отъ этого только упрочивалось расположеніе къ такому упрощенному правосудію. Чѣмъ мягче бывало наказаніе, тѣмъ легче забывался тотъ способъ, какимъ оно постановлялось. Мягкость приговора заслоняла собою весь ужасъ процедуры.

Опираясь на факты, я рѣшаюсь утверждать, что многіе изъ пріетовъ, примѣнявшихся революціоннымъ правительствомъ, имѣли своими прецедентами и образцами тѣ мѣры, которыя принимались по отношенію къ простому народу въ

послѣдніе два вѣка монархіи. Старый порядокъ доставилъ Революціи многія изъ своихъ формъ, а она добавила къ нимъ только суровость своего духа.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О томъ, что политической ревелюціи предшествовалъ крупный административный переворотъ и о послѣдствіяхъ этого факта.

Форма правленія оставалась еще нетронутой въ то время, какъ большинство второстепенныхъ законовъ, опредѣляющихъ положеніе отдѣльныхъ лицъ и административную дѣятельность, уже были отмѣнены или видоизмѣнены.

Упраздненіемъ цеховъ (jurandes) и ихъ частичнымъ и неполнымъ возстановленіемъ всѣ прежнія отношенія между хозяиномъ и рабочимъ были глубоко потрясены. Отношенія эти не только измѣнились, но въ то же время стали непрочными и принудительными. Полицейская власть хозяевъ (la police dominicale) была уничтожена, а правительственная опека — еще не устроена, и мастеровой, поставленный въ стѣснительное и неопредѣленное положеніе между правительствомъ и хозяиномъ, не зналъ хорошенько, кто изъ нихъ можетъ оказывать ему покровительство и обязанъ его дисциплинировать. Это тягостное и анархическое состояніе, въ которое сразу былъ повергнутъ весь низшій классъ городского населенія, привело къ важнымъ послѣдствіямъ, когда народъ началъ вновь появляться на политической сценѣ.

За годъ до Революціи королевскимъ эдиктомъ потрясена была вся существовавшая организація правосудія; много юрисдикцій было создано вновь, множество другихъ—упразднено, и всѣ правила о разграниченіи различныхъ вѣдомствъ подверглись измѣненію.

Но, какъ я уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ, во Франціи число лицъ, занимавшихся отправленіемъ правосудія или приведеніемъ въ исполненіе судебныхъ приговоровъ, было громадно. Въ сущности, вся буржуазія имѣла болѣе или менѣе близкое отношеніе къ судебнымъ учрежденіямъ. Та-

кимъ образомъ, эдиктъ сразу поколебалъ общественное и имущественное положеніе нѣсколькихъ тысячъ семействъ, замѣнивъ его чѣмъ то новымъ и временнымъ. Не меньшія неудобства создавалъ онъ и истцамъ, которые, среди этого судебнаго переворота, едва могли отыскать примѣнимый къ нимъ законъ и компетентный судъ.

Въ особенности же то коренное преобразованіе, которому въ 1787 г. подверглась администрація въ собственномъ смыслѣ, не только внесло безпорядокъ въ государственныя дѣла, а взволновало всѣхъ гражданъ даже въ ихъ частной жизни.

Я уже говорилъ о томъ, что въ pays d'élection, т. е. на пространствѣ почти трехъ четвертей Франціи, всѣ административныя дѣла каждой губерніи были ввѣрены одному лицу,—интенданту, дѣйствовавшему не только безконтрольно, но даже безъ участія какого-либо совѣщательнаго органа.

Въ 1787 г. рядомъ съ этимъ интендантомъ было поставлено провинціальное собраніе, которое и сдѣлалось дѣйствительнымъ правителемъ провинціи. Равнымъ образомъ, въ каждомъ селѣ выборная дума (corps principal) заняла мѣсто старыхъ приходскихъ собраній, а въ большинствѣ случаевъ,—и синдика.

Законодательство, до такой степени расходившееся въ предшествовавшимъ ему и такъ рѣзко измѣнявшее не только порядокъ дѣлъ, но и относительное положеніе отдѣльныхъ лицъ, должно было быть примѣнено повсюду одновременно и почти одинаковымъ образомъ, безъ всякаго вниманія къ прежнимъ обычаямъ и къ особому положенію провинцій: вотъ до какой степени объединяющій духъ Революціи владѣлъ уже тѣмъ старымъ правительствомъ, которое Революціи предстояло низвергнуть.

Тогда стало яснымъ, какую важную роль въ судьбахъ политическихъ учрежденій играетъ привычка, и насколько легче обходятся люди съ помощью темныхъ и запутанныхъ законовъ, практика которыхъ имъ давно извѣстна, чѣмъ съ помощью болѣе простого законодательства, которое для нихъ ново.

При Старомъ порядкѣ во Франціи существовали всевозможные виды властей, разнообразившіеся до безконечности по отдѣльнымъ провинціямъ, и ни одинъ изъ которыхъ не имѣлъ точныхъ и хорошо извѣстныхъ границъ, такъ что кругъ дѣйствій каждаго изъ нихъ всегда раздѣлялся имъ со многими другими. Въ концѣ концовъ, однако, въ дѣлахъ установился постоянный и довольно удобный порядокъ; тогда какъ новыя власти, будучи сравнительно немногочисленны, тщательно разграничены и схожи другъ съ другомъ, тѣмъ не менѣе тотчасъ же столкнулись и перемѣшались между собой, образуя величайшую путаницу и часто приводя другъ друга къ безсилію.

Впрочемъ, новый законъ страдалъ крупнымъ недостаткомъ, котораго одного было бы довольно, — по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ,—чтобы затруднить его осуществленіе; всѣ, созданныя имъ, власти носили коллегіальный характеръ.

Старой монархіи во всѣ времена были извѣстны только два способа управленія: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ администрація была ввѣрена *одному* человѣку, послѣдній дѣйствовалъ безъ помощи какого-либо собранія; напротивъ, тамъ, гдѣ существовали собранія,—какъ въ pays d'états или въ городахъ,—исполнительная власть не ввѣрялась никому въ отдѣльности: собраніе не только управляло и наблюдало надъ администраціей, но отправляло административныя функціи непосредственно или чрезъ посредство временныхъ, назначавшихся имъ, комиссій.

Такъ какъ знали только эти два способа дѣйствій, то, какъ только покинутъ былъ одинъ изъ нихъ, приняли другой. Довольно странно, что въ средѣ такого просвѣщеннаго общества, гдѣ, притомъ, государственная администрація уже съ давнихъ поръ играла такую большую роль, — никогда не задавались мыслью совмѣстить обѣ системы и установить, хотя и не разъединеніе, но различіе между исполнительною властью съ одной стороны и контролирующею и предписывающею — съ другой. Эта мысль, несмотря на свою кажущуюся простоту, не появлялась вовсе: она возникла только въ нынѣшнемъ столѣтіи, — и представляетъ собою, можно сказать, единственное важное открытіе, сдѣланное нами въ

области государственной администраціи. Мы увидимъ, какими послѣдствіями сопровождался противоположный образъ дѣйствій, когда, перенося въ политику привычки администраціи и повинуясь традиціямъ Стараго порядка, несмотря на всю ненависть къ нему, дѣятели національнаго конвента стали примѣнять ту систему, которой прежде слѣдовали провинціальныя собранія и маленькіе городскіе муниципалитеты, и какимъ образомъ то, что доселѣ было лишь причиной замѣшательствъ въ дѣлахъ,—теперь внезапно привело къ террору.

Итакъ, провинціальныя собранія 1787 г. получили право управляться самостоятельно въ большинствѣ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ доселѣ дѣйствовалъ единолично интендантъ; они были уполномочены, подъ высшимъ контролемъ центральнаго правительства, раскладывать талью и наблюдать за ея взиманіемъ, рѣшать, какія должны быть предпринимаемы общественныя работы и приводить ихъ въ исполненіе. Въ ихъ непосредственномъ распоряженіи находились всѣ агенты путей сообщенія, отъ инспектора и до простого надсмотрщика (piqueur des travaux). Они должны были предписывать этимъ агентамъ то, что находили нужнымъ, отдавать министру отчетъ объ ихъ службѣ и представлять ихъ къ тѣмъ наградамъ, которыхъ они заслуживали. Опека надъ частными лицами почти всецѣло предоставлена была этимъ собраніямъ; они должны были разбирать въ первой инстанціи большую часть тѣхъ тяжебныхъ дѣлъ, которыя раньше подлежали суду интенданта, и пр.: это были функціи, изъ которыхъ многія плохо согласовались съ коллегіальнымъ устройствомъ и безотвѣтственностью вѣдавшей ихъ власти, и которыя, притомъ, должны были осуществляться людьми, впервые занимавшимися административной дѣятельностью.

Путаницу довершало то обстоятельство, что должность интенданта все таки была сохранена, хотя власть его, какъ мы видимъ, сведена была къ нулю. Снявъ съ него безусловную обязанность дѣлать все, на него возложили обязанность помогать собранію и контролировать его въ томъ, что *оно* будетъ дѣлать. Какъ будто мыслимо, чтобы павшій сановникъ могъ когда-либо вникнуть въ духъ того законодательства, которое его лишило власти, и способствовать его прижѣненію!

Та же участь, какую испыталъ интендантъ, постигла и его субделегата. Рядомъ съ нимъ и на то мѣсто, которое онъ только что занималъ, поставлено было окружное собраніе (assemblée d'arrondissement), которое должно было дѣйствовать подъ руководствомъ провинціальнаго собранія и по аналогичнымъ принципамъ.

Всѣ извѣстныя намъ дѣйствія провинціальныхъ собраній, учрежденныхъ въ 1787 г., и самые ихъ протоколы показываютъ, что тотчасъ же послѣ своего возникновенія они вступили въ глухую, а нерѣдко и открытую борьбу съ интендантами, которые пользовались преимуществомъ своей опытности лишь для того, чтобы мѣшать своимъ преемникамъ. То собраніе жалуется, что ему стоитъ большихъ усилій вырвать необходимѣйшія ему бумаги изъ рукъ интенданта. То интендантъ обвиняетъ членовъ собранія въ томъ, что они хотятъ захватить права, оставленныя ему, какъ онъ говоритъ, эдиктами. Онъ апеллируетъ къ министру, который часто ничего не отвѣчаетъ или колеблется; потому что предметъ и для него новъ и такъ же теменъ, какъ и для всѣхъ другихъ. Порою собраніе разсуждаетъ о томъ, что интендантъ плохо управлялъ, что устроенныя имъ дороги неудачно проведены или плохо содержатся; что онъ допустилъ разорить тѣ общины, попечителемъ которыхъ былъ. Нерѣдко собранія становятся въ тупикъ среди неясностей мало знакомаго законодательства; они издалека обращаются другъ къ другу за совѣтами и безпрестанно дѣлаютъ запросы. Ошскій (Auch) интендантъ считаетъ себя вправѣ воспротивиться волѣ провинціальнаго собранія, разрѣшившаго одной общинѣ обложить себя налогомъ; собраніе увѣряетъ, что въ этихъ дѣлахъ интенданту отнынѣ предоставляется только выражать мнѣнія, а не приказывать, и обращается къ провинціальному собранію Иль-де-Франса съ вопросомъ, какъ оно объ этомъ думаетъ.

Среди этихъ препирательствъ и совѣщаній ходъ административной дѣятельности нерѣдко замедляется, а иногда и пріостанавливается,—и тогда публичная жизнь какъ бы замираетъ. „Дѣла находятся въ полномъ застоѣ“, говоритъ Лотарингское провинціальное собраніе, въ одинъ голосъ со многими другими: „всѣ добрые граждане огорчены этимъ“.

Въ другихъ случаяхъ эти новыя учрежденія грѣшатъ, напротивъ, избыткомъ рвенія и самоувѣренности; они преисполнены безпокойнаго и новаторскаго духа, порождающаго въ нихъ желаніе сразу измѣнить старинные порядки и на скорую руку истребить наиболѣе укоренившіяся злоупотребленія. Ссылаясь на то, что отнынѣ имъ принадлежитъ попеченіе о городахъ, они берутся сами за веденіе общественныхъ дѣлъ. Словомъ, желая все улучшить, они окончательно все перепутываютъ.

Если теперь примемъ во вниманіе ту громадную роль, которую давно уже играла во Франціи государственная администрація, ту массу интересовъ, которой она касалась ежедневно, и все то, что зависѣло отъ нея или нуждалось въ ея содѣйствіи; если вспомнимъ, что частныя лица привыкли разсчитывать на нее больше, чѣмъ на самихъ себя для успѣшнаго веденія ихъ собственныхъ дѣлъ, поощренія ихъ промышленности, обезпеченія имъ средствъ къ жизни, устройства и содержанія ихъ путей, охраны ихъ спокойствія и благосостоянія,—то мы поймемъ, какое безчисленное множество людей оказалось лично затронутыми тѣмъ разстройствомъ, которымъ страдала администрація.

Но съ особенной силой недостатки новой организаціи давали себя чувствовать въ селахъ; здѣсь она не только нарушила существовавшій порядокъ властей, но и измѣнила внезапно относительное положеніе людей, поставила лицомъ къ лицу и привела въ столкновеніе всѣ классы.

Когда Тюрго, въ 1775 г., предложилъ королю преобразовать управленіе селами, то величайшее затрудненіе, встрѣченное имъ при этомъ, обусловливалось, по его собственному свидѣтельству, неравномѣрною раскладкой податей; какъ, въ самомъ дѣлѣ, заставить людей сообща вести и обсуждать приходскія дѣла, изъ которыхъ главными являются раскладка, сборъ и расходованіе податей, если не всѣ эти люди обязаны платить ихъ одинаковымъ образомъ, и если нѣкоторые изъ нихъ совершенно освобождены отъ податного бремени? Въ каждомъ приходѣ имѣлись дворяне и лица духовнаго званія, вовсе не платившіе тальи; крестьяне, также свободные отъ нея отчасти или вполнѣ; и, наконецъ, крестьяне, платившіе

ее полностью. Было какъ бы три отдѣльныхъ прихода, изъ которыхъ каждый требовалъ особаго управленія. Затрудненіе являлось неразрѣшимымъ.

И дѣйствительно, неравномѣрность податей нигдѣ не бросалась въ глаза такъ сильно, какъ въ селахъ; нигдѣ населеніе не дѣлилось въ этомъ отношеніи такъ рѣзко на различныя и нерѣдко враждебныя другъ другу группы. Чтобы дать селамъ коллективное и свободное управленіе, было бы необходимо предварительно все ихъ населеніе подчинить однимъ и тѣмъ же налогамъ и уменьшить въ нихъ разстояніе, раздѣлявшее классы.

Не такъ, однако, приступили къ дѣлу, когда, въ 1787 г., наконецъ, предпринята была эта реформа. Въ предѣлахъ прихода сохранили старинное раздѣленіе сословій и главный его признакъ,—неравенство податного обложенія, — и, тѣмъ не менѣе, все управленіе ввѣрено было выборнымъ коллегіямъ. Это обстоятельство тотчасъ же привело къ самымъ своеобразнымъ послѣдствіямъ.

Такъ, въ избирательномъ собраніи, созванномъ для выбора муниципальныхъ должностныхъ лицъ, приходскій священникъ и сеньеръ участвовать не могли: вѣдь первый принадлежалъ къ духовному сословію, второй—къ дворянскому; а въ данномъ случаѣ дѣло касалось преимущественно третьяго сословія, которому предстояло избрать своихъ представителей. Разъ же муниципальный совѣтъ избранъ, священникъ и сеньеръ являлись, наоборотъ, его членами по праву; потому что казалось неприличнымъ совершенно устранить отъ управленія приходомъ двухъ такихъ именитыхъ его жителей. Сеньеръ даже предсѣдательствовалъ среди тѣхъ же муниципальныхъ совѣтниковъ, въ выборѣ которыхъ онъ не принималъ никакого участія; но ему нельзя было вмѣшиваться въ большую часть ихъ дѣйствій. Когда, напримѣръ, обсуждался вопросъ о размѣрѣ тальи и объ ея раскладкѣ, священникъ и помѣщикъ не могли участвовать въ голосованіи. Вѣдь оба они были свободны отъ этой подати! Точно такъ же муниципальному совѣту не было никакого дѣла до capitation, которую платили они: этотъ налогъ попрежнему нормировался, въ особомъ порядкѣ, интендантомъ.

Изъ опасенія, чтобы этотъ предсѣдатель, несмотря на такую изолированность отъ собранія, руководителемъ котораго онъ считался, не оказывалъ, все таки, косвеннаго вліянія, противнаго интересамъ того сословія, къ которому онъ не принадлежалъ,—выставлено было требованіе, чтобы голоса его фермеровъ не считались; и провинціальныя собранія, спрошенныя по этому поводу, нашли это требованіе вполнѣ справедливымъ и какъ нельзя болѣе согласнымъ съ принципами. Прочіе дворяне, жившіе въ приходѣ, не могли вступать въ муниципалитетъ, составленный изъ разночинцевъ; это допускалось только въ томъ случаѣ, если бы они были избраны крестьянами, но тогда,—какъ замѣчаетъ предусмотрительно регламентъ,—они имѣли право представлять въ немъ только третье сословіе.

Итакъ, сеньеръ появлялся тамъ для того лишь, чтобы оказаться въ полномъ подчиненіи у своихъ бывшихъ подданныхъ, внезапно ставшихъ его господами; тамъ онъ былъ скорѣе плѣнникомъ ихъ, чѣмъ главою. Можно подумать, что, собирая такимъ образомъ всѣхъ этихъ людей, имѣли цѣлью не столько сблизить ихъ, сколько отчетливѣе показать имъ существовавшую между ними разницу и противоположность ихъ интересовъ.

Остался ли синдикъ тѣмъ, лишившимся довѣрія, чиновникомъ, обязанности котораго отправлялись лишь по принужденію, или, можетъ быть, положеніе его поднялось вмѣстѣ съ положеніемъ общины, главнымъ агентомъ которой попрежнему былъ онъ? Никто этого не зналъ достовѣрно. Мнѣ попалось письмо, написанное въ 1788 г. однимъ сельскимъ приставомъ, который возмущается тѣмъ, что его выбрали для исполненія обязанностей синдика. „Это противорѣчитъ всѣмъ привилегіямъ моей должности“, говоритъ онъ. Генеральный контролеръ отвѣчаетъ, что надо внушить этому обывателю болѣе правильныя понятія „и объяснить ему, что онъ долженъ считать за честь выборъ своихъ односельчанъ; что, впрочемъ, новые синдики нисколько не будутъ похожи на тѣхъ чиновниковъ, которые до сихъ поръ носили это названіе, и что они могутъ разсчитывать на большее вниманіе со стороны правительства“.

Съ другой стороны, замѣчается, что вліятельные жители прихода, даже и дворяне, вдругъ начинаютъ искать сближенія съ крестьянами, когда послѣдніе становятся силою. Сеньеръ одного села, расположеннаго въ окрестностяхъ Парижа, имѣвшій въ немъ „высшую судебную власть“ (haut justicier), жалуется на эдиктъ, мѣшающій ему участвовать, *хотя бы какъ простому обывателю*, въ дѣйствіяхъ приходскаго собранія. Другіе изъявляютъ согласіе, — по ихъ словамъ,—„изъ преданности къ общему благу исполнять даже обязанности синдика“.

Но было уже поздно. По мѣрѣ того, какъ люди изъ богатыхъ классовъ приближаются къ сельскому населенію и усиливаются вступить въ тѣсныя отношенія съ нимъ, оно замыкается въ той отчужденности, которою нѣкогда его окружили, и защищаетъ эту позицію. Встрѣчаются приходскія муниципальныя собранія, отказывающіяся принять сеньёра въ свою среду; другія дѣлаютъ всевозможныя затрудненія прежде, чѣмъ допустить разночинцевъ, даже богатыхъ. „Намъ стало извѣстнымъ“, говоритъ провинціальное собраніе нижней Нормандіи: „что многія муниципальныя собранія отказались допустить въ свою среду разночинцевъ - собственниковъ, не имѣющихъ осѣдлости въ приходѣ, хотя несомнѣнно, что они имѣютъ право участвовать въ собраніи; другія собранія отказались допустить даже откупщиковъ, не имѣющихъ собственности на ихъ территоріи“.

Итакъ, мы видимъ, что въ производныхъ законахъ все уже было ново, темно и противорѣчиво, когда еще и не касались основныхъ законовъ, опредѣляющихъ порядокъ управленія государствомъ. То, что еще уцѣлѣло, было расшатано, и почти не оставалось ни одного установленія, близкое упраздненіе или преобразованіе котораго не было-бы возвѣщено самимъ центральнымъ правительствомъ.

Эта внезапная и громадная перестройка всѣхъ административныхъ нормъ и обыкновеній, предшествовавшая у насъ политической революціи, почти не упоминается въ настоящее время; а между тѣмъ она сама по себѣ уже представляла одинъ изъ крупнѣйшихъ переворотовъ, когда-либо встрѣчавшихся въ исторіи великихъ народовъ. Этотъ первый пере-

воротъ оказалъ колоссальное вліяніе на второй и сдѣлалъ изъ него явленіе, отличное отъ всѣхъ явленій того-же рода, происходившихъ въ мірѣ какъ до него, такъ и послѣ.

Первая англійская революція, перевернувшая все политическое устройство этой страны и упразднившая въ ней даже королевскую власть, лишь очень поверхностно коснулась производныхъ законовъ и почти ничего не измѣнила въ обычаяхъ и привычкахъ. Судъ и администрація удержали свои формы и слѣдовали тѣмъ-же пріемамъ, что и раньше. Въ самый разгаръ междоусобной войны, двѣнадцать судей Англіи продолжали, говорятъ, два раза въ годъ совершать объѣздныя сессіи. Итакъ, не все сразу было выведено изъ состоянія покоя. Революція оказалась ограниченною въ своихъ слѣдствіяхъ, и англійское общество, хотя и взволнованное у своей вершины, не потеряло равновѣсія.

Да и у насъ, во Франціи, со времени 89 г. было много переворотовъ, измѣнявшихъ до основанія весь правительственный строй. Большинство ихъ было совершено внезапно и насильственно, съ открытымъ нарушеніемъ существовавшихъ законовъ. Однако же, безпорядокъ, порождавшійся ими, никогда не былъ ни продолжительнымъ, ни всеобщимъ; они едва были почувствованы самою значительною частью націи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже едва замѣчены ею.

Это объясняется тѣмъ, что, начиная съ 89 г., устройство администраціи всегда оставалось нетронутымъ среди развалинъ политическихъ конституцій. Мѣнялись личности государей или формы центральной власти; но ходъ повседневныхъ дѣлъ не испытывалъ ни перерывовъ, ни потрясеній; каждый оставался подчиненнымъ, въ тѣхъ маленькихъ дѣлахъ, которыя интересовали его лично, знакомымъ ему правиламъ и обыкновеніямъ; онъ зависѣлъ отъ тѣхъ второстепенныхъ властей, къ которымъ привыкъ всегда обращаться, и обыкновенно имѣлъ дѣло даже съ тѣми-же агентами. Если администрація, при каждомъ государственномъ переворотѣ, теряла своего главу, то ея тѣло оставалось нетронутымъ и продолжало жить: тѣ-же функціи отправлялись тѣми-же чиновниками, вносившими повсюду, несмотря на разнообразіе политическихъ законовъ, свой духъ и свои пріемы. Они творили судъ и расправу сначала именемъ короля, потомъ— именемъ республики, и, наконецъ, — именемъ императора. Далѣе, слѣдуя за колесомъ судьбы, они опять начинали судить и управлять для короля, для республики и для императора, оставаясь все тѣми-же и при тѣхъ-же пріемахъ. Въ самомъ дѣлѣ: что имъ до имени господина? Ихъ дѣло заключалось не столько въ томъ, чтобы быть гражданами, сколько въ томъ, чтобы быть хорошими администраторами и судьями. Оттого и казалось, по минованіи перваго толчка, будто въ странѣ ровно ничего не измѣнилось.

Но въ тотъ моментъ, когда разразилась Революція, эта часть государственнаго управленія, которая, несмотря на свою подчиненность, ежедневно даетъ себя чувствовать каждому гражданину и вліяетъ наиболѣе постояннымъ и дѣйствительнымъ образомъ на его благополучіе, только что претерпѣла полный переворотъ: администрація сразу перемѣнила всѣхъ своихъ агентовъ и обновила всѣ свои принципы. Государство на первыхъ порахъ какъ будто не испытало значительнаго сотрясенія отъ этой громадной реформы; но всѣ французы въ отдѣльности почувствовали небольшой толчекъ: каждый оказался поколебленнымъ въ своемъ положеніи, смущеннымъ въ своихъ привычкахъ или стѣсненнымъ въ своей промышленной дѣятельности. Въ самыхъ важныхъ и общихъ дѣлахъ еще продолжалъ царить извѣстный постоянный порядокъ, тогда какъ никто уже не зналъ, кому повиноваться, къ кому обращаться и какъ быть въ тѣхъ мелкихъ и частныхъ дѣлахъ, изъ которыхъ слагается обыденное движеніе общественной жизни.

Такъ какъ ни одна изъ частей націи уже не чувствовала подъ собой твердой почвы, то достаточно было одного удара, чтобы всколебать ее всю цѣликомъ и вызвать въ ней величайшій хаосъ и самое чудовищное смятеніе, какіе только знаетъ исторія.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О томъ, какъ все предшествующее само собой привело къ Революціи.

Въ заключеніе я намѣренъ собрать нѣкоторыя изъ чертъ, уже намѣченныхъ мною, и показать, что изъ Стараго порядка, картину котораго я только что представилъ, Революція вытекала какъ бы сама собой.

Если подумать, что у насъ феодальная система, не измѣняясь въ томъ, что̀ могло въ ней вредить или раздражать, совершенно утратила всѣ тѣ свои стороны, которыя могли оказать покровительство или услуги, то уже нельзя будетъ такъ сильно удивляться тому обстоятельству, что революція, долженствовавшая насильственно упразднить этотъ старый общественный строй Европы, разразилась именно во Франціи, а не въ другой странѣ.

Если принять во вниманіе, что дворянство, потерявъ свои древнія политическія права и преставъ, какъ ни въ одной изъ остальныхъ странъ феодальной Европы, управлять и руководить жителями, тѣмъ не менѣе не только сохранило, но и значительно пріумножило свои денежныя привилегіи и преимущества, которыми пользовались индивидуально его члены; что, дѣлаясь подчиненнымъ классомъ, оно оставалось классомъ привилегированнымъ и замкнутымъ, т. е., какъ я сказалъ въ другомъ мѣстѣ, все болѣе утрачивало характеръ аристократіи и пріобрѣтало характеръ касты; если принять это во вниманіе, тогда нечего будетъ удивляться, что привилегіи дворянства казались французамъ такими необъяснимыми и ненавистными, и что вслѣдствіе этого демократическая зависть зажглась въ ихъ сердцѣ съ такою силой, что продолжаетъ горѣть до сихъ поръ.

Если вспомнить, наконецъ, что это дворянство, отрѣзанное какъ отъ среднихъ классовъ, которыхъ оно оттолкнуло отъ своей груди, такъ и отъ народа, сердцу котораго дало ускользнуть, являлось совершенно изолированнымъ среди націи и только казалось головою арміи, а въ дѣйствительности было лишь корпусомъ офицеровъ безъ солдатъ, то станетъ понятнымъ, какимъ образомъ, простоявъ тысячу лѣтъ, оно могло быть опрокинуто въ теченіе одной ночи.

Я показалъ, какимъ путемъ королевское правительство, уничтоживъ провинціальныя вольности и замѣнивъ собою, въ трехъ четвертяхъ Франціи, всѣ мѣстныя власти, сосредоточило въ своихъ рукахъ всѣ дѣла, какъ самыя мелкія, такъ и наиболѣе важныя; съ другой стороны, я объяснилъ, какъ, вслѣдствіе этого, Парижъ неизбѣжно долженъ былъ сдѣлаться хозяиномъ страны, которой до тѣхъ поръ былъ только столицею, или, вѣрнѣе говоря, просто замѣнилъ собою всю страну. Этихъ двухъ фактовъ, составлявшихъ особенность Франціи, уже было-бы достаточно для объясненія того, почему возстаніе могло разрушить до основанія монархію, выдерживавшую въ теченіе столькихъ вѣковъ такіе жестокіе удары и еще наканунѣ своего паденія казавшуюся непоколебимой даже тѣмъ, которымъ предстояло ее низвергнуть.

Такъ какъ Франція была одною изъ тѣхъ европейскихъ странъ, гдѣ всего раньше и полнѣе угасла всякая политическая жизнь, гдѣ частныя лица въ наибольшей степени утратили дѣловой навыкъ, привычку понимать смыслъ событій, знакомство съ народными движеніями и почти всякое знаніе народа, то нетрудно себѣ представить, какимъ образомъ всѣ французы сразу могли впасть въ грозную революцію, не замѣчая ея, причемъ наиболѣе угрожаемые ею шли впереди, взявшись открывать и расширять тотъ путь, который велъ къ ней.

Такъ какъ уже не существовало свободныхъ учрежденій, а, слѣдовательно, и политическихъ классовъ, живыхъ политическихъ корпорацій, организованныхъ и руководимыхъ партій, и такъ какъ за отсутствіемъ всѣхъ этихъ регулярныхъ силъ, руководительство общественнымъ мнѣніемъ, когда послѣднее начало возрождаться, досталось исключительно философамъ, то и слѣдовало ожидать, что Революція будетъ ведена не столько въ виду извѣстныхъ конкретныхъ фактовъ, сколько на основаніи отвлеченныхъ началъ и са-

мыхъ общихъ теорій; можно было предсказывать, что нападеніе будетъ сдѣлано не на отдѣльные дурные законы, а на все законодательство, и что на мѣсто стараго государственнаго устройства Франціи захотятъ поставить совершенно новую правительственную систему, задуманную этими писателями.

Такъ какъ церковь находилась, конечно, въ связи со всѣми старыми учрежденіями, которыя предстояло разрушить, то не могло быть сомнѣнія въ томъ, что этотъ переворотъ поколеблетъ и религію одновременно съ ниспроверженіемъ гражданской власти; съ этой минуты становилось невозможнымъ опредѣлить, до какихъ неслыханныхъ дерзостей дойдетъ увлеченіе новаторовъ, освобожденныхъ сразу отъ всѣхъ стѣсненій, налагаемыхъ религіей, обычаями и законами на воображеніе людей.

Кто внимательно изучилъ-бы состояніе страны, тотъ легко могъ предвидѣть, что нѣтъ такой неслыханной дерзости, на которую въ ней нельзя будетъ отважиться, и такого насилія, котораго бы въ ней не стерпѣли.

„Да что! восклицаетъ Бёркъ въ одномъ изъ своихъ краснорѣчивыхъ памфлетовъ, не видно ни одного человѣка, который могъ бы взять на себя отвѣтственность за самую незначительную область; мало того: не видно человѣка, который могъ-бы поручиться за другого. Всякаго арестовываютъ въ его домѣ безъ сопротивленія, по обвиненію ли въ роялизмѣ, въ модерантизмѣ или въ чемъ другомъ“. Беркъ плохо зналъ, въ какихъ условіяхъ эта самая монархія, о которой онъ сожалѣлъ, передала насъ нашимъ новымъ повелителямъ. Администрація Стараго порядка заранѣе отняла у французовъ возможность и охоту помогать другъ другу. Когда подоспѣла Революція, въ большей части Франціи нельзя было найти и десятка человѣкъ, привыкшихъ дѣйствовать дружно и въ порядкѣ и самимъ заботиться о своей защитѣ; эту обязанность должна была нести одна ценральная власть, такъ что, когда послѣдняя перешла изъ рукъ королевской администраціи въ руки безотвѣтственнаго собранія, надѣленнаго суверенитетомъ, и изъ добродушной сдѣлалась страшной, то она не встрѣтила передъ собой ни-

чего, способнаго не только остановить ее, но даже только задержать на мгновеніе. По той же причинѣ, вслѣдствіе которой монархія пала такъ легко, послѣ ея паденія все стало возможнымъ.

Религіозная терпимость, кротость въ начальствованіи, человѣчность и даже доброжелательность никогда еще не проповѣдывались такъ широко и не пользовались, казалось, такимъ признаніемъ, какъ въ XVIII вѣкѣ; ограничилось и смягчилось даже право войны, являющееся какъ-бы послѣднимъ убѣжищемъ насилія. Однако, изъ среды такихъ кроткихъ нравовъ суждено было произойти самой безчеловѣчной революціи. И тѣмъ не менѣе, все это смягченіе нравовъ не было лишь пустымъ призракомъ: какъ только улеглась ярость Революціи, та-же самая кротость тотчасъ-же стала распространяться во всѣхъ законахъ и проникать во всѣ политическія привычки.

Контрастъ между мягкостью теорій и жестокостью дѣйствій, составляющій одну изъ самыхъ странныхъ особенностей французской революціи, никого не удивитъ, если принять во вниманіе, что революція эта была подготовлена наиболѣе цивилизованными классами націи, а совершена самыми необразованными и грубыми. Такъ какъ у людей, принадлежавшихъ къ первымъ, не было ни установившейся взаимной связи, ни привычки дѣйствовать согласно, и вообще никакихъ преимуществъ предъ народомъ, то послѣдній почти немедленно сталъ руководящей силой, какъ только старыя власти были уничтожены. Тамъ, гдѣ онъ не управлялъ самъ, онъ, по меньшей мѣрѣ, сообщалъ правительству свой духъ. И если, съ другой стороны, подумать о томъ, какова была жизнь этого народа при Старомъ порядкѣ, то нетрудно будетъ понять, чѣмъ онъ долженъ былъ сдѣлаться.

Самыя особенности его положенія должны были развить въ немъ много рѣдкихъ качествъ. Рано освобожденный отъ крѣпостной зависимости и давно владѣвшій частью земли, скорѣе изолированный, чѣмъ зависимый, онъ являлся умѣреннымъ и гордымъ; онъ искусился въ трудѣ, былъ равнодушенъ къ удобствамъ жизни, покоренъ судьбѣ среди величайшихъ бѣдствій и твердъ въ опасностяхъ: это—та простая

и мужественная раса, которая наполнитъ собою ряды могучихъ армій, и подъ напоромъ ихъ склонится Европа. Но та-же самая причина дѣлала его опаснымъ, какъ властителя. Такъ какъ онъ цѣлыя столѣтія одинъ несъ на себѣ все бремя злоупотребленій и жилъ, отвергнутый другими классами, предоставленный совимъ предразсудкамъ, своей зависти и ненависти, онъ закалился въ своей суровой судьбѣ и сталъ способнымъ все вынести, но и все вокругъ себя заставить страдать.

Въ этомъ-то состояніи, наложивъ свою руку на правительство, онъ предпринялъ самъ довершить дѣло революціи. Книги доставили теорію; онъ взялъ на себя практику и приспособилъ идеи писателей къ своимъ дикимъ страстямъ.

Кто по этой книгѣ внимательно изучалъ Францію XVIII вѣка, тотъ могъ замѣтить, какъ въ ея нѣдрахъ возникли и развились двѣ преобладающія страсти, которыя отнюдь не были ровесницами и не всегда стремились къ одной цѣли.

Одна, болѣе глубокая и болѣе древняя, это—жестокая и неискоренимая ненависть къ неравенству. Ее порадилъ и воспиталъ самый видъ этого неравенства, и она съ давнихъ поръ внушала французамъ упорное и непреодолимое желаніе разрушить до основанія всѣ остатки средневѣковыхъ учрежденій и, очистивъ мѣсто, построить на немъ новое общество, гдѣ люди были-бы настолько одинаковы, а положенія настолько равны, насколько это возможно для человѣчества.

Другая, болѣе близкая къ намъ и менѣе укоренившаяся, порождала въ нихъ желаніе быть не только равными, но и свободными.

Къ концу Стараго порядка эти двѣ страсти одинаково искренни и кажутся одинаково живыми. На порогѣ Революціи онѣ встрѣчаются; смѣшиваются и сливаются на мгновеніе, въ этомъ соприкосновеніи усиливаютъ другъ друга и, наконецъ, сразу воспламеняютъ сердца всѣхъ французовъ. Это—89-й годъ, время неопытности, безъ сомнѣнія, но также время великодушія, энтузіазма, мужества и величія; время вѣчно памятное, къ которому съ восторгомъ и почтеніемъ будутъ обращаться взоры людей, когда его очевидцы и мы сами давно исчезнемъ съ лица земли. Тогда французы были

достаточно горды своимъ дѣломъ и собою самими, чтобы вѣрить въ возможность равенства при свободѣ. Поэтому, среди демократическихъ учрежденій они повсюду помѣстили учрежденія свободныя. Они не только стерли въ пыль то отжившее законодательство, которое раздѣляло людей на касты, корпораціи, классы и вносило въ права людей еще больше неравенствъ, чѣмъ въ ихъ положеніе, но уничтожили однимъ ударомъ и другіе законы, эти позднѣйшія созданія королевской власти, лишившія націю свободнаго пользованія своими силами и приставившія къ каждому французу правительство, чтобы оно его учило, опекало, а въ случаѣ надобности и притѣсняло. Вмѣстѣ съ неограниченнымъ правленіемъ пала централизація.

Но когда это могучее поколѣніе, начавшее Революцію, было истреблено или обезсилено, какъ бываетъ обыкновенно со всякимъ поколѣніемъ, предпринимающимъ такія дѣянія; когда, слѣдуя естественному ходу подобныхъ событій, любовь къ свободѣ остыла и утомилась среди анархіи и диктатуры черни, и нація, въ смятеніи начала какъ бы ощупью искать себѣ господина,—тогда абсолютная власть нашла для своего возрожденія и обоснованія удивительно легкіе пути, которые и были безъ труда открыты геніемъ человѣка, ставшаго въ одно и то-же время продолжателемъ Революціи и разрушителемъ ея дѣла.

Старый порядокъ, дѣйствительно, заключалъ, въ себѣ цѣлую группу учрежденій новѣйшаго происхожденія, которыя, вовсе не будучи враждебны свободѣ, легко могли занять мѣсто въ новомъ обществѣ, но, въ то-же время, страннымъ образомъ, открывали удобные пути деспотизму. Стали ихъ искать среди обломковъ всѣхъ другихъ учрежденій,—и нашли ихъ. Нѣкогда ими порождались привычки, страсти и понятія, направленныя къ тому, чтобы разобщить людей и держать ихъ въ повиновеніи; и вотъ, ихъ оживили и воспользовались ими. Ухватились за развалины централизаціи и возстановили ее; и такъ какъ она поднялась, а все, ограничивавшее ее нѣкогда, оставалось разрушеннымъ, — то изъ самыхъ нѣдръ націи, только что низвергнувшей королевскую власть, внезапно выросла столь обширная, развѣтвленная и абсо-

лютная власть, какою не пользовался ни одинъ изъ нашихъ королей. Предпріятіе казалось необычайнымъ по своей дерзости, успѣхъ его казался баснословнымъ потому, что французы думали только о томъ, что было у нихъ предъ глазами, и забывали видѣнное раньше. Властелинъ палъ, но самая существенная сторона созданнаго имъ уцѣлѣла; его правительство умерло, но его администрація продолжала жить, и съ тѣхъ поръ, каждый разъ, когда французы желали уничтожить абсолютную власть, они ограничивались тѣмъ, что ставили голову Свободы на тѣло раба.

Съ того времени, какъ началась Революція, и до нашихъ дней, страсть къ свободѣ нѣсколько разъ гасла, потомъ воскресала, затѣмъ опять гасла и воскресала вновь; въ этомъ кругу она долго будетъ вращаться, лишенная опыта, плохо упорядоченная, легко дающая себя обезкуражить, запугать и побѣдить, поверхностная и мимолетная. Тѣмъ временемъ страсть къ равенству продолжаетъ глубоко корениться въ сердцахъ, которыми она первая овладѣла; она поддерживается въ нихъ тѣми чувствами, которыя наиболѣе дороги намъ. Тогда какъ первая постоянно мѣняетъ свой видъ, то убываетъ, то растетъ, то усиливается, то ослабѣваетъ,— вторая всегда одинакова, всегда устремлена къ одной и той-же цѣли съ упорнымъ и, нерѣдко, слѣпымъ жаромъ, готова всѣмъ пожертвовать для тѣхъ, кто даетъ ей возможность удовлетворенія, и доставить правительству, желающему благопріятствовать и льстить ей, привычки, понятія и законы, нужные деспотизму для того, чтобы онъ могъ царить.

Французская Революція будетъ неразрѣшимою загадкой для тѣхъ, кто остановится на ней одной; пролить на нее свѣтъ можетъ только изученіе предшествовавшихъ эпохъ. Не имѣя отчетливаго представленія о старомъ обществѣ,— объ законахъ, его порокахъ, предразсудкахъ, бѣдствіяхъ и величіи,—никогда нельзя будетъ понять того, что сдѣлали французы въ теченіе слѣдовавшихъ за его паденіемъ шестидесяти лѣтъ; но и этой картины будетъ недостаточно, если не проникнуть въ самую природу нашей націи.

Размышляя объ этой націи самой по себѣ, я нахожу въ ней еще больше необычайнаго, чѣмъ въ событіяхъ ея исторіи.

Появлялась-ли когда-либо на землѣ хоть одна нація, до такой степени полная противорѣчій и крайностей въ каждомъ изъ своихъ дѣйствій, въ большей степени руководимая чувствованіями и въ меньшей—принципами, поступающая всегда хуже или лучше, чѣмъ можно было ожидать, то опускавшаяся ниже общаго уровня человѣчества, то далеко превышавшая его; извѣстенъ-ли другой народъ, настолько неизмѣнный въ основныхъ своихъ инстинктахъ, что и теперь можно его узнать по портретамъ, срисованнымъ съ него двѣ-три тысячи лѣтъ тому назадъ, и въ то-же время до такой степени подвижный въ своихъ ежедневныхъ мысляхъ и вкусахъ, что, въ концѣ-концовъ, самъ создаетъ себѣ неожиданныя положенія и порою такъ-же, какъ иностранцы, изумляется при видѣ того, что только-что сдѣлалъ; тяжелый на подъемъ и косный, какъ никто, пока предоставленъ самому себѣ, и готовый пойти на край свѣта и отважиться на все, разъ его насильно оторвутъ отъ его дома и привычекъ; строптивый по природѣ и, тѣмъ не менѣе, легче приспособляющійся къ произвольному и даже насильственному господству государя, чѣмъ къ сообразному съ законами и свободному правительству выдающихся гражданъ; сегодня—отъявленный врагъ всякаго повиновенія, а завтра—подслуживающійся съ какою-то страстью, въ которой съ нимъ не могутъ сравняться даже націи, самою природой предназначенныя для рабства; послушный, какъ дитя, пока никто не сопротивляется, и неукротимый, какъ только гдѣ нибудь поданъ примѣръ сопротивленія; такимъ образомъ всегда обманывающій своихъ господъ, которые либо слишкомъ боятся его, либо недостаточно боятся; никогда не свободный на столько, чтобы слѣдовало отчаяваться въ возможности поработить его, но и не настолько порабощенный, чтобы не оказаться еще въ силахъ сломить иго; годный на все, но отличающійся только въ войнахъ; поклонникъ случая, силы, успѣха, блеска и шума болѣе, чѣмъ истинной славы; болѣе способный къ героизму, чѣмъ къ добродѣтели, къ геніальности, чѣмъ къ здравому смыслу, къ громаднымъ замысламъ, чѣмъ къ осуществленію великихъ предпріятій? Это—самая блестящая и самая опасная изъ европейскихъ націй, созданная для того, чтобы становиться

по очереди предметомъ удивленія, ненависти, жалости, ужаса, но ни въ какомъ случаѣ не равнодушія.

Только изъ ея нѣдръ могла выйти революція, до такой степени внезапная, радикальная, стремительная въ своемъ теченіи, и, въ то-же время, столь преисполненная отступленій, противорѣчивыхъ фактовъ и противоположныхъ примѣровъ. Безъ тѣхъ мотивовъ, на которыя я указалъ, французы никогда не начали-бы ея; но необходимо признать, что всѣхъ этихъ мотивовъ, вмѣстѣ взятыхъ, было-бы недостаточно для объясненія подобной революціи гдѣ-бы то ни было, кромѣ Франціи.

Итакъ, мы достигли порога этой достопамятной революціи; на этотъ разъ я не перешагну его: можетъ быть, мнѣ удастся сдѣлать это въ близкомъ будущемъ. Тогда я ее разсмотрю не въ ея причинахъ, а въ самой себѣ, и, наконецъ, позволю себѣ произнести сужденіе о томъ обществѣ, которое изъ нея произошло.

Приложеніе.

Объ областяхъ съ провинціальными штатами и, въ частности, о Лангедокѣ.

Я не имѣю намѣренія подробно разбирать здѣсь, каково было положеніе дѣлъ въ каждой изъ областей съ провинціальными штатами (pays d'états) еще существовавшихъ въ эпоху Революціи.

Я хочу только указать число ихъ, отмѣтить тѣ, въ которыхъ была еще дѣятельна мѣстная жизнь, разъяснить, въ какихъ отношеніяхъ они находились къ королевской администраціи, въ чемъ отклонялись отъ общихъ правилъ, изложенныхъ выше, и въ чемъ подходили подъ эти правила, и, наконецъ, показать, на примѣрѣ одной изъ нихъ, чѣмъ всѣ они легко могли-бы сдѣлаться.

Въ большинствѣ французскихъ провинцій существовали сословные штаты (états), т. е. каждая изъ нихъ управлялась, подъ верховною властью короля, „людьми трехъ сословій“ (gens des trois états), какъ говорили тогда, подразумѣвая собраніе, составленное изъ представителей духовенства, дворянства и городского сословія. Это политическое устройство провинцій, такъ-же, какъ и другія средневѣковыя политическія учрежденія носило одинъ и тотъ-же характеръ почти во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ тѣхъ, куда проникли германскіе нравы и понятія. Есть много нѣмецкихъ провинцій, въ которыхъ собранія чиновъ существовали вплоть до французской Революціи; тамъ, гдѣ ихъ уничтожили, это произошло лишь въ періодъ XVII и XVIII вѣковъ. Въ теченіе двухъ столѣ-

тій монархи повсюду вели съ ними то глухую, то открытую, но во всякомъ случаѣ непрерывную борьбу. Они никогда не дѣлали попытокъ усовершенствовать это учрежденіе соотвѣтственно съ требованіями прогресса, а старались только уничтожить его, или изуродовать, когда представлялся къ тому случай и когда не было возможности поступить хуже.

Во франціи, къ 1789 г., сословныя собранія существовали всего еще въ трехъ, болѣе или менѣе значительныхъ, провинціяхъ да въ нѣсколькихъ ничтожныхъ округахъ. Собственно-же провинціальныя вольности уцѣлѣли только въ двухъ провинціяхъ: въ Бретани и въ Лангедокѣ; во всѣхъ другихъ мѣстахъ установленіе это совершенно утратило свою жизненность и обратилось въ пустой призракъ. Я остановлюсь на Лангедокѣ и подвергну его отдѣльному анализу.

Лангедокъ былъ самымъ обширнымъ и населеннымъ изъ всѣхъ pays d'états; онъ заключалъ въ себѣ болѣе двухъ тысячъ общинъ (communes), или, какъ говорилось въ то время,— обществъ (communautés), и насчитывалъ около двухъ милліоновъ жителей. Сверхъ того, онъ былъ и самой благоустроенной изъ всѣхъ этихъ провинцій и отличался своимъ благодентсвіемъ. Такимъ образомъ, на примѣрѣ Лангедока удобно будетъ показать, чѣмъ могла быть провинціальная вольность при Старомъ порядкѣ, и до какой степени ее подчинили королевской власти даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ она была наиболѣе сильна.

Въ Лангедокѣ сословія могли собираться не иначе, какъ по особому повелѣнію короля и послѣ пригласительной грамоты (lettre de convocation), ежегодно посылаемой имъ порознь каждому изъ членовъ будущаго собранія, что̀ и побудило одного тогдашняго фрондёра сказать слѣдующее: „Изъ трехъ сословій, составляющихъ наши собранія, одно,—духовенство,—участвуетъ въ нихъ по назначенію короля, потому что онъ раздаетъ епископскія каѳедры и бенефиціи, а другія два находятся въ такомъ-же положеніи, потому что королевскій приказъ можетъ не допустить любого члена къ участію въ собраніи, не прибѣгая для этого ни къ изгнанію его, ни къ возбужденію противъ него процесса: сто̀итъ только не пригласить его".

Собранія должны были не только открываться, но и закрываться въ опредѣленные дни, указанные королемъ. Обычная продолжительность сессіи была установлена постановленіемъ Совѣта въ размѣрѣ сорока дней. Король былъ представленъ въ собраніи особыми комиссарами, которые пользовались правомъ входа въ него во всякое время, когда бы ни потребовали, и уполномочены были излагать въ собраніи намѣренія правительства. Притомъ, правительство держало собранія подъ строгою опекой. Они не могли принять сколько-нибудь важной резолюціи, провести какую-бы то ни было финансовую мѣру безъ того, чтобы ихъ постановленіе предварительно не было одобрено постановленіемъ Совѣта; для того, чтобы ввести налогъ, заключить заемъ, начать процессъ, они нуждались въ особомъ разрѣшеніи короля. Всѣ ихъ общіе регламенты, со включеніемъ того, которымъ опредѣлялся порядокъ ихъ засѣданій, должны были восходить на утвержденіе высшей власти прежде, чѣмъ вступить въ силу. Вся совокупность ихъ поступленій и расходовъ, ихъ бюджетъ, какъ сказали-бы мы теперь, подлежели ежегодно такому-же контролю.

Затѣмъ, центральной власти принадлежали въ Лангедокѣ тѣ-же политическія права, что и вездѣ; законы, исходившіе отъ нея, общіе регламенты, безпрестанно издававшіеся ею, общія мѣры, которыя принимала она, примѣнялись тамъ точно такъ-же, какъ въ pays d'élection. Равнымъ образомъ она отправляла тамъ всѣ естественныя функціи правительства: имѣла ту-же полицію и тѣхъ-же агентовъ; отъ времени до времени создавала, какъ и вездѣ, множество новыхъ чиновниковъ, и ихъ должности провинція вынуждена была выкупа̀ть дорогой цѣной.

Лангедокъ, подобно другимъ провинціямъ, находился подъ управленіемъ интенданта. Этотъ интендантъ имѣлъ въ каждомъ округѣ субделегата, который сносился со старшинами общинъ и руководилъ ими. Интендантъ и въ Лангендокѣ выполнялъ административную опеку, совершенно такъ-же, какъ въ pays d'élection. Ничтожнѣйшая деревушка, затерянная въ ущельяхъ Севеннъ, не могла сдѣлать ни малѣйшаго расхода, не бывъ на то уполномочена изъ Парижа особымъ поста-

новленіемъ королевскаго совѣта. Та часть судебной практики, которая называется теперь административными тяжбами (contentieux administratif), была въ Лангедокѣ не менѣе обширна, чѣмъ въ остальной Франціи. Интендантъ разрѣшалъ въ первой инстанціи всѣ вопросы относительно путей сообщенія; онъ разбиралъ всѣ процессы, касавшіеся дорогъ, и, вообще, разсматривалъ всѣ тѣ дѣла, въ которыхъ правительство было или считало себя заинтересованнымъ; что, впрочемъ, не мѣшало тому-же правительству прикрывать всѣхъ своихъ агентовъ отъ нескромныхъ преслѣдованій со стороны тѣснимыхъ ими гражданъ.

Каковы-же были особенности, отличавшія Лангедокъ отъ другихъ провинцій и дѣлавшія его для нихъ предметомъ зависти? Онъ обладалъ тремя преимуществами, которыхъ было достаточно, чтобы сдѣлать его совершенно непохожимъ на остальную Францію.

Во-первыхъ, собраніемъ, которое состояло изъ вліятельныхъ людей, пользовалось довѣріемъ населенія и было уважаемо королевской властью, въ которомъ ни одинъ агентъ центральнаго правительства или, какъ говорилось въ то время, ни одинъ чиновникъ короля (officier du roi) участвовать не могъ, и гдѣ каждый годъ свободно и серьезно обсуждались особые интересы провинціи. Уже въ силу своего сосѣдства съ этимъ источникомъ свѣта, королевская администрація совершенно иначе пользовалась своими привилегіями и, оставаясь при тѣхъ-же агентахъ и тѣхъ-же интересахъ, совсѣмъ не походила на то, чѣмъ она была во всѣхъ другихъ провинціяхъ.

Во-вторыхъ, въ Лангедокѣ существовало много общественныхъ работъ, производившихся на счетъ короля и чрезъ посредство его агентовъ; существовали и другія общественныя работы, для которыхъ центральное правительство доставляло часть средствъ и исполненіемъ которыхъ въ значительной мѣрѣ оно руководило; но большинство такихъ работъ производилось исключительно на средства провинціи. Работы этого послѣдняго разряда, по утвержденіи королемъ ихъ плана и смѣты расходовъ, велись служебнымъ персоналомъ, назначеннымъ штатами, и подъ наблюденіемъ коммиссаровъ, выбранныхъ изъ ихъ-же среды.

Наконецъ, въ-третьихъ, провинція имѣла право взимать самостоятельно и тѣмъ способомъ, который она предпочитала, часть королевскихъ налоговъ и всѣ тѣ налоги, которые ей позволялось устанавливать для удовлетворенія своихъ собственныхъ нуждъ.

Посмотримъ, какія выгоды Лангедокъ съумѣлъ извлечь изъ этихъ привилегій. Вопросъ этотъ стоитъ вниманія.

Въ pays d'élection особенно поражаетъ почти полное отсутствіе мѣстныхъ повинностей; общіе налоги нерѣдко подавляютъ своимъ бременемъ, но провинція почти ничего не тратитъ на себя. Напротивъ того, въ Лангедокѣ сумма, въ которую ежегодно обходятся провинціи общественныя работы, достигаетъ громадныхъ размѣровъ; такъ, около 1780 г. она превышала 2 милліона ливровъ въ годъ.

Центральное правительство иногда приходитъ въ ярость при видѣ такихъ затратъ; оно начинаетъ бояться, что провинція, истощенная такимъ усиліемъ, окажется не въ состояніи уплатить ту часть налоговъ, которая слѣдовала ему, и упрекаетъ штаты въ неумѣренности. Я читалъ одну записку, въ которой собраніе отвѣчаетъ на эту критику; привожу изъ нея дословныя выдержки, обрисовывающія ярче, чѣмъ все, что я могъ-бы сказать, тотъ духъ, которымъ было проникнуто это провинціальное самоуправленіе.

Въ этой запискѣ собраніе признаетъ, что провинція, дѣйствительно, предприняла и продолжаетъ вести громадныя работы; но оно не только не извиняется въ этомъ, а напротивъ заявляетъ, что, если король тому не воспротивится, то она и далѣе будетъ слѣдовать тому-же пути. Она уже улучшила или регулировала теченіе главныхъ рѣкъ, протекающихъ по ея территоріи, и занята продленіемъ Лангедокскаго канала, прорытаго при Людовикѣ XIV и недостаточнаго, такъ, чтобы онъ, пересѣкая нижній Лангедокъ, велъ по рѣкамъ Сеттѣ и Агдѣ къ Ронѣ. Она приспособила для торговли гавань Сетты и расходуетъ значительныя суммы на ея содержаніе. Всѣ эти затраты, замѣчаетъ собраніе, носятъ скорѣе національный, чѣмъ провинціальный характеръ; но, тѣмъ не менѣе, провинція взяла ихъ на себя, потому что ей онѣ приносятъ наибольшія выгоды. Кромѣ того, она со-

бирается осушить и возвратить земледѣлію Эгъ-Мортскія болота. Но главнымъ образомъ вниманіе ея было устремлено на устройство дорогъ: она проложила или привела въ хорошее состояніе всѣ тѣ пути, которые, пересѣкая ее, ведутъ въ другія части королевства; исправлены даже дороги, соединяющія только города и мѣстечки самого Лангедока. Всѣ эти различные пути превосходны, даже въ зимнее время, и составляютъ полную противоположность съ трясками, ухабистыми и плохо-содержимыми дорогами, встрѣчающимися въ большинствѣ сосѣднихъ провинцій, — въ Дофинэ, Керси, въ Бордосской губерніи (pays d'élection, — замѣчаетъ собраніе). Собраніе ссылается въ этомъ случаѣ на мнѣніе торговаго міра и путешественниковъ, — и оно право, потому что Артуръ Юнгъ, исколесившій страну десять лѣтъ спустя, отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „Лангедокъ; хорошія дороги; устроены безъ барщиннаго труда".

Если королю угодно будетъ позволить, продолжаетъ собраніе въ своей запискѣ: то сословія на этомъ не остановятся; они займутся улучшеніемъ проселочныхъ дорогъ, которыя интересны не менѣе прочихъ. „Потому что, если хлѣбъ не можетъ быть доставленъ изъ амбаровъ владѣльца на рынокъ, то какая польза въ томъ, что есть возможность перевезти его на далекое разстояніе?— Относительно общественныхъ работъ штаты всегда держались того правила, добавляетъ собраніе, что надо смотрѣть не на стоимость работъ, а на ихъ полезность". Рѣки, каналы, дороги, которые сообщаютъ цѣнность всѣмъ произведеніямъ почвы и промышленности, доставляя возможность перевозить ихъ во всякое время и съ небольшими издержками повсюду, гдѣ въ нихъ есть надобность, и съ помощью которыхъ торговля проникаетъ во всѣ части провинціи, обогащаютъ страну, хотя и требуютъ затратъ. Мало того: подобныя работы, предпринимаемыя одновременно, съ умѣренностью и болѣе или менѣе однообразно въ различныхъ частяхъ территоріи, вездѣ поддерживаютъ уровень заработной платы и приходятъ на помощь бѣднякамъ. „Королю нѣтъ надобности на свой счетъ заводить въ Лангедокѣ благотворительныя мастерскія, какъ онъ это сдѣлалъ въ остальной Франціи", — заканчиваетъ съ нѣкоторою гордостью собраніе: „Мы отнюдь не домогаемся этой милости: у насъ ихъ замѣняютъ и всѣмъ даютъ производительное занятіе тѣ полезныя работы, которыя мы сами предпринимаемъ каждый годъ".

Чѣмъ больше изучаю я общіе регламенты, установленные съ разрѣшенія короля, но обыкновенно безъ его иниціативы, штатами Лангедока въ той области администраціи, которая оставлена была въ ихъ вѣдѣніи, тѣмъ болѣе удивляюсь обнаруживающейся въ нихъ мудрости, справедливости и кротости; тѣмъ выше я ставлю дѣйствія мѣстнаго управленія по сравненію со всѣмъ, что̀ я видѣлъ въ провиціяхъ, управлявшихся только королемъ.

Провинція дѣлится на общины (городскія или сельскія), на административные округа, называющіеся діоцезами (diocèses), и, наконецъ, на три большіе департамента или сенешальства (sénéchaussées). Каждая изъ этихъ частей имѣетъ особое представительство и свое отдѣльное управленіе, дѣйствующее подъ руководствомъ штатовъ, либо короля. Если какія-либо общественныя работы должны удовлетворять особымъ интересамъ одного изъ этихъ маленькихъ политическихъ тѣлъ, то онѣ предпринимаются не иначе, какъ по его требованію. Если работы какой-либо общины могутъ быть полезны округу (diocèse), то этотъ послѣдній долженъ принять на себя извѣстную часть расходовъ. Если заинтересованнымъ является цѣлый департаментъ (sénéchaussée), то и онъ, въ свою очередь, обязанъ доставить пособіе. Наконецъ, и округъ, и департаментъ, и провинція обязаны придти на помощь общинѣ, хотя-бы дѣло касалось лишь ея частныхъ интересовъ, если только данныя работы составляютъ для нея необходимость и превышаютъ ея силы; потому что, какъ повторяютъ постоянно собранія: „основное начало нашихъ учрежденій состоитъ въ томъ, что всѣ части Лангедока безусловно солидарны между собой и должны по очереди помогать другъ другу".

Работы, исполняемыя провинціей, должны быть заблаговременно подготовлены и подвергнуты сперва разсмотрѣнію всѣхъ низшихъ корпорацій, долженствующихъ принять въ нихъ участіе; онѣ могутъ быть ведены не иначе, какъ на

деньги: барщинный трудъ не извѣстенъ. Я уже говорилъ, что въ pays d'élection владѣльцамъ всегда платили плохо или неаккуратно, а не рѣдко и совсѣмъ не платили за земли, отобранныя у нихъ для общественныхъ надобностей. Это было одною изъ главныхъ жалобъ, заявленныхъ провинціальными собраніями, когда ихъ созвали въ 1787 г. Между ними мнѣ встрѣчались такія, которыя утверждали, что правительство даже лишило ихъ возможности уплатить сдѣланные такимъ образомъ долги, потому что безъ предварительной оцѣнки уничтожило или преобразило объектъ пріобрѣтенія. Въ Лангедокѣ-же каждый участокъ земли, отнятый у владѣльца, долженъ быть тщательно оцѣненъ до начала работъ и *оплаченъ въ первый годъ производства.*

Относящійся къ различнымъ общественнымъ работамъ регламентъ собраній, изъ котораго я заимствую эти подробности, показался центральному правительству столь удачнымъ, что оно пришло отъ него въ восхищеніе, хотя не послѣдовало ему. Королевскій совѣтъ, разрѣшивъ ввести его въ дѣйствіе, приказалъ отпечатать его въ королевской типографіи и разослать для свѣдѣнія всѣмъ интендантамъ.

Сказанное выше объ общественныхъ работахъ еще болѣе примѣнимо къ другой, не менѣе важной, отрасли провинціальнаго управленія, касавшейся взиманія налоговъ. Въ этомъ отношеніи разница между Лангедокомъ и остальнымъ королевствомъ была особенно поразительна.

Въ другомъ мѣстѣ я имѣлъ случай указать, что пріемы, примѣнявшіеся въ Лангедокѣ при раскладкѣ и взиманіи различныхъ видовъ тальи, частью были тождественны съ тѣми, которымъ мы сами слѣдуемъ нынѣ въ дѣлѣ налоговаго обложенія. Я не буду возвращаться къ этому обстоятельству, а только прибавлю, что въ этомъ отношеніи провинція такъ хорошо сознавала превосходство своихъ порядковъ, что всякій разъ, какъ король создавалъ новые налоги, она, не задумываясь, по очень дорогой цѣнѣ покупала право взимать ихъ по-своему и исключительно черезъ своихъ агентовъ.

Несмотря на всѣ затраты, послѣдовательно перечисленныя мною, дѣла Лангедока находились въ такомъ образцовомъ порядкѣ, и кредитъ его стоялъ такъ прочно, что къ

нему нерѣдко прибѣгало центральное правительство и отъ имени провинціи занимало деньги, которыхъ ему самому не дали-бы на такихъ выгодныхъ условіяхъ. Я вычислилъ, что въ послѣднія времена Лангедокъ занялъ за своимъ собственнымъ поручительствомъ, но за счетъ короля, 73 милліона 200,000 ливровъ.

Однакоже, правительство и его министры смотрѣли очень косо на эти мѣстныя вольности. Ришелье сперва исказилъ ихъ, а потомъ и уничтожилъ. Вялый и лѣнивый Людовикъ XIII, не любившій ничего, ихъ ненавидѣлъ; онъ питалъ такое отвращеніе ко всякимъ привилегіямъ провинцій, говоритъ Булэнвилье (Boulainoilliers), что достаточно было одного упоминанія объ нихъ, чтобы привести его въ ярость. Трудно себѣ представить, съ какою энергіей слабыя души умѣютъ ненавидѣть то, что́ обязываетъ ихъ дѣлать усилія. На это уходитъ весь остатокъ ихъ мужественности, и онѣ почти всегда оказываются твердыми въ этомъ отношеніи, какъ-бы ни были дряблы во всѣхъ остальныхъ. По счастливой прихоти судьбы, древняя конституція Лангедока была возстановлена во время дѣтства Людовика XIV, и этотъ король, считая ее своимъ созданіемъ, уважалъ ее. Людовикъ XV пріостановилъ ея дѣйствіе на два года, но потомъ возвратилъ ей силу.

Учрежденіе продажныхъ муниципальныхъ должностей (offices) грозило ей менѣе непосредственными, но не менѣе серьезными опасностями. Это гнусное установленіе не только уничтожало муниципальный строй, но стремилось также изуродовать провинціальныя конституціи. Я не знаю, избирались ли когда-либо для даннаго случая депутаты третьяго сословія въ провинціальныя собранія, но достовѣрно, что это давно перестало практиковаться, — и городскіе муниципальные сановники являлись въ нихъ по праву единственными представителями буржуазіи и народа.

Это отсутствіе спеціальнаго полномочія, опредѣляемаго интересами даннаго момента, не имѣло большого значенія, пока города избирали своихъ должностныхъ лицъ сами, свободно, всеобщимъ голосованіемъ и, чаще всего, на очень короткій срокъ. Въ тѣ времена мэръ, консулъ или синдикъ

являлся въ собраніи такимъ же вѣрнымъ представителемъ желаній того населенія, отъ имени котораго онъ говорилъ, какъ если бы оно избрало его нарочно для этого. Понятно, что съ человѣкомъ, купившимъ себѣ за деньги право управлять своими согражданами, выходило уже не такъ. Онъ не представлялъ ничего, кромѣ своей собственной особы, или, въ крайнемъ случаѣ, мелкихъ интересовъ и страстей своей котеріи. А между тѣмъ за этимъ пріобрѣтателемъ полномочій съ публичныхъ торговъ сохранены были тѣ-же преимущества, какими пользовались выборныя должностныя лица. Отъ этого сразу измѣнился весь характеръ учрежденія. Дворянство и духовенство, прежде стоявшія въ провинціальномъ собраніи рука объ руку или лицомъ къ лицу съ представителями народа, теперь находили тамъ лишь нѣсколькихъ разрозненныхъ, робкихъ и безсильныхъ буржуа, и третье сословіе все болѣе и болѣе отодвигалось въ самоуправленіи на задній планъ, отодвигалось въ то самое время, когда богатства его росли съ каждымъ днемъ, и такъ-же быстро росло его вліяніе въ обществѣ. Въ Лангедокѣ этого не было, потому что провинція всегда спѣшила выкупить у короля продажныя должности, по мѣрѣ того, какъ онъ ихъ создавалъ. Заемъ, сдѣланный ею для этой цѣли въ одномъ только 1773 году, составлялъ болѣе 4 милліоновъ ливровъ.

Другія, болѣе могущественныя, причины способствовали проникновенію новаго духа въ эти древнія учрежденія и сообщали сословнымъ собраніямъ Лангедока неоспоримое превосходство надъ всѣми остальными.

Въ этой провинціи, какъ вообще въ значительной части южной Франціи, талья была реальною, а не личною, т. е. соразмѣрялась съ цѣнностью имущества, а не со званіемъ владѣльца. Существовали, правда, нѣкоторыя земли, пользовавшіяся привилегіей свободы отъ этой подати; это — тѣ земли, которыя нѣкогда принадлежали дворянству; но въ силу успѣховъ прогресса и промышленности случилось такъ, что часть этихъ имѣній перешла въ руки разночинцевъ; съ другой стороны, дворяне сдѣлались собственниками многихъ имѣній, обложенныхъ податью. Привилегія, перенесенная такимъ образомъ съ лицъ на вещи, становилась, конечно,

еще болѣе безсмысленной, но чувствовалась она гораздо меньше, потому что только стѣсняла попрежнему, но уже не унижала. Утративъ свою неразрывную связь съ идеей классовъ, не создавая ни въ одномъ изъ нихъ интересовъ безусловно чуждыхъ или враждебныхъ интересамъ остальныхъ, она уже не препятствовала тому, чтобы всѣ они вмѣстѣ занимались дѣлами управленія. И дѣйствительно, въ Лангедокѣ классы смѣшивались болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и стояли совершенно на равной ногѣ.

Въ Бретани всѣ дворяне имѣли право лично появляться въ провинціальныхъ собраніямъ, отчего эти послѣднія нерѣдко уподоблялись польскимъ сеймамъ. Въ Лангедокѣ дворяне участвовали въ собраніяхъ лишь черезъ представителей, такъ что двадцать три человѣка замѣняли собою всѣхъ остальныхъ. Духовенство было представлено также въ лицѣ двадцати трехъ епископовъ провинціи; а города, — что особенно замѣчательно,—имѣли столько голосовъ, сколько было ихъ у первыхъ двухъ сословій, вмѣстѣ взятыхъ.

Такъ какъ собраніе было нераздѣльнымъ, и голосованіе происходило въ немъ не по сословіямъ, а поголовно, то третье сословіе, естественно, пріобрѣло въ немъ большое значеніе; постепенно оно сообщило всему учрежденію свой особый духъ. Мало того: тѣ три сановника, которые носили названіе генеральныхъ синдиковъ и были уполномочены, отъ имени собранія, вести текущія дѣла, всегда принадлежали къ числу юристовъ (hommes de loi) и, слѣдовательно, разночинцевъ. Дворянство, достаточно сильное для поддержанія своего достоинства, уже не находило въ себѣ столько силы, чтобы царить единовластно. Съ своей стороны, духовенство, хотя и состоявшее въ значительной своей части изъ дворянъ, жило въ полномъ согласіи съ третьимъ сословіемъ; оно горячо присоединялось къ большинству его проектовъ, рука объ руку съ нимъ работало надъ поднятіемъ матеріальнаго благосостоянія всѣхъ гражданъ и надъ содѣйствіемъ ихъ промышленности и торговлѣ и, такимъ образомъ, часто оказывало ему услуги своимъ глубокимъ знаніемъ людей и своею рѣдкой ловкостью въ веденіи дѣлъ. Когда нужно было отправить депутата въ Версаль для пе-

реговоровъ съ министрами по спорнымъ вопросамъ, вызывавшимъ конфликтъ между королевской властью и собраніями, послѣднія почти всегда выбирали для этой цѣли кого-либо изъ духовенства. Можно сказать, что въ теченіе всего XVIII вѣка Лангедокъ былъ управляемъ буржуазіей, которую контролировали дворяне, и которой помогали епископы.

Благодаря особенному политическому устройству Лангедока, духъ новаго времени могъ мирно проникнуть въ эти древнія учрежденія и все преобразовать въ нихъ, ничего не разрушая.

То-же самое могло-бы произойти и вездѣ. Половины той настойчивости и тѣхъ усилій, съ которыми короли старались уничтожить или обезобразить провинціальныя собранія, было-бы достаточно для того, чтобы усовершенствовать и приспособить ихъ къ требованіямъ современной цивилизаціи, — если бъ эти государи когда-бы то ни было имѣли иное желаніе, кромѣ одного: сдѣлаться и остаться полновластными господами.

Конецъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Страница 31, строка 7.

Могущество римскаго права въ Германіи.—Какимъ образомъ оно замѣнило право германское.

Къ концу среднихъ вѣковъ римское право сдѣлалось главнымъ и почти единственнымъ предметомъ изученія со стороны германскихъ законовѣдовъ, которые въ указанную эпоху даже получали свое образованіе большею частью внѣ предѣловъ Германіи, въ итальянскихъ университетахъ. Эти законовѣды, не руководившіе политическимъ обществомъ, но призванные къ разъясненію и примѣненію дѣйствующихъ въ его средѣ законовъ, если и не могли уничтожить германскаго права, то, по крайней мѣрѣ, передѣлывали его, втискивая насильно въ рамки римскаго права. Они примѣняли римскіе законы ко всему, что только въ германскихъ учрежденіяхъ имѣло на ихъ взглядъ хоть отдаленное сходство съ законодательствомъ Юстиніана, вводя такимъ образомъ новый духъ, новые обычаи въ національное законодательство, и послѣднее мало-по-малу оказалось передѣланнымъ до неузнаваемости, такъ что, напр., въ XVII в., можно сказать, его болѣе и не знали. Оно было замѣнено чѣмъ-то, что было еще германскимъ по имени и римскимъ на самомъ дѣлѣ.

Я имѣю основаніе думать, что въ силу этой работы законовѣдовъ, многія изъ условій жизни стараго германскаго

общества ухудшились, въ особенности положеніе крестьянъ; многіе изъ тѣхъ, кому удалось до того времени сохранить цѣликомъ или отчасти свои вольности или свои владѣнія, лишились тѣхъ и другихъ, благодаря научнымъ уподобленіямъ ихъ положенія положенію рискихъ рабовъ или эмфитевтовъ.

Это постепенное видоизмѣненіе національнаго права и безполезныя усилія, потраченныя на сопротивленіе процессу его замѣны, ясно видны въ исторіи Вюртемберга.

Съ самаго появленія на свѣтъ графства подъ этимъ именемъ, въ 1250 г., и до образованія изъ него герцогства, въ 1495 г., законодательство носитъ вполнѣ туземный характеръ: оно слагается изъ обычаевъ, изъ мѣстныхъ законовъ, изданныхъ городами или куріями сеньеровъ, изъ постановленій, обнародованыхъ чинами; только церковныя дѣла регулируются чуждымъ, каноническимъ правомъ.

Начиная съ 1495 г., характеръ законодательства мѣняется: римское право начинаетъ проникать въ жизнь; такъ называемые *доктора*, изучавшіе право въ иноземныхъ школахъ, вступаютъ въ управленіе и становятся во главѣ высшихъ судовъ. Мы видимъ, какъ въ теченіе всего начала и до средины XVI в. общество ведетъ противъ нихъ ту же борьбу, какая происходила въ то же самое время въ Англіи, но съ совершенно инымъ исходомъ. На Тюбингенскомъ сеймѣ 1514 г. и на послѣдующихъ представители феодальнаго рыцарства и выборные отъ городовъ заявляютъ всевозможные протесты противъ того, что совершается въ странѣ: они нападаютъ на легистовъ, вторгающихся во всѣ суды и измѣняющихъ духъ или букву всѣхъ обычныхъ правъ и законовъ. Сперва успѣхъ какъ будто на сторонѣ нападающихъ: они добиваются отъ правительства обѣщанія назначать на будущее время на должности въ высшіе суды людей почтенныхъ и просвѣщенныхъ, взятыхъ изъ среды дворянства и чиновъ герцогства, а не изъ докторовъ права, и организовать комиссію, составленную изъ уполномоченныхъ отъ правительства и представителей отъ сословій, которая начертала бы проектъ кодекса, могущаго служить нормою для всей страны. Безполезныя усилія! Въ скоромъ времени римское право окончательно изгоняетъ туземное изъ многихъ отдѣловъ законодательства и пускаетъ корни даже на той почвѣ, гдѣ еще оставляетъ существующія права въ силѣ.

Это торжество чужого права надъ туземнымъ приписывается нѣкоторыми германскими историками двумъ причинамъ: 1) движенію, увлекавшему тогда всѣ умы къ изученію языковъ и литературъ древняго міра на ряду съ презрѣніемъ къ умственнымъ продуктамъ національнаго генія, какое внушалось означеннымъ увлеченіемъ; 2) идеѣ, преобладавшей въ Германіи въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и проявляющейся въ законодательствѣ даже настоящаго времени, что Священная Имперія есть прямое продолженіе Римской Имперіи, отъ которой получаетъ въ наслѣдіе и свое законодательство.

Но обѣихъ этихъ причинъ недостаточно для объясненія того факта, что въ ту же эпоху римское право вводится одновременно на всемъ европейскомъ материкѣ. По моему мнѣнію, это произошло отъ того, что какъ разъ въ то время повсюду на развалинахъ старыхъ вольностей средневѣковой Европы прочно устанавливалась неограниченная власть государей, и римское право, основанное на рабствѣ, какъ нельзя лучше соотвѣтствовало ихъ видамъ.

Римское право, повсюду усовершенствовавшее общество *гражданское*, повсюду же стремилось принизить общество *политическое*, такъ какъ оно было главнымъ образомъ дѣломъ народа весьма цивилизованнаго и весьма порабощеннаго. Поэтому короли съ жаромъ усвоили это право и установили его вездѣ, гдѣ были полными хозяевами. Ихъ министры или главные агенты явились во всей Европѣ толкователями этого право, а легисты, въ случаѣ надобности, доставляли имъ поддержку права противъ него же самого. Такъ они часто поступали впослѣдствіи: при государѣ, нарушавшемъ законы, почти всегда находился легистъ, увѣрявшій, что подобныя дѣйствія вполнѣ законны, и съ ученымъ видомъ доказывавшій, что насиліе справедливо, и что угнетенный былъ неправъ.

Страница 32, строка 28.

Переходъ монархіи феодальной въ демократическую.

Въ виду того, что всѣ монархіи стали абсолютными въ одну и ту же эпоху, представляется невѣроятнымъ, чтобы эта перемѣна общественнаго строя зависѣла отъ какого-нибудь особаго условія, случайно повторявшагося заразъ во всѣхъ государствахъ, и слѣдуетъ думать, что всѣ эти однородныя и одновременныя событія были неизбѣжно вызваны одною общею причиною, дѣйствовавшею одинаково, повсемѣстно и одновременно.

Такою общею причиною является переходъ отъ одного общественнаго порядка къ другому, отъ феодальнаго неравенства къ демократическому равенству. Высшее сословіе уже было принижено, а народъ еще не поднялся достаточно; первое стояло слишкомъ низко, а послѣдній не довольно высоко для того, чтобы стѣснять движенія власти. При такихъ условіяхъ протекло полтораста лѣтъ, бывшихъ какъ бы золотымъ вѣкомъ для государей, въ теченіе котораго они обладали въ одно и то же время устойчивостью и всемогуществомъ,—двѣ вещи, обыкновенно взаимно другъ друга исключающія; священный характеръ наслѣдственнаго главы феодальной монархіи соединялся съ неограниченною властью правителя демократическаго общества.

Страница 33, строка 10.

Упадокъ свободныхъ городовъ въ Германіи. — Имперскіе города.

По изображенію нѣмецкихъ историковъ, наивысшій расцвѣтъ этихъ городовъ относится къ XIV и XV вѣкамъ. Они тогди были прибѣжищами богатства, искусствъ, знаній, хозяевами въ торговлѣ Европы, могущественнѣйшими центрами цивилизаціи. Подъ конецъ они, особенно на сѣверѣ и на югѣ Германіи, стали заключать съ окрестными рыцарями независимые союзы, на подобіе тѣхъ, въ какіе вступали швейцарскіе города съ крестьянами.

Въ XVI в. эти города еще сохраняли свое благосостояніе; но время упадка уже наступило. Тридцатилѣтняя война окончательно ускорила ихъ крушеніе; между ними не было почти ни одного, который не былъ бы разрушенъ или не пришелъ бы въ упадокъ за это время.

Однако Вестфальскій мирный договоръ положительно называетъ ихъ (прежнимъ именемъ) и удерживаетъ за ними характеръ непосредственныхъ (иммедіатныхъ) владѣній, т. е. зависящихъ только отъ императора; но съ одной стороны сосѣдніе владѣтельные князья, съ другой самъ императоръ, власть котораго со времени 30-лѣтней войны только и могла простираться на этихъ мелкихъ вассаловъ имперіи, то и дѣло стѣсняютъ ихъ самостоятельность. Въ XVIII в. мы еще видимъ ихъ въ числѣ пятидесяти одного; они занимаютъ въ сеймѣ (рейхстагѣ) двѣ скамьи и имѣютъ въ немъ признанное право голоса; но въ дѣйствительности они уже не обнаруживаютъ никакого вліянія на направленіе общесвенныхъ дѣлъ.

Въ области своей внутренней жизни всѣ эти города обременены долгами, происходящими отчасти отъ того, что обложеніе городовъ имперскими налогами продолжаетъ основываться на прежнемъ ихъ блестящемъ состояніи, отчасти благодаря очень дурному управленію. И, что весьма замѣчательно, это дурное управленіе, повидимому, зависитъ отъ скрытаго недуга, общаго всѣмъ городамъ, каковы бы ни были формы ихъ общественнаго устройства; аристократическое или демократическое, оно подаетъ поводъ къ жалобамъ, если не однороднымъ, то одинаково оживленнымъ: въ первомъ случаѣ, гласятъ жалобы, правительство обращается въ замкнутый кружокъ небольшого числа (знатныхъ) фамилій; все опредѣляется протекціей, частными интересами; во второмъ случаѣ со всѣхъ сторонъ проявляются грабительство и продажность. Въ обоихъ случаяхъ жалуются на недостатокъ честности и безпристрастія со стороны правительства. Императоръ безпрестанно вынуждается къ вмѣшательству въ городскія дѣла для возстановленія въ нихъ порядка. Имперскіе города пустѣютъ, впадаютъ въ нищету. Они не являются болѣе очагами германской цивилизаціи; искусства

покидаютъ ихъ и начинаютъ процвѣтать въ новыхъ городахъ, созданныхъ государями и представляющихъ собою новый міръ. Торговля удаляется отъ своихъ старыхъ средоточій; ихъ прежняя энергія, ихъ патріотическая мощь исчезаютъ; едва лишь одинъ Гамбургъ остается крупнымъ центромъ богатствъ и просвѣщенія, но уже вслѣдствіе особыхъ благопріятныхъ для него причинъ.

Страница 38, строка 11.

Время уничтоженія крѣпостного права въ Германіи.

Изъ послѣдующей таблицы мы увидимъ, что уничтоженіе крѣпостного состоянія въ большей части германскихъ странъ проведено весьма недавно. Оно отмѣнено:

1. Въ Баденѣ только въ 1783 г.
2. Въ Гогенцоллернскихъ земляхъ въ 1789 г.
3. Въ Шлезвигѣ и Голштиніи въ 1804 г.
4. Въ Нассау въ 1808 г.
5. Въ Пруссіи Фридрихъ-Вильгельмъ I съ 1717 г. уничтожилъ крѣпостное право въ государственныхъ имѣніяхъ. Особый кодексъ Фридриха Великаго, какъ мы видѣли, какъ будто отмѣняетъ его во всемъ королевствѣ; однако въ дѣйствительности онъ устраняетъ лишь наиболѣе рѣзкую форму крѣпостного права, Leibeigenschaft, и сохраняетъ его въ формѣ смягченной подъ именемъ Erb-unterthänigkeit (наслѣдственнаго подданства). Крѣпостныя отношенія прекратились вполнѣ лишь въ 1809 г.
6. Въ Баваріи крѣпостное право отмѣнено въ 1808 г.
7. Декретъ Наполеона, изданный въ Мадридѣ въ 1808 г., уничтожилъ его въ великомъ герцогствѣ Бергскомъ и въ разныхъ другихъ мелкихъ владѣніяхъ, какъ въ Эрфуртѣ, Байрейтѣ и пр.
8. Въ королевствѣ Вестфаліи крушеніе крѣпостного права относится къ 1808—9 гг.
9. Въ княжествѣ Липпе-Детмольдскомъ къ 1809 г.
10. Въ Шаумбургъ-Липпе къ 1810 г.
11. Въ Шведской Помераніи также къ 1810 г.

12. Въ Гессенъ-Дармштадтѣ къ 1809 и 1811 гг.
13. Въ Вюртембергѣ къ 1817 г.
14. Въ Мекленбургѣ къ 1820 г.
15. Въ Ольденбургѣ къ 1814 г.
16. Въ Саксоніи (для Лужицкой области) къ 1832 г.
17. Въ Гогенцоллернъ-Зигмарингенѣ лишь къ 1823 г.
18. Въ Австріи къ 1811 г. Съ 1782 г. Іосифъ II уничтожилъ Leibeigenschaft; но крѣпостное состояніе въ смягченной формѣ Erbunterthänigkeit, продолжало существовать до 1811 г.

Страница 38, строка 11.

Значительная часть земель, въ настоящее время нѣмецкихъ, каковы Бранденбургъ, старая Пруссія, Силезія, первоначально были населены славянами и затѣмъ покорены и отчасти заселены нѣмцами. Въ этихъ областяхъ крѣпостное право всегда было суровѣе, чѣмъ въ настоящей Германіи, и оставило по себѣ болѣе замѣтные слѣды къ концу XVIII в.

Страница 39, строка 23.

Кодексъ Фридриха Великаго.

Между твореніями Фридриха Великаго наименѣе извѣстенъ даже въ его странѣ и наименѣе обращаетъ на себя вниманіе кодексъ, составленный по его указаніямъ и обнародованный его преемникомъ. Тѣмъ не менѣе я не знаю, найдется ли между произведеніями Фридриха другое, которое проливало бы болѣе свѣта на личность самого человѣка и на его время и показывало бы лучшее взаимное вліяніе одного фактора на другой.

Этотъ кодексъ представляетъ собою настоящую конституцію, въ томъ смыслѣ, какой придается этому термину; его цѣль заключается не только въ опредѣленіи отношеній гражданъ между собою, но также отношеній между гражданами и государствомъ: это въ одно и то же время кодексъ гражданскій, кодексъ уголовный и хартія.

Онъ основывается,—или, лучше сказать, имѣетъ такой

видъ, какъ будто основывается,—на нѣкоторыхъ общихъ принципахъ, выраженныхъ въ формѣ весьма философской и весьма отвлеченной, и похожихъ во многихъ отношеніяхъ на начала, которыми проникнута Декларація о правахъ человѣка въ конституціи 1791 г.

Кодексъ провозглашаетъ, что благо государства и его обитателей является цѣлью общества и предѣломъ закона; что законы не могутъ ограничивать свободу и права гражданъ иначе, какъ въ цѣляхъ общаго единства; что каждый членъ государства долженъ трудиться для общаго блага въ условіяхъ своего положенія и своего достатка, что права отдѣльныхъ лицъ должны отступать передъ общимъ благомъ.

Нигдѣ не поднимается вопросъ о наслѣдственномъ правѣ государя, о его фамиліи, ни даже о частномъ правѣ, которое отличалось бы отъ права государственнаго. Слово „государство“ уже является единственнымъ обозначеніемъ для королевской власти.

Напротивъ, въ кодексѣ говорится объ общемъ правѣ всѣхъ людей: эти общечеловѣческія права основываются на естественной свободѣ каждаго дѣйствовать для собственнаго блага безъ ущерба для правъ другихъ. Всѣ дѣйствія, не запрещенныя естественнымъ или положительнымъ государственнымъ закономъ, считаются дозволенными. Каждый обитатель государства можетъ требовать отъ послѣдняго защиты своей личности и собственности и имѣетъ право защищать самого себя даже силою, если государство не приходитъ къ нему на помощь.

Изложивъ эти великіе принципы, законодатель, вмѣсто того, чтобы вывести изъ нихъ, какъ мы это видимъ въ конституціи 1791 г., ученіе о народномъ верховенствѣ и организацію народнаго правленія въ свободномъ обществѣ, круто сворачиваетъ въ сторону и приходитъ къ другому выводу, равно демократическому, но не либеральному: онъ смотритъ на государя, какъ на единственнаго представителя государства, и передаетъ ему всѣ права, признанныя только что за обществомъ. По этому кодексу государь уже не является представителемъ Бога: онъ только представитель общества, его агентъ, его служитель, какъ Фридрихъ и выражаетъ эту

мысль слово въ слово въ своихъ сочиненіяхъ; но онъ одинъ представляетъ общество, онъ одинъ облеченъ всѣми полномочіями власти. Глава государства,—сказано во введеніи,—на которомъ лежитъ обязанность заботиться объ общемъ благѣ, единственной цѣли общества, имѣетъ власть направлять и регулировать всѣ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ въ видахъ достиженія названной цѣли.

Между главными обязанностями этого всемогущаго агента государства мы находимъ слѣдующія: поддержаніе общественнаго міра и безопасности внутри строны и обезпеченіе всѣхъ и каждаго отъ насилія. Въ области внѣшнихъ сношеній ему принадлежитъ право заключенія мира и объявленія войны. Онъ одинъ долженъ издавать законы и полицейскія постановленія общаго характера; онъ одинъ обладаетъ правомъ помилованія и прекращенія уголовныхъ преслѣдованій.

Всѣ существующія въ государствѣ сообщества, всѣ общественныя учрежденія состоятъ подъ его надзоромъ и управленіемъ въ интересахъ общаго мира и безопасности. Для того, чтобы глава государства могъ выполнять эти обязательства, онъ долженъ пользоваться извѣстными доходами и матеріальными выгодами: въ силу этого онъ имѣетъ власть установлять налоги на частныя имущества, на лица, на ихъ занятія, торговлю, производство или потребленіе. Приказы общественныхъ чиновниковъ, дѣйствующихъ отъ его имени, должны быть исполняемы, какъ его собственные, во всемъ, что включено въ предѣлы ихъ вѣдомствъ.

При такой головѣ, совершенно въ духѣ новаго времени, намъ тотчасъ представится тѣло вполнѣ готическаго характера; изъ послѣдняго Фридрихъ исключилъ лишь то, что могло бы стѣснять проявленія его личной власти, и созданное имъ цѣлое образуетъ чудовищное существо, кажущееся чѣмъ-то переходнымъ отъ одной формы созданія къ другой. Въ этомъ странномъ произведеніи Фридрихъ выказываетъ столько же презрѣнія къ логикѣ, сколько заботливости о своемъ могуществѣ, и въ то же время желаніе не создавать себѣ безполезныхъ затрудненій, нападая на то, что еще имѣло силу для самозащиты.

Сельскіе жители, за исключеніемъ нѣкоторыхъ округовъ

и мѣстностей, поставлены въ положеніе наслѣдственной крѣпостной зависимости, не ограничивающейся однѣми барщинами и повинностями, которыя неразрывно связаны со владѣніемъ извѣстными землями, но простирающейся, какъ мы видѣли, и на самую личность владѣльца.

Бо́льшая часть привилегій земельныхъ собственниковъ вновь санкціонируются кодексомъ, можно даже сказать, вопреки ему, такъ какъ постановлено, что въ случаѣ разногласія между мѣстнымъ обычаемъ и новымъ законодательствомъ надлежитъ слѣдовать первому. Формально заявлено, что государство не можетъ уничтожать привилегій иначе, какъ путемъ ихъ выкупа и съ соблюденіемъ судебныхъ формъ.

Правда, кодексъ утверждаетъ, что крѣпостное право въ собственномъ смыслѣ (Leibeigenschaft), поскольку оно установляетъ личное рабство, отмѣнено; но замѣняющее его наслѣдственное подчиненіе (Erbunterthänigkeit) все еще является видомъ крѣпостничества, какъ можно видѣть при чтеніи текста закона.

По этому же кодексу горожанинъ попрежнему заботливо отдѣляется отъ крестьянина; между буржуазіей и дворянствомъ можно распознать нѣчто въ родѣ промежуточнаго слоя, состоящаго изъ высокопоставленныхъ должностныхъ лицъ, не дворянъ по происхожденію, духовныхъ, преподавателей учебныхъ заведеній, гимназій и университетовъ.

Эти буржуа, хотя они и обособлены отъ остальной буржуазіи, однако не сливаются съ дворянствомъ, напротивъ, поставлены сравнительно съ нимъ на низшей ступени. Въ видѣ общаго правила они не могутъ ни покупать рыцарскихъ имѣній, ни занимать наивысшихъ постовъ по гражданской службѣ. Они также не имѣютъ права пріѣзда ко двору иначе, какъ въ рѣдкихъ случаяхъ, и никогда съ семействомъ (nicht hoffä"hig). Какъ и во Франціи, эта приниженность тѣмъ болѣе являлась оскорбительною, что классъ людей, о которомъ идетъ рѣчь, съ каждымъ днемъ становился болѣе просвѣщеннымъ и пріобрѣталъ болѣе вліянія; кромѣ того эти государственные чиновники изъ горожанъ, если и не занимали самыхъ блистательныхъ мѣстъ, то замѣщали уже тѣ должности, на которыхъ было наиболѣе дѣла, и притомъ наиболѣе полезнаго. Возбужденіе противъ привилегій дворянства. такъ сильно содѣйствовавшее французской революціи, подготовило въ Германіи то одобреніе, съ какимъ послѣдняя была вначалѣ принята. Между тѣмъ главный редакторъ кодекса былъ буржуа; но онъ, безъ сомнѣнія слѣдовалъ указаніямъ своего господина.

Старое европейское общественное устройство въ этой части Германіи (т. е. въ Пруссіи) внушало презрѣніе, но не было еще настолько расшатано, чтобы Фридрихъ счелъ своевременнымъ устранить его обломки. Въ общемъ онъ ограничивается отнятіемъ у дворянства права собираться и управляться на правахъ корпораціи и оставляетъ каждому лицу въ отдѣльности его привилегіи, только вводя ихъ въ извѣстные предѣлы и регулируя пользованіе ими. Выходитъ такимъ образомъ, что этотъ кодексъ, составленный по указаніямъ ученика нашихъ философовъ и вступившій въ силу уже послѣ того, какъ французская революція разразилась, является самымъ подлиннымъ и новѣйшимъ по времени законодательнымъ документомъ, дающимъ законное обоснованіе тѣмъ феодальнымъ неравенствамъ, которыя революція уничтожала во всей Европѣ.

Дворянство объявляется главнымъ государственнымъ сословіемъ; дворяне, гласитъ кодексъ, должны преимущественно назначаться на всѣ почетныя должности, если они способны ихъ выполнять. Они одни могутъ владѣть рыцарскими имѣніями, осложнять порядокъ наслѣдованія извѣстными условіями, пользоваться правами охоты и суда, присущими привилегированному землевладѣнію, а равно какъ правомъ покровительства (патроната) надъ церквами; они одни могутъ называться по имени земли, которою владѣютъ. Лица средняго сословія, получившія въ силу особаго исключенія полномочіе на владѣніе дворянскими имѣніями, могутъ лишь въ точно обозначенныхъ предѣлахъ пользоваться правами и преимуществами, связанными съ подобнымъ землевладѣніемъ. Горожанинъ, владѣющій дворянскимъ имѣніемъ, можетъ передать его наслѣднику изъ того же сословія только въ томъ случаѣ, если послѣдній является наслѣдникомъ по первой степени. Если такихъ не имѣется, и нѣтъ

налицо другихъ наслѣдниковъ, — дворянъ, имѣніе должно быть продано съ публичнаго торга.

Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ отдѣловъ кодекса Фридриха являются присоединенныя къ нему постановленія о наказаніяхъ по политическимъ поступкамъ.

Преемникъ Фридриха Великаго, Фридрихъ-Вильгельмъ II, который, несмотря на феодальный и абсолютистскій характеръ законодательства, представленнаго мною въ очеркѣ, видѣлъ въ этомъ произведеніи своего дяди революціонныя тенденціи, откладывалъ потому его обнародованіе до 1794 г., успокоился, какъ говорятъ, на этотъ счетъ только при мысли о превосходныхъ карательныхъ постановленіяхъ, при помощи которыхъ этотъ кодексъ исправляетъ заключающіеся въ немъ дурные принципы. Въ самомъ дѣлѣ никогда, даже впослѣдствіи, не являлось ничего болѣе полнаго въ этомъ родѣ: не только возмущенія и заговоры караются съ величайшею строгостью, но даже и неуважительныя сужденія о дѣяніяхъ правительства равнымъ образомъ весьма строго преслѣдуются. Тщательно запрещается покупка и распространеніе опасныхъ сочиненій: типографщикъ, издатель и распространитель несутъ отвѣтственность за проступокъ автора. Публичные балы, маскарады и другія увеселенія объявляются общественными собраніями и требуютъ разрѣшенія со стороны полиціи. То же правило примѣняется къ обѣдамъ въ публичныхъ мѣстахъ. Свобода печати и слова стѣснена подчиненіемъ произвольному надзору. Ношеніе огнестрѣльнаго оружія воспрещается.

Повсюду въ этомъ произведеніи, наполовину заимствованномъ изъ среднихъ вѣковъ, проскальзываютъ постановленія, своимъ крайнимъ централизаторскимъ духомъ граничащія съ соціализмомъ. Таково заявленіе, въ силу котораго на государство возлагается обязанность блюсти за пропитаніемъ, занятіемъ и заработкомъ всѣхъ лицъ, не могущихъ содержать себя на собственныя средства и не имѣющихъ права ни на помощь господина, ни на пособіе отъ общины: за такими лицами должна быть обезпечена работа сообразно съ ихъ силами и способностями.

Государство должно основывать учрежденія для противодѣйствія бѣдности гражданъ. Болѣе того: государству дается полномочіе прекращать дѣйствіе учрежденій, поощряющихъ лѣность и самому распредѣлять между нуждающимися денежныя суммы, находившіяся въ распоряженіи названныхъ институтовъ.

Смѣлыя мысли и новшества въ теоріи, робость на практикѣ, являющіяся характерными чертами этого творенія Фридриха Великаго, сказываются въ немъ повсюду. Съ одной стороны провозглашается великій принципъ новаго общества, по которому всѣ въ равной степени обязаны платить налоги; съ другой оставляются въ силѣ мѣстные законы, содержащія исключенія изъ этого правила. На словахъ утверждается, что всякій процессъ между подданнымъ и государемъ разбирается согласно съ формами и предписаніями, указанными для всѣхъ прочихъ тяжебныхъ дѣлъ; въ дѣйствительности это правило не соблюдалось никогда, если съ нимъ шли въ разрѣзъ интересы или личныя чувства короля. Выставлялся на показъ извѣстный эпизодъ съ мельницею въ Санъ-Суси, тогда какъ во многихъ другихъ случаяхъ правосудіе безъ шума извращалось.

Доказательствомъ того, что этотъ кодексъ, повидимому, такъ много вводившій новаго, мало произвелъ перемѣнъ въ дѣйствительности, служитъ тотъ фактъ, что прусская нація, какъ кажется, едва замѣтила его обнародованіе: одни законовѣды его изучали, и въ настоящее время есть много просвѣщенныхъ людей, никогда его не читавшихъ. Именно, въ силу этого обстоятельства кодексъ Фридриха представляетъ такой большой интересъ для желающихъ хорошо ознакомиться съ истиннымъ положеніемъ общества въ извѣстной части Германіи въ концѣ XVIII в.

Страница 41, строка 23.

Крестьянскія имѣнія въ Германіи.

Между крестьянами часто встрѣчались семьи, не только лично свободныя, но и владѣвшія землею на правѣ собственности, имѣнія которыхъ даже составляли нѣчто въ родѣ

вѣчнаго майората. Земля, находящаяся въ ихъ обладаніи, была недѣлима и переходила по наслѣдству къ одному изъ сыновей, обыкновенно самому младшему, какъ и по нѣкоторымъ обычнымъ правамъ въ Англіи. Получившій наслѣдство долженъ былъ только вознаградить деньгами своихъ братьевъ и сестеръ.

Эти такъ называемыя крестьянскія Erbgüter были болѣе или менѣе распространены по всей Германіи, такъ какъ нигдѣ въ этой странѣ вся земля не являлась включенною въ феодальную систему. Въ Силезіи, гдѣ дворянство сохранило до нашихъ дней громадныя земельныя владѣнія, въ составъ которыхъ входила большая часть селъ, тѣмъ не менѣе встрѣчались поселенія, находившіяся въ полномъ обладаніи ихъ обитателей и вполнѣ свободныя. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тироля и во Фрисландіи наслѣдственное крестьянское землевладѣніе (Erbgüter) было господствующимъ фактомъ.

Но въ значительномъ большинствѣ германскихъ областей этотъ видъ собственности являлся лишь исключеніемъ, болѣе или менѣе часто встрѣчающимся. Въ селахъ, гдѣ такое исключеніе имѣло мѣсто, мелкіе собственники этого разряда образовали своего рода аристократію между крестьянами.

Страница 41, строка 32.

Положеніе дворянства и распредѣленіе земли вдоль по Рейну.

Изъ свѣдѣній, собранныхъ на мѣстахъ и отъ лицъ, жившихъ при старомъ порядкѣ, явствуетъ, что, напр., въ Кельнскомъ курфюршествѣ было много селъ безъ господъ, управлявшихся чиновниками князя — курфюрста; что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дворянство существовало, его административныя полномочія были весьма ограничены; что его положеніе было болѣе блестящимъ, чѣмъ могущественнымъ (по крайней мѣрѣ, каждаго лица, взятаго отдѣльно); что оно пользовалось многими почестями, принимало на себя порученія государя, но не имѣло дѣйствительной и непосредственной власти надъ народомъ. Съ другой стороны я удостовѣрился, что въ томъ же самомъ курфюршествѣ собственность была очень

раздроблена, и что очень многіе крестьяне были собственниками. Это явленіе объясняется главнымъ образомъ тѣмъ стѣсненнымъ и полуразореннымъ состояніемъ, въ какомъ находилась уже съ давняго времени значительная часть дворянскихъ фамилій, состояніемъ, которое принуждало ихъ безпрестанно отчуждать свои земли мелкими участками, причемъ послѣдніе пріобрѣтались крестьянами или на условіи уплаты ренты, или на наличныя деньги. Я имѣлъ въ рукахъ списокъ населенія Кельнскаго архіепископства въ началѣ XVIII в., заключающій въ себѣ данныя относительно землевладѣнія въ ту эпоху, и нашелъ, что, начиная съ указаннаго времени, треть земель принадлежала крестьянамъ. Изъ этого факта проистекала совокупность чувствованій и идей, которыя дѣлали мѣстное населеніе гораздо болѣе склоннымъ къ революціямъ въ сравненіи съ обитателями другихъ областей Германіи, гдѣ подобныя особенности еще не встрѣчались.

Страница 42, строка 12.

Какимъ образомъ законъ о ссудахъ подъ проценты ускорилъ раздробленіе земель?

Законъ, запрещавшій процентную ссуду, каковъ бы ни былъ размѣръ роста, былъ еще въ силѣ въ концѣ XVIII в. Тюрго даже сообщаетъ намъ, что въ 1769 г. онъ соблюдался во многихъ мѣстахъ: законы по этому предмету, говоритъ онъ, существуютъ, хотя часто и нарушаются. Консульскіе судьи *) допускаютъ уплату процентовъ безъ отчужденія капитала, тогда какъ обыкновенные суды ихъ не признаютъ. Случается еще, что недобросовѣстные должники привлекаютъ къ уголовной отвѣтственности своихъ кредиторовъ за то, что послѣдніе ссудили имъ деньги безъ отчужденія капитала.

Независимо отъ вліяній, какія это законодательство не преминуло оказать на торговлю и вообще на промышленные нравы націи, оно оказало сильное воздѣйствіе на распредѣленіе земель и на виды владѣнія ими. Оно размножило до

*) На югѣ Франціи. *Прим. Пер.*

безконечности вѣчныя ренты, какъ поземельныя, такъ и не обезпеченныя земельною собственностью. Оно побуждало старинныхъ собственниковъ вмѣсто займовъ на свои нужды продавать земли мелкими участками частью за наличныя деньги, частью на условіи постоянной ренты, что сильно содѣйствовало съ одной стороны дробленію земель, съ другой обремененію мелкой собственности множествомъ постоянныхъ сервитутовъ.

Страница 45, строка 27.

Примѣръ страстей, возбуждаемыхъ уплатою десятины уже за десять лѣтъ до революціи.

Въ 1779 г. одинъ мелкій адвокатъ изъ Люсе жалуется въ очень горькомъ тонѣ, уже отзывающемся близостью революціи, что священники и другія лица, взимающія десятину, продаютъ земледѣльцамъ по необычайно высокой цѣнѣ доставляемую имъ десятиною солому, въ которой тѣ ощущаютъ настоятельную нужду для производства удобренія.

Страница 45, строка 27.

Примѣръ того, какимъ образомъ духовенство отдаляло отъ себя народъ, пользуясь своими привилегіями.

Въ 1780 г. настоятель и каноники Лавальскаго пріората жалуются на то, что ихъ хотятъ привлечь къ уплатѣ опредѣленнаго по тарифу налога на предметы потребленія и на матеріалы, нужные для исправленія ихъ строеній. Они утверждаютъ, что не должны платить ничего, на томъ основаніи, что тарифные налоги являются видомъ подати, а духовныя лица свободны отъ податей. Министръ отсылаетъ жалобщиковъ въ податной округъ (élection), съ правомъ перенесенія дѣла въ судъ, рѣшающій спорныя дѣла о налогахъ (cour des aides).

Страница 45, строка 29.

Феодальныя права, принадлежащія священникамъ. Одинъ примѣръ изъ тысячи. Шербургское аббатство (1753 г.).

Этому аббатству въ указанную эпоху принадлежало право взиманія сеньёріальныхъ рентъ, уплачиваемыхъ деньгами или

съѣстными припасами, почти со всѣхъ приходовъ въ окрестностяхъ Шербурга; съ одного только прихода оно получало 306 четвериковъ (boisseaux) пшеницы. Ему принадлежали баронія de Sainte-Geneviève, баронія и сеньёріальная мельница въ Bas-du-Roule, баронія Neuville-au-Plein, расположенная на разстояніи, по малой мѣрѣ, десяти миль отъ аббатства. Кромѣ того послѣднее получало десятину съ двѣнадцати приходовъ полуострова (Нормандіи), изъ коихъ нѣкоторые находились весьма далеко отъ него.

Страница 48, строка 30.

Раздраженіе, вызываемое въ крестьянахъ феодальными правами, въ особенности принадлежащими духовенству.

Передъ нами письмо, писанное незадолго до революціи однимъ земледѣльцемъ къ самому интенданту. Оно не можетъ служить авторитетнымъ доказательствомъ точности содержащихся въ немъ фактовъ, но оно какъ нельзя лучше изображаетъ настроеніе умовъ въ томъ сословіи, къ которому принадлежитъ писавшій письмо.

„Хотя въ нашей странѣ мало дворянъ“, читаемъ мы въ письмѣ: „однако не слѣдуетъ думать, что у насъ недвижи„мыя имущества отъ этого менѣе обременены платежами; на„противъ, почти всѣ лены принадлежатъ собору, архіепи„скопству, церкви братства св. Мартина, Бенедиктинцамъ „въ Нуармутье, въ С.-Жюльенѣ и другимъ духовнымъ, у ко„торыхъ платежи никогда не опредѣляются, и то и дѣло „появляются на свѣтъ старые заплѣсневѣлые пергаменты, „происхожденіе которыхъ извѣстно одному Богу“.

„Наша страна наводнена налогами. Большая часть земель „должна выплачивать ежегодно седьмую часть сбора пшеницы „съ каждой десятины, другія вносятъ ту же долю виномъ; „одинъ долженъ давать четвертую часть плодовъ, слѣдуемыхъ „сеньёріи, другой пятую часть и т. д., всегда съ предвари„тельнымъ взносомъ десятины; этотъ даетъ двѣнадцатую, тотъ „тринадцатую часть. Всѣ эти налоги до того разнообразны, „что я знаю примѣры платежей въ размѣрѣ отъ четвертой „до сороковой части сбора плодовъ.

„Что должно думать обо всѣхъ этихъ платежахъ во всѣхъ „видахъ,— хлѣбомъ, овощами, деньгами, домашнею птицею, „барщиною, лѣсомъ, плодами, свѣчами? Я знаю странные „налоги, взимаемые хлѣбомъ, воскомъ, яйцами, свиными ту- „шами, розами, букетами фіалокъ, золотыми шпорами и пр. „Есть и еще безчисленное множество другихъ поборовъ въ „пользу сеньёровъ. Почему не освободили Францію отъ всѣхъ „этихъ нелѣпыхъ платежей? Наконецъ то начинаютъ откры- „вать глаза, и слѣдуетъ возложить всѣ надежды на мудрость „теперешняго правительства: оно протянетъ руку помощи „этимъ бѣднымъ жертвамъ поборовъ стараго фискальнаго „управленія, называемыхъ сеньёріальными сборами, не под- „лежащихъ ни отчужденію, ни продажѣ.

„Что слѣдуетъ думать еще о тираніи пошлинъ съ про- „дажи земель (lods et ventes)? Пріобрѣтатель истощаетъ „свои средства на пріобрѣтеніе и обязанъ нести громадные „расходы на формальности присужденія и заключенія кон- „трактовъ, ввода во владѣніе, протоколы, провѣрку и за- „писываніе, долженъ платить сотый денье, восемь су съ „каждаго ливра и т. д.; и сверхъ всего этого требуется, „чтобы онъ предъявилъ заключенный контрактъ своему „сеньёру, который заставитъ его уплатить пошлину съ ка- „питальной суммы пріобрѣтенія: одни требуютъ двѣнадцатой, „другіе десятой части; одни заявляютъ притязаніе на пятую „долю, другіе на пятую и еще пятую часть пятой доли „(quint et requint). Однимъ словомъ, берутся всевозможныя „платы, и я знаю даже такихъ сеньёровъ, которые застав- „ляютъ выплачивать себѣ треть капитальной суммы. Нѣтъ, „народы наиболѣе жестокіе и наиболѣе варварскіе во всемъ „извѣстномъ мірѣ никогда не изобрѣтали подобнаго вымога- „тельства и въ такомъ множествѣ видовъ, какое наши ти- „раны нагромоздили на головы нашихъ отцовъ“.

(Эта филосовско-литературная тирада страдаетъ полнымъ пренебреженіемъ къ правописанію).

„Какъ! неужели покойный король позволилъ выкупъ по- „земельныхъ рентъ, взимаемыхъ съ наслѣдствъ въ городахъ, „и не имѣлъ въ виду наслѣдствъ въ деревняхъ? Съ этихъ „послѣднихъ слѣдовало бы начать. Почему не позволить

„бѣднымъ земледѣльцамъ разбить свои цѣпи, внести выкуп- „ной платежъ и такимъ способомъ освободиться отъ мно- „жества рентъ сеньёріальныхъ и поземельныхъ, причиняю- „щихъ столько вреда вассаламъ и приносящихъ такъ мало „выгоды сеньёрамъ? Относительно выкупныхъ платежей не „слѣдовало дѣлать различія между городами и деревнями, „между сеньёрами и простыми людьми.

„Управляющіе владѣльцевъ церковныхъ имуществъ при „каждой перемѣнѣ лицъ грабятъ и облагаютъ проборами „всѣхъ фермеровъ. Мы можемъ это подтвердить примѣромъ „изъ самаго недавняго времени. Управляющій нашего новаго „архіепископа по прибытіи на мѣсто объявилъ выселеніе „всѣмъ фермерамъ г. де-Флери, его предшественника, лишивъ „силы всѣ заключенные съ послѣднимъ договоры и выгоняя „всѣхъ, которые не захотѣли удвоить договорную плату и „давать большія взятки, хотя таковыя, какія были уже даны „управляющему г. де-Флери. Такимъ образомъ эти люди по- „теряли семь или восемь лѣтъ, остававшіяся имъ для поль- „зованія землею на основаніи договоровъ, заключенныхъ въ „полномъ законномъ порядкѣ, и были принуждены выселиться „немедленно, наканунѣ Рождества—время, наиболѣе крити- „ческое въ году по причинѣ трудности найти кормъ для „скота—не зная, гдѣ сыскать пристанище. Король прусскій „не поступилъ бы хуже этого“.

Въ самомъ дѣлѣ, по отношенію къ имуществамъ духо- венства договоры, заключенные съ прежнимъ обладателемъ церковнаго сана, не создавали, повидимому, законнаго обя- зательства для его преемника. Авторъ письма, замѣчая, какъ мы видѣли, что феодальныя ренты въ городахъ подлежали выкупу, тогда какъ на деревни это правило не распростраия- лось, отмѣчаетъ фактъ совершенно вѣрный. Это служитъ новымъ доказательствомъ того безпомощнаго положенія, въ какомъ находилось тогдашнее крестьянство, и показываетъ, при помощи какихъ пріемовъ всѣ стоявшіе надъ нимъ, на- оборотъ, находили средства выпутываться изъ затрудненій.

Страница 48, строка 30.

Всякое учрежденіе, господствовавшее долгое время, ут- вердившись въ своей природной сферѣ, проникаетъ за ея

предѣлы и подъ конецъ обнаруживаетъ сильное вліяніе даже въ тѣхъ областяхъ законодательства, гдѣ оно не господствуетъ: такъ феодализмъ, хотя онъ относится прежде всего къ области права государственнаго, перестроилъ все гражданское право и глубоко видоизмѣнилъ положеніе имуществъ и людей во всемъ, что касается частной жизни. Онъ воздѣйствовалъ на порядокъ наслѣдованія, вводя неравенство въ раздѣлахъ, и этотъ принципъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ проникъ даже въ среднее сословіе, о чемъ свидѣтельствуетъ примѣръ Нормандіи. Феодализмъ, если можно такъ выразиться, опуталъ собою всю земельную собственность, такъ какъ не было земель, которыя были бы вполнѣ изъяты отъ его вліянія, и владѣльцы которыхъ не испытывали бы воздѣйствія его законовъ. Это воздѣйствіе простиралось на собственность не только отдѣльныхъ лицъ, но и общинъ; оно сказывалось на промышленности взимаемыми съ послѣдней поборами, отражалось на доходахъ неравенствомъ обложенія и вообще на денежныхъ интересахъ людей почти во всѣхъ ихъ дѣлахъ: на собственниковъ начала феодализма воздѣйствовали путемъ оброковъ, рентъ, барщинъ (corvée); на земледѣльцевъ — между множествомъ другихъ способовъ — помѣщичьими монополіями (banalités), поземельными рентами, пошлинами съ продажи имѣній (lods et ventes) и т. д.; на торговцевъ—налогами съ рыночной торговли; на купцовъ—дорожными пошлинными сборами (péage) и т. д. Завершая крушеніе феодализма, революція дала себя почувствовать: она, такъ сказать, сразу дотронулась до всѣхъ чувствительныхъ пунктовъ въ области частныхъ интересовъ.

Страница 57, строка 30.

Общественная благотворительность, осуществляемая государствомъ.—Фаворитизмъ.

Въ 1748 г.,—это былъ годъ сильной нужды и голодовки, какихъ было такъ много въ XVIII в.,—король опредѣляетъ къ раздачѣ 20,000 фунтовъ риса. Архіепископъ Турскій заявляетъ притязаніе, чтобы пособіе было выдано ему

и распредѣлено не иначе, какъ черезъ него и въ предѣлахъ его епархіи. Интендантъ утверждаетъ, что пособіе предназначено для всего округа (généralité) и должно распредѣляться имъ по всѣмъ приходамъ. Послѣ продолжительной борбы король, чтобы примирить всѣ интересы, удвоиваетъ количество риса, предназначеннаго ко всеобщей раздачѣ, съ тѣмъ, чтобы архіепископъ и интендантъ могли раздавать каждый по половинѣ. Впрочемъ оба согласны въ томъ, чтобы раздача производилась черезъ священниковъ: ни о господахъ (сеньерахъ), ни о старшинахъ (синдикахъ) нѣтъ рѣчи. Изъ переписки интенданта съ главнымъ контролеромъ видно, что по словамъ перваго, архіепископъ хотѣлъ раздавать рисъ только лицамъ, пользующимся его расположеніемъ и главнымъ образомъ имѣлъ въ виду распредѣлить наибольшую партію пособія по приходамъ, принадлежащимъ герцогинѣ де-Рошешуаръ. Съ другой стороны мы находимъ въ этой связкѣ письма многихъ знатныхъ господъ, которые ходатайствуютъ исключительно въ пользу своихъ приходовъ; находимъ также письма главнаго контролера, указывающія на приходы извѣстныхъ лицъ.

Законная благотворительность допускаетъ злоупотребленія, какова бы ни была ея система; но она представляется невыполнимою задачею, когда осуществляется центральнымъ правительствомъ на такомъ далекомъ разстояніи и безъ гласности.

Страница 57, строка 31.

Примѣръ способа, какимъ осуществлялась эта законная благотворительность.

Въ докладѣ провинціальному собранію Haute-Guyenne за 1780 г. мы читаемъ: „Изъ суммы въ 385,000 ливровъ, въ „которую исчисляются фонды, ассигнованные Его Величе„ствомъ на нашу провинцію съ 1773 г., когда были устрое„ны благотворительныя работы, до 1779 г. включительно, по„датной округъ г. Монтобана, главнаго города и мѣстопребы„ванія г. интенданта, получилъ одинъ болѣе 240,000 ливровъ,

„и изъ этой суммы большая часть досталась на долю самой „Монтобанской общины“.

Страница 58, строка 8.

Полномочія интенданта по части регламентаціи промышленности.

Архивы интендантствъ полны дѣлъ, относящихся къ этому предмету.

Промышленность подвергалась не только стѣсненіямъ, налагаемымъ на нее цехами, институтомъ мастеровъ и пр., но кромѣ того она была предоставлена на жертву всѣмъ причудамъ правительства, представляемаго всего чаще въ общихъ узаконеніяхъ совѣтомъ короля, а въ частныхъ примѣненіяхъ закона интендантами. Мы видимъ, что послѣдніе то и дѣло занимаются вопросами о томъ, какую длину должна имѣть матерія, какія ткани слѣдуетъ выбирать, какимъ пріемамъ слѣдовать, какихъ ошибокъ избѣгать при производствѣ. Они имѣли подъ своимъ начальствомъ, независимо отъ субделегатовъ, мѣстныхъ инспекторовъ промышленности. Съ этой стороны централизація простиралась еще гораздо дальше, чѣмъ въ наше время; она была болѣе причудлива, болѣе произвольна; она безмѣрно плодила общественныхъ чиновниковъ и порождала всѣ виды навыковъ подчиненія и зависимости.

Замѣтимъ, что эти навыки были въ особенности привиты буржуазіи, классамъ торговымъ, коммерческимъ, которымъ предстояло восторжествовать, еще болѣе, чѣмъ тѣмъ, которымъ пришлось быть побѣжденными. Слѣдовательно, революція, вмѣсто того, чтобы разрушить эти навыки, должна была доставить имъ господство и распространить ихъ.

Всѣ предыдущія замѣтки внушены намъ чтеніемъ многочисленныхъ переписокъ и документовъ, озаглавленныхъ: *Мануфактуры и фабрики*, *суконная торговля*, *москательная торговля*, которые встрѣчаются между уцѣлѣвшими бумагами архивовъ интендантства провинціи Иль де-Франсъ. Въ томъ же мѣстѣ мы находимъ частые и подробные доклады инспекторовъ интенданту о посѣщеніяхъ ихъ фабрикантами

для удостовѣренія въ томъ, что правила, предписанныя для производства, исполняются; далѣе, различные приказы королевскаго совѣта, изданные по представленію интенданта съ цѣлью запретить или разрѣшить производство въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, или извѣстныхъ матерій, или, наконецъ, примѣненіе тѣхъ или другихъ пріемовъ.

Въ наблюденіяхъ этихъ инспекторовъ, относящихся весьма свысока къ фабриканту, преобладаетъ мысль, что обязанность и право государства заключаются въ томъ, чтобы заставить промышленника дѣлать все возможное не только въ интересахъ общества, но и въ его собственныхъ. Сообразно съ этимъ они считаютъ себя призванными заставлять фабриканта слѣдовать наилучшимъ методамъ производства и вникать вмѣстѣ съ нимъ въ мельчайшія детали его ремесла, причемъ всѣ эти распоряженія сопровождаются въ изобиліи указаніями на нарушенія закона и наложеніемъ громадныхъ взысканій

Страница 59, строка 25.

Духъ управленія Людовика XI.

Ни по какому документу нельзя лучше оцѣнить истинный духъ управленія Людовика XI, чѣмъ по многочисленнымъ учредительнымъ грамотамъ, дарованнымъ имъ различнымъ городамъ. Я имѣлъ случай весьма обстоятельно изучить тѣ изъ нихъ, которыми обязаны этому королю большая часть городовъ Анжу, Мэна и Турэна.

Всѣ эти конституціи составлены приблизительно по одному образцу, и одни и тѣ же замыслы вскрываются въ нихъ съ совершенною очевидностью. Обликъ Людовика XI представляется по этимъ актамъ нѣсколько отличнымъ отъ общеизвѣстнаго: вообще принято видѣть въ этомъ государѣ врага дворянства и считать его въ то же время искреннимъ, хотя и нѣсколько грубымъ, другомъ народа. Здѣсь онъ проявляетъ равную ненависть къ политическимъ правамъ какъ народа, такъ и дворянства. Онъ пользуется городскимъ сословіемъ одинаково для приниженія того, что стоитъ выше

послѣдняго, и для подавленія классовъ низшихъ: онъ является заразъ анти аристократомъ и анти-демократомъ; это—король-горожанинъ по преимуществу. Онъ осыпаетъ привилегіями именитыхъ горожанъ, желая такимъ образомъ возвысить ихъ значеніе; онъ щедро жалуетъ имъ дворянское достоинство, понижая черезъ это цѣну послѣдняго, и въ то же время онъ разрушаетъ весь народный и демократическій характеръ городского управленія, сосредоточивая его въ рукахъ небольшого числа фамилій, приверженныхъ къ его реформамъ и привязанныхъ къ его власти громадными благодѣяніями, имъ оказанными.

Страница 65, строка 16.

Городское управленіе въ XVIII в.

Я извлекаю изъ разслѣдованія, произведеннаго въ 1764 г. относительно городского управленія, дѣло, касающееся г. Анжера,—дѣло, въ которомъ административный строй этого города критикуется, подвергается нападкамъ и защищается поочередно уѣзднымъ судомъ (présidial), городскимъ служебнымъ персоналомъ, субделегатомъ и интендантомъ. Въ виду того, что тѣ же самые факты повторяются во множествѣ другихъ мѣстъ, въ приводимой картинѣ слѣдуетъ видѣть нѣчто иное, чѣмъ единичное явленіе.

Записка президіала о настоящемъ положеніи муниципальнаго устройства Анжера и о необходимыхъ въ немъ преобразованіяхъ.

„Административный персоналъ Анжера, по словамъ президіала, почти никогда не спрашиваетъ мнѣнія *совокупности* горожанъ, даже при наиболѣе важныхъ предпріятіяхъ, „если только онъ не обязывается къ тому особыми приказами, вслѣдствіе чего управленіе городскими дѣлами неизвѣстно никому, кромѣ тѣхъ, кто принадлежитъ къ составу „городского чиновничества, даже городскимъ засѣдателямъ „(échevins), которые имѣютъ о немъ лишь весьма поверхностное понятіе“.

(Всѣ эти мелкія городскія олигархіи, дѣйствительно, обнаруживали наклонность какъ можно менѣе совѣщаться съ тѣмъ, что здѣсь названо совокупностью городскихъ жителей).

„Городской служебный персоналъ состоитъ въ силу регламента 29 марта 1761 г. изъ двадцати одного чиновника, „именно:

„Одного мэра, который получаетъ дворянское достоинство, и обязанности котораго продолжаются четыре года;

„Четырехъ засѣдателей (échevin), которые остаются въ „должности два года;

„Двѣнадцати совѣтниковъ (conseiller-échevin), которые, „разъ будучи избраны, остаются въ должности постоянно;

„Двухъ городскихъ прокуроровъ;

„Одного прокурора съ правомъ преемничества.

„Одного регистратора (greffier).

„Они пользуются различными привилегіями, между прочимъ слѣдующими: ихъ поголовное обложеніе имѣетъ размѣръ опредѣленный и умѣренный; они свободны отъ военнаго постоя, отъ поставки на войска утвари, припасовъ и контрибуцій; они пользуются льготами по платежу паловъ, cloison double et triple, стараго и новаго акциза „(octroi) и добавочнаго налога на предметы потребленія, „даже добровольнаго дара (don gratuit), отъ котораго они „сочли возможнымъ освободиться собственною властью (по „словамъ президіала); кромѣ того они получаютъ вознагражденіе свѣчами, а нѣкоторые также денежное жалованье и „даровыя квартиры“.

Изъ этого подробнаго изложенія видно, что въ то время засѣдателямъ Анжера жилось недурно. Замѣтимъ здѣсь эту систему, всегда и во всемъ вѣрную себѣ, освобождающую отъ налоговъ людей наиболѣе богатыхъ. Далѣе въ той же запискѣ мы читаемъ: „Эти должности составляютъ предметъ домогательства самыхъ богатыхъ горожанъ: они добиваются ихъ съ цѣлью достигнуть значительнаго уменьшенія поголовной подати, которая съ тѣмъ большею тягостью ложится на другихъ. Въ настоящее время имѣется нѣсколько муниципальныхъ чиновниковъ, постоянное

„обложеніе которыхъ опредѣляется въ 30 ливровъ, и кото-
„рые между тѣмъ должны были платить по 250 или по
„300 ливр.: есть между ними одинъ, который по размѣрамъ
„своего состоянія могъ бы платить по меньшей мѣрѣ 1000
„ливровъ поголовной подати“. Въ другомъ мѣстѣ той же записки мы читаемъ, что „въ числѣ богатѣйшихъ жителей „города находятся болѣе сорока чиновниковъ или вдовъ чи-„новниковъ, должности которыхъ даютъ имъ привилегію не „вносить ничего въ крупную сумму поголовной подати, „лежащей на городѣ; тяжесть этой подати падаетъ на „безчисленное множество бѣдныхъ ремесленниковъ, и эти „послѣдніе, считая себя обложенными сверхъ должнаго, „постоянно протестуютъ противъ чрезмѣрности своихъ плате-„жей, и почти всегда безъ основанія, такъ какъ нѣтъ не-„равенства въ раскладкѣ того податного бремени, которое „остается на долю города“.

Общее собраніе (assemblée générale) состоитъ изъ 76 лицъ; именно, въ составъ его входятъ:

Мэръ,
Два депутата отъ капитула,
Старшина (синдикъ) приходскаго духовенства,
Два депутата отъ президіала (уѣзднаго суда),
Одинъ депутатъ отъ университета,
Главный начальникъ полиціи,
Четыре засѣдателя,
Двѣнадцать совѣтниковъ,
Королевскій прокуроръ при президіалѣ,
Городской прокуроръ,
Два депутата отъ управленія водами и лѣсами,
Двое отъ (élection) податного округа,
Двое отъ соляного амбара,
Двое отъ откуповъ,
Двое отъ управленія монетнымъ дѣломъ,
Двое отъ сословія адвокатовъ и прокуроровъ,
Двое отъ судей-консуловъ (juges consuls),
Двое отъ нотаріусовъ,
Двое отъ сословія торговцевъ,

Наконецъ, по два депутата отъ каждаго изъ 16 приходовъ.

Эти послѣдніе почитаются представителями народа въ собственномъ смыслѣ и въ частности промышленныхъ корпорацій. Какъ видно изъ приведенаго перечня, общее собраніе устроено такимъ образомъ, что эти депутаты постоянно должны оставаться въ меньшинствѣ. Когда въ составѣ городского служебнаго персонала открываются свободныя мѣста, общее собраніе избираетъ по три лица на каждую вакансію.

Большая часть должностей въ городскомъ совѣтѣ не связана съ принадлежностью къ извѣстной общественной группѣ, какъ я это нашелъ въ нѣкоторыхъ другихъ муниципальныхъ конституціяхъ,—другими словами, избиратели не обязаны выбирать непремѣнно чиновника, адвоката и т. д., и именно этотъ порядокъ члены президіала находятъ весьма дурнымъ.

По мнѣнію того же президіала, который, повидимому, одушевленъ сильнѣйшею ревностью противъ городского совѣта и который, какъ я подозрѣваю, находитъ дурнымъ въ городскомъ устройствѣ лишь то, что онъ самъ не обладаетъ достаточными привилегіями: „общее собраніе, слиш-„комъ многолюдное и состоящее отчасти изъ лицъ мало ин-„теллигентныхъ, должно было бы заявлять свое мнѣніе лишь „при случаяхъ отчужденія общиннаго имущества, займа, „учрежденія пошлинъ (акцизовъ, octroi) и выборовъ город-„скихъ должностныхъ лицъ. Всѣ прочія дѣла могли бы под-„вергаться обсужденію въ собраніи менѣе многолюдномъ, со-„стоящемъ только изъ однихъ нотаблей, именитыхъ граж-„данъ. Не могли ли бы быть членами такого собранія глав-„ный намѣстникъ сенешальства, королевскій прокуроръ и „двѣнадцать другихъ нотаблей, взятыхъ отъ шести группъ, „именно отъ духовенства, магистратуры, дворянства, уни-„верситета, купечества, буржуазіи и другихъ, не при-„надлежащихъ къ поименованнымъ сословіямъ? Избра-„ніе нотаблей на первый разъ могло бы быть предоставлено „общему собранію, а впослѣдствіи собранію самихъ нота-„блей или тѣмъ группамъ, отъ которыхъ они должны изби-„раться“.

Всѣ эти государственные чиновники, вступающіе въ качествѣ обладателей извѣстной должности или нотаблей въ составъ городскихъ совѣтовъ прежняго времени, часто напоминаютъ теперешнихъ названіемъ своей должности, иногда даже самымъ характеромъ послѣдней, но глубоко отличаются отъ нихъ своимъ положеніемъ, на что всегда слѣдуетъ обращать особенное вниманіе, чтобы не прійти къ сильно ошибочнымъ выводамъ. Почти всѣ эти чиновники были въ дѣйствительности нотаблями города еще до занятія ими общественныхъ должностей или добивались таковыхъ для полученія дворянскаго достоинства; имъ не приходило въ голову покинуть свой постъ, равно какъ они не имѣли никакой надежды подняться выше: этого довольно, чтобы видѣть въ тогдашнемъ чиновничествѣ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ то, что мы знаемъ подъ этимъ именемъ теперь.

Записка муниципальныхъ чиновниковъ. Изъ нея явствуетъ, что городское управленіе создано въ 1474 г. Людовикомъ XI на развалинахъ стараго демократическаго городского устройства, причемъ преобразователь постоянно слѣдовалъ вышеозначенной системѣ сосредоточенія большей части политическихъ правъ въ рукахъ одного средняго сословія, удаленія или ослабленія народной массы, умноженія муниципальныхъ чиновниковъ съ цѣлью заинтересовать въ своей реформѣ большее число лицъ, щедрой раздачи потомственнаго дворянскаго достоинства и пожалованія всякаго рода привилегій той части гражданства, въ рукахъ которой находится управленіе.

Въ той-же запискѣ приведены жалованныя грамоты преемниковъ Людовика XI, которые подтверждали эту новую городскую конституцію, еще болѣе ограничивая власть народа. Изъ приводимыхъ данныхъ мы узнаемъ, что въ 1485 г. грамоты, дарованныя въ этомъ смыслѣ Карломъ VIII, были обжалованы передъ парламентомъ жителями Анжера, точно такъ же, какъ въ Англіи были бы представлены на разсмотрѣніе суда процессы, возникшіе по поводу хартіи, данной какому-либо городу. Въ 1601 г. политическія права, проистекающія изъ королевской хартіи, еще опредѣляются постановленіемъ парламента; но, начиная съ этого времени, въ

соотвѣтствующей роли появляется одинъ только королевскій совѣтъ.

Изъ той же записки вытекаетъ, что для замѣщенія не только должности мэра, но и всѣхъ другихъ городскихъ должностей общее собраніе представляетъ по три кандидата, изъ которыхъ король выбираетъ одного въ силу постановленія совѣта 22 Іюня 1708 г. Также явствуетъ, что въ силу постановленій того же совѣта 1733 и 1741 гг. купцы имѣли право требовать для себя одного мѣста засѣдателя (échevin) или совѣтника (постоянные échevins-conseiller). Наконецъ, мы открываемъ, что въ тѣ времена на городское управленіе были возложены обязанности по раскладкѣ общей суммы поголовной подати, такъ называемаго ustensile, размѣщенію войскъ по казармамъ, содержанію бѣдныхъ, военныхъ, береговой стражи и дѣтей-найденышей.

Далѣе слѣдуетъ очень длинное перечисленіе трудовъ, какіе приходится нести городскимъ должностнымъ лицамъ, трудовъ, по мнѣнію послѣднихъ, вполнѣ оправдывающихъ ихъ привилегіи и безсмѣнность, которыя они, какъ видно, очень боятся утратить. Нѣкоторыя изъ приводимыхъ ими доказательствъ трудности ихъ положенія любопытны; между прочимъ, слѣдующія: „Ихъ наиболѣе существенное занятіе, говорятъ они, состоитъ въ разсмотрѣніи финансовыхъ во„просовъ, постоянно вновь возникающихъ, благодаря без„престанному увеличенію налоговъ, соляной пошлины, по„вѣрки, записыванія актовъ, недозволеннаго взиманія нало„говъ съ регистраціи и съ помѣстій, находящихся во вла„дѣніи мѣщанъ (franc-fief). Споры, безпрестанно возбуждае„мые финансовыми компаніями по поводу этихъ различныхъ „обложеній, принуждаютъ ихъ (т. е. членовъ городской адми„нистраціи) отъ имени города вести процессы въ различныхъ „судебныхъ инстанціяхъ, въ парламентѣ или королевскомъ „совѣтѣ, дабы противостоять притѣсненіямъ, отъ которыхъ „имъ приходится стонать. Опытъ и работа въ теченіе трид„цати лѣтъ научили ихъ, что человѣческой жизни едва доста„точно для того, чтобы уберечься отъ сѣтей и ловушекъ, ка„кія безпрестанно разставляютъ горожанину уполномоченные

„всевозможныхъ откуповъ съ цѣлью сохранить за собою взя„тыя на себя комиссіи“.

Любопытно, что всѣ эти вещи пишутся самому главному контролеру и даже съ цѣлью склонить его въ пользу поддержанія привилегій тѣхъ, которые высказываются въ такомъ духѣ: настолько укоренилась привычка смотрѣть на компаніи, уполномоченныя взимать налоги, какъ на врага, на котораго можно нападать со всѣхъ сторонъ, не опасаясь чьего-либо неодобренія. Эта привычка, распространяясь и укрѣпляясь болѣе и болѣе, подъ конецъ пріучила видѣть въ казнѣ ненавистнаго и недобросовѣстнаго тирана, не дѣятеля на пользу общую, а всеобщаго непріятеля.

„Соединеніе всѣхъ должностей въ городскомъ совѣтѣ“, прибавляетъ та же записка, „состоялось впервые въ силу приказа королевскаго совѣта 4 сентября 1694 г. за сумму въ 22,000 ливровъ“, т. е. въ названномъ году должности были выкуплены за эту сумму. По приказу 26 апрѣля 1723 г. къ городскому служебному персоналу были еще присоединены должности, созданныя по эдикту 24 мая 1722 г.; въ другіе сроки городу было предоставлено ихъ выкупить. По другому приказу 24 мая 1723 г. городу былъ дозволенъ заемъ въ 120,000 ливровъ для пріобрѣтенія въ собственность названныхъ должностей. Еще другой приказъ, отъ 26 іюля 1728 г., разрѣшилъ городу занять еще 50,000 ливровъ для выкупа должности регистратора-секретаря городского совѣта. „Го„родъ, сказано въ запискѣ, выплатилъ эти суммы, чтобы „сохранить за собою свободу выборовъ и дать возможность „своимъ должностнымъ лицамъ, избраннымъ на два года или „на всю жизнь, пользоваться различнымм прерогативами, „присвоенными ихъ полномочіямъ“.

„Послѣ того какъ часть муниципальныхъ должностей была „возстановлена по ноябрьскому эдикту 1733 г., послѣдовалъ, „по прошенію мэровъ и головъ, приказъ совѣта отъ 11 января „1751 г., по которому цѣна выкупа опредѣлена въ суммѣ „170,000 ливровъ, для уплаты каковой разрѣшено отсрочить „взиманіе городскихъ акцизовъ (octrois) на пятнадцать лѣтъ“.

Это хорошій образчикъ администраціи стараго порядка относительно городовъ. Ихъ заставляютъ входить въ долги

и затѣмъ уполномочиваютъ установлять чрезвычайные и временные налоги для освобожденія себя отъ долговъ. Къ этому должно прибавить, что позднѣе эти временные налоги обращаются въ постоянные, примѣры чему я находилъ неоднократно, и тогда правительство получаетъ изъ нихъ свою долю.

Записка продолжаетъ: „Муниципальные чиновники были „лишены обширныхъ судебныхъ полномочій, предоставлен„ныхъ имъ Людовикомъ XI, только чрезъ учрежденіе коро„левскихъ юрисдикцій. До 1669 г. включительно они вѣдали „спорныя дѣла между хозяевами и рабочими. Отчетъ по „акцизамъ отдается интенданту въ силу всѣхъ приказовъ о „введеніи или объ отсрочкѣ помянутыхъ акцизовъ“.

Равнымъ образомъ явствуетъ изъ этой записки, что депутаты отъ 16 приходовъ, о которыхъ говорилось выше, и которые присутствуютъ въ общемъ собраніи, избираются различными кампаніями, корпораціями или сообществами и являются въ точномъ смыслѣ слова уполномоченными тѣхъ мелкихъ единицъ, которыя ихъ выбираютъ. По каждому дѣлу они связаны данными имъ инструкціями.

Наконецъ, вся эта записка показываетъ, что въ Анжерѣ, какъ и повсюду въ другихъ мѣстахъ, расходы, какого бы свойства они ни были, должны были получать утвержденіе со стороны интенданта и королевскаго совѣта; и слѣдуетъ признать, что, если городское управленіе отдается въ полную собственность извѣстнымъ лицамъ, пользующимся вмѣсто опредѣленнаго содержанія привилегіями, которыя избавляютъ ихъ лично отъ послѣдствій, могущихъ проистечь отъ ихъ управленія для частнаго имущества ихъ согражданъ, — что при такихъ условіяхъ административная опека можетъ казаться необходимостью.

Вся эта записка, между прочимъ, довольно неумѣло составленная, выказываетъ со стороны должностныхъ лицъ чрезвычайное опасеніе, что существующій порядокъ вещей можетъ измѣниться. Всевозможные доводы, удачные и неудачные, нагромождаются авторами записки въ интересахъ поддержанія statu quo.

Записка субделегата. Получивъ обѣ приведенныя записки, составленныя въ противоположномъ духѣ, интендантъ же-

лаетъ узнать мнѣніе своего субделегата. Послѣдній высказывается въ свою очередь. „Записка муниципальныхъ совѣт„никовъ, говоритъ онъ, не заслуживаетъ того, чтобы на „ней останавливаться: она имѣетъ одну только цѣль—удер„жать въ полной силѣ привилегіи этихъ чиновниковъ. За„писка президіала можетъ быть съ пользою принята къ свѣ„дѣнію; но нѣтъ надобности предоставлять всѣ прерогативы, „которыхъ эти магистраты требуютъ для себя“.

По утвержденію субделегата, устройство городского совѣта уже съ давнихъ поръ нуждается въ улучшеніяхъ. Кромѣ извѣстныхъ уже намъ льготъ, какими пользовались муниципальные чиновники Анжера, мэръ, какъ мы узнаемъ изъ приводимаго доклада, пока находился въ должности, имѣлъ даровую квартиру по меньшей мѣрѣ въ 600 фр. наемной платы, далѣе получалъ 50 фр. жалованья и 100 фр. на почтовые расходы и кромѣ того еще особые жетоны. Квартирами пользовались также прокуроръ-синдикъ и регистраторъ. Съ цѣлью достигнуть изъятія отъ уплаты пошлинъ и акцизовъ (droits d'aides, octroi) должностныя лица устанавливали для каждаго изъ своей среды спеціально придуманный размѣръ потребленія: каждый имѣлъ право ввозить въ городъ, не подвергаясь платежу пошлинъ, извѣстное количество бочекъ вина ежегодно; та же система примѣнялась и ко всѣмъ жизненнымъ припасамъ.

Субделегатъ не предлагаетъ лишить муниципальныхъ совѣтниковъ льготъ по отношенію къ налогамъ; но онъ желалъ бы, чтобы ихъ поголовное обложеніе вмѣсто того, чтобы быть неизмѣннымъ и весьма недостаточнымъ, каждый годъ опредѣлялось интендантомъ. Онъ также желаетъ, чтобы эти чиновники, подобно всѣмъ другимъ, были подчинены взносу добровольнаго дара (don gratuit), отъ котораго они себя освободили въ силу неизвѣстно какого прецедента.

На городскихъ чиновниковъ, говорится далѣе въ докладѣ, возложена обязанность составленія списковъ горожанъ по уплатѣ поголовной подати, и они выполняютъ эту обязанность невнимательно и произвольно; вслѣдствіе этого ежегодно поступаетъ на имя интенданта множество жалобъ и прошеній. Было бы желательно, чтобы впредь эта раскладка

производилась въ интересахъ каждой компаніи или каждаго сообщества членами таковыхъ на основаніи общепринятыхъ и опредѣленныхъ правилъ; за городскими чиновниками въ такомъ случаѣ осталось бы только составленіе податнаго списка горожанъ и другихъ лицъ, не принадлежащихъ ни къ какой корпораціи, каковы нѣкоторые ремесленники и слуги всѣхъ привилегированныхъ лицъ.

Докладъ субделегата подтверждаетъ сказанное уже муниципальными чиновниками, именно, что городскіе платежи были выкуплены городомъ въ 1735 г. за сумму въ 170,000 ливровъ.

Письмо интенданта къ главному контролеру. Запасшись всѣми приведенными документами, интендантъ пишетъ министру: „Въ интересахъ гражданъ и общественнаго блага, говоритъ онъ, слѣдуетъ уменьшить составъ городского со„вѣта, такъ какъ слишкомъ большое число членовъ послѣд„няго ложится неизмѣримо тяжкимъ бременемъ на массу „гражданъ по причинѣ привилегій, которыми пользуются „должностныя лица.

„Я пораженъ, прибавляетъ интендантъ, громадностью „суммъ, выплаченныхъ въ разное время съ цѣлью выкупа „въ пользу Анжера городскихъ должностей. Будучи употре„блены производительно, эти суммы могли бы быть обращены „на пользу города, который, напротивъ того, испытываетъ на „себѣ только тягость власти и привилегій своихъ чиновниковъ.

„Внутреннія злоупотребленія этой администраціи заслу„живаютъ полнаго вниманія совѣта“, говоритъ далѣе интен„дантъ. „Независимо отъ жетоновъ и свѣчъ, поглощающихъ „ежегодный фондъ въ 2,127 ливровъ (сумма, опредѣленная „для этихъ статей расходовъ нормальнымъ бюджетомъ, кото„рый отъ времени до времени налагался на города королемъ), „общественныя деньги расходуются и употребляются по усмо„трѣнію этихъ чиновниковъ на секретныя нужды, и коро„левскій прокуроръ, занимающій свой постъ въ теченіе трид„цати или сорока лѣтъ, до такой степени сдѣлался хозяиномъ „администраціи, всѣ пружины которой извѣстны ему одному, „что жители города ни разу не имѣли возможности получить „хотя бы малѣйшее разъясненіе насчетъ употребленія обще-

„ственныхъ доходовъ“. Вслѣдствіе всего изложеннаго интендантъ ходатайствуетъ передъ министромъ объ ограниченіи городского служебнаго персонала должностями мэра, назначаемаго на четыре года, шести засѣдателей (échevins), назначаемыхъ на шесть лѣтъ, королевскаго прокурора, назначаемаго на восьмилѣтній срокъ, и безсмѣнныхъ регистратора (greffier) и сборщика.

Въ остальномъ устройство городского управленія, предлагаемое интендантомъ, буквально сходно съ тѣмъ, которое онъ же при другомъ случаѣ предлагаетъ для Тура. По его мнѣнію, слѣдуетъ:

1. Сохранить общее собраніе, но исключительно въ качествѣ избирательнаго корпуса, предназначеннаго для производства выборовъ муниципальныхъ чиновниковъ.

2. Создать чрезвычайный совѣтъ нотаблей, который исполнялъ бы всѣ функціи, возложенныя, повидимому, эдиктомъ 1764 г. на общее собраніе, совѣтъ, состоящій изъ двѣнадцати членовъ съ шестилѣтними полномочіями и избираемыхъ не общимъ собраніемъ, а двѣнадцатью общественными союзами, которые почитаются именитыми (notables), причемъ каждый союзъ избираетъ своего представителя. Въ качествѣ такихъ corps notables обозначаются:

Президіалъ,
Университетъ,
Податной округъ (élection),
Управленіе водами и лѣсами,
Вѣдомство солянаго амбара,
Вѣдомство откуповъ,
Управленіе монетнымъ дѣломъ,
Адвокаты и прокуроры,
Судьи-консулы (juges-consuls),
Нотаріусы,
Купцы (marchands),
Горожане (bourgeois).

Какъ видимъ, почти всѣ эти нотабли были общественными чиновниками, и всѣ общественные чиновники были нотаблями, откуда можно заключить, какъ и изъ тысячи другихъ примѣровъ въ подобныхъ документахъ, что среднее сословіе въ

то время было такъ же падко на должности и такъ же мало искало поприща для своей дѣятельности внѣ этихъ общественныхъ должностей, какъ и въ наши дни. Единственная разница, какъ я сказалъ въ самомъ текстѣ, заключалась въ томъ, что тогда люди покупали то малое значеніе, какое придаютъ служебныя мѣста, а теперь просители добиваются, какъ милости, чтобы это значеніе было имъ предоставлено даромъ.

Вся дѣйствительная власть по городскому управленію должна находиться по приведенному проекту въ рукахъ чрезвычайнаго совѣта, что окончательно замыкаетъ администрацію въ предѣлахъ очень тѣснаго буржуазнаго кружка, такъ какъ единственное собраніе, въ которомъ народъ еще продолжалъ появляться хотя въ слабой степени, сохраняетъ за собою лишь право избранія муниципальныхъ чиновниковъ и не имѣетъ возможности дѣлать имъ указанія. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что интендантъ обнаруживаетъ болѣе ограничительныхъ и противонародныхъ тенденцій, чѣмъ король, предоставлявшій, повидимому, своимъ эдиктомъ главныя функціи по городскому управленію общему собранію, и что, въ свою очередь, тотъ же интендантъ является въ гораздо бо́льшей степени либераломъ и демократомъ, чѣмъ буржуазія, судя, по крайней мѣрѣ, по той запискѣ, которую я привожу въ текстѣ, — запискѣ, въ которой нотабли другого города полагаютъ нужнымъ устранить народъ даже отъ избранія городскихъ чиновниковъ, предоставляемаго народу какъ королемъ, такъ и интендантомъ.

Нетрудно замѣтить, что интендантъ употребляетъ названія *горожанъ* (bourgeois) и *купцовъ* (marchands) для обозначенія двухъ различныхъ разрядовъ нотаблей; не безполезно будетъ дать точное опредѣленіе этихъ именъ, чтобы показать, на сколько мелкихъ частей была раздроблена *буржуазія*, и изъ какого количества мелкихъ тщеславій она была сработана.

Слово *bourgeoisie* имѣло смыслъ общій и смыслъ тѣсный: оно означало членовъ средняго сословія вообще и, кромѣ того, внутри послѣдняго извѣстное число людей. „Горожане (*bourgeois*) суть тѣ люди, которымъ ихъ рожденіе и ихъ со-

стояніе даютъ возможность жить прилично, не предаваясь никакой прибыльной работѣ", говорится въ одномъ изъ докладовъ, представленныхъ при разслѣдованіи 1764 г. Изъ дальнѣйшихъ словъ этого доклада видно, что имя *bourgeois* не должно примѣняться къ людямъ, принимающимъ участіе въ торговыхъ компаніяхъ или принадлежащимъ къ промышленнымъ корпораціямъ; болѣе труднымъ дѣломъ является сказать точно, къ кому же именно примѣняется этотъ терминъ. „Ибо, замѣчаетъ еще тотъ же докладъ, между присвоивающими имя *буржуа* часто попадаются лица, къ которымъ это названіе можетъ подходить единственно по причинѣ ихъ праздности,—лишенныя средствъ и ведущія жизнь необразованную и безвѣстную. Буржуа, напротивъ, должны всегда выдаваться по состоянію, по рожденію, по талантамъ, нравамъ и образу жизни. Ремесленники, составляющіе цехи, никогда не призывались къ званію нотаблей".

Купцы (*marchands*), какъ и горожане (*bourgeois*) составляли второй разрядъ людей, не принадлежащихъ ни къ компаніямъ, ни къ корпораціямъ; но каковы были границы этого маленькаго сословія? „Слѣдуетъ ли, спрашивается въ томъ же докладѣ, смѣшивать купцовъ низкаго происхожденія и ведущихъ мелкую торговлю съ оптовыми торговцами?" Для разрѣшенія подобныхъ затрудненій докладъ предлагаетъ возложить на головъ (échevins) ежегодное составленіе списка именитыхъ купцовъ, имѣющаго быть врученнымъ ихъ старшинѣ (синдику) съ тѣмъ, чтобы онъ призывалъ къ обсужденію дѣлъ въ городскомъ совѣтѣ только занесенныхъ въ этотъ списокъ. Надлежитъ озаботиться, чтобы въ послѣдній не попадали люди, состоящіе домашними слугами, разносчиками, извозчиками или въ другихъ низкихъ званіяхъ.

Страница 63, строка 3.

Къ числу наиболѣе выдающихся характерныхъ особенностей XVIII в. въ области городского управленія относится не столько уничтоженіе всякаго представительства и всякаго вмѣшательства общества въ дѣла, сколько крайняя измѣнчивость правилъ, которымъ это управленіе было подчинено: права давались, отбирались назадъ, возвращались, расширялись, сокращались, видоизмѣнялись на тысячу ладовъ и безпрестанно. Ничто не показываетъ лучше того упадка, въ какой пришли эти мѣстныя вольности, чѣмъ эта вѣчная передѣлка опредѣляющихъ изъ законовъ, на которые, кажется, никто не обращалъ вниманія. Эта измѣнчивость одна могла оказаться достаточною для того, чтобы заранѣе разрушить всякое сознаніе особенности, всякій вкусъ къ воспоминаніямъ, всякій мѣстный патріотизмъ въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя наиболѣе способны питать указанныя чувства. Такимъ образомъ подготовлялось великое разрушеніе прошедшаго грядущею революціею.

Страница 64, строка 23.

Сельская администрація въ XVIII в. — Извлеченіе изъ бумагъ интендантства провинціи Иль-де-Франсъ.

Дѣло, о которомъ я хочу говорить, взято на выдержку изъ множества другихъ съ цѣлью показать на примѣрѣ нѣкоторые порядки, какихъ держалось приходское управленіе, дать понятіе о медленности, часто характеризовавшей его дѣлопроизводство, и, наконецъ, показать, чѣмъ было въ XVIII в. общее собраніе прихода.

Рѣчь идетъ о починкѣ священническаго дома и колокольни въ сельскомъ приходѣ Иври, пров. Иль-де-Франсъ. Къ кому обратиться, чтобы производство починокъ было достигнуто? какъ опредѣлить, на кого долженъ пасть расходъ? какъ добыть необходимую сумму?

1. Прошеніе священника, адресованное интенданту: въ немъ излагается, что колокольня и домъ нуждаются въ безотлагательныхъ поправкахъ; что предшественникъ просителя, придѣлавъ къ помянутому дому ненужныя пристройки, совершенно измѣнилъ и исказилъ характеръ мѣстности, и, что такъ какъ жители это допустили, они и должны понести расходъ на приведеніе вещей въ ихъ прежнее положеніе съ правомъ взысканія потребной суммы съ наслѣдниковъ бывшаго священника.

2. Приказъ интенданта (отъ 29 августа 1747 г.) о соз-

ваніи по просьбѣ старшины приходскаго собранія для обсужденія вопроса о необходимости требуемыхъ передѣлокъ.

3. Постановленіе прихожанъ, заявляющихъ, что они не возражаютъ противъ починки священническаго дома, но отклоняютъ отъ себя перестройку колокольни, такъ какъ послѣдняя построена надъ хорами, и священникъ, получающій десятину крупныхъ размѣровъ, обязанъ самъ исправить хоры. „Постановленіе совѣта (королевскаго), относящееся къ концу прошлаго вѣка (апрѣль 1695 г.), возлагаетъ, дѣйствительно, поправку хоръ на того, кто находится въ обладаніи десятинныхъ сборовъ съ прихода, тогда какъ прихожане обязаны содержать на свой счетъ только церковный корабль“.

4. Новое распоряженіе интенданта о посылкѣ въ виду противорѣчивыхъ фактовъ архитектора, г. Кордье, для производства осмотра и описанія дома и колокольни, составленія смѣты работъ и разслѣдованія на мѣстѣ.

5. Протоколъ всѣхъ этихъ дѣйствій, особенно констатирующій, что при разслѣдованіи извѣстное число собственниковъ Иври явилось къ посланному отъ интенданта и просило записать ихъ заявленіе за или противъ притязаній священника: повидимому, эти люди — мѣстные дворяне, мѣщане и крестьяне.

6. Новый приказъ интенданта, заявляющій, что смѣта, составленная посланнымъ отъ него архитекторомъ, будетъ сообщена собственникамъ и жителямъ мѣста въ новомъ общемъ собраніи, созываемомъ по просьбѣ синдика.

7. Новое приходское собраніе въ силу этого приказа: прихожане заявляютъ, что настаиваютъ на своихъ прежнихъ мнѣніяхъ.

8. Приказъ интенданта, предписывающій: 1) приступить передъ его субделегатомъ въ Корбейлѣ, въ помѣщеніи послѣдняго, къ отдачѣ съ торговъ работъ, означенныхъ въ смѣтѣ; отдача должна производиться въ присутствіи священника, синдика и главныхъ обитателей прихода; 2) въ виду опасности, могущей произойти отъ промедленія, возложить всю потребную по смѣтѣ сумму на прихожанъ съ предоставленіемъ вести дѣло обычнымъ судебнымъ порядкомъ тѣмъ изъ нихъ, которые упорствуютъ въ мнѣніи, что колокольня

есть часть хоръ и должна быть перестроена получателемъ десятины.

9. Повѣстка всѣмъ сторонамъ о явкѣ въ помѣщеніе субделегата въ Корбейлѣ, гдѣ имѣетъ происходить отдача съ торговъ аукціоннымъ порядкомъ.

10. Прошеніе священника и нѣсколькихъ прихожанъ о томъ, чтобы издержки на административную процедуру не были возложены, какъ обыкновенно, на берущаго подрядъ съ торговъ, такъ какъ означенныя издержки очень значительны и могутъ помѣшать желающимъ взять подрядъ на себя.

11. Приказъ интенданта, заявляющій, что расходы по производству отдачи съ торговъ будутъ утверждены субделегатомъ, и что итогъ ихъ составитъ часть помянутой отдачи и обложенія жителей.

12. Полномочія, данныя нѣкоторыми именитыми прихожанами нѣкоему г. Х. для присутствованія при означенной отдачѣ съ торговъ и изъявленія согласія на нее по составленной архитекторомъ смѣтѣ.

13. Удостовѣреніе синдика въ томъ, что обычныя объявленія и извѣщенія были сдѣланы.

14. Протоколъ отдачи съ торговъ.

Сумма нужныхъ ремонтн. работъ 487 ливр.
Издержки на производство торговъ 237 „ 18 су 6 ден.
724 ливр. 18 су 6 ден.

15. Наконецъ, приговоръ совѣта (23 іюля 1748 г.), подтверждающій обложеніе прихожанъ, имѣющее цѣлью покрытіе выведенной суммы.

Читатель могъ замѣтить, что въ теченіе всей этой процедуры нѣсколько разъ поднимался вопросъ о созваніи приходскаго собранія. Вотъ протоколъ засѣданія одного такого собранія, дающій понять, какъ вообще велись дѣла въ подобныхъ случаяхъ:

Актъ, записанный у нотаріуса: „Сегодня по окончаніи обѣдни въ приходской церкви, на обычномъ и привычномъ мѣстѣ по звону колокола явились въ собраніе, устроенное обитателями названнаго прихода, въ присутствіи Х..., нотаріуса въ Корбейлѣ, нижеподписавшагося, и нежепоименован-

ныхъ свидѣтелей, господинъ Мишо, винодѣлъ, синдикъ названнаго прихода, каковой представилъ предписаніе интенданта, разрѣшающее собраніе, далъ его прочитать и потребовалъ удостовѣренія въ томъ, что онъ исполнилъ свои обязанности. И тотчасъ выступилъ одинъ обитатель названнаго прихода, который сказалъ, что колокольня построена надъ хорами и, слѣд., находится на попеченіи священника; выступили также (слѣдуютъ имена нѣкоторыхъ лицъ, которыя, напротивъ, согласились удовлетворить требованіе священника)... Потомъ представились 15 крестьянъ, работниковъ, каменщиковъ, виноградарей, заявившихъ, что они присоединяются къ сказанному прежде говорившими. Также появился господинъ Рембо, винодѣлъ, сказавшій, что онъ вполнѣ предоставляетъ это дѣло на рѣшеніе господина интенданта. Также выступилъ господинъ Х., докторъ Сорбонны, священникъ, и настаивалъ на показаніяхъ и искахъ своего прошенія. По поводу этого и всего вышесказаннаго присутствовавшіе потребовали удостовѣренія. Совершено въ указанномъ мѣстѣ Иври напротивъ кладбища названнаго прихода, при нижеподписавшемся; редактированъ настоящій актъ въ теченіе времени отъ 11 часовъ утра до 2 часовъ пополудни.

Мы видимъ, что это приходское собраніе является не болѣе, какъ административнымъ разслѣдованіемъ съ формами и расходами судебныхъ слѣдствій; что оно никогда ни завершается голосованіемъ, т е. заявленіемъ воли прихода; что оно служитъ лишь для выраженія мнѣній отдѣльныхъ лицъ и никоимъ образомъ не связываетъ воли правительства. Множество другихъ актовъ показываютъ намъ дѣйствительно, что собраніе прихожанъ существовало для того, чтобы разъясненіемъ дѣла облегчать интенданту его рѣшеніе, но не для того, чтобы ставить послѣднему преграды, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло исключительно касалось интересовъ прихода.

Равнымъ образомъ изъ тѣхъ же документовъ мы усматриваемъ, что приведенное дѣло подаетъ поводъ къ тремъ слѣдствіямъ: первое производится въ присутствіи нотаріуса, второе — архитектора и, наконецъ, третье — передъ двумя нотаріусами, съ цѣлью узнать, настаиваютъ ли прихожане на своихъ прежнихъ показаніяхъ.

Налогъ въ суммѣ 724 ливр. 18 су, предписанный ко взысканію приказомъ 23 іюля 1748 г., должны выплатить всѣ собственники мѣста, привилегированные или непривилегированные, какъ это бывало почти всегда при расходахъ подобнаго рода; но основаніе для опредѣленія степени участія въ платежѣ тѣхъ и другихъ различно. Податные облагаются пропорціонально несомымъ ими тягостямъ, а привилегированные—по основанному на предположеніи разсчету ихъ состоянія, что представляетъ послѣднимъ большее преимущество передъ первыми.

Наконецъ, изъ того же дѣла явствуетъ, что раскладка суммы налога (724 л. 18 су) производятся двумя сборщиками изъ мѣстныхъ жителей, но не выборными или отправляющими должность по очереди, какъ это бывало всего чаще, а избранными и оффиціально назначенными субделегатомъ и интендантомъ.

Страница 64, строка 17.

Предлогомъ, послужившимъ Людовику XIV для разрушенія муниципальной свободы, было дурное управленіе городскими финансами. Между тѣмъ положеніе, какъ съ большимъ основаніемъ указываетъ Тюрго, осталось то же или даже ухудшилось со времени преобразованія, произведеннаго названнымъ государемъ. „Большая часть городовъ въ настоящее время сильно обременены долгами, говоритъ Тюрго, отчасти благодаря фондамъ, взятымъ заимообразно у правительства, отчасти по причинѣ расходовъ или работъ по украшенію города, которыя городскіе чиновники, располагающіе чужими деньгами, не дающіе никакихъ отчетовъ горожанамъ и не получающіе отъ нихъ никакихъ инструкцій, размножаютъ въ тѣхъ видахъ, чтобы отличиться, а иногда и обогатиться“.

Страница 68, строка 32.

Государство было опекуномъ надъ монастырями, какъ и надъ общинами; примѣръ этой опеки.

Генеральный контролеръ, уполномочивая интенданта выдать 15,000 ливровъ монастырю Кармелитовъ, которому

слѣдовало получить вознагражденіе за убытки, рекомендуетъ интенданту удостовѣриться въ томъ, что эта сумма, представляющая цѣлый капиталъ, получитъ полезное назначеніе. Подобные факты встрѣчаются на каждомъ шагу.

Страница 74, строка 33,

Какимъ образомъ въ Канадѣ можно было бы сдѣлать наилучшую оцѣнку административной централизаціи стараго режима?

По колоніямъ всего лучше можно судить о физіономіи управленія въ метрополіи, поэтому что обыкновенно всѣ черть, характеризующія это управленіе, въ колоніяхъ сгущаются и сильнѣе выступаютъ наружу. Если я хочу судить о духѣ администраціи Людовика XIV и ея порокахъ, я долженъ отправиться въ Канаду: тогда уродливость предмета явится передъ нами, какъ въ микроскопѣ.

Въ Канадѣ не существовало той кучи препятствій, которыя предшествующіе факты или прежній общественный порядокъ противопоставляли открыто или тайно свободному развитію правительственнаго духа. Дворянства тамъ почти совсѣмъ не было, или по крайней мѣрѣ оно тамъ почти утратило всѣ корни; церковь уже не имѣла тамъ господствующаго положенія; феодальныя традиціи были затеряны или затемнены; судебная власть не коренилась въ старыхъ учрежденіяхъ и старыхъ нравахъ. Ничто не препятствовало центральной власти предаваться всѣмъ своимъ природнымъ наклонностямъ и придавать всѣмъ законамъ видъ, сообразный съ ея духомъ. Въ Канадѣ, поэтому, мы не видимъ ни тѣни муниципальныхъ или провинціальныхъ учрежденій, никакой узаконенной коллективной силы, никакой дозволенной личной иниціативы. Интендантъ занимаетъ гораздо болѣе преобладающее положеніе, чѣмъ его собратья во Франціи; администрація вмѣшивается въ еще большее количество дѣлъ, чѣмъ въ метрополіи, и также желаетъ всѣмъ распоряжаться изъ Парижа, несмотря на разстояніе въ 1800 миль; она никогда не примѣняетъ великихъ началъ, могущихъ сдѣлать колонію населенною и цвѣтущею, а пускаетъ въ ходъ вза-

мѣнъ того всѣ виды мелкихъ искусственныхъ пріемовъ и мелкихъ стѣснительныхъ регламентовъ, направленныхъ къ приросту и распространенію населенія въ странѣ, каковы обязательная обработка земли, всевозможные процессы, проистекающіе изъ пожалованія земель, изъятыхъ отъ дѣйствія судовъ и подчиненныхъ суду одной администраціи, необходимость обрабатывать землю извѣстнымъ способомъ, обязательство селиться въ опредѣленныхъ мѣстахъ предпочтительно передъ другими, и т. д.,—все это мы видимъ въ эпоху Людовика XIV: эдикты, относящіеся сюда, скрѣплены Кольберомъ. Можно было бы подумать, что дѣло идетъ объ Алжирѣ въ эпоху полнаго развитія новѣйшей централизаціи: въ самомъ дѣлѣ, Канада даетъ намъ вѣрную картину того, что всегда происходило въ названной колоніи. Съ двухъ сторонъ ощутительно присутствіе этой администраціи, почти столь же многочисленной, какъ само населеніе, преобладающей, дѣйствующей, стѣсняющей. принуждающей, хотящей все предусмотрѣть, берущей все на себя, всегда знающей интересы управляемыхъ лучше, чѣмъ они сами; неустанно дѣятельной и безплодной.

Въ Соединенныхъ Штатахъ англійская система децентрализаціи уклоняется въ противоположную крайность: общины становятся почти независимыми муниципалитетами, чѣмъ то въ родѣ демократическихъ республикъ. Республиканскій элементъ, составляющій какъ бы основу англійской конституціи и англійскихъ нравовъ, выказывается безпрепятственно и развивается. Администрація въ собственномъ смыслѣ мало имѣетъ дѣла въ Англіи, а частныя лица дѣлаютъ много; въ Америкѣ, можно сказать администрація не вмѣшивается ни во что, а отдѣльныя лица, соединяясь въ союзы, дѣлаютъ все. Вслѣдствіе отсутствія высшихъ сословій, житель Канады былъ еще болѣе подчиненъ начальству, чѣмъ былъ въ то же самое время житель Франціи, а обитатель англійскихъ провинцій становился болѣе и болѣе независимымъ отъ властей.

И въ той, и въ другихъ колоніяхъ складывается въ концѣ концовъ общество вполнѣ демократическое; но въ первомъ случаѣ, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока Канада остается во владѣніи Франціи, равенство соединяется съ

неограниченною властью, во второмъ же оно сочетается со свободою. Что же касается матеріальныхъ послѣдствій обоихъ методовъ колоніальной политики, то извѣстно, что въ 1763 г., въ годъ покоренія англичанами, населеніе Канады не превышало 60,000 душъ, тогда какъ англійскія провинціи имѣли населенія до 3.000,000.

Страница 75, строка 19.

Взятые на выдержку примѣры распоряженій общаго характера, постоянно издаваемыхъ государственнымъ совѣтомъ: они имѣютъ силу закона для всей Франціи и создаютъ особые виды преступленій, по которымъ единственными судьями являются административные трибуналы.

Я беру первые примѣры, попадающіеся мнѣ подъ руку. Приказъ совѣта отъ 29 апрѣля 1779 г. постановляетъ, что на будущее время во всемъ королевствѣ земледѣльцы и торговцы баранами обязаны мѣтить своихъ барановъ извѣстнымъ способомъ подъ страхомъ пени въ 300 ливровъ; въ приказѣ сказано, что Его Величество повелѣваетъ интендантамъ слѣдить за исполненіемъ его, изъ чего слѣдуетъ, что интенданту предоставляется наложеніе штрафа за нарушеніе закона. Другой примѣръ: приказъ совѣта отъ 21 декабря 1778 г. запрещаетъ извозчикамъ (rouliers et voituriers) складывать товары, нагруженные на ихъ фуры, также подъ страхомъ пени въ 300 ливровъ; смотрѣть за этимъ дѣломъ Его Величество повелѣваетъ главному лейтенанту полиціи и интендантамъ.

Страница 86, строка 10.

Провинціальное собраніе Верхней Гюйенны (la haute Guyenne) шумно требуетъ учрежденія новыхъ бригадъ объѣздной стражи (maréchaussée) точь въ точь, какъ въ наши дни генеральный совѣтъ какого-нибудь Авейронскаго или Лотскаго департамента, безъ сомнѣнія, требуетъ учрежденія новыхъ бригадъ жандармеріи. Постоянно одна и та же мысль: жандармерія — это порядокъ, а порядокъ вмѣстѣ съ

жандармами можетъ исходить только отъ правительства. Докладъ прибавляетъ: „Постоянно слышны жалобы на полное „отсутствіе полиціи въ деревняхъ (откуда бы ей тамъ и „взяться? Дворяне ни во что не вмѣшиваются, буржуа живутъ по городамъ, а сельское общество, представляемое грубыми крестьянами, не имѣетъ къ тому же никакой власти), „и нельзя не признать, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ „кантоновъ, въ которыхъ справедливые и добродѣтельные „сеньёры пользуются вліяніемъ на вассаловъ, какое доставляетъ имъ ихъ положеніе, для предупрежденія насилій, къ „которымъ деревенскіе жители естественно склонны при грубости ихъ нравовъ и жестокости характера,—повсюду въ „другихъ мѣстахъ не существуетъ почти никакого средства „для того, чтобы сдерживать этихъ невѣжественныхъ, грубыхъ и вспыльчивыхъ людей“.

Вотъ что позволяли говорить о себѣ дворяне провинціальнаго собранія, и какъ выражались члены третьяго сословія, составлявшіе половину собранія, о народѣ, и притомъ въ оффиціальныхъ документахъ.

Страница 87, строка 8.

При старомъ порядкѣ табачныя бюро являлись также предметомъ домогательства, какъ и теперь. Люди наиболѣе знатные добивались ихъ для своихъ клевретовъ. Я нашелъ примѣры полученія этихъ мѣстъ по рекомендаціи знатныхъ дамъ; нѣкоторыя изъ нихъ даны по ходатайству архіепископовъ.

Страница 88, строка 3.

Прекращеніе всякой мѣстной общественной жизни превосходило тогда всякое вѣроятіе. Одна изъ дорогъ, ведущихъ изъ Мэна въ Нормандію, была непроѣздна. Кто же проситъ о ея исправленіи? Округъ Турэнъ, чрезъ который она проходитъ, провинція Нормандія или Мэнъ, такъ сильно заинтересованныя въ торговлѣ скотомъ, направляющейся по этому тракту? Наконецъ, какой-нибудь кантонъ, терпящій особенный ущербъ отъ плохого состоянія этой дороги? Округъ, провинція, кантоны не имѣютъ голоса: купцы, которые ѣздятъ по этой дорогѣ и вязнутъ на ней, должны сами оза-

ботиться привлеченіемъ вниманія центральнаго правительства на это дѣло. Они пишутъ въ Парижъ главному контролеру и просятъ его придти имъ на помощь.

Страница 96, строка 20.

Большая или меньшая важность оброковъ, смотря по провинціямъ.

Тюрго говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ: „Я долженъ „обратить вниманіе на то, что эти виды оброковъ имѣютъ „совершенно иное значеніе въ большей части богатыхъ про„винцій, каковы Нормандія, Пикардія и окрестности Пари„жа. Въ послѣднихъ главное богатство состоитъ въ томъ, что „производитъ сама земля, соединенная въ крупныя фермы и „приносящая своимъ собственникамъ большіе платежи. Вла„дѣльческія ренты съ самыхъ обширныхъ земель составля„ютъ здѣсь лишь очень скромную долю дохода, и этой „статьѣ придаютъ почти лишь номинальное значеніе. Въ про„винціяхъ наименѣе богатыхъ и обрабатываемыхъ на основаніи „различныхъ принциповъ сеньёры и дворяне почти не владѣютъ „землями: наслѣдства, крайне раздробленныя, обременены очень „тяжелыми оброками въ формѣ зерна, къ уплатѣ коихъ всѣ „арендаторы обязаны подъ круговою порукою. Эти оброки „часто поглощаютъ наибольшую часть дохода съ земель, и „доходъ владѣльцевъ составляется почти цѣликомъ изъ „нихъ“.

Страница 102, отрока 31.

Противосословное вліяніе общаго обсужденія дѣлъ.

Изъ неособенно важныхъ трудовъ земледѣльческихъ обществъ XVIII в. мы можемъ усмотрѣть, какое вліяніе въ смыслѣ, противномъ сословному духу, имѣло общее обсужденіе общихъ интересовъ. Хотя собранія этихъ обществъ происходятъ за 30 лѣтъ до революціи, при полномъ господствѣ старыхъ порядковъ, и хотя на нихъ рѣчь идетъ только о теоріяхъ, но уже въ силу того, что обсуждаются

вопросы, по которымъ различные общественные классы чувствуютъ себя заинтересованными, и которые они разбираютъ сообща, тотчасъ же чувствуется сближеніе и смѣшеніе людей; идеи разумныхъ реформъ, видимо, овладѣваютъ лицами привилегированными, какъ и другими, а между тѣмъ дѣло идетъ лишь о сохраненіи существующаго и о земледѣліи.

Я убѣжденъ, что только правительство, всегда ищущее силы лишь въ себѣ самомъ и всегда стремившееся разъединять людей, каково было правительство стараго режима, и могло поддерживать то смѣшное и безсмысленное неравенство, которое существовало во Франціи въ моментъ революціи: малѣйшее соприкосновеніе съ *self-government* (самоуправленіемъ) глубочайшимъ образомъ видоизмѣнило бы это неравенство и быстро передѣлало бы или разрушило бы его.

Страница 103, строка 15.

Областныя вольности могутъ существовать нѣкоторое время при отсутствіи національной свободы, если эти вольности давняго происхожденія, связаны съ привычками, нравами и воспоминаніями, и если, напротивъ, деспотизмъ происхожденія новаго; но было бы неосновательно думать, что возможно по произволу создавать мѣстныя вольности или даже сохранять ихъ въ силѣ долгое время при подавленіи общей свободы.

Страница 104, строка 29.

Въ одномъ докладѣ королю Тюрго слѣдующимъ образомъ, и по моему, очень точно, опредѣляетъ вкратцѣ настоящій объемъ привилегій дворянства по отношенію къ налогамъ:

„1. Привилегированные могутъ добиться освобожденія отъ „всякаго оброчнаго обложенія фермы въ четыре сохи (charrue, „участокъ земли), каковая въ окрестностяхъ Парижа обыкно„венно платитъ 2000 франковъ налога“.

„2. Тѣ же привилегированные не платятъ ровно ничего „за лѣса, луга, виноградники, пруды, равно какъ за огоро„женныя земли, прилегающія къ ихъ замкамъ, какого бы онѣ „ни были протяженія. Есть округа, главное производство ко-

„торыхъ зависитъ отъ луговъ и виноградниковъ; тогда дво„рянинъ, завѣдывающій своими землями черезъ управляю„щаго, освобождается отъ всякаго обложенія, падающаго „всею тяжестью на человѣка податного,—второе преимуще„ство, притомъ неизмѣримое.

Страница 105, строка 6.

Косвенная привилегія въ области налоговъ. Различіе въ способахъ взиманія даже при общности обложенія.

По этому вопросу равнымъ образомъ Тюрго рисуетъ картину, которую я на основаніи документовъ считаю точною:

„Косвенныя преимущества привилегированныхъ по части по„головной подати (capitation) весьма велики. Поголовная подать „есть по своей природѣ налогъ произвольный: ее невозможно „разложить на всю совокупность гражданъ иначе, какъ науда„чу. Болѣе удобнымъ сочли поэтому принять за основаніе „податные списки, найденные вполнѣ готовыми. Для привиле„гированныхъ составили особый списокъ; но, такъ какъ они „отстаиваютъ свои интересы, тогда какъ податные не имѣ„ютъ никого, кто бы говорилъ въ ихъ пользу, то и вышло, „что поголовное обложеніе первыхъ въ провинціяхъ мало по „малу свелось на крайне скромные размѣры, между тѣмъ „какъ обложеніе вторыхъ почти равняется суммѣ оброка“.

Страница 105, строка 6.

Другой примѣръ неравенства во взиманіи при общемъ обложеніи.

Извѣстно, что при мѣстныхъ налогахъ обложеніе падало на всѣхъ: „каковыя суммы, гласятъ приказы совѣта, утверждающіе эти виды расходовъ, имѣютъ быть возложены на „всѣхъ подвѣдомыхъ лицъ, изъятыхъ или неизъятыхъ, при„вилегированныхъ или непривилегированныхъ, безо всякаго „исключенія, совокупно съ поголовною податью или по со„размѣрности съ послѣдней“.

Замѣтимъ, что, такъ какъ поголовное обложеніе подат-

ныхъ, приравниваемое къ ихъ тальи, было сравнительно выше чѣмъ обложеніе привилегированныхъ,—неравенство проявлялось даже при такихъ условіяхъ, которыя, повидимому, наиболѣе его исключали.

Страница 105, строка 6.

О томъ же.

Въ проектѣ эдикта 1764 г., обнаруживающемъ намѣреніе установить равенство обложенія, я нахожу всяческія распоряженія, имѣющія цѣлью сохранить за привилегированными особое положеніе въ дѣлѣ взиманія налоговъ; между прочимъ я замѣчаю, что всѣ мѣры, направленныя къ опредѣленію цѣнности подлежащаго обложенію предмета, по отношенію къ привилегированнымъ не могутъ быть приняты иначе, какъ въ присутствіи ихъ самихъ или повѣренныхъ.

Страница 105, строка 6.

О томъ, какъ само правительство признавало, что привилегированные пользовались льготами по взиманію налоговъ даже при общности обложенія.

„Я вижу, пишетъ въ 1766 г. министръ, что часть на„логовъ, взиманіе которой всегда представляетъ наибольшія „трудности, составляется изъ платежей, лежащихъ на дво„рянахъ и на привилегированныхъ: сборщики податей счита„ютъ себя обязанными соблюдать осторожность по отношенію „къ нимъ, вслѣдствіе чего накопляются очень давнишнія и „слишкомъ значительныя недоимки по ихъ поголовной подати „и двадцатымъ долямъ (vingtième—налоги, общіе для приви„легированныхъ съ народомъ).

Страница 116, строка 10.

Въ *Путешествіи Артура Юнга* въ 1789 г. мы находимъ маленькую картину, въ которой это состояніе двухъ обществъ такъ привлекательно нарисовано и такъ хорошо очерчено,

что я не могу устоять противъ желанія помѣстить это изображеніе здѣсь.

Юнгъ, проѣзжая по Франціи въ самый разгаръ перваго волненія, вызваннаго взятіемъ Бастиліи, задержанъ въ одной деревнѣ толпою народа, которая, не видя на немъ банта, хочетъ отвести его въ тюрьму. Чтобы выпутаться изъ непріятнаго положенія, онъ придумываетъ обратиться къ народу со слѣдующею небольшою рѣчью:

„Господа, говоритъ онъ, говорятъ, что налоги должны „уплачиваться, какъ прежде. Конечно, налоги должны упла„чиваться, но не такъ, какъ прежде. Ихъ слѣдуетъ платить, „какъ въ Англіи. У насъ существуетъ много налоговъ, ко„торыхъ у васъ совсѣмъ нѣтъ; но третье сословіе, народъ, „ихъ не платитъ: они ложатся только на богатыхъ. У насъ „каждое окно обложено; но тотъ, у кого въ домѣ только „шесть оконъ, не платитъ ничего. Крупный владѣлецъ пла„титъ двадцатыя доли и талію; но мелкій собственникъ од„ного сада не платитъ ничего. Богатый платитъ за своихъ „лошадей, за экипажи, за слугъ; онъ платитъ даже за „право стрѣлять собственныхъ куропатокъ; мелкій вла„дѣлецъ не подлежитъ ни одному изъ этихъ налоговъ. Бо„лѣе того! у насъ въ Англіи существуетъ налогъ, который „уплачиваютъ богатые, чтобы оказывать помощь бѣднымъ. „Итакъ, если слѣдуетъ продолжать уплату налоговъ, то „слѣдуетъ ихъ платить иначе. Англійскій способъ гораздо „лучше“.

„Такъ какъ мой плохой французскій языкъ, прибавляетъ Юнгъ, пришелся болѣе или менѣе подъ пару ихъ про„стонародному говору, они меня поняли очень хорошо; они „не оставили ни одного слова въ моей рѣчи безъ одобрѣнія „и стали думать, что я могу быть честнымъ человѣкомъ, что „я и подвердилъ, провозгласивъ: „Да здравствуетъ третье „сословіе!“ Тогда они меня отпустили съ крикомъ „ура!“

Страница 118, строка 16.

Церковь въ X., élection Шолле, пришла въ состояніе разрушенія; шло дѣло о ея починкѣ посредствомъ способа, указаннаго въ постановленіи 1684 г. (16 дек.), т. е. при

помощи налога, разложеннаго на всѣхъ обывателей. Когда сборщики приступили къ взиманію налога, маркизъ X., сеньеръ прихода, объявилъ, что не хочетъ участвовать въ платежѣ, такъ какъ беретъ на себя одного починку хоръ; прочіе жители возражаютъ на это весьма основательно, что въ качествѣ сеньера и владѣльца крупной десятины (онъ, безъ сомнѣнія, взималъ феодальныя десятины) онъ обязанъ исправить хоры на свой счетъ, и что, слѣдовательно, это исправленіе не можетъ избавить его отъ участія въ общей повинности. Споръ разрѣшается постановленіемъ интенданта, объявляющимъ притязанія маркиза неосновательными и уполномочивающимъ сборщиковъ къ взысканію съ него налога. Въ дѣлѣ находятся болѣе десяти писемъ маркиза, одни настоятельнѣе другихъ: маркизъ съ большимъ шумомъ требуетъ, чтобы остальные прихожане платили за него, и, чтобы добиться желаемаго, удостоиваетъ величать интенданта *monseigneur* и даже *умолять* его (*supplier*).

Страница 119, строка 28.

Примѣръ уваженія правительства стараго порядка къ пріобрѣтеннымъ правамъ, формальнымъ договорамъ и вольностямъ городовъ или сообществъ.

Передъ нами декларація короля, „пріостанавливающая на „время войны уплату всѣхъ займовъ, сдѣланныхъ городами, мѣ„стечками (bourgs), коллегіями, сообществами, управленіями „больницъ, благотворительными учрежденіями, художествен„ными и ремесленными товариществами и прочими, которыя „расплачиваются доходами отъ акцизовъ или налоговъ, раз„рѣшенныхъ нами на предметъ заключенія названныхъ зай„мовъ,—причемъ проценты продолжаютъ наростать“. Это не только пріостановка уплаты въ срокъ, назначенный въ договорѣ съ кредиторами, но также и ущербъ, причиняемый залогу, данному для обезпеченія займа. Никогда подобныя мѣры, которыми изобилуетъ старый режимъ, не были бы возможны при правительствѣ, поставленномъ подъ надзоръ гласности или общественныхъ собраній. Интересно сравнить та-

кія распоряженія съ тѣмъ, что всегда дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ въ Англіи и даже въ Америкѣ. Презрѣніе къ праву здѣсь настолько же рѣзко высказывается, какъ и презрѣніе къ мѣстнымъ льготамъ.

Страница 121, строка 17.

Приведенный въ текстѣ случай далеко не единственный примѣръ того, что привилегированные замѣтили, какимъ образомъ феодальное право, тяготѣвшее на крестьянахъ, затрогивало ихъ самихъ. Вотъ что говорилось за тридцать лѣтъ до революціи въ одномъ земледѣльческомъ обществѣ, состоящемъ цѣликомъ изъ привилегированныхъ:

„Непогашаемыя ренты, будь онѣ поземельныя или фео„дальныя, лежащія на имѣніяхъ, если онѣ хоть сколько„нибудь значительны, дѣлаются столь обременительными для „плательщика, что причиняютъ его разореніе и вслѣдъ за „тѣмъ разореніе самого имѣнія. Плательщикъ принуждается „забрасывать его, не будучи въ состояніи найти ни источ„никовъ для займа подъ обезпеченіе чрезмѣрно обреме„неннаго имѣнія, ни пріобрѣтателей, если захочетъ его про„дать. Если бы эти ренты подлежали выкупу, такой ра„зоренный плательщикъ не имѣлъ бы недостатка ни въ „кредитѣ для погашенія, ни въ покупателяхъ, способныхъ „выкупить имѣніе и ренту. Люди всегда охотно поддер„живаютъ и улучшаютъ свободное имущество, если мо„гутъ считать себя мирными обладателями его. Большимъ „поощреніемъ для земледѣлія было бы изысканіе средствъ „къ тому, чтобы сдѣлать подобные виды рентъ погашаемы„ми. Многіе ленные владѣльцы, убѣжденные въ этой исти„нѣ, охотно приступали бы къ подобнымъ соглашеніямъ. „И такъ, было бы очень важно изыскать и указать под„ходящія средства, чтобы достигнуть такого освобожденія „поземельныхъ рентъ“.

Страница 122, строка 38.

Всѣ общественныя должности, даже обязанности агента по откупамъ, вознаграждались свободою отъ налоговъ,— привилегія, дарованная приказомъ 1681 г. Въ письмѣ, адре-

сованномъ въ 1782 г. однимъ интендантомъ министру, сказано: „Въ средѣ привилегированныхъ нѣтъ болѣе многочи„сленнаго разряда, нежеля классъ служащихъ по соляному „сбору, по пошлинамъ, по управленію государственными иму„ществами, по почтовому вѣдомству, по сбору податей и по „другимъ управленіямъ всякаго рода. Мало найдется прихо„довъ, гдѣ бы не было такихъ лицъ, а въ нѣкоторыхъ ихъ „оказывается по двое и по трое“.

Дѣло шло о томъ, чтобы отклонить министра отъ намѣренія предложить совѣту изданіе приказа, распространяющаго свободу отъ налоговъ на служащихъ и челядинцевъ этихъ привилегированныхъ агентовъ, — свободу, распространенія которой, по словамъ интенданта, безпрестанно требуютъ главные откупщики съ цѣлью освободиться отъ уплаты вознагражденія этимъ агентамъ.

Страница 123, строка 7.

Эти должности не были вполнѣ неизвѣстны и въ другихъ мѣстахъ. Въ Германіи нѣкоторые мелкіе князья создали нѣсколько такихъ должностей, но въ маломъ числѣ и въ менѣе важныхъ отрасляхъ общественнаго управленія. Въ большихъ размѣрахъ эта система практиковалась только во Франціи.

Страница 127, строка 13.

Не слѣдуетъ удивляться, хотя это кажется весьма страннымъ и странно въ дѣйствительности, если мы видимъ во времена стараго порядка, что государственные чиновники, изъ коихъ нѣкоторые принадлежатъ къ администраціи въ собственномъ смыслѣ слова, ведутъ споры въ парламентѣ съ цѣлью узнать, каковы предѣлы ихъ различныхъ полномочій. Это станетъ понятнымъ, если вспомнить, что всѣ эти вопросы, будучи вопросами государственной администраціи, были въ то же самое время и вопросами частной собственности. То, что въ данномъ случаѣ принимается за захватъ судебной власти, было лишь слѣдствіемъ ошибки, какую совершило правительство, обративъ общественныя должности въ откупленныя мѣста. Мѣста были откуплены, и, такъ какъ каждый чиновникъ получалъ вознагражденіе по мѣрѣ совер-

шаемыхъ имъ дѣйствій, характеръ должности не могъ быть измѣненъ безъ нарушенія права, купленнаго у предшественника. Одинъ примѣръ изъ тысячи: полицеймейстеръ (lieutenant général) въ Мансѣ ведетъ долгій процессъ противъ финансоваго управленія того же города съ цѣлью доказать, что, имѣя по своей обязанности полицейскій надзоръ за улицами, онъ долженъ быть уполномоченъ производить всѣ дѣйствія, относящіяся до замощенія улицъ и получать вознагражденіе за совершеніе таковыхъ дѣйствій. Бюро на это возражаетъ, что замощеніе улицъ предоставлено ему по самому свойству его обязанностей. На этотъ разъ споръ рѣшаетъ не королевскій совѣтъ: такъ какъ дѣло идетъ главнымъ образомъ о доходѣ съ капитала, затраченнаго при пріобрѣтеніи должности, то приговоръ постановляетъ парламентъ. Административный вопросъ превращается въ гражданскій процессъ.

Страница 128, строка 24.

Разборъ дворянскихъ cahiers.

Французская революція представляетъ собою, по моему, единственное движеніе, въ началѣ котораго различные слои общества имѣли возможность подлинно засвидѣтельствовать, каждый въ отдѣльности, идеи, ими усвоенныя, и заявить о чувствахъ, ихъ одушевлявшихъ, прежде, чѣмъ самая революція исказила или видоизмѣнила эти чувства и идеи. Это подлинное свидѣтельство, какъ всякому извѣстно, записано въ cahiers составленныя тремя сословіями въ 1789 году. Эти cahiers, или наказы редактировались при полной свободѣ, при свѣтѣ самой широкой гласности каждымъ изъ сословій, котораго они касались: они долго обсуждались заинтересованными лицами и зрѣло обдумывались ихъ составителями; ибо правительство того времени, обращаясь къ народу, не брало на себя труда, ставя вопросъ, подсказывать въ то же время и отвѣтъ на него. Въ то время, когда cahiers были составлены, главное содержаніе ихъ было соединено въ трехъ напечатанныхъ томахъ, которые можно видѣть

во всѣхъ библіотекахъ. Подлинники хранятся въ національныхъ архивахъ, и при нихъ приложены протоколы собраній, редактировавшихъ cahiers, и отчасти также переписка, производившаяся въ то же время между Неккеромъ и его агентами по поводу означенныхъ собраній. Эта коллекція, составляющая длинную серію томовъ in-folio, есть драгоцѣннѣйшій документъ, оставшійся намъ отъ старой Франціи, съ которымъ безпрестанно должны справляться всѣ желающіе знать, каково было настроеніе нашихъ отцовъ въ моментъ взрыва революціи.

Я думалъ, что, быть можетъ, извлеченіе, напечатанное въ трехъ томахъ, о которыхъ упомянуто выше, представляетъ собою работу одной партіи и не воспроизводитъ въ точности характера всего громаднаго разсѣдованія; однако, сравнивая одно съ другимъ, я нашелъ величайшее сходство между большою картиною и малою копіею.

Извлеченіе изъ cahiers дворянства, которое я намѣренъ сдѣлать, даетъ возможность узнать истинныя чувствованія значительнаго большинства названнаго сословія. Мы ясно увидимъ, что́ именно оно упрямо стремилось удержать изъ своихъ старыхъ привилегій, что̀ оно почти готово было уступить, что́ оно само приносило въ жертву. Вообще передъ нами вполнѣ раскроется духъ, одушевлявшій тогда цѣлое сословіе по отношенію къ политической свободѣ. Любопытная и печальная картина.

Права личныя. Дворянство прежде всего требуетъ, чтобы была издана ясно выраженная декларація о правахъ, принадлежащихъ всѣмъ людямъ, и чтобы эта декларація подтвердила ихъ свободу и обезпечила ихъ личную безопасность.

Свобода личности. Дворяне желаютъ уничтоженія земельнаго прикрѣпленія тамъ, гдѣ оно еще существуетъ, и изысканія способовъ къ прекращенію торга неграми и ихъ рабства; каждый долженъ пользоваться свободою передвиженія и поселенія тамъ, гдѣ хочетъ, въ предѣлахъ или внѣ предѣловъ королевства, не подвергаясь риску произвольнаго ареста; злоупотребленія, связанныя съ полицейскими распоряженіями, должны быть устранены, и полицейская власть должна впредь находиться въ рукахъ судей, даже въ случаѣ возмущенія;

никто не можетъ быть арестованъ и судимъ иначе, какъ своими природными судьями, вслѣдствіе чего государственныя тюрьмы и прочія мѣста незаконнаго задержанія должны быть закрыты. Нѣкоторые требуютъ разрушенія Бастиліи: дворянство Парижа особенно настаиваетъ на этомъ пунктѣ.

Всякія тайныя или запечатанныя повелѣнія объ арестованіи (lettres de cachet) должны быть запрещены.—Если государственая опасность дѣлаетъ необходимымъ задержаніе гражданина безъ непосредственной передачи его правосудію въ обычномъ порядкѣ, слѣдуетъ принять мѣры къ предотвращенію злоупотребленій или черезъ сообщеніе о задержаніи государственному совѣту, или какимъ-либо инымъ способомъ.

Дворянство желаетъ уничтоженія всѣхъ особыхъ коммиссій, всѣхъ спеціальныхъ или исключительныхъ судовъ (tribunaux d'attribution ou d'exceptions), всѣхъ привилегій *committimus*, приказовъ объ отсрочкѣ и т. д.; самыя строгія наказанія должны постигать того, кто постановитъ или приведетъ въ исполненіе произвольное повелѣніе; при обычномъ судопроизводствѣ, единственномъ, какое должно быть сохранено, должны приниматься мѣры, необходимыя для обезпеченія личной свободы, особенно во всемъ, что касается преступника; правосудіе должно совершаться безплатно, и ненужныя юрисдикціи должны быть уничтожены. „Чиновники установлены для народа, а не народъ существуетъ для чиновниковъ“, говорится въ одномъ cahier. Требуется даже, чтобы въ каждомъ округѣ (bailliage) былъ учреждены совѣтъ и институтъ безплатныхъ защитниковъ для бѣдныхъ; чтобы слѣдствіе производилось гласно, и чтобы тяжущимся было предоставлено право защищаться самимъ; чтобы въ уголовныхъ процессахъ обвиняемый имѣлъ при себѣ защитника, и чтобы въ теченіе всей судебной процедуры при судьѣ находилось извѣстное число гражданъ того же сословія, къ какому принадлежитъ обвиняемый, обязанныхъ произносить приговоръ по вопросу о преступленіи или проступкѣ подсудимаго; по этому поводу дѣлается ссылка на англійскую конституцію. Наказанія должны соразмѣряться съ проступками и быть равны для всѣхъ; смертная казнь должна примѣняться рѣже, всѣ виды тѣлесныхъ наказаній, пытокъ и т. п.

должны быть отмѣнены; наконецъ, участь заключенныхъ и въ особенности подслѣдственныхъ лицъ должна быть улучшена. По мнѣнію cahiers, слѣдуетъ изыскать способы къ тому, чтобы заставить уважать личную свободу при наборѣ войскъ сухопутныхъ и морскихъ. Слѣдуетъ допустить замѣну обязательной личной военной службы денежною податью, приступать къ жеребьевкѣ не иначе, какъ въ присутствіи депутаціи отъ трехъ соединенныхъ сословій, наконецъ примирить обязанности дисциплины и военнаго подчиненія съ правами гражданина и свободнаго человѣка. Нанесеніе ударовъ саблею плашмя должны быть запрещены.

Свобода и неприкосновенность собственности. Собственность должна быть неприкосновенна, и нарушеніе этой неприкосновенности можетъ послѣдовать лишь по необходимости въ видахъ общественной пользы. Въ такихъ случаяхъ правительство должно возмѣщать убытки по повышенной оцѣнкѣ и безотлагательно. Конфискація должна быть уничтожена.

Свобода торговли, труда и промышленности. Свобода промышленности и торговли должна быть гарантирована. Сообразно съ этимъ подлежатъ отмѣнѣ цехи и прочія привилегіи, дарованныя извѣстнымъ компаніямъ; таможенныя линіи должны быть перенесены къ границамъ.

Свобода религіи. Католическая религія должна быть единою господствующею во Франціи; но каждому должна быть предоставлена свобода совѣсти, и некатолики должны быть возстановлены въ ихъ гражданскомъ состояніи и въ правахъ собственности.

Свобода печати, ненарушимость почтовыхъ тайнъ. Свобода печати должна быть обезпечена, и ограниченія этой свободы, могущія послѣдовать въ общественномъ интересѣ, должны быть заранѣе опредѣлены закономъ. Подчиненіе церковной цензурѣ должно имѣть мѣсто только для книгъ, трактующихъ о догматахъ; въ прочихъ случаяхъ достаточно принятія необходимыхъ мѣръ для узнанія авторовъ и издателей. Нѣкоторые изъ cahiers требуютъ, чтобы проступки по дѣламъ печати подлежали исключительно суду присяжныхъ.

Cahiers въ особенности и единодушно настаиваютъ на необходимости ненарушимо уважать тайны, ввѣренныя почтѣ,

такимъ образомъ, чтобы письма не могли служить документомъ или средствомъ къ обвиненію. Вскрытіе писемъ называется напрямикъ гнуснѣйшимъ шпіонствомъ, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ нарушеніе общественнаго довѣрія.

Образованіе, воспитаніе. Дворянскіе cahiers ограничиваются требованіемъ дѣятельнаго покровительства воспитанію, которое должно быть распространяемо по городамъ и селамъ и устраиваемо на началахъ, сообразныхъ съ предполагаемымъ назначеніемъ дѣтей; послѣднимъ въ особенности надлежитъ давать воспитаніе національное, состоящее во внушеніи гражданскихъ обязанностей и гражданскихъ правъ. Cahiers даже выражаютъ желаніе, чтобы для дѣтей былъ составленъ особый катихизисъ, въ которомъ были бы изложены примѣнительно къ ихъ понятіямъ основныя черты государственнаго устройства. Впрочемъ cahiers не указываютъ средствъ къ облегченію и распространенію образованія, ограничиваясь требованіемъ устройства воспитательныхъ учрежденій для дѣтей бѣдныхъ дворянъ.

Заботы о положеніи народа. Многіе cahiers настаиваютъ на томъ, чтобы народу посвящалось болѣе вниманія. Нѣкоторые возстаютъ противъ злоупотребленій полицейскихъ властей, которыя обыкновенно произвольно и безъ правильнаго суда заключаютъ въ тюрьмы, смирительные дома и т. д. множество ремесленниковъ и полезныхъ гражданъ, часто за неважные проступки или даже по простымъ подозрѣніямъ, что является нарушеніемъ естественной свободы. Всѣ cahiers требуютъ окончательнаго уничтоженія барщины (corvée). Большая часть уѣздовъ (bailliages) желаютъ, чтобы былъ дозволенъ выкупъ помѣщичьихъ монополій (banalités) и дорожныхъ пошлинъ (péage). Многіе требуютъ, чтобы взиманіе нѣкоторыхъ феодальныхъ налоговъ было сдѣлано менѣе тяжкимъ, и чтобы былъ уничтоженъ налогъ на пріобрѣтенія дворянскихъ земель не дворянами (droit de franc-fief). Правительство заинтересовано, сказано въ одномъ cahier, въ облегченіи процесса купли и продажи земель. Именно это основаніе приводится для уничтоженія сразу всѣхъ владѣльческихъ поборовъ и для обращенія въ продажу неотчуждаемыхъ имѣній (biens de mainmorte). Многіе cahiers требуютъ, чтобы

право голубятни (droit de colombier) было сдѣлано менѣе вреднымъ для земледѣлія. Что касается до учрежденій, призванныхъ охранять королевскую дичь, извѣстныхъ подъ именемъ capitaineries, — cahiers требуютъ непосредственной отмѣны послѣднихъ, какъ посягающихъ на право собственности. Они же заявляютъ желаніе, чтобы на мѣсто существующихъ налоговъ были установлены размѣры поборовъ, менѣе обременительныхъ для народа.

Дворянство требуетъ, чтобы государство позаботилось о распространеніи довольства и благосостоянія въ деревняхъ,— объ устройствѣ прядиленъ и ткацкихъ для производства грубыхъ тканей по селамъ съ цѣлью дать занятіе деревенскимъ жителямъ въ теченіе глухой поры года; требуетъ учрежденія въ каждомъ округѣ общественныхъ житницъ подъ надзоромъ мѣстной администраціи для предупрежденія голодовокъ и удержанія цѣны съѣстныхъ припасовъ на извѣстномъ уровнѣ; мѣръ къ усовершенствованію сельскаго хозяйства и улучшенію положенія деревень; расширенія общественныхъ работъ и въ особенности принятія мѣръ къ осушенію болотъ и предупрежденію наводненій и т. д.; наконецъ, раздачи по всѣмъ провинціямъ суммъ для поощренія торговли и земледѣлія.

Cahiers желали бы, чтобы больницы были подраздѣлены на мелкія учрежденія, устроены по всѣмъ округамъ (district), чтобы дома для призрѣнія нищихъ были закрыты и замѣнены благотворительными мастерскими; чтобы были устроены кассы помощи подъ управленіемъ провинціальныхъ штатовъ, и чтобы хирурги, врачи и акушерки были распредѣлены по волостямъ (arrondissement) на счетъ провинцій для оказанія безвозмездной помощи бѣднымъ; чтобы правосудіе для бѣдныхъ всегда оказывалось безплатно; наконецъ, чтобы приступлено было къ устройству учрежденій для слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, дѣтей-найденышей и т. д.

Вообще однако по всѣмъ этимъ вопросамъ дворянское сословіе ограничивается выраженіемъ своихъ пожеланій касательно реформъ, не входя въ ближайшія подробности ихъ выполненія. Видно, что оно сравнительно съ низшимъ духовенствомъ менѣе жило среди низшихъ классовъ общества и,

менѣе соприкасаясь съ ихъ нуждою, менѣе думало о средствахъ къ ея уврачеванію.

О доступѣ къ общественнымъ должностямъ, о іерархіи чиновъ и почетныхъ привилегіяхъ дворянства. Дворянство отступаетъ отъ общаго духа требуемыхъ имъ преобразованій болѣе всего или, лучше сказать, единственно въ томъ, что касается чиновной іерархіи и различія между званіями: въ этомъ случаѣ, соглашаясь на нѣкоторыя важныя уступки, оно держится началъ стараго режима. Оно чувствуетъ, что въ данномъ вопросѣ борется за самое свое существованіе. Поэтому дворянскіе cahiers настойчиво требуютъ удержанія духовенства и дворянства въ качествѣ обособленныхъ сословій. Они даже желаютъ, чтобы были изысканы средства къ сохраненію дворянскаго сословія во всей его чистотѣ: чтобы, слѣд., было запрещено пріобрѣтать дворянское званіе за деньги; чтобы это званіе не было связано съ извѣстными должностями; чтобы оно получалось только путемъ долгой и полезной службы государству. Выражается пожеланіе, чтобы лица, ложно присвоившіе себѣ дворянскій титулъ, разыскивались и подвергались преслѣдованію. Всѣ cahiers, наконецъ, настаиваютъ на томъ, чтобы за дворянствомъ были сохранены всѣ его почетныя права. Нѣкоторые желаютъ, чтобы дворянамъ былъ присвоенъ отличительный знакъ, позволяющій узнавать ихъ по одному внѣшнему виду.

Нельзя представить себѣ ничего болѣе характернаго, чѣмъ подобное требованіе, и ничто не можетъ лучше показать совершенное сходство, уже существовавшее между дворяниномъ и простолюдиномъ, наперекоръ различію состояній. Вообще въ своихъ cahiers дворянство, являющееся довольно сговорчивымъ относительно нѣкоторыхъ изъ своихъ прибыльныхъ правъ, цѣпляется съ безпокойною горячностью за свои почетныя привилегіи. Оно хочетъ сохранить всѣ тѣ, которыми уже обладаетъ и желало бы имѣть возможность изобрѣсти такія, какихъ никогда не имѣло: до такой степени оно уже чувствуетъ себя вовлеченнымъ въ волны деморатическаго потока и боится раствориться въ немъ. Странное дѣло! оно инстинктивно ощущаетъ эту опасность и въ то же время не имѣетъ о ней яснаго понятія.

Что̀ касается распредѣленія должностей, дворянство требуетъ, чтобы продажа должностей въ примѣненіи къ судейскимъ мѣстамъ была отмѣнена; когда дѣло идетъ о замѣщеніи должностей этого рода, всѣ граждане должны имѣть право быть представляемыми народомъ королю и безразлично получать отъ него назначеніе съ соблюденіемъ лишь условій возраста и способностей. Касательно военныхъ чиновъ большинство дворянскихъ cahiers держится мнѣнія, что третье сословіе не должно быть устраняемо отъ нихъ, и что всякій военный, оказавшій отечеству выдающіяся услуги, имѣетъ право достигать самыхъ высшихъ степеней. „Дворянское „сословіе не одобряетъ ни одного изъ законовъ, заграж„дающихъ доступъ къ военнымъ должностямъ для лицъ „третьяго сословія“, говорятъ лишь нѣкоторые cahiers; дворяне желаютъ, чтобы право поступать въ полкъ офицеромъ, не прошедши предварительно низшихъ степеней, было предоставлено имъ однимъ. Почти всѣ cahiers впрочемъ требуютъ установленія твердыхъ и примѣнимыхъ ко всѣмъ правилъ распредѣленія чиновъ въ арміи; пожалованіе послѣднихъ не должно всецѣло зависѣть отъ милости, и слѣдуетъ установить полученіе по праву служебнаго старшинства также другихъ чиновъ, кромѣ штабъ-офицерскихъ.

Относительно духовныхъ должностей дворяне требуютъ возстановленія выборовъ при раздачѣ бенефицій или, по крайней мѣрѣ, учрежренія королемъ особаго комитета, который могъ бы дѣлать ему указанія касательно распредѣленія этихъ бенефицій.

Наконецъ, они заявляютъ, что отнынѣ пенсіи должны раздаваться съ бо̀льшею разборчивостью, что ихъ не слѣдуетъ сосредоточивать въ извѣстныхъ фамиліяхъ, и что ни одинъ гражданинъ не долженъ получать болѣе одной пенсіи, ни пользоваться доходами съ нѣсколькихъ мѣстъ за разъ; право на преемничество (survivance) должно быть отмѣнено.

Церковь и духовенство. Когда рѣчь идетъ не о собственныхъ правахъ и не о своемъ особомъ устройствѣ, а о привилегіяхъ и организаціи церкви, дворянство смотритъ на

дѣло не на такомъ близкомъ разстояніи; здѣсь его глаза широко открыты на злоупотребленія.

Оно требуетъ, чтобы духовенство не имѣло ни какихъ привилегій по платежу налоговъ и чтобы оно платило свои долги, не заставляя народъ нести ихъ на себѣ. Монашескіе ордена должны подвергнуться коренному преобразованію; большая часть cahiers объявляютъ, что эти установленія удаляются отъ духа, заложеннаго въ нихъ при ихъ возникновеніи.

Большинство округовъ желаетъ, чтобы десятины были слѣланы менѣе убыточными для земледѣлія; многіе даже требуютъ ихъ уничтоженія. „Значительнѣйшая часть десятинъ, говорится въ одномъ cahiers, взимается тѣми священниками, „которые всего менѣе стараются о доставленіи народу духовной помощи“. Изъ этого мы видимъ, какъ мало второе сословіе щадитъ первое въ своихъ замѣчаніяхъ. Не болѣе уважительно относятся представители дворянства и къ самой церкви. Нѣкоторые округа формально признаютъ за генеральными штатами право упразднять извѣстные религіозные ордена и давать другое употребленіе ихъ имуществамъ. Семнадцать округовъ заявляютъ, что генеральные штаты имѣютъ власть регулировать церковную дисциплину. Нѣкоторые полагаютъ, что праздничные дни черезчуръ многочисленны, что вредитъ земледѣлію и благопріятствуетъ пьянству, и что вслѣдствіе этого нужно отмѣнить большое число праздниковъ, отсрочивая ихъ до ближайшаго воскресенья.

Права политическія. Что касается политическихъ правъ, cahiers признаютъ за всѣми французами право принимать участіе въ правительственной дѣятельности прямо или косвенно, т. е. право избирать и быть избираемыми, но сохраняя при этомъ іерархію чиновъ, такимъ образомъ, чтобы никто не могъ ни назначать, ни получать назначенія иначе, какъ въ предѣлахъ своего сословія. Исходя изъ этого принципа, система представительства должна быть установлена такъ, чтобы обезпечить всѣмъ сословіямъ націи возможность къ принятію серьезнаго участія въ управленіи дѣлами.

Относительно способа голосованія въ собраніи генеральныхъ штатовъ мнѣнія раздѣляются: большинство cahiers высказываются за подачу голоса отдѣльно каждымъ сословіемъ; нѣкоторые считаютъ нужнымъ допустить исключеніе изъ этого правила для голосованія налоговъ; другіе, наконецъ, требуютъ во всѣхъ случаяхъ иного порядка. „Голоса должны „считаться поголовно, а не по сословіямъ, говорятъ эти послѣдніе, такъ какъ эта форма счета является единственно „разумною и только она одна можетъ устранить и уничтожить сословный эгоизмъ, единственный источникъ всѣхъ „нашихъ золъ, сблизить людей и привести ихъ къ результату, какого нація въ правѣ ожидать отъ собранія, въ которомъ патріотизмъ и высокія добродѣтели будутъ подкрѣпляемы познаніями“. Однако, такъ какъ это новшество, проведенное слишкомъ рѣзко, могло бы быть опасно при современномъ состояніи умовъ, нѣкоторые думаютъ, что оно должно быть принято лишь съ предосторожностями, и что собранію слѣдуетъ обсудить, не будетъ ли болѣе благоразумнымъ отложить поголовное голосованіе до слѣдующаго собранія генеральныхъ штатовъ. Во всякомъ случаѣ дворянство требуетъ, чтобы каждое сословіе могло сохранять достоинство, по праву принадлежащее каждому французу; чтобы вслѣдствіе этого были уничтожены тѣ унизительныя обрядности, какимъ подвергалось третье сословіе при господствѣ стараго порядка, напр., колѣнопреклоненіе, „такъ какъ зрѣлище человѣка, стоящаго передъ другимъ на колѣняхъ, оскорбляетъ „человѣческое достоинство и знаменуетъ между существами, „равными по природѣ, подчиненность, несовмѣстимую съ ихъ „существеннѣйшими правами“, сказано въ одномъ cahier.

О порядкѣ, какой слѣдуетъ установить въ формѣ правленія, и о началахъ конституціи. Касательно формы правленія дворянство требуетъ удержанія монархическаго устройства съ сохраненіемъ въ лицѣ короля властей законодательной, судебной и исполнительной, но въ то же время установленія основныхъ законовъ, предназначенныхъ гарантировать права націи при пользованіи ея полномочіями.

Въ силу этого всѣ cahiers заявляютъ, что народъ имѣетъ право собираться въ засѣданія генеральныхъ штатовъ, состоящихъ изъ числа членовъ, достаточнаго для обезпеченія не-

зависимости собранія. Они желаютъ, чтобы эти штаты впредь собирались періодически, въ опредѣленные сроки, равно какъ при каждомъ новомъ восшествіи на престолъ, такъ чтобы не было никогда надобности въ созывныхъ грамотахъ. Многіе уѣзды даже находятъ желательнымъ, чтобы такое собраніе было постояннымъ. Въ случаѣ, если бы генеральные штаты не были созваны по истеченіи промежутка, указаннаго въ законѣ, народъ долженъ имѣть право отказа отъ уплаты налоговъ. Въ небольшомъ числѣ cahiers высказывается желаніе, чтобы на время промежутка, отдѣляющаго одну сессію штатовъ отъ другой, учреждалась временная комиссія, уполномоченная надзирать за администраціею королевства; но большая часть cahiers формально возстаетъ противъ учрежденія такой комиссіи, объявляя, что подобный органъ былъ бы вполнѣ противуконституціоннымъ. Причина, приводимая въ подтвержденіе такого заявленія, любопытна: cahiers боятся, какъ бы такое малолюдное собраніе, оставшись лицомъ къ лицу съ правительствомъ, не дало себя совратить подстрекательствами послѣдняго.

Дворянство требуетъ, чтобы министры не имѣли права распускать собраніе и чтобы они подвергались наказанію по закону, если будутъ нарушать порядокъ занятій собранія своими интригами; чтобы ни одинъ чиновникъ, ни одно лицо, зависящее въ чемъ бы то ни было отъ правительства, не могло быть депутатомъ; чтобы личность послѣднихъ была неприкосновенна, и чтобы ихъ нельзя было,—какъ заявляютъ cahiers, преслѣдовать за высказанныя ими мнѣнія; наконецъ, чтобы засѣданія собранія были открыты для публики и свѣдѣнія о нихъ распространялись путемъ печати съ цѣлью пріохотить націю къ происходящимъ въ собраніи преніямъ.

Дворянство требуетъ единодушно, чтобы начала, положенныя въ основу государственнаго управленія, были примѣнены и къ управленію отдѣльными частями территоріи, въ силу чего въ каждой провинціи, въ каждомъ округѣ (district), въ каждомъ приходѣ должны быть устроены собранія, состоящія изъ членовъ, свободно избранныхъ на время, ограниченное опредѣленнымъ срокомъ.

Нѣкоторые cahiers полагаютъ, что должности интендантовъ и главныхъ сборщиковъ податей (receveurs généraux) должны быть отмѣнены; всѣ они того мнѣнія, что впредь однимъ лишь провинціальнымъ собраніямъ должны быть представлены распредѣленіе налоговъ и охрана интересовъ каждой провинціи въ отдѣльности. То же самое подразумѣвается относительно собраній окружныхъ (assemblée d'arrondissement, de district) и приходскихъ, которыя впредь имѣютъ зависѣть только отъ провинціальныхъ штатовъ.

Раздѣленіе властей. Власть законодательная. Что касается до раздѣленія властей между націею, представленною въ собраніи, и королемъ, дворянство требуетъ, чтобы никакой законъ не имѣлъ силы, если онъ не будетъ принятъ генеральными штатами и королемъ и записанъ въ реестръ судовъ, уполномоченныхъ слѣдить за его исполненіемъ; чтобы право устанавливать и опредѣлять количество налоговъ было предоставлено исключительно генеральнымъ штатамъ; чтобы разрѣшенныя подати подлежали взиманію только въ теченіе времени, отдѣляющаго одну сессію штатовъ отъ другой; чтобы всѣ подати, какія были бы взимаемы или установлены безъ согласія штатовъ, объявлялись незаконными, и чтобы министры и сборщики, установляющіе подобные налоги и взимающіе ихъ, подвергались преслѣдованію, какъ лихоимцы.

Равнымъ образомъ никакой заемъ не можетъ быть произведенъ безъ согласія генеральныхъ штатовъ; долженъ быть открытъ только кредитъ, опредѣленный послѣдними: правительство можетъ пользоваться имъ въ случаяхъ войны и большихъ бѣдствій съ обязательствомъ въ самомъ непродолжительномъ времени созвать генеральные штаты.

Всѣ національныя кассы должны быть поставлены подъ наблюденіе штатовъ; расходы по каждому департаменту должны опредѣляться ими же; также должны приниматься наиболѣе дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы расходы не превышали вотированныхъ суммъ.

Большая часть cahiers считаютъ нужнымъ добиваться отмѣны стѣснительныхъ налоговъ, извѣстныхъ подъ названіями сборовъ за занесеніе въ протоколъ (droits d'insinuation),

сотаго денье, утвержденій (entérinements), соединенныхъ подъ общимъ наименованіемъ управленія королевскими имуществами. „Одного имени управленія достаточно для оскорбленія „націи, такъ какъ оно объявляетъ какъ бы принадлежащими „королю предметы, составляющіе существенную часть соб„ственности гражданъ“, говорится въ одномъ cahier. Всѣ королевскія имущества, какія не подвергнутся отчужденію, должны быть подвѣдомственны провинціальнымъ штатамъ и никакое постановленіе, никакой указъ о чрезвычайной подати (édit bursal) не можетъ быть изданъ иначе, какъ съ согласія трехъ сословій націи.

Очевидная мысль дворянства заключается въ томъ, чтобы передать народу черезъ посредство общегосударственныхъ и провинціальныхъ собраній все финансовое управленіе, какъ по отношенію къ разрѣшенію займовъ и налоговъ, такъ и по отношенію къ взиманію послѣднихъ.

Власть судебная. Равнымъ образомъ въ области судебной организаціи дворянство стремится привести въ зависимость, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени, власть судей отъ національнаго собранія. Вотъ что гласятъ нѣкоторые cahiers:

Судебные чины должны подлежать отвѣтственности передъ національнымъ собраніемъ за отправленіе своихъ служебныхъ обязанностей; они должны подлежать смѣщенію не иначе, какъ съ согласія генеральныхъ штатовъ, никакой трибуналъ не долженъ ни подъ какимъ предлогомъ встрѣчать препятствія въ исполненіи своихъ обязанностей иначе, какъ съ согласія тѣхъ же штатовъ; нарушенія обязанностей со стороны кассаціоннаго суда такъ же, какъ и парламентовъ, должны быть судимы генеральными штатами. По мнѣнію большинства cahiers, судьи должны назначаться королемъ не иначе, какъ по представленію народа.

Власть исполнительная. Что касается исполнительной власти, она сохраняется исключительно за королемъ; но для нея полагаются границы, необходимыя для предотвращенія злоупотребленій. Такъ относительно администраціи cahiers требуютъ, чтобы отчетныя вѣдомости по отдѣльнымъ департаментамъ дѣлались общественнымъ достояніемъ путемъ

печати, и чтобы министры были отвѣтственны передъ національнымъ собраніемъ; равнымъ образомъ, чтобы король, прежде чѣмъ употреблять войска для цѣлей внѣшней обороны, въ точности заявлялъ о своихъ намѣреніяхъ генеральнымъ штатамъ. Внутри государства войска не могутъ быть употреблены противъ гражданъ иначе, какъ по требованію штатовъ. Контингентъ войскъ долженъ быть ограниченъ, и въ мирное время только двѣ трети остаются въ наличномъ составѣ второго разряда. Что касается до иностранныхъ войскъ, которыя правительство можетъ держать на своемъ жалованьѣ, они должны быть удалены изъ центра королевства и отосланы на границы.

Что болѣе всего поражаетъ при чтеніи дворянскихъ cahiers, но что не можетъ быть воспроизведено никакимъ извлеченіемъ, это то, до какой степени эти дворяне являются дѣтьми своего времени: они проникнуты его духомъ; они очень бѣгло владѣютъ его языкомъ. Они говорятъ *о неотчуждаемыхъ правахъ человѣка*, *о принципахъ*, *проистекающихъ изъ общественнаго договора*. Когда рѣчь идетъ объ отдѣльной личности, они обыкновенно распространяются о ея правахъ, а когда говорится про общество,—о его обязанностяхъ.

Принципы политики кажутся имъ *столь же безусловными, какъ принципы морали, и какъ тѣ, такъ и другіе имѣютъ общимъ основаніемъ разумъ*. Хотятъ ли они уничтожить остатки крѣпостного состоянія, *дѣло идетъ о томъ, чтобы изгладить послѣдніе слѣды униженія человѣческаго рода*. Они не разъ называютъ Людовика XVI *королемъ-гражданиномъ* и неоднократно говорятъ о преступленіи *оскорбленія націи* (lèse-nation), въ которомъ ихъ впослѣдствіи такъ часто будутъ обвинять. По ихъ воззрѣнію, какъ и по воззрѣнію всѣхъ другихъ, слѣдуетъ ожидать всего отъ общественнаго воспитанія, которое должно направлять государство. „*Генеральные штаты* говорится въ одномъ cahier, *должны приложить старанія къ тому, чтобы внушать* (inspirer) *національный характеръ при помощи измѣненій въ воспитаніи дѣтей*“. Какъ и остальные ихъ современники, они проявляютъ живую и постоянную наклонность къ единообразію въ законодатель-

ствѣ, за исключеніемъ однако того, что касается существованія сословій. Не менѣе третьяго сословія они хотятъ единообразія административнаго, единообразія мѣръ и т. д. они намѣчаютъ реформы всякаго рода и подразумѣваютъ, что эти реформы должны быть радикальными. По ихъ мнѣнію, всѣ налоги безъ исключенія должны быть уничтожены или передѣланы, вся система правосудія измѣнена, за исключеніемъ владѣльческихъ юрисдикцій, которыя нуждаются только въ усовершенствованіи. Для нихъ, какъ и для всѣхъ прочихъ французовъ, Франція является опытнымъ полемъ, чѣмъ-то въ родѣ образцовой фермы, гдѣ все должно быть перевернуто вверхъ дномъ, все испробовано: нетронутымъ долженъ остаться лишь маленькій уголокъ, гдѣ растутъ ихъ особыя привилегіи; однако къ чести ихъ слѣдуетъ сказать, что и этотъ послѣдній уголокъ они не особенно оберегаютъ.

Страница 129, строка 37.

Примѣръ духовнаго управленія епархіей въ серединѣ XVIII вѣка.

1. Архіепископъ;
2. Семь главныхъ викаріевъ;
3. Два церковныхъ суда, именуемыхъ officialités: одинъ, называемый *officialité métropolitaine*, вѣдаетъ приговоры суффрагановъ (викаріевъ); другой, называемый *officialité diocésaine* (епархіальный), вѣдаетъ 1) личныя дѣла, возникающія между членами клира; 2) дѣла о дѣйствительности браковъ по отношенію къ таинству. Послѣдній судъ состоитъ изъ трехъ судей; къ его персоналу принадлежатъ еще нотаріусы и прокуроры.
4. Два фискальныхъ суда.

Одинъ изъ нихъ, называемый *епархіальнымъ бюро* (bureau diocésain), вѣдаетъ въ первой инстанціи всѣ дѣла, относящіяся до обложенія духовенства въ предѣлахъ епархіи (какъ извѣстно, духовенство само себя облагало). Этотъ судъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ архіепископа изъ шести другихъ духовныхъ лицъ.

Другой судъ судитъ по аппелляціи дѣла, разбиравшіяся передъ другими епархіальными бюро церковной провинціи.

Ко всѣмъ этимъ трибуналамъ имѣютъ доступъ адвокаты и въ нихъ допускаются судебныя пренія.

Страница 130, строка 20.

Настроеніе духовенства въ провинціальныхъ штатахъ и собраніяхъ.

То, что сказано въ текстѣ о штатахъ Лангедока, вполнѣ приложимо также къ провинціальнымъ собраніямъ, засѣдавшимъ въ 1779 и 1787 гг., особенно въ Верхней Гюйеннѣ (la haute Guyenne). Члены отъ духовенства въ этомъ провинціальномъ собраніи принадлежатъ къ наиболѣе просвѣщеннымъ, наиболѣе дѣятельнымъ, наиболѣе либеральнымъ. Не кто иной, какъ епископъ Родезскій, предлагаетъ публиковать протоколы собранія.

Страница 131, строка 34.

Это либеральное настроеніе духовенства въ политикѣ, проявляющееся въ 1789 г., не было вызвано исключительно возбужденіемъ момента: проявленія его можно подмѣтить уже въ эпоху, значительно болѣе раннюю. Оно особенно выказывается въ Берри (le Berry), начиная съ 1779 г.: тамошнее духовенство предлагаетъ добровольное пожертвованіе въ 68,000 ливровъ подъ единственнымъ условіемъ сохраненія провинціальной администраціи.

Страница 133, строка 35.

Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, что политическое общество было лишено связующихъ узъ, но общество гражданское еще имѣло таковыя. Люди были связаны между собою внутри сословій; уцѣлѣло даже кое-что отъ тѣсной связи, существовавшей между сословіемъ сеньеровъ и народомъ. Хотя эти отношенія существовали въ гражданскомъ обществѣ, послѣдствія ихъ давали себя косвенно чувствовать и въ обществѣ политическомъ: люди, такимъ образомъ соединенные, представляли массы неправиль-

ныя и неорганизованныя, но непокорныя передъ лицомъ власти. Революція, разрушивъ эти соціальныя узы и не установивъ на ихъ мѣсто узъ политическихъ, подготовила разомъ равенство и рабство.

Страница 135, строка 1.

Примѣры заявленій судовъ по поводу иныхъ произвольныхъ актовъ.

Изъ одного доклада, предъявленнаго генеральному контролеру въ 1781 г. интендантомъ Парижскаго округа (généralité), явствуетъ, что въ этомъ округѣ приходы обыкновенно имѣли по два синдика (старшины), изъ которыхъ одинъ избирался населеніемъ въ собраніи подъ предсѣдательствомъ субделегата, а другой назначался интендантомъ и надзиралъ за первымъ. Въ Рюэйльскомъ приходѣ произошелъ споръ между обоими синдиками, такъ какъ избранный не хотѣлъ повиноваться назначенному. Интендантъ добился отъ де-Бретёля разрѣшенія заключить на пятнадцать дней въ тюрьму избраннаго синдика, который и былъ дѣйствительно арестованъ, а потомъ смѣщенъ, и другой посаженъ на его мѣсто. Вслѣдъ за этимъ возникаетъ дѣло въ парламентѣ, по поводу жалобы, поданной заточеннымъ синдикомъ; продолженія этого дѣла я не нашелъ, но въ немъ сказано, что заточеніе аппеллирующаго и кассація его избранія не могутъ разсматриваться иначе, какъ *акты произвольные и деспотическіе*. Юстиція того времени бывала иногда дерзка на языкъ!

Страница 138, строка 9.

Просвѣщенные и достаточные классы общества при старомъ режимѣ далеко не были подавлены и порабощены: можно даже сказать, что всѣ они, включая сюда и буржуазію, часто пользовались слишкомъ большою свободою дѣлать то, что для нихъ было удобно, такъ какъ королевская власть не дерзала препятствовать членамъ этихъ общественныхъ классовъ постоянно создавать для себя особое положеніе во вредъ народу и почти всегда считала нужнымъ отдавать послѣдній на ихъ произволъ съ цѣлью заполучить ихъ благоволеніе

или прекратить ихъ недоброжелательство. Можно сказать, что въ XVIII в. французъ, принадлежащій къ одному изъ названныхъ классовъ, часто имѣлъ болѣе возможности сопротивляться правительству и заставить послѣднее щадить его, чѣмъ могъ бы это сдѣлать англичанинъ того времени въ соотвѣтствующемъ положеніи. Власть иногда считала себя обязанною соблюдать по отношенію къ привилегированному гражданину большую умѣренность и болѣе сдержанное обращеніе, чѣмъ англійское правительство сочло бы себя обязаннымъ соблюдать по отношенію къ личности того же разряда: настолько неосновательно смѣшивать независимость со свободою. Нѣтъ ничего менѣе независимаго, чѣмъ свободный гражданинъ.

Страница 138, строка 10.

Почему въ старомъ обществѣ неограниченная власть часто принуждена была сдерживать себя.

При обыкновенныхъ условіяхъ ничто не способно въ такой степени создавать затрудненія правительству и вызывать волненіе въ народѣ, какъ возвышеніе прежнихъ налоговъ и въ особенности введеніе новыхъ. При старинномъ европейскомъ финансовомъ устройствѣ, если государь имѣлъ наклонность къ расточительности, если онъ бросался въ политику приключеній, вносилъ безпорядокъ въ свои финансовыя дѣла или нуждался въ деньгахъ, чтобы удержаться во власти при помощи привлеченія на свою сторону многихъ лицъ большими выгодами или крупными и незаслуженными окладами, или при помощи содержанія многочисленныхъ армій, производства обширныхъ работъ и т. д., — ему необходимо было тотчасъ же прибѣгать къ налогамъ, что возбуждало и волновало непосредственно всѣ классы населенія, въ особенности тотъ, который производитъ насильственные перевороты—народную массу. Теперь въ подобныхъ обстоятельствахъ прибѣгаютъ къ займамъ, непосредственное воздѣйствіе которыхъ остается почти незамѣченнымъ, и конечный результатъ которыхъ ощущается лишь слѣдующимъ поколѣніемъ.

Страница 139, строка 28.

Между многими другими примѣрами, подтверждающими сказанное, я нахожу слѣдующій: крупнѣйшія имѣнія, расположенныя въ Майеннскомъ податномъ округѣ (élection), были отданы на откупъ главнымъ откупщикамъ (fermiers généraux), которые передавали ихъ другимъ съемщикамъ, — мелкимъ бѣднякамъ мызникамъ, не имѣвшимъ ровно ничего, такъ что ихъ приходилось снабжать всѣмъ, вплоть до необходимѣйшей утвари. Понятно, что подобные главные откупщики не щадили арендаторовъ или должниковъ прежняго феодальнаго владѣльца, посадившаго ихъ на свое мѣсто, и что подъ ихъ руками феодальныя отношенія часто могли принимать болѣе суровыя формы, чѣмъ въ Средніе Вѣка.

Страница 139, строка 28.

Другой примѣръ.

Жители Монбазона занесли въ податной списокъ управляющихъ герцогства, которымъ владѣлъ князь де-Роганъ, хотя эти управляющіе пользовались доходами только отъ имени послѣдняго. Этотъ князь (безъ сомнѣнія, очень богатый) добивается не только прекращенія *этого злоупотребленія*, какъ онъ его называетъ, но и обратнаго полученія суммы въ 5,344 ливра 15 су, незаконно съ него взысканной и подлежащей разложенію на жителей.

Страница 142, строка 29.

Примѣръ того, какимъ образомъ денежныя права духовенства отчуждали отъ него людей, которые по своему изолированному положенію должны были бы сблизиться съ нимъ.

Священникъ въ Нуазэ утверждаетъ, что мѣстные прихожане обязаны починить его ригу и давильню и требуетъ установленія мѣстнаго налога для указанной цѣли. Интендантъ отвѣчаетъ, что жители обязываются только къ исправленію священническаго дома, а починка риги и точила

должны оставаться на попеченіе самого пастыря, болѣе озабоченнаго своею усадьбою, чѣмъ своею паствою (1767 г.).

Страница 145, строка 18.

Въ одной изъ записокъ, представленныхъ въ 1788 г. крестьянами въ отвѣтъ на запросъ со стороны одного провинціальнаго собранія, — замѣтимъ, въ запискѣ, отличающейся ясностью и составленной въ умѣренномъ тонѣ, читаемъ слѣдующее: „Къ злоупотребленіямъ при сборѣ подати присоединяются еще злоупотребленія со стороны экзекуціонныхъ сыщиковъ (garnisaires). Они обыкновенно прибываютъ пять разъ въ продолженіе сбора податей. Чаще всего сыщиками бываютъ солдаты-инвалиды или швейцарцы. При каждой поѣздкѣ они проводятъ отъ четырехъ до пяти дней въ приходѣ, и бюро по взиманію податей опредѣляетъ ихъ содержаніе въ 36 су ежедневно. Что касается раскладки податей, мы не будемъ излагать ни слишкомъ хорошо извѣстныхъ проявленій произвола, ни дурныхъ послѣдствій, проистекающихъ отъ составленія списковъ по обязанности чиновниками, часто неспособными и почти всегда пристрастными и мстительными. Эти списки однако бывали источникомъ безпокойствъ и споровъ. Они причинили не мало процессовъ, весьма убыточныхъ для тяжущихся и весьма прибыльныхъ для окружныхъ судовъ“.

Страница 146, строка 11.

Превосходство порядка вещей, господствующаго въ провинціяхъ съ земскими чинами (штатами), признаваемое самими чиновниками центральнаго правительства.

Въ конфиденціальномъ письмѣ, писанномъ 3 Іюня 1772 г. директоромъ обложеній (directeur des impositions) интенданту, говорится: „Въ провинціяхъ, гдѣ существуютъ штаты и обложеніе установлено въ опредѣленной долѣ, всякій подлежащій платежу обязанъ платить и платитъ дѣйствительно. При раскладкѣ дѣлается надбавка къ этой опредѣленной долѣ пропорціонально надбавкѣ, требуемой королемъ къ об-

„щей суммѣ, подлежащей внесенію (напр., 1.000,000 вмѣсто „900,000 ливровъ). Это простая операція, тогда какъ въ „gènéralitè раскладка носитъ характеръ личный и, можно „сказать, произвольный: одни платятъ, сколько должны, дру„гіе только половину, иные треть, четверть или вовсе ничего. Какимъ же образомъ можно увеличить обложеніе на „цѣлую девятую долю“.

Страница 148, строка 34.

Какъ понимали привилегированные въ началѣ прогрессъ цивилизаціи, совершающійся чрезъ посредство улучшенныхъ дорогъ?

Графъ X. жалуется въ письмѣ къ интенданту на то, что прилагается мало рвенія къ устройству дороги по сосѣдству съ его имѣніемъ. Это, по его словамъ, вина субделегата, который не прилагаетъ достаточно энергіи къ исполненію своихъ обязанностей и не принуждаетъ крестьянъ къ отправленію дорожной барщины (corvées).

Страница 149, строка 15.

Произвольное заключеніе въ тюрьму изъ-за барщины (corvée).

Примѣръ: въ письмѣ одного главнаго старшины (grand prévôt), относящемся къ 1748 г., читаемъ: „Я приказалъ „вчера заключить въ тюрьму трехъ человѣкъ по жалобѣ „г. С., помощника инженера, за невыполненіе ихъ обяза„тельныхъ работъ. Вслѣдствіе этого произошло волненіе въ „селѣ между женщинами, которыя кричали: „Вотъ видите! „о бѣдныхъ людяхъ вспоминаютъ, когда рѣчь идетъ о бар„щинѣ, и вовсе не занимаются тѣмъ, чтобы дать имъ „возможность жить!“

Страница 149, строка 21.

Способы устройства дорогъ были двоякаго рода: 1) главнымъ способомъ была натуральная повинность (corvée), примѣняемая ко всѣмъ крупнымъ дорожнымъ работамъ, требовавшимъ только одного труда; 2) второстепеннымъ способомъ было взиманіе общаго налога, сумма котораго поступала въ управленіе мостовъ и шоссе на устройство искусственныхъ сооруженій. Привилегированные, т. е. крупнѣйшіе собственники, заинтересованные болѣе, чѣмъ кто-либо, въ исправномъ состояніи дорогъ, не удѣляли ничего на отправленіе натуральной повинности и даже болѣе того: они были еще изъяты и отъ мостоваго и шоссейнаго сбора, такъ какъ послѣдній присоединялся къ подати и взимался на одинаковыхъ съ нею основаніяхъ.

Страница 149, строка 35.

Примѣръ натуральной повинности при перевозкѣ каторжниковъ.

Изъ письма, адресованнаго въ 1761 г. интенданту комиссаромъ, стоящимъ во главѣ галерной полиціи (police des chaînes), видно, что крестьянъ принуждали перевозить каторжниковъ въ повозкахъ, что они исполняли это очень неохотно и часто подвергались дурному обращенію со стороны конвойныхъ командъ (gardes-chiourmes) „въ виду того“, говоритъ комиссаръ: „что конвойные—люди неотесанные и „грубые, а крестьяне, исполняющіе указанную повинность „противъ воли, часто бываютъ дерзки“.

Страница 149, строка 36.

Тюрго изображаетъ неудобства и тягости натуральной повинности въ примѣненіи къ перевозкѣ войскового имущества такими красками, которыя не кажутся мнѣ преувеличенными послѣ чтенія относящихся сюда дѣлъ. Между прочимъ Тюрго говоритъ, что первое неудобство заключается въ крайне неравномѣрномъ распредѣленіи повинности, весьма тяжкой самой по себѣ: она падаетъ всецѣло на небольшое число приходовъ, которые имѣютъ несчастіе нести ее на себѣ, благодаря своему мѣстоположенію. Проѣзжать приходится часто пять, шесть, иногда даже десять или пятнадцать льё; въ такомъ случаѣ на поѣздку въ оба конца затрачивается три дня. Вознагражденіе, выплачиваемое собственникамъ, не превышаетъ пятой части

расходовъ по несомой ими повинности. Временемъ отправленія послѣдней почти всегда является лѣто, пора жатвы. Волы почти всегда при этомъ надсаживаются и часто заболѣваютъ послѣ этой работы, такъ что многіе собственники предпочитаютъ давать по 15—20 ливровъ, чѣмъ поставлять повозку и четырехъ воловъ. Наконецъ, въ этомъ дѣлѣ господствуетъ неизбѣжный безпорядокъ; крестьяне безпрестанно подвергаются насиліямъ со стороны военныхъ. Офицеры почти всегда требуютъ больше, чѣмъ имъ полагается; иногда они насильно заставляютъ возчиковъ запрягать верховыхъ лошадей въ экипажи, подвергая ихъ опасности изувѣченія. Солдаты заставляютъ везти себя на повозкахъ, уже безъ того тяжело нагруженныхъ; бываетъ также, что они, приходя въ нетерпѣніе отъ медленности воловъ, колютъ ихъ своими шпагами, и, если крестьянинъ вздумаетъ дѣлать какія-нибудь возраженія, ему приходится очень плохо.

Страница 150, строка 3.

Образецъ того, какъ барщина (corvée) примѣнялась ко всему.

Интендантъ флота въ Рошфорѣ жалуется на нежеланіе крестьянъ, обязанныхъ перевозить строевой лѣсъ, закупленный поставщиками на флотъ въ различныхъ провинціяхъ. Изъ переписки по этому дѣлу видно, что, дѣйствительно, крестьяне еще были обязаны (въ 1775 г.) отправлять эту повинность, плату за которую опредѣлялъ интендантъ. Морской министръ, препровождая вышеупомянутое письмо къ турскому интенданту, объявляетъ ему, что должно добиться поставки затребованныхъ повозокъ. Интендантъ Дюклюзель отказывается закрѣпить своимъ авторитетомъ этотъ видъ натуральной повинности. Министръ пишетъ ему угрожающее письмо, давая знать, что интендантъ будетъ отвѣчать передъ королемъ за свое сопротивленіе. Интендантъ немедленно пишетъ отвѣтъ 11 декабря 1775 г., заявляя съ твердостью, что въ теченіе десяти лѣтъ, какъ онъ находится въ своей должности въ Турѣ, онъ никогда не хотѣлъ признавать указанной повинности въ виду неизбѣжныхъ злоупотребленій,

какія она влечетъ за собою,—злоупотребленій, которыхъ не уменьшаетъ опредѣленіе уплаты за повозки: „ибо часто, говоритъ интендантъ, животныя подвергаются искалѣченію, „благодаря нагрузкѣ громадной клади, которую имъ приходится тащить по дорогамъ настолько же плохимъ, насколько „неудобно время года, когда трабуется отправленіе повинности“. Повидимому, интенданту придаетъ твердости письмо Тюрго, приложенное къ дѣлу, обозначенное 30-мъ іюля 1774 г.,– время вступленія Тюрго въ министерство,—письмо, въ которомъ послѣдній говоритъ, что онъ никогда не разрѣшалъ подобныхъ повинностей въ Лиможѣ, и поощряетъ Дюклюзеля слѣдовать его примѣру въ Турѣ.

Изъ другихъ частей этой переписки явствуетъ, что поставщики лѣса часто требовали отправленія перевозочной повинности, даже не будучи на то уполномочены по договорамъ, заключеннымъ между ними и государствомъ, такъ какъ они при этомъ соблюдали экономію по малой мѣрѣ на треть транспортныхъ издержекъ. Примѣръ такого выгоднаго сбереженія указываетъ одинъ субделегатъ. „Разстояніе для „перевозки лѣса отъ мѣста, гдѣ онъ срубленъ, до рѣки по „проселочнымъ дорогамъ, почти непроѣзжимъ, говоритъ онъ, „равняется шести льё; на поѣздку туда и обратно требуется „два дня. При вычисленіи вознагражденія отправляющихъ „повинность, по расчету за перевозку кубическаго фута на „одно льё по шести ліардовъ, получится 13 фр. 10 су за „поѣздку, что едва покрываетъ расходы самого мелкаго собственника, его помощника и издержки на воловъ или лошадей, которые должны быть впряжены въ его телѣгу. Его „трудъ, время, работа его скота, – все это для него потеряно“.

17 мая 1776 г. министръ объявляетъ интенданту положительный приказъ короля,—заставить населеніе отбывать повинность. Дюклюзель въ то время уже умеръ, и его преемникъ Л'Эскалопье спѣшитъ повиноваться и обнародовать распоряженіе, гласящее что „субделегатъ произведетъ раскладку повинности между приходами, вслѣдствіе чего подлежащіе ей жители названныхъ приходовъ будутъ обязаны въ назначенное по указанію старшинъ время и съ

„назначеннаго мѣста отправиться въ мѣсто нахожденія лѣса „и перевозить его по цѣнѣ, каковая имѣетъ быть установлена субделегатомъ.

Страница 155, строка 21.

Примѣры того, какъ часто поступали по отношенію къ крестьянамъ.

1768 г. Король жалуетъ 2000 франковъ скидки съ подати приходу Шапелль-Бланшъ, близъ Сомюра. Священникъ требуетъ выдѣленія части изъ этой суммы на сооруженіе колокольни, чтобы избавиться отъ колокольнаго звона, который, по его заявленію, безпокоитъ его въ священическомъ домѣ. Обыватели сопротивляются и жалуются. Субделегатъ принимаетъ сторону священника и приказываетъ ночью арестовать и заключить въ тюрьму трехъ главныхъ прихожанъ.

Другой примѣръ: королевскій приказъ присуждаетъ къ тюремному заключенію на пятнадцать дней одну женщину за оскорбленіе двухъ всадниковъ объѣздной команды. Еще другой приказъ приговариваетъ къ заключенію также на пятнадцать дней одного чулочнаго ткача за то, что онъ дурно отзывался объ объѣздной командѣ. Интендантъ отвѣчаетъ министру, что онъ уже распорядился заключить этого человѣка въ тюрьму, за что удостоивается рѣшительнаго одобренія со стороны министра. Оскорбленія по адресу объѣздной команды имѣли мѣсто по случаю насильственнаго задержанія нищихъ, — мѣра, повидимому, возмущавшая населеніе. Субделегатъ, приказывая арестовать ткача, объявляетъ, по его словамъ, публикѣ, что тѣ, кто будутъ впредь оскорблять объѣздную команду, подвергнутся болѣе строгому наказанію.

Изъ переписки субделегатовъ съ интендантомъ (1760 — 1770) видно, что интендантъ приказывалъ имъ арестовать вредныхъ людей не съ цѣлью привлеченія къ суду, а съ цѣлью подвергнуть ихъ тюремному заключенію. Субделегатъ испрашиваетъ у интенданта приказа о пожизненномъ

задержаніи двухъ опасныхъ нищихъ, которыхъ онъ приказалъ арестовать. Одинъ отецъ жалуется на арестованіе своего сына, задержаннаго въ качествѣ бродяги за то, что онъ путешествовалъ, не имѣя при себѣ вида. Одинъ землевладѣлецъ въ X. проситъ арестовать одного человѣка, его сосѣда, поселившагося, по его словамъ, въ его приходѣ, которому онъ оказалъ помощь, но который дурно ведетъ себя по отношенію къ нему и причиняетъ ему безпокойство. Парижскій нтендантъ проситъ Руанскаго не отказать въ этой услугѣ означенному землевладѣльцу, его другу.

Одному лицу, которое желаетъ выпустить нищихъ на свободу, индендантъ отвѣчаетъ, что „домъ призрѣнія нищихъ (dé„pôt des mendiants) не долженъ считаться тюрьмою, но лишь „домомъ, имѣющимъ своимъ значеніемъ сдерживать путемъ „*административнаго исправленія* нищенствующихъ и бродягъ“. Эта мысль проникла даже въ Уложеніе о наказаніяхъ (Code pénal): до того хорошо сохранились въ этомъ отношеніи традиціи стараго режима.

Страница 160, строка 8.

Принято утверждать, что характерною чертою философіи XVIII столѣтія является извѣстное обоготвореніе человѣческой природы, въ безпредѣльномъ довѣріи къ ея всемогуществу въ дѣлѣ преобразованія по произволу законовъ, учрежденій и нравовъ. Слѣдуетъ, однако, столковаться по этому вопросу: собственно говоря, нѣкоторые изъ тогдашнихъ философовъ обоготворяли не столько человѣческій разумъ вообще, сколько свой собственный разумъ. Никогда никого не обнаруживалъ менѣе ихъ вѣры въ общечеловѣческую мудрость. Я могъ бы привести слова нѣкоторыхъ изъ нихъ, выражающихъ почти столько же презрѣнія къ толпѣ, сколько и къ Богу. По отношенію къ послѣднему они выказывали гордость соперниковъ, по отношенію къ первой гордость выскочекъ. Истинное и почтительное подчиненіе волѣ большинства было имъ также чуждо, какъ и подчиненіе волѣ Божіей. Почти всѣ революціонеры впослѣдствіи обнаруживали этотъ двойственный характеръ. Отъ такого воззрѣнія далеко до ува-

женія, проявляемаго англичанами и американцами къ чувствамъ большинства ихъ согражданъ. У нихъ разумъ является гордымъ и увѣреннымъ въ себѣ, но никогда не надменнымъ, почему онъ и привелъ къ свободѣ, тогда какъ нашъ разумъ только и сумѣлъ изобрѣсть новыя формы рабства.

Страница 173, строка 22.

Фридрихъ Великій пишетъ въ своихъ мемуарахъ: „Фонтенели и Вольтеры, Гоббсы, Коллинсы, Шефтсбюри, Болингброки, — всѣ эти великіе люди нанесли смертельный ударъ религіи. Люди начали изслѣдовать то, что они безсмысленно обожали; разумъ низвергъ суевѣріе; получилось отвращеніе къ тѣмъ баснямъ, которымъ прежде вѣрили. Деизмъ пріобрѣлъ многочисленныхъ послѣдователей. Если эпикуреизмъ казался гибельнымъ для идолопоклонническаго культа язычниковъ, деизмъ въ наши дни оказалъ не меньшее вліяніе на іудейскія бредни, усвоенныя нашими праотцами. Свобода мышленія, господствовавшая въ Англіи, много способствовала прогрессу философіи“.

Изъ приведенныхъ словъ видно, что Фридрихъ Великій въ то время, когда онъ писалъ эти строки, т. е. въ срединѣ XVIII столѣтія, смотрѣлъ еще на Англію, какъ на очагъ антирелигіозныхъ ученій. Но мы видимъ въ приведенныхъ словахъ нѣчто еще болѣе удивительное: одинъ изъ государей, наиболѣе отличавшихся знаніемъ людей и дѣлъ, повидимому, даже не подозрѣваетъ политической пользы религіи: настолько умственные недостатки его наставниковъ исказили качества его собственнаго духа.

Страница 194, строка 6.

Этотъ духъ прогресса, замѣчаемый во Франціи въ концѣ XVIII в., проявлялся въ то же время во всей Германіи и повсюду онъ также точно сопровождался желаніемъ перемѣнъ въ учрежденіяхъ. Обратимъ вниманіе на слѣдующее изображеніе того, что происходило тогда въ этой странѣ, изображеніе, принадлежащее перу германскаго историка:

„Во второй половинѣ XVIII в., говоритъ онъ, новый духъ времени пробиваетъ себѣ мало-по-малу путь даже въ

церковныя владѣнія: въ нихъ начинаются преобразованія. Промышленность и терпимость проникаютъ всюду; просвѣщенный абсолютизмъ, уже овладѣвшій большими государствами, проявляется даже здѣсь. Слѣдуетъ сказать, что ни въ какую эпоху XVIII в. на этихъ церковныхъ территоріяхъ не появлялось государей столь замѣчательныхъ и столь достойныхъ уваженія, какъ именно въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, предшествующихъ французской революціи“.

Слѣдуетъ отмѣтить, насколько приведенная картина похожа на то, что представляла собою Франція, гдѣ движеніе въ духѣ улучшеній и прогресса начинается въ то же время, и гдѣ люди, наиболѣе достойные управлять, появляются въ тотъ моментъ, когда революція уже собирается пожрать все.

Должно также признать, до какой степени вся эта часть Германіи была видимо вовлечена въ цивилизаціонное и политическое движеніе тогдашней Франціи.

Страница 194, строка 38.

Революція произошла не по причинѣ этого благополучія; но духъ, который долженъ былъ ее произвести, этотъ духъ дѣятельный, безпокойный, интеллигентный, новаторскій, честолюбивый, этотъ демократическій духъ новыхъ обществъ началъ оживлять все и, прежде чѣмъ совершить моментальный переворотъ въ обществѣ, оказался достаточно сильнымъ, чтобы его возбудить и развить.

Страница 195, строка 26.

Какимъ образомъ англійское судебное устройство доказываетъ, что учрежденія могутъ заключать въ себѣ много второстепенныхъ недостатковъ, и однако это обстоятельство не препятствуетъ имъ достигать главной цѣли, предположенной при ихъ установленіи.

Способность націй преуспѣвать вопреки несовершенству, встрѣчающемуся во второстепенныхъ отдѣлахъ ихъ учрежденій, когда общіе принципы и самый духъ, оживляющій эти учрежденія, плодотворны, — это явленіе нигдѣ не выступаетъ

такъ замѣтно, какъ при разсмотрѣніи организаціи правосудія въ Англіи въ прошломъ столѣтіи, устройства, описываемаго Блэкстономъ.

Прежде всего бросаются въ глаза два крупныхъ источника разнообразія:

1. Разнообразіе законовъ;
2. Разнообразіе судовъ примѣняющихъ законы.

Разнообразіе законовъ. 1. Существуютъ различные законы для Англіи въ тѣсномъ смыслѣ, для Шотландіи, Ирландіи, другихъ владѣній Великобританіи въ Европѣ, каковы островъ Мэнъ, нормандскіе острова и проч., наконецъ, для колоній.

2. Въ самой Англіи мы находимъ четыре разряда законовъ: обычное право, статуты, римское право, справедливость. Обычное право въ свою очередь подраздѣляется на обычаи общіе, принятые во всемъ королевствѣ, и на обычаи, свойственные отдѣльнымъ сеньеріямъ, отдѣльнымъ городамъ, иногда отдѣльнымъ классамъ общества, каково, напр., обычное право купцовъ. Эти обычаи иногда сильно различаются между собою, какъ, напр., тѣ, которые, въ противоположность общей тенденціи англійскихъ законовъ, требуютъ раздѣла наслѣдства поровну между всѣми дѣтьми (*gavelkinl*) и даже, что еще страннѣе, даютъ право первородства младшему изъ дѣтей.

Разнообразіе судовъ. Закономъ установлено, говоритъ Блэкстонъ, удивительное многообразіе различныхъ судовъ, о чемъ можно судить по слѣдующему весьма краткому перечисленію:

1. Прежде всего мы находимъ трибуналы, учрежденные внѣ предѣловъ собственной Англіи, каковы палаты Шотландіи и Ирландіи, не всегда зависѣвшія отъ высшихъ судовъ Англіи, хотя всѣ они подчинены въ концѣ концовъ, какъ я думаю, палатѣ лордовъ.

2. Что касается до Англіи въ отдѣльности, то, если я точно передаю классификацію Блэкстона, я нахожу у него слѣдующій перечень:

1. Одиннадцать разрядовъ судебныхъ мѣстъ, существующихъ на основаніи общаго права (*common law*), изъ коихъ, правда, четыре повидимому уже утратили значеніе.

2) Три разряда судовъ, юрисдикція которыхъ распространяется на всю страну, но примѣняется лишь къ извѣстнымъ категоріямъ дѣлъ.

3. Десять разрядовъ судовъ, имѣющихъ спеціальный характеръ. Одинъ изъ этихъ разрядовъ слагается изъ мѣстныхъ судовъ, учрежденныхъ различными парламентскими актами или существующихъ въ силу традиціи въ Лондонѣ или въ провинціальныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Эти послѣдніе столь многочисленны и представляютъ такое большое разнообразіе въ устройствѣ и дѣлопроизводствѣ, что авторъ отказывается отъ подробнаго изложенія всѣхъ частностей.

Такимъ образомъ въ одной только настоящей Англіи, если слѣдовать тексту Блэкстона, существовали въ тѣ времена, когда онъ писалъ, т. е. во второй половинѣ XVIII в., двадцать четыре вида судовъ, изъ коихъ нѣкоторые подраздѣлялись на множество разновидностей, имѣвшихъ каждая свою особую физіономію. Если устранить тѣ разряды, которые съ тѣхъ поръ, какъ кажется, почти исчезли, все-таки остается еще восемнадцать или двадцать разрядовъ.

Теперь, если мы присмотримся къ этой системѣ судоустройства, мы увидимъ безъ труда, что она заключаетъ въ себѣ всяческія несовершенства.

Несмотря на обиліе судовъ, часто недостаетъ мелкихъ трибуналовъ первой инстанціи, находящихся по близости отъ подвѣдомственныхъ имъ лицъ и призванныхъ къ разбирательству мелкихъ дѣлъ на мѣстѣ и при малыхъ издержкахъ; такой недостатокъ дѣлаетъ правосудіе затруднительнымъ и дорого стоящимъ. Одни и тѣ же дѣла подлежатъ компетенціи нѣсколькихъ трибуналовъ, что вноситъ непріятную неопредѣленность въ распредѣленіе инстанцій. Почти всѣ апелляціонные суды въ извѣстныхъ случаяхъ судятъ въ первой инстанціи,—иногда какъ суды *общаго права*, иногда же какъ *суды справедливости*. Апелляціонные суды очень разнообразны. Единственнымъ центральнымъ пунктомъ является палата лордовъ. Административныя тяжебныя дѣла нисколько не отдѣлены отъ обыкновенныхъ, что представилось бы большою уродливостью въ глазахъ большинства нашихъ легистовъ. Наконецъ, всѣ эти суды черпаютъ основанія для своихъ рѣ-

шеній изъ четырехъ различныхъ законодательствъ, изъ которыхъ одно основывается только на прецедентахъ, другое, — справедливость, — не основывается ни на чемъ опредѣленномъ, такъ какъ его задача всего чаще сводится къ тому, чтобы идти противъ обычая или статутовъ и при помощи личнаго мнѣнія судьи исправлять то, что въ статутѣ или въ обычаѣ является устарѣлымъ или чрезмѣрно жестокимъ.

Таковы недостатки, и, если сравнить эту громадную и старомодную машину англійской юстиціи съ новѣйшею фабрикою нашей судебной системы, простоту, связность, взаимное сцѣпленіе частей, замѣчаемыя въ послѣдней, со сложностью и несвязностью, поражающими въ первой, недостатки англійской системы покажутся еще бо́льшими. Однако нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы со времени Блэкстона великая цѣль правосудія достигалась въ такой полнотѣ, какъ въ Англіи, другими словами, гдѣ бы каждый человѣкъ, какого бы званія онъ ни былъ, въ случаѣ тяжбы противъ частнаго лица или принца могъ быть болѣе увѣренъ въ томъ, что его выслушаютъ, и найти во всѣхъ судахъ своей страны лучшія гарантіи для защиты своего состоянія, свободы и жизни.

Это не значитъ, что недостатки англійской системы судоустройства способствуютъ тому, что я называю великою цѣлью правосудія: это только доказываетъ, что во всякой судебной организаціи имѣются второстепенные недостатки, которые лишь въ умѣренной степени могутъ вредить этой цѣли правосудія, и другіе существенные, которые не только ей вредятъ, но и разрушаютъ ее, хотя бы они и были связаны со многими второстепенными усовершенствованіями. Первые недостатки всего легче замѣчаются: они-то обыкновенно и поражаютъ прежде всего умы массы: они, какъ говорится, бросаются въ глаза. Недостатки другого рода часто бываютъ болѣе скрытыми, и людьми, раскрывающими и отмѣчающими ихъ, являются не всегда юрисконсульты и другіе профессіональные знатоки.

Замѣтимъ сверхъ того, что одни и тѣ же качества могутъ быть второстепенными или главными, смотря по времени и политической организаціи общества. Въ эпохи господства аристократіи, неравенства, все, что клонится къ уменьшенію

привилегій для извѣстныхъ лицъ передъ судомъ, къ обезпеченію гарантій за слабымъ тяжущимся противъ сильнаго, къ проведенію въ жизнь преобладающаго воздѣйствія государства, естественно безпристрастнаго, когда дѣло идетъ только о спорѣ между двумя подданными, — все это пріобрѣтаетъ значеніе существеннаго качества, но важность всего этого уменьшается по мѣрѣ того, какъ общественный бытъ и политическое устройство склоняются къ демократіи.

Если, исходя изъ этихъ принциповъ, мы будемъ изучать англійскую систему судоустройства, то найдемъ, что, оставляя въ силѣ всѣ недостатки, которые могли сдѣлать правосудіе у нашихъ сосѣдей неяснымъ, запутаннымъ, медленнымъ, дорогимъ и неудобнымъ, англійское законодательство принимало безконечное множество предосторожностей, направленныхъ къ тому, чтобы сильный никогда не могъ оказаться въ благопріятномъ положеніи въ ущербъ слабому, государство въ ущербъ частному лицу; по мѣрѣ того, какъ мы будемъ болѣе всматриваться въ подробности этого законодательства, мы увидимъ, что оно дало въ руки каждому гражданину оружіе всякаго рода для самозащиты, и что всѣ отношенія устроены такъ, что представляютъ каждому наивозможное количество гарантій противъ пристрастія, противъ продажности судей въ собственномъ смыслѣ слова и противъ другого рода продажности, болѣе обыкновенной и особенно болѣе опасной во времена демократіи, продажности, проистекающей изъ раболѣпства судовъ по отношенію къ государственной власти.

Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія англійская судебная система, несмотря на многочисленные второстепенные недостатки, встрѣчающіеся въ ней до сихъ поръ, кажется мнѣ выше нашей, которая, правда, не страдаетъ почти ни однимъ изъ недостатковъ англійскаго устройства, но за то и не обладаетъ въ равной степени заключающимися въ немъ главными качествами; будучи превосходною въ смыслѣ гарантій, какія она представляетъ каждому гражданину въ спорахъ, возникающихъ между частными лицами, наша система оказывается слабою съ той стороны, которую всегда слѣдуетъ усиливать въ демократическомъ обществѣ, каково наше, — именно со

стороны гарантій, обезпечивающихъ отдѣльное лицо противъ государства.

Страница 196, строка 21.

Преимущества, какими пользовался Парижскій округъ.

Этотъ округъ пользовался такими же преимуществами относительно правительственныхъ милостей, какъ и относительно сбора податей.

Примѣръ: письмо главнаго контролера къ интенданту округа Иль-де-Франсъ, отъ 22 Мая 1787 г., увѣдомляющее послѣдняго, что король назначилъ для Парижскаго округа сумму, которая должна быть употреблена на благотворительныя работы, въ размѣрѣ 172,800 ливровъ въ годъ. Сверхъ того, 100,000 ливровъ предназначаются на покупку коровъ, подлежащихъ раздачѣ земледѣльцамъ. Изъ этого письма видно, что сумма 172,800 ливровъ должна распредѣляться однимъ интендантомъ подъ условіемъ, чтобы онъ сообразовался съ общими правилами, которыя сообщаются ему правительствомъ, и утвержденія вѣдомости о распредѣленіи главнымъ контролеромъ.

Страница 197, строка 3.

Администрація Стараго Порядка слагалась изъ множества различныхъ властей, созданныхъ въ разное время, чаще всего въ фискальныхъ, а не собственно административныхъ видахъ, и иной разъ имѣвшихъ одно и то же поприще для своей дѣятельности. Путаницѣ и борьбы между различными властями возможно было избѣгать только подъ условіемъ, чтобы каждая изъ нихъ дѣйствовала мало или не дѣйствовала вовсе. Съ того момента, какъ онѣ захотѣли выйти изъ этого бездѣйствія, онѣ стали стѣснять и спутывать другъ друга. Отсюда происходитъ то, что жалобы на сложность административнаго механизма и на смѣшеніе вѣдомствъ становятся гораздо оживленнѣе въ годы, непосредственно предшествующіе революціи, чѣмъ за тридцать или сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ. Политическія учрежденія не сдѣлались хуже;

напротивъ, они значительно улучшились; но политическая жизнь стала дѣятельнѣе.

Страница 201, строка 22.

Произвольное повышеніе поборовъ.

То, что король въ данномъ случаѣ говоритъ о таліи, онъ могъ бы съ такимъ же основаніемъ примѣнить къ двадцатымъ долямъ (vingtième), какъ можно о томъ судить по слѣдующей перепискѣ.

Въ 1772 г. главный контролеръ Террэ провелъ постановленіе о значительномъ (на 100,000 ливровъ) повышеніи суммы двадцатыхъ съ турскаго округа. Насколько эта мѣра причинила огорченія, и въ какое затруднительное положеніе она поставила интенданта Дюклюзеля, искуснаго администратора и достойнаго человѣка, видно изъ конфиденціальнаго письма послѣдняго, въ которомъ говорится: „Легкость, съ „какою были даны 250,000 ливровъ (предшествующее возвы„шеніе), вѣроятно, поощрила къ жестокому толкованію и „вызвала іюньское письмо“.

Въ весьма конфиденціальномъ письмѣ, адресованномъ по тому же поводу завѣдующимъ податными сборами интенданту, авторъ письма говоритъ: „Если требуемыя повышенія вамъ „кажутся столь обременительными, столь возмутительными, „какъ вы изволили мнѣ засвидѣтельствовать, то для про„винціи, не могущей найти защиты и покровительства внѣ „вашей великодушной чувствительности, было бы желательно, „чтобы вы могли избавить ее, по крайней мѣрѣ, отъ допол„нительныхъ требованій (rôles de supplément), всегда нена„вистнаго обложенія, имѣющаго обратное дѣйствіе“.

Изъ этой переписки также явствуетъ, насколько при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ отсутствовало какое-нибудь прочное основаніе, и какой произволъ практиковался даже при честныхъ намѣреніяхъ. Интендантъ, равно какъ и министръ, возлагаютъ бремя прибавочнаго налога то болѣе на земледѣліе, чѣмъ на промышленность, то на одинъ какой-нибудь видъ земледѣлія болѣе, чѣмъ на другой (на винодѣліе, напр.)

смотря по тому, нуждалась ли, по ихъ сужденію, промышленность или какая-либо отрасль земледѣлія въ болѣе снисходительномъ обложеніи.

Страница 203, строка 22.

Какъ выражается Тюрго о сельскомъ населеніи во вступленіи къ запискѣ, поданной королю.

„Сельскія общины, говоритъ онъ, состоятъ въ боль„шей части королевства изъ крестьянъ бѣдныхъ, невѣже„ственныхъ и грубыхъ, неспособныхъ къ самоуправленію“.

Страница 207, строка 22.

Какимъ образомъ революціонныя идеи вполнѣ естественно развивались въ умахъ при полномъ господствѣ стараго порядка.

Въ 1779 г., одинъ адвокатъ обращается къ королевскому совѣту и требуетъ изданія указа, устанавливающаго максимумъ цѣны соломы во всемъ королевствѣ.

Страница 207, строка 5.

Главный инженеръ (ingénieur en chef) пишетъ въ 1781 г. интенданту по поводу одного прошенія о дополнительномъ возмѣщеніи убытковъ:

„Проситель не обращаетъ вниманія на то, что даруемыя „возмѣщенія убытковъ составляютъ особую милость для „турскаго округа, и что большимъ счастьемъ является воз„вращеніе хотя бы части понесенной потери. Если бы воз„мѣщать убытки по указываемому просителемъ способу, на „это не хватило бы четырехъ милліоновъ“.

Страница 215, строка 12.

Борьба различныхъ административныхъ властей въ 1767 г.

Вотъ примѣръ: временная комиссія провинціальнаго собранія Иль-де-Франса требуетъ для себя управленія домомъ

призрѣнія нищихъ. Интендантъ хочетъ удержать эту обязанность за собою, „потому что, говоритъ онъ, этотъ домъ не содержится на провинціальные фонды“. Въ теченіе спора комиссія обращается къ временнымъ комиссіямъ другихъ провинцій съ цѣлью узнать ихъ мнѣніе о предметѣ. Между прочими отвѣтами на этотъ запросъ находится отвѣтъ временной комиссіи Шампани, которая заявляетъ комиссіи Иль-де-Франса, что ей приходится бороться съ тою же трудностью, и что она также оказываетъ сопротивленіе притязаніямъ интенданта.

Страница 220, строка 23.

Въ протоколѣ перваго провинціальнаго собранія Иль-де Франса я нахожу слѣдующее изъясненіе, высказанное докладчикомъ одной комиссіи: „До настоящаго времени обя„занности синдика, гораздо болѣе тягостныя, чѣмъ почетныя, „должны были удалять отъ этой должности всѣхъ людей, „соединяющихъ зажиточность съ познаніями, соотвѣтствую„щими означенному званію“.

Примѣчаніе, относящееся къ нѣсколькимъ мѣстамъ въ книгѣ.

Феодальные поборы, продолжавшіе еще существовать въ эпоху революціи, по изложенію современныхъ знатоковъ феодальныхъ законовъ.

Я не намѣреваюсь писать трактатъ о феодальныхъ поборахъ, ни еще менѣе того вдаваться въ разысканія по вопросу о ихъ происхожденіи: я только желаю обозначить, какіе изъ нихъ еще дѣйствовали въ XVIII в. Эти поборы играли тогда столь важную роль и впослѣдствіи сохранили такое видное мѣсто въ представленіи даже тѣхъ людей, которые уже не страдаютъ отъ нихъ, что мнѣ показалось весьма интереснымъ знать, что именно представляли собою эти поборы въ то время, когда революція разрушила ихъ всѣ. Съ этою цѣлью я изучилъ сперва извѣстное количество поземельныхъ росписей (terriers) или реестровъ сеньёрій, выбирая между ними относящіяся къ новѣйшему времени. Этотъ методъ не привелъ меня ни къ чему,

такъ какъ феодальные поборы хотя и регулируемые законодательствомъ, общимъ для всей феодальной Европы, видоизмѣнялись до безконечности въ своихъ формахъ по отдѣльнымъ провинціямъ и даже кантонамъ. Поэтому единственная система, которая мнѣ показалась пригодною для приблизительнаго указанія того, что я искалъ, была слѣдующая. Феодальные поборы подавали поводъ ко всякаго рода спорнымъ дѣламъ. Нужно было знать, какъ эти права пріобрѣтались и какъ утрачивались, въ чемъ именно они состояли, какіе изъ нихъ могли быть взимаемы лишь въ силу королевскаго патента, какіе могли устанавливаться лишь на основаніи частнаго документа, какіе, напротивъ, не имѣли нужды въ формальныхъ документахъ и могли взиматься по смыслу мѣстныхъ обычныхъ правъ (coutumes) или даже въ силу давности. Наконецъ, при продажѣ правъ на феодальные поборы нужно было знать, каковы способы ихъ оцѣнки, и какой капиталъ представляетъ собою каждый ихъ видъ, смотря по своей важности. Всѣ эти вопросы, затрогивавшіе тысячу денежныхъ интересовъ, были предметомъ споровъ, и даже образовалось цѣлое сословіе легистовъ, единственное занятіе которыхъ заключалось въ разъясненіи этихъ спорныхъ вопросовъ. Нѣкоторые изъ нихъ писали уже во второй половинѣ XVIII в., иные даже при самомъ наступленіи революціи. Это не юрисконсульты въ собственномъ смыслѣ: это практики, единственною цѣлью которыхъ является указаніе юристамъ по профессіи тѣхъ правилъ, какими слѣдуетъ руководиться въ области этого столь спеціальнаго и столь привлекательнаго отдѣла права. Изучая внимательно сочиненія этихъ спеціалистовъ по феодальному праву, мы мало-по-малу получаемъ довольно обстоятельное и довольно ясное представленіе о предметѣ, громадность и запутанность котораго вначалѣ поражаютъ. Въ слѣдующихъ строкахъ я представляю насколько возможно сжатый выводъ изъ моего труда. Эти замѣтки извлечены главнымъ образомъ изъ сочиненій Эдма-де-Фременвилля (Edme de Frémineille), писавшаго около 1750 г., и Ренодона (Renauldon), написавшаго въ 1765 г. „Историческій и практическій трактатъ о владѣльческихъ поборахъ“ (Traité historique et pratique des Droits seigneuriaux).

Цензъ (*чиншъ*), т. е. вѣчный поземельный оброкъ, вносимый натурою или деньгами, пріуроченный феодальными законами къ владѣнію извѣстными землями, въ XVIII в. еще сильно вліяетъ на положеніе значительнаго числа собственниковъ. Цензъ продолжаетъ быть нераздѣльнымъ, т. е. собственникъ можетъ обратиться къ какому хочетъ изъ владѣльцевъ недвижимости, отданной въ цензъ, и потребовать съ него полную сумму ценза. Послѣдній никогда не долженъ просрочиваться. Собственникъ недвижимости, обложенной цензомъ, не можетъ продать ее безъ условія чиншеваго выкупа, т. е. безъ обязательства допустить обратное принятіе собственности по продажной цѣнѣ; но это правило имѣетъ мѣсто лишь въ нѣкоторыхъ обычныхъ правахъ: Парижское обычное право, наиболѣе распространенное, уже его не признаетъ.

Lods et ventes (пошлины съ продажи имѣнія). Общимъ правиломъ въ странѣ обычнаго права является постановленіе, въ силу коего продажа каждаго цензуальнаго наслѣдства влечетъ за собою эту пошлину: владѣльцамъ должны быть выплачены пошлины съ продажи. Пошлины болѣе или менѣе значительны, смотря по обычаю, но довольно высоки вездѣ; онѣ существуютъ равно и въ странахъ, обладающихъ писаннымъ правомъ. Въ послѣднихъ онѣ обыкновенно равняются шестой долѣ продажной цѣны и называются *lods*. Но въ странахъ, живущихъ по обычному праву, установленіе размѣра пошлины предоставляется владѣльцу. Какъ при писанномъ, такъ и при обычномъ правѣ цензъ создаетъ для владѣльца привилегію первенства передъ всѣми другими кредиторами.

Полевой оброкъ (*terrage, champart, agrier, tasque*). Это— извѣстная доля урожая, взимаемая владѣльцемъ съ чиншевого владѣнія; количество видоизмѣняется сообразно съ договорами и съ обычными правами. Этотъ поборъ встрѣчается еще довольно часто въ XVIII в. Я думаю, что онъ даже въ странахъ обычнаго права всегда долженъ былъ основываться на документѣ. Terrage бываетъ владѣльческій или поземельный. Признаки, опредѣляющіе оба эти различные вида, нѣтъ нужды излагать здѣсь: достаточно сказать, что поземельный оброкъ этого имени утрачивается тридцатилѣтнею давностью,

тогда какъ владѣльческій не подлежитъ просрочкѣ. Земля, обложенная этимъ оброкомъ, не можетъ закладываться безъ согласія владѣльца.

Bordelage. Налогъ, существовавшій только въ провинціяхъ Ниверне и Бурбоннэ и состоявшій въ платежѣ ежегоднаго оброка деньгами, зерномъ и домашнею птицею, поступалъ съ чиншевого владѣнія. Этотъ оброкъ влекъ за собою очень суровыя послѣдствія: неплатежъ въ теченіе трехъ лѣтъ велъ къ конфистаціи помѣстья въ пользу владѣльца (*commise*). Кромѣ того должникъ былъ подчиненъ множеству стѣсненій въ своемъ правѣ владѣнія: въ нѣкоторыхъ случаяхъ владѣлецъ могъ наслѣдовать помѣстье, хотя бы были налицо правоспособные наслѣдники. Договоръ такого рода являлся наиболѣе суровымъ актомъ феодальнаго права, и юриспруденція подъ конецъ ограничила его дѣйствіе одними сельскими наслѣдствами, „потому что крестьянинъ всегда „является муломъ, готовымъ нести на себѣ всякія тяжести", говоритъ авторъ.

Marciage. Это особый налогъ, взимавшійся въ очень немногихъ мѣстахъ съ владѣльцевъ чиншевыхъ владѣній или земель, и состоявшій въ платежѣ извѣстнаго оброка лишь въ случаѣ смерти сеньёра.

Феодальныя десятины. Въ XVIII в, существовало еще много тнкихъ десятинъ. Въ общемъ онѣ должны вытекать изъ договора и не могутъ требоваться на основаніи одного факта господской власти (seigneurie).

Parciére. Такъ называется налогъ, взимаемый со сбора плодовъ, разводимыхъ въ наслѣдственныхъ земляхъ. Эти сборы довольно близко подходятъ къ полевому оброку (champart) или феодальной десятинѣ: они практиковались главнымъ образомъ въ Бурбоннэ и въ Оверни.

Carpot. Распространенный въ Бурбоннэ, этотъ налогъ представлялъ собою по отношенію къ виноградникамъ тоже самое, что champart по отношенію къ пахотнымъ землямъ,— право вычета извѣстной доли урожая, съ даннымъ случаѣ четверти виноградаго сбора.

Крѣпостныя отношенія. Обычныя права, сохраняющія еще нѣкоторые слѣды крѣпостного состоянія, называются

coutumes serves; количество ихъ незначительно. Въ провинціяхъ, гдѣ дѣйствуютъ эти права, нѣтъ совсѣмъ или имѣется лишь очень мало земель, гдѣ бы не видны были слѣды стараго крѣпостного состоянія. (Это писано въ 1765 г.). Прикрѣпленіе (servage или servitude, какъ называетъ его авторъ) было или *личное* (s. personnelle), или *поземельное* (s. réelle).

Личное прикрѣпленіе было неразрывно соединено съ лицомъ и прослѣдовало его повсюду. Куда бы крѣпостной ни ушелъ, въ какое бы мѣсто онъ не перенесъ свое имущество, господинъ могъ его потребовать обратно по праву преслѣдованія (droit de suite) Авторы приводятъ нѣскотько указовъ, устанавливающихъ это право, между прочими постановленіе 17 Іюня 1760 г., которымъ судъ отказываетъ одному владѣльцу изъ Ниверне въ искѣ о наслѣдованіи по крѣпостному праву (succession mortaillable) послѣ Пьера Трюше, умершаго въ Парижѣ: послѣдній былъ сыномъ крѣпостного подлежащаго преслѣдованію (serf de poursuite) по обычному праву Ниверне; этотъ крѣпостной женился на свободной женщинѣ изъ Парижа и скончался также, какъ и его сынъ. Но, кажется, постановленіе суда основано на томъ, что Парижъ являлся мѣстомъ убѣжища, куда *преслѣдованіе* не распространялось.

Если право убѣжища препятствовало господину завдадѣть имуществомъ, которымъ владѣли его крѣпостные въ мѣстѣ убѣжища, оно не противилось переходу по наслѣдству въ руки господина имущества, оставленнаго въ его сеньеріи.

Поземельное прикрѣпленіе являлось ретультатомъ держанія земли и могло прекращаться съ оставленіемъ послѣдней или съ прекращеніемъ жительства въ извѣстномъ мѣстѣ.

Corvées (барщины). Такъ называется право господина по отношенію къ его подданнымъ, въ силу котораго онъ можетъ употреблать въ свою пользу извѣстное число рабочихъ дней ихъ самихъ или ихъ воловъ и лошадей. Барщина *по волѣ* (*à volonté*), т. е. по усмотрѣнію господина является уже совершенно отмѣненною: съ давняго времени она сведена къ извѣстному числу годовыхъ дней.

Барщина могла быть *личною* или *земельною*. Личныя барщины отправляются рабочими людьми, имѣющими мѣсто

жительства на землѣ господина, каждымъ по его ремеслу. Земельныя барщины связаны съ обладаніемъ извѣстными владѣніями. Дворяне, священно—и церковно-служители, члены судебной магистратуры, адвокаты, врачи, нотаріусы и банкиры, именитые граждане, должны быть изъяты отъ несенія барщинныхъ повинностей. Авторъ приводитъ приказъ отъ 13 Августа 1735 г., освобождающій отъ барщины нотаріуса, котораго землевладѣлецъ хотѣлъ принудить являться къ нему въ теченіе трехъ дней для безплатнаго совершенія актовъ, какіе приходилось составлять въ сеньоріи, гдѣ жилъ нотаріусъ. Другой приказъ 1750 г. разъясняетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда барщина должна отбываться или личнымъ трудомъ, или деньгами, выборъ той или другой формы повинности долженъ быть предоставленъ отбывающему ее. Всякая барщина должна быть основана на писанномъ документѣ. Частновладѣльческая натуральная повинность въ XVIII в. сдѣлалась уже весьма рѣдкимъ явленіемъ.

Помѣщичьи монополіи (*banalités*) Только провинціи Фландрія, Артуа и Геннегау были свободны отъ этихъ монополій. Парижское обычное право очень строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы это помѣщечье право дѣйствовало не иначе, какъ при наличности документа. Всѣ имѣющіе осѣдлость въ чертѣ дѣйствія banalitè подчиняются ей, чаще всего дворяне и духовные.

Независимо отъ монополіи мукомольныхъ мельницъ и хтѣбныхъ печей, было еще много другихъ banalités:

1. Монополіи промышленныхъ мельнинъ, каковы суконвальни, мельницы для выдѣлки коры, пеньки. Нѣкоторыя обычныя права, между прочими кутюмы Анжу, Мэна, Бретани, устанавливаютъ эти виды поборовъ.

2. Монополія съ виноградныхъ тисковъ. Объ ней говоритъ лишь очень немногія обычныя права; кутюмы Лотарингіи и Мэна устанавливаютъ ее.

3. Помѣщичій быкъ (taureau banal). Ни въ одномъ обычномъ правѣ о немъ не говорится, но есть нѣсколько документовъ, устанавливающихъ эту banalité. То же относится къ помѣщичьей скотобойнѣ (bouchérie banale).

Въ общемъ двѣ послѣднія banalités, о которыхъ мы сказали, являются рѣдкими, и право относится къ нимъ наименѣе благосклонно: онѣ могутъ опираться только на очень ясный текстъ обычныхъ правъ или за ихъ отсутствіемъ на очень опредѣленный документъ.

Привилегія по виноградному сбору (*ban des vendanges*). Въ XVIII в. она еще имѣла силу во всемъ королевствѣ; это было право чисто полицейское, связанное съ отправленіемъ высшаго суда (haute justice). Для пользованія этимъ правомъ владѣлецъ, обладающій привилегіей верховнаго суда, не нуждается ни въ какомъ документѣ. Привилегія по виноградному сбору распространяется на всѣхъ Бургундскіе кутюмы признаютъ за владѣльцемъ право сбора своего винограда днемъ обязательно ранѣе всѣхъ другихъ собственниковъ виноградниковъ.

Привилегія по продажѣ вина (*droit de banvin*). Право, которымъ пользуются еще *многіе* владѣльцы, по выраженію авторовъ, въ силу обычныхъ правъ или особыхъ документовъ,—право продажи вина, производимаго въ ихъ владѣніяхъ въ теченіе извѣстнаго времени (обыкновенно мѣсяца или сорока дней) раньше всѣхъ другихъ. Изъ крупныхъ кутюмовъ только обычныя права Тура, Анжу, Мэна и Ла Марша устанавливаютъ и регулируетъ droit de banvin. Постановленіе суда по дѣламъ о налогахъ (cour des aides) отъ 28 августа 1751 г. разрѣшаетъ въ видѣ исключенія, кабатчикамъ продавать вино въ теченіе монопольнаго срока (banvin), но только однимъ пріѣзжимъ людямъ; кромѣ того продаваться должно только вино владѣльца, производимое съ его земли. Кутюмы, устанавливающіе и регулирующіе это право, обыкновенно требуютъ, чтобы оно основывалось на документѣ.

Droit de blairie. Такъ называется право владѣльца, обладающаго высшимъ судомъ, взимать сборъ за разрѣшеніе мѣстнымъ жителямъ пасти ихъ скотъ на земляхъ расположенныхъ въ чертѣ судебной компетенціи владѣльца или собственно на земляхъ необрабатываемыхъ, пустопорожнихъ. Этотъ поборъ не существуетъ въ странахъ, управляющихся по писанному праву, но хорошо извѣстенъ въ странахъ права обычнаго. Подъ разными именами мы его находимъ особенно въ Бурбоннэ, Ниверне, Оверни и Бургундіи. Онъ вытекаетъ

изъ предположенія, что первоначально право собственности на всю землю принадлежало сеньору, такъ что послѣ раздачи лучшихъ частей ея въ ленное и чиншевое пользованіе и въ другіе виды земельнаго пожалованія за извѣстные оброки владѣлецъ уступаетъ во временное пользованіе земли, которыя еще остаются у него и служатъ лишь мѣстомъ для выгона. Blairie устанавливается нѣсколькими обычными правами; но претендовать на этотъ сборъ могутъ только владѣльцы съ правомъ верховнаго суда, и его взиманіе должно основываться на особомъ документѣ или, по крайней мѣрѣ, на старыхъ показаніяхъ, подкрѣпляемыхъ фактомъ долгаго пользованія.

Дорожныя пошлины (*péages*). Первоначально, говорятъ авторы, существовало изумительное множество владѣльческихъ заставъ на мостахъ, рѣкахъ, дорогахъ. Людовикъ XIV уничтожилъ большое количество ихъ. Въ 1724 г. коммиссія, назначенная для разсмотрѣнія всѣхъ документовъ, устанавливающихъ дорожныя пошлины, упразднила 1200 такихъ документовъ, и это упраздненіе продолжается еще постоянно (писано въ 1765 г.). Первый принципъ, дѣйствующій въ этой области, говоритъ Ренодонъ, гласитъ, что дорожная пошлина, будучи налогомъ, должна не только основываться на документѣ, но именно на документѣ, исходящемъ отъ государя. Дорожная пошлина въ своемъ заголовкѣ заключаетъ слова: *De par le roi*. Однимъ изъ условій установленія дорожной пошлины является присоединеніе къ ней тарифа всѣхъ сборовъ, подлежащихъ уплатѣ съ каждаго товара. Этотъ тарифъ всегда нуждается въ утвержденіи чрезъ приказъ королевскаго совѣта. За выдачей жалованной грамоты, говоритъ авторъ, должно слѣдовать непрерывающееся пользованіе дарованнымъ правомъ. Вопреки такимъ предосторожностямъ, принятымъ законодателемъ, нѣкоторыя дорожныя пошлины въ позднѣйшія времена очень возвысились. „Я знаю одну заставу, прибавляетъ авторъ, которая за сто лѣтъ тому назадъ должа была приносить только 100 ливровъ и которая теперь приноситъ 1400 ливровъ сбора; другая, отданная на откупъ за 39,000 ливровъ, приноситъ 90,000“. Главныя постановленія или эдикты, опредѣляющіе право взиманія дорожныхъ

пошлинъ, суть глава 29 указа (ordonnance) 1669 г. и эдикты 1683, 1693, 1724 и 1775 гг.

Авторы, на которыхъ я ссылаюсь, хотя относятся въ общемъ довольно благосклонно къ феодальнымъ правамъ, признаютъ, что при взиманіи дорожныхъ пошлинъ совершаются крупныя злоупотребленія.

Паромы. Паромный сборъ отличается ощутительно отъ дорожныхъ пошлинъ: послѣднія взимаются только съ товаровъ, первый съ лицъ, животныхъ, повозокъ. Пользованіе этимъ правомъ также нуждается въ королевскомъ разрѣшеніи и размѣръ взимаемыхъ сборовъ долженъ опредѣляться постановленіемъ совѣта, его устанавливающимъ или утверждающимъ.

Droit de leyde (носитъ еще нѣсколько другихъ именъ, смотря по мѣстностямъ)—налогъ, взимаемый съ товаровъ, привозимыхъ на ярмарки или рынки. Многіе владѣльцы считаютъ право на этотъ сборъ какъ бы связаннымъ съ правомъ верховнаго суда и чисто владѣльческимъ,—говорятъ цитируемые нами феодисты,—но несправедливо, ибо это налогъ, подлежащій утвержденію со стороны короля. Во всякомъ случаѣ это право принадлежитъ только владѣльцамъ съ верховнымъ судомъ, которые и взимаютъ полицейскія пени, проистекающія изъ означеннаго права. Кажется однако, что, хотя въ теоріи droit de leyde могло исходить только отъ короля, въ дѣйствительности оно очень часто основывалось только на феодальной грамотѣ и на долгомъ пользованіи.

Достовѣрно извѣстно, что ярмарки не могли учреждаться иначе, какъ съ королевскаго разрѣшенія.

Чтобы имѣть право установлять, какія единицы вѣса и мѣры должны употреблять вассалы на ярмаркахъ и рынкахъ сеньоріи, владѣльцы не нуждаются ни въ точномъ документѣ, ни въ разрѣшеніи со стороны короля. Достаточно, чтобы это право было основано на обычаѣ и на постоянномъ пользованіи. Всѣ короли, послѣдовательно желавшіе ввести однообразіе въ вѣсъ и мѣры, потерпѣли въ этомъ неудачу, по словамъ авторовъ. Дѣло осталось въ томъ положеніи, въ какомъ оно было со времени редактированія обычныхъ правъ.

Дороги. Права владѣльцевъ по отношенію къ дорогамъ. Большія дороги, называвшіяся дорогами короля, въ дѣйствительности принадлежали только государямъ; ихъ устройство, ихъ содержаніе, совершающіяся на нихъ преступленія,— все это лежитъ внѣ правомочій владѣльцевъ или ихъ судей. Что же касается частныхъ дорогъ, пролегающихъ въ предѣлахъ сеньеріи, они безспорно принадлежатъ владѣльцамъ, обладающимъ правомъ верховнаго суда. Послѣдніе пользуются по отношенію къ нимъ всѣми правами дорожнаго вѣдомства и полиціи, и ихъ судьи вѣдаютъ всѣ совершающіяся на такихъ дорогахъ преступленія, кромѣ дѣлъ подлежащихъ королю. Въ прежнее время на владѣльцевъ было возложено содержаніе большихъ дорогъ, проходящихъ черезъ ихъ владѣнія, и въ видахъ покрытія расходовъ по исправленію дорогъ, владѣльцамъ были предоставлены на нихъ права пошлинныхъ сборовъ (péage), межевыхъ знаковъ (bornage), загражденій; но со временемъ король опять принялъ въ свое вѣдѣніе общее управленіе большими дорогами.

Воды. Всѣ рѣки *судоходныя* и *сплавныя* принадлежатъ королю, хотя бы онѣ протекали по владѣльческимъ землямъ, не взирая ни на какія грамоты противоположнаго содержанія (приказъ 1669 г.). Если владѣльцы получаютъ съ этихъ рѣкъ какіе-нибудь сборы, то это—пошлины съ рыбной ловли, съ мельницъ, паромовъ, мостовые сборы и пр., въ силу пожалованій, обязательно дарованныхъ королемъ. Есть владѣльцы, которые заявляютъ также притязаніе на право суда и полиціи по отношенію къ такимъ рѣкамъ, но лишь вслѣдствіе явной узурпаціи или вынужденныхъ полномочій.

Малыя рѣки принадлежатъ безспорно владѣльцамъ, по землямъ которыхъ протекаютъ. По отношенію къ нимъ владѣльцы пользуются тѣми же правами собственности, суда и полиціи, какія принадлежатъ королю по отношенію къ рѣкамъ судоходнымъ. Всѣ владѣльцы съ правомъ высшаго суда являются полными господами несудоходныхъ рѣкъ, протекающихъ по ихъ территоріи. Для полученія права собственности на нихъ владѣльцы не нуждаются въ другомъ документѣ, кромѣ предоставляющаго имъ верховный судъ. Нѣкоторыя обычныя права, каково, напр., Беррійское, уполномочиваютъ частныхъ лицъ сооружать безъ позволенія владѣльца мельницы на владѣльческой рѣкѣ, протекающей по ихъ наслѣдственной землѣ. Бретанское обычное право предоставляло эту привилегію только частнымъ лицамъ дворянскаго происхожденія. По общему праву несомнѣнно, что владѣлецъ, обладающій верховнымъ судомъ, одинъ можетъ разрѣшить постройку мельницъ въ предѣлахъ своей подсудности. Никто не можетъ устраивать на владѣльческой рѣкѣ загражденій для защиты своего наслѣдства безъ позволенія судей владѣльца.

Фонтаны, колодцы, мочильни (для льна), пруды. Дождевыя воды, орошающія большія дороги, принадлежатъ владѣльцамъ съ правомъ высшаго суда, которые имѣютъ право исключительнаго распоряженія ими. Владѣлецъ съ высшимъ судомъ можетъ устроить прудъ въ чертѣ своей подсудности, даже на наслѣдственныхъ земляхъ подчиненныхъ его суду лицъ, выплачивая послѣднимъ стоимость ихъ владѣній, покрываемыхъ водою. Таково точное опредѣленіе нѣкоторыхъ обычныхъ правъ, между прочими кутюмовъ Труа и Ниверне. Что касается частныхъ лицъ, то они могутъ устраивать водоемы только на ихъ собственной землѣ; сверхъ того, нѣкоторыя обычныя права обязываютъ въ такомъ случаѣ собственника испрашивать разрѣшенія у сеньёра. Кутюмы, обязывающіе испрашивать соизволенія владѣльцевъ, требуютъ, чтобы послѣдніе, давая свое согласіе, давали его безвозмездно.

Рыбная ловля. Рыболовство въ рѣкахъ судоходныхъ или сплавныхъ составляетъ исключительное право короля, который одинъ можетъ его жаловать. Его судьи одни имѣютъ право судить дѣла о проступкахъ по рыболовству. Однако есть не мало сеньеровъ, имѣющихъ право ловить рыбу въ рѣкахъ названнаго разряда; но они пользуются этимъ правомъ въ силу королевскаго пожалованія или путемъ захвата. Что касается рѣкъ несудоходныхъ, на нихъ не позволяется ловить рыбу даже на удочку безъ разрѣшенія владѣльца, обладающаго высшимъ судомъ, въ предѣлахъ владѣній котораго рѣка протекаетъ. Приказъ отъ 30 апрѣля 1749 г. осуждаетъ одного рыболова за нарушеніе указаннаго порядка. Впрочемъ,

сами владѣльцы по отношенію къ рыболовству должны подчиняться общимъ узаконеніямъ о рыбной ловлѣ. Владѣлецъ съ высшимъ судомъ можетъ отдавать въ ленъ (fief) или въ чиншевое владѣніе право ловить рыбу въ его рѣкѣ.

Охота. Охота не можетъ быть отдана на откупъ, какъ рыбная ловля. Это право личное и по принятому воззрѣнію право королевское, которымъ даже дворяне въ предѣлахъ своей подсудности или на своемъ ленѣ пользуются не иначе, какъ съ дозволенія короля. Такую доктрину устанавливаетъ приказъ 1669 г., гл. 30. Разбирательству владѣльческихъ судей подлежатъ всѣ дѣла объ охотѣ, за исключеніемъ охоты на рыжихъ животныхъ (bêtes rousses—такъ, я думаю, называются крупныя животныя,—олени, лани), дѣла о которой подлежатъ суду короля.

Право охоты болѣе всѣхъ другихъ является запретнымъ для разночинцевъ: даже полная собственность, принадлежащая не дворянину (franc-alleu roturier) не даетъ этого права. Король не даруетъ его при своихъ пожалованіяхъ; даже самъ владѣлецъ не можетъ позволить охотиться на его землѣ: настолько строго примѣняется принципъ. Такова строгая послѣдовательность права. Однако мы то и дѣло видимъ, что владѣльцы даютъ разрѣшеніе на охоту не только дворянамъ, но и разночинцамъ. Владѣлецъ съ верховнымъ судомъ можетъ охотиться на всемъ протяженіи подсудной ему территоріи, но только онъ одинъ. На этомъ протяженіи онъ имѣетъ право издавать всякаго рода правила и запрещенія по предмету охоты. Всѣ ленные владѣльцы, хотя бы не имѣющіе права высшаго суда, могутъ охотиться въ предѣлахъ ихъ лена Дворяне, не имѣющіе ни леновъ, ни права суда, могутъ также охотиться на земляхъ, принадлежащихъ къ окрестностямъ ихъ жилищъ. Есть приговоръ суда, въ силу коего разночинецъ, имѣющій паркъ въ чертѣ верховнаго суда, долженъ держать его открытымъ для забавы владѣльца; но это постановленіе относится къ очень раннему времени, именно къ 1668 г.

Кроличьи садки (*garennes*). Въ разсматриваемую эпоху они не могутъ быть устраиваемы безъ документа. Устройство кроличьихъ садковъ дозволено разночинцамъ, какъ и дворянамъ; но послѣдніе одни могутъ держать хорьковъ.

Голубятни. Нѣкоторые кутюмы даютъ право строить голубятни на подставкахъ однимъ владѣльцамъ съ правомъ высшаго суда; другіе признаютъ его за всѣми обладателями леновъ. Въ Дофинэ, въ Бретани, въ Нормандіи всѣмъ разночинцамъ запрещается имѣть голубятни большія и маленькія (fuies) и птичники; только дворяне могутъ держать голубей. Взысканія, налагаемыя за убіеніе голубей, очень суровы: часто назначаются наказанія тѣлесныя.

Таковы, по исчисленію названныхъ авторовъ, главные феодальные сборы, взимавшіеся еще во второй половинѣ XVIII в. Авторы прибавляютъ: „Права, о которыхъ была рѣчь до сихъ поръ, являются учрежденіями общаго характера. Есть еще много другихъ, менѣе извѣстныхъ и менѣе распространенныхъ, дѣйствующихъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, даже въ отдѣльныхъ сеньёріяхъ, въ силу особыхъ грамотъ“. Эти рѣдко встрѣчающіяся или ограниченныя извѣстною мѣстностью права, о которыхъ говорятъ авторы и которыя они перечисляютъ поименно, достигаютъ въ суммѣ цифры 99 и ложатся большею частью прямо на земледѣліе, давая владѣльцамъ извѣстные сборы съ жатвъ или устанавливая дорожныя пошлины съ продажи съѣстныхъ припасовъ, равно какъ и съ ихъ провоза. Авторы говорятъ, что нѣкоторые изъ этихъ поборовъ въ ихъ время уже вышли изъ употребленія; однако я думаю, что еще многіе изъ нихъ должны были взиматься по мѣстамъ въ 1789 г.

Разсмотрѣвъ по сочиненіямъ феодистовъ XVIII в, каковы были главные феодальные поборы, еще дѣйствовавшіе въ то время, я поставилъ себѣ цѣлью кромѣ того узнать, какова была ихъ важность въ глазахъ современниковъ, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія дохода, получаемаго взимающимъ феодальные поборы, и расхода плательщиковъ.

Одинъ изъ авторовъ, о которыхъ я говорилъ, именно Ренодонъ, отвѣчаетъ намъ на этотъ вопросъ, излагая тѣ правила, коимъ должны слѣдовать законовѣды при оцѣнкѣ по росписямъ различныхъ феодальныхъ сборовъ, существовавшихъ еще въ 1765 г., т. е. за 24 года до революціи. Вотъ, по словамъ этого легиста, правила, какія должны соблюдаться въ этомъ дѣлѣ:

Поборы судебные. „Нѣкоторыя изъ нашихъ обычныхъ „правъ, говоритъ онъ, оцѣниваютъ доходы съ высшаго, „низшаго и средняго суда въ размѣрѣ десятой части до„хода съ земли. Въ тѣ времена владѣльческая юстиція „имѣла большое значеніе; Эдмъ де Фремэнвилль думаетъ, „что въ наше время доходъ съ суда долженъ оцѣниваться „не свыше двадцатой части земельныхъ доходовъ; я считаю „и эту оцѣнку еще слишкомъ высокою".

Поборы почетные. Какъ ни трудно оцѣнимы эти поборы, увѣряетъ нашъ авторъ, человѣкъ весьма положительный, не придающій большого значенія наружному виду, осторожность свѣдущихъ людей побуждаетъ установить для нихъ очень умѣренную оцѣнку.

Барщинныя повинности. Авторъ преподаетъ правила для оцѣнки этихъ барщинъ, и это доказываетъ, что барщинное право еще иногда дѣйствовало; онъ оцѣниваетъ день вола съ 20 су, день работника въ 5 су съ прибавкою продовольствія. Это такса довольно хорошо указываетъ, каковъ былъ размѣръ заработной платы въ 1765 г.

Дорожныя пошлины. По поводу оцѣнки послѣднихъ авторъ говоритъ: „Ни одинъ изъ владѣльческихъ доходовъ не „долженъ исчисляться по болѣе низкой оцѣнкѣ, чѣмъ до„рожныя пошлины: онѣ очень случайны; такъ какъ въ на„стоящее время содержаніе важнѣйшихъ для торговли до„рогъ и мостовъ находится на попеченіи короля и провин„цій, многія дорожныя заставы теперь безполезны, и ихъ „постоянно отмѣняютъ".

Право рыбной ловли и охоты. Первое право можетъ передаваться на откупъ и потому доступно для изслѣдованія; второе есть право чисто личное и передаваться не можетъ; слѣд., оно принадлежитъ къ разряду правъ почетныхъ, а не доходныхъ, и оцѣнщики не могутъ включить его въ свою оцѣнку.

Затѣмъ авторъ говоритъ въ особенности о доходахъ съ banalités, продажи вина (banvin), ярмарочнаго и рыночнаго сбора (leyde), пастбищъ (blairie), изъ чего видно, что эти поборы взимались чаще всѣхъ прочихъ и сохраняли еще наибольшую важность. Онъ прибавляетъ: „Существуетъ множе-

„ство другихъ владѣльческихъ доходовъ, которые сбираются „еще отъ времени до времени, и которые было бы слишкомъ „долго и даже невозможно перечислять здѣсь; но изъ при„веденныхъ нами образчиковъ смѣтливые знатоки дѣла су„мѣютъ извлечь правила для оцѣнки тѣхъ сборовъ, о кото„рыхъ мы не говоримъ".

Оцѣнка чинша. Бо́льшая часть кутюмовъ оцѣниваютъ чиншъ въ размѣрѣ 30 денье. Такая высокая оцѣнка чинша объясняется тѣмъ, что чиншевое право предоставляетъ, кромѣ самого чинша, случайные доходы, каковы пошлины съ продажи помѣстій (lods et ventes).

Феодальныя десятины, хлѣбная подать. Первыя не могутъ оцѣниваться ниже, какъ въ размѣрѣ 25 денье, такъ какъ этотъ видъ имущества не требуетъ ни заботъ, ни обработки, ни расходовъ. Если хлѣбный оброкъ (terrage, champart) влечетъ за собою lods et ventes, т. е., если поле, обложенное этимъ оброкомъ, не можетъ быть продано безъ уплаты пошлины съ отчужденія владѣльцу, имѣющему верховную ленную власть, эта случайность должна вести къ повышенію оцѣнки до 30 денье; въ противномъ случаѣ оцѣнка та же, какая для десятинъ.

Поземельныя ренты, не влекущія за собою никакихъ пошлинъ съ продажи, ни права первенства при покупкѣ имѣнія (droit de retenue), другими словами, не имѣющія характера владѣльческой ренты, должны оцѣниваться въ размѣрѣ 20 денье.

Оцѣнка различныхъ видовъ владѣній, существовавшихъ во Франціи передъ революціею.

Мы знаемъ во Франціи, говоритъ авторъ, лишь три разряда имуществъ:

1. *Бѣлое помѣстье* (*franc-alleu*). Это наслѣдство свободное, изъятое отъ всѣхъ повинностей и не подчиненное никакимъ владѣльческимъ повинностямъ или поборамъ, ни доходнымъ, ни почетнымъ.

Бѣлыя помѣстья подраздѣляются на дворянскія и недворянскія (roturiers). Первымъ присвоены право суда, зависимые отъ нихъ лены или цензивы; въ отношеніи раздѣла они подчиняются законамъ феодальнаго права. Вторыя не имѣ-

ютъ ни права суда, ни леновъ, ни чиншевъ и дѣлятся, какъ принято у разночинцевъ. Авторъ признаетъ только однихъ собственниковъ franc-alleux, имѣющими полное право собственности на землю.

Оцѣнка наслѣдства на правахъ franc-alleu. Самая наивысшая оцѣнка. Обычныя права Оверни и Бургундіи опредѣляютъ ее въ размѣрѣ 40 денье. Авторъ полагаетъ, что оцѣнка въ 30 денье будетъ точною.

Слѣдуетъ замѣтить, что недворянскія бѣлыя помѣстья, расположенныя въ предѣлахъ владѣльческой подсудности, подлежали послѣдней. Это не было подчиненіемъ по отношенію къ владѣльцу, но подчиненіемъ юрисдикціи, замѣнявшей судопроизводство государственныхъ трибуналовъ.

2. Второй разрядъ имуществъ составляютъ владѣнія, которыми владѣютъ *на ленномъ основаніи* (*tenus à fief*).

3. Третій разрядъ слагается изъ имуществъ, владѣемыхъ *на основаніи чинша* (*tenus à cens*), на языкѣ права называемыхъ rotures.

Оцѣнка наслѣдства леннаго. Оцѣнка должна понижаться по мѣрѣ увеличенія феодальныхъ повинностей, тяготѣющихъ на наслѣдствѣ.

1. Въ странахъ писаннаго права, а также по нѣкоторымъ кутюмамъ лены не обязываютъ ни къ чему, кромѣ *устъ и рукъ*, т. е. подданническаго долга (hommage).

2. По другимъ кутюмамъ лены, кромѣ *устъ и рукъ*, связаны съ *опасностью* (*de danger*), какъ въ Бургундіи, и подвергаются такъ назыв. *commise*, т. е. феодальной конфискаціи, въ томъ случаѣ, когда человѣкъ овладѣваетъ леномъ, не принесши присяги и не заявивъ покорности (hommage).

3. Другіе кутюмы, напр., парижское обычное право и многія другія, подчиняютъ ленъ, сверхъ присяги и покорности, обязательству выкупа, уплатѣ пятины и пятой доли пятины (quint et requint).

4. Наконецъ, еще другія обычныя права, напр., право Пуату и нѣкоторыя другія, подчиняютъ лены оброку (chambellage) и обязанности ставить лошадей для перевозки тяжестей и т. д.

Владѣніе первой категоріи должно оцѣниваться выше остальныхъ.

Парижское обычное право опредѣляетъ оцѣнку въ размѣрѣ 20 денье, что кажется автору довольно соразмѣрнымъ.

Оцѣнка на началахъ чинша (en roture et en censive). Чтобы установить оцѣнку такихъ имуществъ, является цѣлесообразнымъ подраздѣлить ихъ на три разряда:

1. Владѣнія, состоящія въ обладаніи на началахъ простого чинша;

2. Кромѣ чинша, они могутъ подлежать другимъ видамъ повинностей;

3. Они могутъ находиться въ неотчуждаемомъ обладаніи (mainmorte), подлежать поземельной подати, сбору bordelage.

Изъ этихъ трехъ указанныхъ здѣсь видовъ недворянской собственности первый и второй были весьма обычнымъ явленіемъ въ XVIII в.; третій былъ рѣдокъ. Оцѣнка ихъ, по словамъ автора, понижается по мѣрѣ приближенія ко второму и особенно къ третьему разряду. Обладатели наслѣдствъ послѣдней категоріи, строго говоря, даже не владѣльцы, такъ какъ не могутъ отчуждать земли безъ позволенія сеньера.

Поземельная роспись наслѣдственнаго имѣнія (terrier). Ниже слѣдуютъ правила, примѣняемыя, по изложенію феодистовъ, на которыхъ я ссылался выше, къ способу составленія или возобновленія сеньёріальныхъ реестровъ, называвшихся *terriers*, о которыхъ я говорилъ нѣсколько разъ въ текстѣ. Какъ извѣстно, terrier былъ единственною росписью, гдѣ упоминались всѣ документы, устанавливающіе права, принадлежащія сеньеріи, права собственности и права почетныя, поземельныя, личныя и смѣшанныя. Сюда включались всѣ показанія чиншевиковъ, свѣдѣнія объ обычаяхъ сеньёріи, чиншевые договоры и пр. По парижскому обычному праву, говорятъ наши авторы, владѣльцы могли возобновлять свои росписи черезъ каждыя тридцать лѣтъ къ ущербу чиншевиковъ. Но они же прибавляютъ: „Тѣмъ не менѣе „можно почитать себя счастливымъ, если удастся найти по „одной такой росписи на каждое столѣтіе“. Составлять новую роспись, что было актомъ стѣснительнымъ для всѣхъ,

зависѣвшихъ отъ сеньёріи, было нельзя безъ полученія на то полномочія, называемаго *lettres de terrier*, отъ главной канцеляріи, если дѣло касалось сеньёрій, расположенныхъ въ предѣлахъ вѣдомства различныхъ парламентовъ, или въ противномъ случаѣ отъ парламента. Судомъ назначается нотаріусъ, къ которому должны являться всѣ вассалы, дворяне и разночинцы, чиншевики, эмфитевты и подлежащіе сеньёріальной юстиціи. Планъ синьёріи долженъ быть приложенъ къ росписи.

Независимо отъ terrier, въ синьёріи находились другія росписи, называемыя *lièves*, въ которыхъ владѣльцы или ихъ откупщики помѣщали суммы, полученныя ими съ чиншевиковъ, съ подписью ихъ именъ и означеніемъ числа выдачи расписки.

Конецъ примѣчаній.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе къ русскому переводу 3
Предисловіе автора. 8

Книга первая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Противорѣчивыя сужденія, произнесенныя о Революціи при ея возникновеніи. . . . 18
ГЛАВА ВТОРАЯ. О томъ, что основною и конечною цѣлью Революціи не было, какъ это думали, разрушеніе религіозной и обезсиленіе политической власти. 22
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Какимъ образомъ и почему Французская Революція, будучи революціей политическою, въ своихъ пріемахъ походила на религіозную . . 26
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Какъ почти вся Европа имѣла совершенно одинакія учрежденія, и какъ эти учрежденія повсемѣстно пали 30
ГЛАВА ПЯТАЯ. Что собственно сдѣлала Французская Революція 35

Книга вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Почему феодальныя права стали ненавистны народу во Франціи болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. 38
ГЛАВА ВТОРАЯ. О томъ, что административная централизація есть учрежденіе Стараго Порядка, а не созданіе Революціи или Имперіи, какъ это говорятъ. 49

стр.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Такъ называемая правительственная опека есть учрежденіе Стараго Порядка 58
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. О томъ, что административная юстиція и судебныя изъятія въ пользу чиновниковъ суть учрежденія Стараго Порядка. 69
ГЛАВА ПЯТАЯ. Какъ могла централизація проникнуть такимъ образомъ въ среду старыхъ властей и занять ихъ мѣста, не разрушивъ ихъ 74
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Объ административныхъ нравахъ при Старомъ Порядкѣ 77
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. О томъ, что уже при Старомъ Порядкѣ во Франціи столица успѣла пріобрѣсти такой перевѣсъ надъ провинціями и поглощала соки всего государства въ такой степени, какъ нигдѣ въ Европѣ 88
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. О томъ, что Франція была страною, въ которой люди стали наиболѣе похожи другъ на друга 93
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. О томъ, что эти до такой степени похожіе люди болѣе, чѣмъ когда либо, дѣлились на маленькія группы, взаимно чуждыя и равнодушныя другъ къ другу 98
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Какимъ образомъ уничтоженіе политической свободы и разобщеніе классовъ породили почти всѣ общественные недуги, разрушившіе Старый Порядокъ 115
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. О своеобразной свободѣ, встрѣчавшейся при Старомъ Порядкѣ и о вліяніи ея на Революцію 126
ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ. О томъ, что, несмотря на поступательное движеніе цивилизаціи, положеніе французскаго крестьянина въ XVIII в. порою бывало хуже, чѣмъ въ XIII в. 139

Книга третья.

стр.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Какимъ образомъ, около половины XVIII вѣка, литераторы сдѣлались главными государственными людьми во Франціи, и каковы были послѣдствія этого обстоятельства. 157
ГЛАВА ВТОРАЯ. Какимъ образомъ невѣріе могло стать общею и преобладающею страстью у французовъ XVIII в., и каково было вліяніе, оказанное этимъ на характеръ Революціи 168
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. О томъ, что французы стремились къ реформамъ раньше, чѣмъ стали желать вольностей. 177
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. О томъ, что царствованіе Людовика XVI было наиболѣе благополучною эпохою старой монархіи, и какимъ образомъ именно это благополучіе приблизило Революцію 189
ГЛАВА ПЯТАЯ. О томъ, какъ привели народъ къ возстанію, желая облегчить его положеніе. . . . 200
ГЛАВА ШЕСТАЯ. О нѣкоторыхъ пріемахъ, съ помощью которыхъ правительствомъ довершено было революціонное воспитаніе народа 208
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. О томъ, что политической революціи предшествовалъ крупный административный переворотъ и о послѣдствіяхъ этого факта. . . 213
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. О томъ, какъ все предшествующее само собой привело къ Революціи 224
ПРИЛОЖЕНІЕ. Объ областяхъ съ провинціальными штатами и, въ частности, о Лангедокѣ. 233
ПРИМѢЧАНІЯ. 244